

В. А. АЛЕКСАНДРОВ

РОССИЯ
НА
ДАЛЬНЕ-
ВОСТОЧНЫХ
РУБЕЖАХ

(ВТОРАЯ
ПОЛОВИНА
XVII в.)

В. А. АЛЕКСАНДРОВ

РОССИЯ
НА
ДАЛЬНЕ-
ВОСТОЧНЫХ
РУБЕЖАХ

(ВТОРАЯ
ПОЛОВИНА
XVII в.)

ХАБАРОВСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1984

ББК 63.3(2)46
9(С)15
А 46

*Ответственный редактор
академик С. Л. ТИХВИНСКИЙ*

*Рецензент
профессор, доктор исторических наук
М. С. КАПИЦА*

Художник Г. Ф. АРАПОВ

А $\frac{0505020000-21}{M160(03)-84}$ 54—84

ОТ АВТОРА

В результате присоединения Сибири в конце XVI—XVII в. Россия стала не только европейским, но и азиатским государством. Присоединение сибирских племен к России выводило их из состояния социально-экономического и культурного застоя и отразилось на жизни других народов Центральной Азии и Дальнего Востока.

Современное советское сибиреведение определило основные этапы присоединения сибирских народов к России, его причины и следствия и пришло к выводу о важнейшей роли хозяйственной деятельности русского населения в последующем социально-экономическом развитии Сибири¹. Исследования, вышедшие на протяжении 1950—1970 гг., позволяют конкретно судить об истории вхождения сибирских народов в состав России, об образовании постоянного русского населения в различных районах Сибири и ареале его расселения, о создании пашенного земледелия от Зауралья до Приамурья, развитии ремесленного производства и местных рынков, тесно связанных с важнейшими экономическими центрами европейской части России. Все эти явления имели место уже на первом этапе хозяйственного освоения Сибири, т. е. в XVII в., и свидетельствовали об активном распространении процессов, свойственных социально-экономическому развитию позднефеодальной России, на сибирские земли.

Главную роль в хозяйственном освоении Сибири сыграло стихийно переселявшееся русское население. Хотя аборигенное население, как и русские переселенцы, подвергалось многообразному гнету феодального государства, оно испытывало влияние новых для него форм хозяйственной деятельности, социальных отношений и культуры. Ускорялось развитие производительных сил края, преодолевалась вековая изолированность сибирских народов. При всей противоречивости данного процесса местное население продолжало развиваться в этническом отношении и расти численно. Кроме того, русская государственная власть, олицетворявшая господство класса феодалов, прежде всего во имя собственных интересов осуществляла и оборонительные функции, так как от их эффективности в значительной степени зависело освоение природных богатств Сибири.

В процессе присоединения и освоения Сибири Россия пришла в соприкосновение как с кочевым центральноазиатским миром, так и с государством древней и высокой культуры — Китаем, что существенно усложняло ее внешнеполитические задачи. Русской дипломатии приходилось разрешать их сразу же по мере возникновения и одновременно вырабатывать общие основы политики по отношению к новым азиатским соседям. Взгляды на эту сторону русской внешней политики давно и неоднократно высказывались как в буржуазной отечественной, так и в зарубежной литературе, причем часто они определялись неверным или тенденциозным толкованием процесса присоединения Сибири к России.

Современные советские сибиреведение и востоковедение подорвали корни устаревших и принципиально неверных представлений о процессе присоединения Сибири к России и наметили пути для объективного освещения отношений между Россией и народами и государствами Центральной и Восточной Азии. На основе уже имеющихся исследований и анализа новых архивных данных становятся возможными более широкие обобщения.

Преодолев тяжелые последствия шведско-польской интервенции в начале XVII в., Русское государство с середины века начало успешную борьбу за воссоединение Украины и активную политику, направленную на возвращение захваченных Швецией и Турцией земель.

На востоке, устанавливая мирные, дипломатические и торговые связи с отдельными монгольскими феодальными образованиями на протяжении первой половины XVII в., Русское государство во второй половине века вынуждено было разрешать ряд возникших трудных внешнеполитических проблем. Сложные внешнеполитические отношения складывались на рубежах с Джунгарским и северомонгольскими (халхаскими) ханствами. Джунгарское ханство, разгромившее в 60-х годах XVII в. государство Алтын-ханов, консолидировалось в сильное государственное образование кочевников-скотоводов, претендовавшее на объединение всех монгольских земель. Его границы простирались между Алтаем, Тянь-Шанем и пустыней Гоби, охватывая, в частности, восточноказахстанские земли, Кашгарию, западную часть Южной Монголии. В Северной Монголии, в свою очередь, с конца XVI в. наблюдался процесс усиления ханской власти и выделения наиболее могущественных феодалов, которые стремились распространить свою власть на бурятские племена.

Присоединение Приамурья к России вызвало враждебную реакцию маньчжурской династии Цин, воцарившейся в Китае и начавшей готовиться к захвату джунгарских и русских владений.

По мере вхождения в состав России сибирских земель в XVII в. русские люди быстро улавливали своеобразие этнического состава местного населения, географического положения, климата и хозяйственных возможностей отдельных районов. Это своеобразие сплошь и рядом отражалось в их названиях. Так, Восточное Забайкалье и верховья Амура объединялись в понятие Даурия, районы далее вниз

по Амуру назывались Дючерской и Гиляцкой землями. Постепенно огромные территории Забайкалья и Приамурья в сознании русских переселенцев стали представляться единым регионом.

В книге делается попытка проследить политику России на Дальнем Востоке на протяжении 50—90-х годов XVII в., когда после присоединения Забайкалья и Приамурья русской дипломатии впервые пришлось решать, к тому же в условиях напряженной внешнеполитической ситуации, труднейшие вопросы, связанные с судьбами народов Восточной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока, а русскому и сибирским народам — совместно защищаться от иноземных вторжений. Истории хозяйственного освоения и обороны русским населением Забайкалья и Приамурья, началу торговых связей с монгольскими землями и Китаем уделяется нами особое внимание.

В связи с тем, что в рассматриваемое время важнейшую роль в международных отношениях в Центральной Азии играла Джунгария, а Россия в своей политике на Дальнем Востоке не могла не учитывать этого обстоятельства, автор в той мере, в какой это связано с его темой, касается и русско-джунгарских связей.

Глава 1

ПРИСОЕДИНЕНИЕ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ И ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ РУССКИМИ ПЕРЕСЕЛЕНЦАМИ ЗАБАЙКАЛЬЯ И ПРИАМУРЬЯ

§ 1. Присоединение к России Восточной Сибири

Присоединение Восточной Сибири к России было логическим продолжением процесса, началом которого было крушение Сибирского ханства и переход в русское подданство западносибирских народов. Правительство царя Федора Ивановича уже в конце 1584 г. считало нужным в дипломатических отношениях с другими государствами подчеркивать, что «Сибирская земля вся, и Югра, и кондинский князь, и пельымский князь, и вогуличи и остяки, и по Оби по великой реке все люди государю добили челом и дань давать начали. И ныне те все земли с Сибирью государю послушны»¹. Позднее, в 1617 г. в тех же дипломатических целях Посольский приказ предписывал Ф. П. Барятинскому, возглавлявшему посольство в Швецию, проводить мысль о прочности политической и экономической связи Сибири со всем государством, которая проявилась даже в годы «смутного» времени начала XVII в. По наказу русский посол должен был инфор-

мировать шведское правительство, что в то «безгосударное время» Сибирь «ни в чем не поколебилась и от Московского государства не отставывала, и в нем меж людей никакие смуты, и розни, и несогласия, и рати, и войны не бывало, то в Сибири всякие люди наживали и богатели»².

Органичность этой связи определялась не только признанием сибирскими народами российского подданства, но и таким фактором, как заселение и освоение сибирских земель стихийным потоком русских переселенцев.

Освоение Сибири началось с ее северных районов. Есть все основания полагать, что в Восточную Сибирь русские промышленники стали проникать до похода Ермака за Урал. Известно, что Строгановы основали свою факторию на островах Новой Земли не позже середины XVI в., а плавания русских полярных мореходов из Поморья к устью Оби происходили и того ранее — в конце XIV — начале XV в. В 70-х годах XVI в. в междуречье Оби и Енисея, на р. Таз, уже существовал поселок поморов-промышленников, а в 80—90-х годах этого же столетия они начали осваивать низовье Енисея, бассейн Пясины и южные районы Таймыра. Уже во втором десятилетии XVII в. плавания промышленников по полярным морским водам в устье Енисея и на Пясину были обычным явлением. Именно в это же время, приблизительно в 1617 г., одна из промысловых экспедиций попыталась обогнуть морским путем Таймырский полуостров и погибла в районе залива Симса³. Сохранившиеся до нашего времени остатки снаряжения дают представление о высоком уровне развития полярного мореходства.

Одновременно на рубеже XVI—XVII вв. начался процесс вхождения большинства восточносибирских племен в состав России, который продолжался до 50—70-х годов XVII в. Енисейский край вошел в состав России на протяжении первых трех десятилетий XVII в. На Севере, в междуречье Оби и Енисея, в 1601 г. был основан центр Мангазейского уезда — г. Мангазея, быстро ставший важнейшим перевалочным пунктом между Сибирью и европейской частью страны, центром организации пушных и рыбных промыслов, а также торговли⁴.

Целые поколения поморских промышленников преемственно были связаны с пушными промыслами в Енисейском крае. Промышленники основывали там многочисленные зимовья и даже «городки», служившие опорными и перевалочными пунктами, устанавливали с местными жителями разнообразные связи — экономические, бытовые, а иногда и родственные. Известно, что еще в начале XVII в. один из родов хантыйских энцев назывался родом Яши Вологжанина⁵. Приблизительно к середине 30-х годов XVII в. было завершено объясачивание самодийских и тунгусских племен и остяков по рекам Таз и Турухан, в низовьях Енисея, на Нижней и Подкаменной Тунгусках и на Таймыре, т. е. на огромной территории, составлявшей Мангазейский уезд⁶. К этому времени русские промышленники хозяйственно освоили весь район.

В первой половине XVII в. мангазейскими промышленниками были основаны на Енисее Туруханское и Хантайское зимовья (1626), в которых обитало постоянное население. В силу специфики промыслового быта русские промышленники довольно медленно оседали на Севере. Тем не менее к середине XVII в. в Мангазее, слободах и зимовьях по Енисею от его низовьев вплоть до устья Подкаменной Тунгуски, а также в верховьях Нижней Тунгуски образовалось ядро постоянного русского старожильского населения. К концу XVII — началу XVIII в. подавляющая часть его проживала в низовьях Енисея, по восточному берегу Енисейской губы вплоть до побережья Ледовитого океана, а также на Таймыре вдоль берегов рек Пясины, Хеты и Хатанги. Учитывая специфические климатические условия и возможности ведения промыслового хозяйства в тундре, абсолютный и относительный рост постоянного оседлого русского населения в этих районах с середины XVII в. и до начала XVIII в. нельзя не признать весьма значительным (с 300—400 чел. до двух тысяч)⁷.

Описанный процесс хозяйственного освоения русским населением северной, тундровой и тундро-таежной части Енисейского края был характерен и для других, более восточных, в климатическом отношении сходных районов Якутии и Северо-Восточной Сибири.

Районы среднего и частично верхнего бассейна Енисея стали входить в состав России в первое десятилетие XVII в. После основания в 1618 г. на р. Кети Маковского острога, а в 1619 г. — Енисейского, на р. Ангаре Рыбенского (1628) и Братского (1631) острогов, а на р. Илим — Ленского (Илимского, 1630) было завершено создание сети административного управления уезда, центром которого стал Енисейск. Вся эта территория была заселена кетоязычным населением, различными тунгусскими и отчасти бурятскими племенами, принявшими русское подданство. Уже в 20-х годах XVII в. на берегах среднего течения Енисея начало складываться постоянное земледельческое русское население и создаваться значительный сельскохозяйственный район. В отличие от северных промысловых районов оседало здесь русское население более компактно, а селения, часто значительные по своим размерам, располагались обычно гнездами, образуя своеобразные микрорайоны (от правого притока Енисея Пита до Енисейска, от устья Ангары и выше его — до Красноярска).

С середины XVII в. особенно интенсивно заселялись берега левого притока Енисея — р. Кеми и его притока р. Белой; во второй половине XVII в. и позднее, вплоть до первой четверти XVIII в., этот район считался наиболее заселенным русскими крестьянами. Одновременно росли русские поселения по нижнему течению Ангары, ее южному притоку Тасеевой и впадающей в нее Усолке. К 70-м годам XVII в. в Енисейском уезде насчитывалось более 60 земледельческих поселений, а спустя полвека число их удвоилось⁸. Если по данным 1669 г. все мужское население уезда составляло 2 тыс. человек, то к 1719 г. оно возросло более чем в четыре раза, причем в большинстве своем (три четверти) это были крестьяне и посадские люди. Об-

разовалось это население главным образом в результате стихийного заселения берегов Енисея и его притоков.

Во второй половине XVII в. Енисейск стал важным ремесленным и торговым центром. В городе и уезде получили распространение различные ремесла — металлообработка, судостроение, кожевенное, мыловаренное и мукомольное дело. На базе местных руд в окрестностях Енисейска к концу XVII в. получила развитие металлургия, сыгравшая заметную роль в дальнейшей истории края. С 40-х годов XVII в. на р. Тасеевой и Усолке сложился центр солеварения, обеспечивавший своей продукцией весь край⁹.

Упрочение русской государственности в бассейне Енисея выше Красноярска, а также по его притокам Кану, Тубе и Абакану заняло весь XVII в. После постройки в 1628 г. Красноярского острога русское население довольно плотно заселило берега Енисея до Казачинского порога и выше его, где во второй половине XVII в. также образовался сельскохозяйственный район с центром в с. Казачинском. К 1700 г. в Красноярском уезде насчитывалось 42 деревни с русским населением, а его общая численность за 1671—1710 гг. возросла почти вчетверо (с 1100 чел. м. п. до 4100)¹⁰. Южнее Красноярска русские селения стали возникать только в XVIII в., хотя местные племена там довольно рано начали переходить в русское подданство (с 1609 г. и на протяжении последующих десятилетий XVII в.). Это разнородное и этнически пестрое население (кетоязычное, тюркское, саянская самаядь), в дальнейшем сыгравшее существенную роль в этногенезе тувинского и хакасского народов, беспощадно разорялось «князцами» енисейских киргизов и пыталось найти в русском подданстве защиту. Однако киргизские «князцы», опиравшиеся на сильные политические образования в Западной Монголии — сначала на государство Алтын-ханов, а во второй половине XVII в. на джунгарских владетелей, ожесточенно отстаивали свое «право» на грабеж этого населения, постоянно вторгались в русские пределы и приносили огромные бедствия. Как увидим ниже, эти вторжения отражались на русской политике в Центральной Азии и серьезно затрудняли борьбу за упрочение русских границ на юге Восточной Сибири вплоть до XVIII в.

В 20-х годах XVII в. началось присоединение к России Прибайкалья и Якутии. Русские промышленники и служилые люди проведя туда пути из Мангазеи и Енисейска по Нижней и Подкаменной Тунгускам и Ангаре в 20-х годах XVII в. В 1628 г. енисейский казачий сотник П. Бекетов впервые прошел по Ангаре в Западную Бурятию и объяснял часть бурятского населения. Присоединение Западной Бурятии к России имело свои особенности и осложнялось внешними обстоятельствами. Бурятские «князцы» до рассматриваемого времени подчинили себе часть эвенков, проживавших по Ангаре, и даже стремились поставить под свою зависимость приенисейское тюркское население. В свою очередь, буряты подвергались постоянным набегам феодалов Халхи. Широкие слои бурятского населения

были заинтересованы в союзе с русскими, чтобы противостоять грабительским вторжениям более сильных соседей, а также расширить свои торговые связи. Той же позиции придерживалась и значительная часть бурятских «князцов», но они не желали терять своих данников по Ангаре и противились включению их русскими властями в общую систему ясачных отношений. Обстановка осложнялась межплеменной рознью среди бурят, что использовали различные халхаские ханы¹¹. После основания Ленского (Илимского, 1630) и Братского (1631) острогов некоторым бурятским «князцам» удалось спровоцировать несколько выступлений своих соплеменников против русских властей. Поэтому присоединение Западной Бурятии затянулось до середины XVII в., что, в свою очередь, отразилось на состоянии внешнеполитических отношений России с Северной Монголией.

Бурятское население, обитавшее вблизи Байкала, стало входить в состав России в начале 40-х годов XVII в. В 1641 г. был построен Верхоленский острог. После сооружения Удинского (1648), а затем на Ангаре Балаганского (1654) и Иркутского (1661) острогов Прибайкалье окончательно закрепилось в составе России. С середины XVII в. западномонгольские феодалы усилили набеги на бурятские земли, но это лишь ускорило окончательное вхождение в состав России бурятского населения, что способствовало его хозяйственному и этническому развитию. Только за 60 лет (1670—1730) численность верхоленских бурят возросла более чем вдвое¹².

Одновременно по Ангаре определился путь, по которому направлялся в Прибайкалье поток русских промышленников и переселенцев.

Ленский волок с середины 30-х годов XVII в. был основной дорогой в Якутию, по которой ежегодно проходили сотни русских промышленников, выходцев непосредственно из-за Урала, а также крестьян, переселявшихся из более западных областей Сибири. Часть их оседала в Бурятии и в Прибайкалье, начинала заводить земледельческие хозяйства. С этого времени русские землепашцы появились на Ангаре и Илеме, т. е. на основных колонизационных путях Восточной Сибири. Образование постоянного русского земледельческого населения в Прибайкалье и верховьях Лены проходило настолько энергично, что Илимский уезд уже к середине XVII в. стал местной сельскохозяйственной базой. Непосредственно в бассейне верхнего течения Лены первые сельскохозяйственные поселения возникли в устье р. Куты в 40-х годах, вслед за ними — в устьях Киренги и Чечуя, затем в устьях Витима, Пеледую, Олекмы. В Прибайкалье вокруг Балаганского и Иркутского острогов, Бирюльской, Банзорской, Илгинской и Тутурской слобод росли сельские поселения с многочисленными замками. Именно «в этом юго-западном углу Ленского района к концу XVII в. сосредоточилась большая часть земледельческого населения района. Здесь создавалась житница Якутии»¹³. Крестьянское население там росло довольно интенсивно. За 70 лет, с 1652 по 1722 г., количество крестьянских хозяйств в Илимском уезде выросло со 136 до 924. Наиболее плотно заселялись Нижне-Илимская, Чечуйская,

Братская, Криволуцкая и Киренская волости¹⁴. С развитием земледелия русское население начало разработку полезных ископаемых. Около Усть-Кутского острога проводилась крупнейшая в Восточной Сибири выварка соли. С 1655 г. в Балаганском остроге началась добыча железа; в 1667 г. в Илимске была пущена домница; железоделательное производство было налажено и в Идинской слободе¹⁵. Одновременно, особенно со второй половины XVII в., в Прибайкалье проводились многочисленные разведки горнорудных богатств, положившие начало расцвету местного горного дела¹⁶.

Присоединение Якутии к России началось с расширением пушного промысла от Енисея на восток. Впервые русские промышленники проникли в Якутию в начале 20-х годов XVII в. В 30-х годах они уже активно осваивали районы по среднему течению Лены и ее притокам — Вилюю, Алдану, Амге и др. Основная часть якутов, проживавшая в центральной части Якутии по берегам Лены, приняла российское подданство в 1632—1636 гг.¹⁷ Отряды русских служилых людей проходили в Якутию по Нижней Тунгуске или по Ангаре. Характерная особенность процесса политического вхождения Якутии в состав России заключалась в том, что проникновение промышленников на Лену сплошь и рядом опережало движение правительственных отрядов и предшествовало установлению там воеводской власти. В Сибирском приказе, центральном правительственном органе, осуществлявшем управление Сибирью, считали даже необходимым использовать промышленников в качестве проводников. Так, в начале 40-х годов мангазейскому воеводе князю П. М. Ухтомскому предписывалось, чтобы в дальние походы «небольших служилых людей одних бес промышленных людей не посылали, чтоб в том нашему делу порухи не было, а нашим бы мангазейским служилым людям на таких дальних службах урону не было»¹⁸. Известны также случаи, когда в 30-х годах правительственные отряды, впервые пришедшие в те или иные районы Якутии, встречали там русских промышленников и собирали с их пушного промысла установленную пошлину. В частности, известно, что отправленный в 1639 г. из Бутальского зимовья на Алдане на Охотское побережье отряд казаков под командой И. Ю. Москвитина даже в этом удаленном районе взимал пошлину¹⁹. Промысловое освоение Якутии отнюдь не ограничивалось деятельностью отдельных партий промышленников. В самом начале 30-х годов XVII в. известный московский купец Н. Светешников начал вкладывать огромные суммы в пушной промысел, и его приказчики провозили в Якутию муку и другие товары на тысячи рублей. Другие московские предприниматели сами руководили там промыслами. Размах промыслового движения в Якутию в 30-х годах был настолько велик, что на Ленском волоке, где строились суда для дальнейшего плавания по Лене, «судового» леса не оставалось — «вынят весь на суды»²⁰.

В 1630—1640 гг. приток русского населения в Якутию был более сильным, нежели в последующие десятилетия XVII в. В 40-х годах

в Якутии вместе со служилыми людьми находилось до 4,5 тыс. русских промышленников и торговцев и их численность равнялась десятой части всей численности коренного населения²¹.

Начало принятия якутами русского подданства и установления ясачного режима относится к 30-м годам, когда в Якутию прибыли правительственные отряды под командой атамана И. Галкина, а затем сотника П. Бекетова²². Соперничество самостоятельно действовавших ясачных сборщиков, приводившее к «насильствам» и вооруженным столкновениям, ускорило установление на Лене воеводской власти. В 1641 г. в Якутию явился первый воевода П. П. Головин. Еще в 1632 г. П. Бекетов в центре Якутии на Лене поставил острог; несколько раз его местоположение менялось, но роль опорного пункта «на многих на больших дорогах в ыные землицы» оставалась неизменной. Острог быстро превратился в крупный торговый пункт и стал центром административного управления вновь образованного Якутского уезда — Якутском.

Первоначально якутские «князцы» и тойоны попытались отстоять свое исключительное право на эксплуатацию своих соплеменников и начали выступать против установления ясачного режима. В 1634 г. некоторые «князцы» создали довольно крупное объединение родов, нанесли поражение отряду И. Галкина и два месяца осаждали его в Ленском остроге. Противоречия среди родоплеменной верхушки привели к распаду этого объединения. Начатая борьба, в которую были втянуты рядовые улусные люди, однако, не являлась определяющей тенденцией в истории присоединения Якутии к России. Отряды русских служилых людей были настолько немногочисленны (30—50 чел.), что, несмотря на превосходство в вооружении, практически не могли установить насильственный контроль над местным населением, которое тем не менее принимало русское подданство.

В 1642 г. воевода П. П. Головин впервые ввел для якутов твердые, причем высокие индивидуальные ясачные оклады. Установление этих окладов проводилось на основе переписи скота в каждом хозяйстве. Перепись была воспринята якутскими массами как признак усиления эксплуатации и вызвала восстание, жестоко подавленное воеводой. Есть основание думать, что против П. П. Головина была настроена и часть русских промышленников, не желавших усиления контроля над их пушными промыслами и торговыми оборотами.

Восстание 1642 г. против ясачного режима было наиболее драматичным событием в истории присоединения Якутии к России. Задолго до него якутское население поняло экономические выгоды, вытекавшие из взаимосвязей с русскими промышленниками и торговцами. Для русских промысловое освоение Якутии было невозможно вне контактов с якутами. Эти связи усиливались по мере того, как широкие массы местного населения убеждались в выгодности мирных отношений, несмотря на различные «неправды», столкновения, неэквивалентный обмен и т. д.

Во второй половине XVII в. по мере упадка соболиных промыс-

лов значительная часть русских промышленников стала уходить из Якутии. Другая, меньшая их часть начала оседать отдельными группами в наиболее удобных для зверового и рыбного промысла районах. Тем самым было положено начало формированию русского старожильского населения в низовьях Лены и Оленека, на Колыме и Анадыре. Несмотря на суровые климатические условия, русское население с середины XVII в. стало пытаться основать земледельческое хозяйство около Якутска, в верховьях Лены, на среднем течении Амги, в устьях Олекмы и Витима²³.

Почти одновременно с освоением промысловых пушных угодий в центральной части Якутии начались походы русских промышленных и служилых людей по Лене к Ледовитому океану и далее в северо-восточные районы. В 1633 г. И. И. Ребров и И. Перфильев впервые по Лене вышли в океан и, следуя морским путем на восток, достигли устья Яны, а затем Индигирки, открыв Юкагирскую землю. Одновременно через Верхоянский хребет был открыт сухопутный путь к верховьям Яны и Индигирки. Вскоре на Яне возникли Верхо- (1638) и Нижнеянское зимовья, Подшиверское, Зашиверское (1639), Уяндинское (1642) и Олюбенское (1641) зимовья на Индигирке, Алазейское (1642) на Алазее. В 40-х годах русские землепроходцы (М. В. Стадухин и другие) проникли на Колыму и основали Средне- (1643), Нижне- (1644) и Верхне-Колымское (1647) зимовья²⁴. К 1648 г. относится знаменитый морской поход С. И. Дежнева и Ф. А. Попова, в результате которого русские мореходы впервые обогнули крайнюю северо-восточную оконечность Азиатского материка, открыли пролив, отделяющий его от Америки, и прошли им в Тихий океан к устью Анадыря. В 1650 г. на Анадырь сухопутным путем прошли с Колымы М. В. Стадухин и С. И. Мотора.

Эти замечательные путешествия отражали общее направление русского торгово-промышленного движения, которое начало охватывать, особенно в 40-х годах, новые северо-восточные районы. На основе этого движения началось политическое вхождение в состав России местного населения — преимущественно юкагиров. В 40—50-х годах значительная часть русских промышленников стала сосредотачиваться в бассейнах именно этих северных рек. В 1643 г. на Оленеке их было не менее 156 чел., в Жиганском зимовье в низовьях Лены — 461; в 1647 г. на Колыме собралось 396 чел. и т. д.²⁵

Присоединение восточных от р. Лены областей вплоть до Охотского побережья, также начавшееся в 30-х годах, несколько затянулось. Тунгусское и якутское население на Алдане и Мае управлялось из Усть-Камнунского зимовья (1634), Бутальского острога (1637), Учурского и Тонторского (1662) зимовий, стоявших от устья р. Май вверх по Алдану, и зимовий по Мае. Охотская группа тунгусского населения была подведомственна Тауйскому и Мотыклейскому зимовьям и Охотскому (1647) острогу, расположенным на побережье Охотского моря. Наконец, удская группа тунгусов, территория обитания которых соприкасалась с бассейнами северных притоков

Амура — Зеи и ее притока Селемджи, Буреи и Амгуни, управлялась из Тугурского зимовья (1652) и Удского острога (1679). Восточные земли вплоть до Охотского побережья, граничившие с Приамурьем, административно подчинялись воеводскому управлению в Якутске. К 70-м годам XVII в. число ясачных плательщиков там достигло максимального уровня и в целом стабилизировалось²⁶.

Таким образом, за исключением Крайнего Северо-Востока Сибири, Камчатки, Забайкалья и Приамурья, сибирские земли вошли в состав Русского государства к середине XVII в. Важнейшим фактором, обусловившим их политическое вхождение в состав государства, было стихийное хозяйственное освоение земель русскими переселенцами. Выдающийся исследователь Сибири академик А. П. Окладников очень точно отразил социальный аспект диалектики присоединения Сибири: «Господствующему классу противостояли угнетенные низы. И для них приобретение Сибири имело совершенно другой смысл, иные, контрастно противоположные, классово иные цели, иную внутреннюю необходимость, главную для самой России, для Русского государства как такового. Эта диалектическая сущность освоения земель Сибири состояла прежде всего в том, что продвижение русских землепроходцев за Урал являлось естественным и закономерным завершением процесса складывания многонационального Русского государства. Это освоение отвечало жизненным интересам русского крестьянина, искавшего на востоке землю, свободную от помещиков»²⁷.

Промысловое предпринимательство сыграло большую роль в общем процессе присоединения Сибири, первоначальном ее изучении и образовании отдельных групп постоянного русского населения в тундро-таежной полосе. Неизмеримо большее значение приобретало для Сибири сложение постоянного русского земледельческого населения. На протяжении уже первой половины XVII в. были заложены основы земледельческого хозяйства в целых районах не только Западной, но и Восточной Сибири — по Енисею и на Лене, которое обеспечивало во второй половине века потребности в хлебе.

Виднейший историк Сибири В. И. Шунков подчеркивал принципиальное значение русского земледельческого хозяйства в преобразовании производительных сил Восточной Сибири: «Пашенные поля появились в краю, до этого не знавшем земледелия даже в его первичных формах. Ни якутское, ни эвенкийское население не занималось земледелием. Русский человек впервые поднимал здесь землю и совершал переворот в деле использования природных богатств края»²⁸. По первым, наиболее точным данным, в начале XVIII в. в бассейне Енисея, в Прибайкалье, на Лене и иных северных реках только мужской состав русского населения превышал 30 тыс. чел., причем большая часть его занималась производительным трудом. К этому же времени первые в Восточной Сибири русские города — Енисейск, Иркутск, Якутск — стали местными центрами ремесла и торговли, втягивавшимися в образующийся всероссийский рынок.

§ 2. Забайкалье и Приамурье в составе Русского государства в середине XVII в.

Присоединение Забайкалья и Приамурья к России имело свои особенности. В этих огромных областях русские встретились с населением, сложным в этническом отношении, обладавшим разным по своему типу хозяйством. Забайкалье к середине XVII в. населяли бурятские племена, сближавшиеся в единый этнический комплекс, и различные группы тунгусов; в частности, в степях господствующее положение занимали так называемые конные эвенки, на юге выделялась сильная племенная монголоязычная группировка табунутов, в дальнейшем вошедшая в состав бурятского народа. В верховьях Амура, от слияния Шилки и Аргуни и до района устья рек Амазар и Урка кочевали тунгусы, восточнее которых по обоим берегам Амура ниже устья Зеи и вверх по ее течению жили оседло роды монголоязычных дауров и одаурившиеся тунгусы. Далее по Амуру за Малым Хинганом, в низовьях Сунгари и Уссури и ниже устья Уссури также оседло обитали различные группы тунгусоязычного населения — гогули и дючеры, и, наконец, в низовьях Амура проживали предки нанайцев и ульчей (натки), а в устье Амура и на морском побережье — гиляки²⁹. По северным притокам Амура вплоть до побережья Охотского моря расселялись различные группы «оленных» и «пеших» тунгусов.

Бурятское и табунутское население Забайкалья занималось кочевым пастбищным скотоводством. По мнению большинства исследователей, буряты в рассматриваемое время находились на стадии патриархально-феодалных отношений. Тунгусы в общественном развитии дошли до разных стадий патриархально-родовых отношений.

У различных групп тунгусов прослеживались в основном два типа хозяйства — оседлых рыболовов и охотников (например, «пешие» эвенки на Охотском побережье) и кочевых таежных оленеводов и охотников («оленные»). Своеобразный хозяйственный комплекс сложился у «конных» эвенков Забайкалья; основу их кочевого хозяйства составляло коневодство, а скотоводство и охота имели второстепенное значение³⁰. Только у дауров и дючеров на берегах Амура существовало пашенное земледелие. По авторитетному мнению В. И. Шункова, «можно полагать, что и амурское земледелие значительно отставало от русского и по степени своего распространения, и по уровню своей техники³¹. Земледельческое оседлое амурское население имело укрепленные городки — резиденции местных «князцов». Однако судить о процессе феодализации даурского и дючерского общества в XVII в. из-за отсутствия подробных данных затруднительно*.

Таким образом, по степени развития производительных сил и уровню общественного строя забайкальское и приамурское население

* См. также: Миллер Г.-Ф. История Сибири, т. 1. М.—Л., 1937; т. 2, 1941; История Сибири, т. 1. Л., 1968; Окладников А. П., Деревянко А. П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток, 1974; Беспрозванных Е. Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений. XVII — середина XIX в. М., 1983.

к моменту присоединения к России неизмеримо отставало от русского населения, осваивавшего Сибирь.

Своеобразие присоединения Забайкалья и Приамурья к России определялось политическими обстоятельствами, поскольку русские так или иначе сразу же вступали в систематические и, как увидим ниже, весьма сложные взаимоотношения с монгольским и маньчжурским миром.

Первые сведения о Забайкалье и Приамурье и их населении были получены русскими промышленниками и служилыми людьми, находившимися в восточных районах Якутии и в Прибайкалье в конце 30-х годов XVII в. В начале 40-х годов они поступили от отряда И. Ю. Москвитина, добравшегося от Бутальского острога на Алдане до побережья Охотского моря, а также И. Перфильева, прошедшего из Олекминского острога на Лене вверх по Витиму и его притоку Ципе до Баунтовского озера в Забайкалье, и, вероятно, в то же время от промышленника Семена Косого, добравшегося до устья Аргуни и попавшего в плен к даурским «князцам»³². Имеются также сведения о результатах разведки путей в Забайкалье и далее в Приамурье в начале 40-х годов с запада через Прибайкалье. В 1640/41 г. на основании этих сведений была составлена «Роспись рек», впадавших в Лену, в которой говорилось о «мунгальском» населении по Селенге и упоминалась даже р. Шилка³³.

В 1644 г. ссыльный «немчин» Иван Ермис подал в Енисейске местным властям челобитную с проектом похода в Забайкалье, в которой точно указал в дальнейшем хорошо известный путь по Ангаре, через Байкал к р. Баргузин и далее, с ее верховьев через волок на Еравненское озеро, по р. Ципе на р. Витим, а оттуда через волоки на реки Нерчу и Шилку к даурскому князю Лавкаю³⁴. По всей вероятности, об этом пути Ермис проведал в Енисейске от каких-то промышленников, прошедших по нему за несколько лет до того, как в Забайкалье с запада явились первые отряды служилых людей.

Присоединение Забайкалья и Приамурья началось почти одновременно во второй половине 40-х годов XVII в., причем русские вышли в Забайкалье с запада через Байкал, а в Приамурье — первоначально главным образом с севера, из Якутии.

Забайкалье начало входить в состав России в результате деятельности последовательно сменявших друг друга отрядов В. Колесникова, И. Похабова и И. Галкина. Северомонгольские ханы, заинтересовавшиеся возможностью дипломатических и торговых связей с Россией, избегали в этот период серьезных столкновений с отрядами служилых людей, а местное восточнобурятское и тунгусское население стремилось получить защиту от набегов халхаских феодалов и расширить торговые связи с русскими. К 1649 г. небольшие отряды казаков прошли от Байкала все Забайкалье и достигли р. Шилки. Десятник К. Москвитин в 1645 г. через Баргузинские степи дошел до Еравненских озер, находящихся в центре Забайкалья, а от них — до р. Селенги. Быстрое принятие русского подданства местным населе-

нием без сколько-нибудь крупных столкновений с русскими служилыми людьми подкреплялось сооружением первых административных опорных пунктов — острогов. В 1646 г. атаман В. Колесников основал у северной оконечности Байкала, на р. Верхняя Ангара, Верхне-Ангарский острог, а в 1648 г. сын боярский И. Галкин на восточном берегу центральной части озера — Баргузинский острог. «Байкаловская соболиная казна», собранная в 1649/50 г. в Баргузинском остроге с тунгусов, обитавших в бассейне притока Витима р. Мамаи и по берегам озер Еравненское и Буженая, была оценена в Енисейске почти в 1735 руб. В последующие годы количество ясака, полученного с этого населения, возрастало (по енисейской оценке за 1650/51 г. его было получено на 1859 руб., за 1657/58 г. — на 2660 руб.)³⁵. В 1652 г. на притоке Витима р. Цине был основан Баунтовский острог, а в 1653 г. в самом центре Забайкалья на водоразделе рек Ингода и Хилук П. Бекетов поставил Иргенский острог.

Население Восточного Забайкалья стало вступать в русское подданство с 1649 г. По донесению енисейского воеводы Ф. П. Полибина, полученному в Москве в январе 1650 г., И. Галкин после основания Баргузинского острога отправил часть своего отряда «через Витимские вершины» на Шилку к местному князю Лавкаю «призывать» его в ясак и проведать о наличии там золотой и серебряной руды³⁶. По всей вероятности, именно тогда часть местных тунгусов признала русское подданство, так как ясак с населения Шилки впервые стал поступать в Москву с 1650/51 г. В 1653 г. посланный П. Бекетовым десятник М. Уразов при слиянии Ингоды и Онона поставил Шилкинский острог, который просуществовал до 1656 г. В 1658 г. был основан Нерчинский острог, ставший административным центром Нерчинского уезда, а севернее Иргенского острога сооружен Телембинский острог.

В дальнейшем система забайкальских острогов, как опорных военно-административных пунктов, была существенно усилена. В 1662 г. в верховьях Витима возник Кучидский острог. В 1666 г. последовало укрепление западной части Забайкалья, где в нижнем течении Селенги были поставлены Селенгинский и Удинский остроги, что в известной степени обеспечивало безопасность местного населения от набегов халхаских тайшей. После этого были приняты меры по обеспечению безопасности центральной части Забайкалья и в 1667 г. южнее Кучидского острога у озера Еравны был «зарублен» Еравненский острог.

Образование этой системы оборонительных пунктов содействовало укреплению административного управления Забайкалья, его хозяйственному освоению русскими переселенцами, безопасности местного населения и определению основного пути от Байкала к верховьям Амура. Этот путь начинался по рекам Селенге и Уде, шел на Еравненский острог и далее до Читинского плотбища, откуда продолжался по р. Шилке до Нерчинска. По нему осуществлялись передвижение людей и перевозка грузов. Административно остроги Западно-

го Забайкалья во второй половине XVII в. входили в состав Иркутского уезда и подчинялись воеводам Иркутска, а Восточное Забайкалье, за Яблоновым хребтом, стало западной частью Нерчинского уезда (Еравненский, Телембинский, Иргенский остроги).

Быстрое присоединение Забайкалья к России и принятие российского подданства восточнобурятским и тунгусским населением свидетельствовали о том, что сколько-нибудь крупных столкновений между этим населением и отрядами служилых людей не было³⁷. К сожалению, ясачные книги — основной источник по истории сибирских народов, их расселению и составу — по Забайкалью и Приамурью сохранились крайне плохо. По забайкальской части Иркутского уезда наиболее ранние ясачные книги относятся только к 80-м годам, а по Нерчинскому — к середине 60-х годов XVII в.³⁸ Поэтому весьма сложно проследить численность ясачных людей, принявших и сохранивших российское подданство, тем более при их крайней подвижности в это время³⁹.

Подвижность кочевого забайкальского тунгусского и бурятского населения объяснялась не только их образом жизни, но и сложностью политической обстановки в устанавливавшейся порубежной полосе между Россией и монгольскими государственными образованиями. При отсутствии точно определенной государственной границы притязания сильных северомонгольских феодалов на право систематического грабежа отдельных групп забайкальского населения создавали на протяжении второй половины XVII в. нервную и порой неустойчивую обстановку, при которой перекочевки порубежного населения и его угон враждебными воинскими силами становились постоянным явлением. Именно с 60-х годов, по мере укрепления безопасности Забайкалья, его коренное население, подпавшее под власть монгольских тайшей, стало особенно активно стремиться выйти из зависимости, навязываемой ему монгольскими владетелями, и вернуться на свои «породные земли» в пределы России⁴⁰. Б. О. Долгих, имея в виду селенгинских бурят, вполне конкретно объяснял и это стремление, и следствие, из него вытекавшее: «Избавившись от гнета своих монгольских феодалов, они все-таки снова попадают в феодальную зависимость, хотя и в другой форме. Но, конечно, в России бывшим подданным монгольских феодалов жилось легче, и этим объясняется быстрое увеличение численности атаганов, сартолов и хатаганов в пределах Русского государства»⁴¹.

Российская территория определялась в Забайкалье довольно сложной порубежной полосой, отделявшей ее западную часть от кочевий независимых табунутских «князцов». Табунуты представляли собой довольно многочисленную (во второй половине XVII в. до 6 тыс. чел.) племенную группировку. Территория их кочевий на западе начиналась восточнее Селенги и нижнего течения Чикоя; южную границу их обитания образовывал, вероятно, водораздел между средним течением рек Хилок и Чикой; на востоке она достигала западных склонов Яблонового хребта, а на севере — водораздела Хилка с

Удой. Нередко в 60—80-х годах XVII в. табунуты проникали к Еравненским озерам, в низовья Селенги и вступали в столкновения с русскими служилыми людьми, бурятами и тунгусами⁴².

В пределах Восточного Забайкалья российская территория, по имеющимся данным, к 80-м годам определяется на основании выявленного Б. О. Долгих расселения тунгусов, принявших русское подданство. Тунгусское население Забайкалья составляли представители двух племен — намятов и более многочисленных нелюдов. Глава нелюдов князь Гантимур, сыгравший, как увидим ниже, весьма заметную роль в политических событиях второй половины XVII в., вступил в русское подданство сразу же, как только на Шилке появились русские правительственные отряды, и начал платить ясак с 1651 г.⁴³ По его собственному утверждению, до этого он владел помимо своего дуликагирского рода и улуса «многими даурскими пашенными людьми» по р. Шилке и никому ясака не платил⁴⁴. По словам хорошо осведомленного даурского сына боярского И. Милованова, активного участника политических событий в Приамурье второй половины XVII в., Гантимур принял русское подданство вполне добровольно, ни «в каком упорстве и шатости» замечен не был и с самого начала настолько пользовался доверием русской администрации, что с него даже не требовали аманатов (заложников). В 1680 г. в его улусе насчитывалось около 500 воинов⁴⁵. На 1689 г. тунгусов нелюдов было до 5600 человек, из них — 1133 плательщика ясака; тунгусов намятов было значительно меньше (соответственно 2450 и 488)⁴⁶.

Отдельные роды намятов и нелюдов расселялись в XVII в. по всему Забайкалью, но наибольший интерес представляют места их обитания вблизи владений халхаских князей, поскольку они определяли пределы российской территории. Юго-восточнее кочевий табунутов, между рекой Хилок и верховьями рек Толы, Керулен и Онон, проживали роды намятов — поинкины и хара-намяты; восточнее их в верховьях Ингоды кочевал род нелюдов — чемчагиры, а вниз по Ингоде — луникагиры. Далее, уже по Шилке, обитало несколько родов нелюдов — колтагиры, дуликагиры (по левому берегу Шилки), баягиры (между Шилкой и Аргунью) и при слиянии Шилки с Аргунью — другая часть колтагиров. Территория расселения баягиров в бассейне Аргуни смыкалась с территорией, на которой обитали тунгусы намяты, а именно долоты, конуры и чипчунуты. Они занимали земли преимущественно на правом берегу Аргуни и управлялись из поставленного в 1681 г. на том же берегу Аргунского острога.

Таким образом, России в этом районе принадлежала весьма значительная территория за правым берегом Аргуни, которая простиралась на юг до реки Хайлар и почти доходила до озера Далайнор, а на востоке границей считался хребет Большой Хинган⁴⁷. С этой территорией, занятой тунгусскими родами, принявшими русское подданство, в бассейне реки Онон смыкалась территория также ясачных, но уже монгольских родов сортозов, одзонов и улятов. Вследствие частых столкновений с нерчинскими тунгусами в конце XVII в. эти

монголы избегали приближаться к Ингоде, устью Онона и Шилке, но в дальнейшем, особенно в XIX в., они фактически с ними слились⁴⁸.

Значительно сложнее складывалась с середины XVII в. судьба населения собственно Приамурья, вошедшего в состав России. Инициатива в исследовании путей на Амур принадлежала прежде всего властям Якутска. Уже первый якутский воевода П. П. Головин в мае 1641 г. в «наказной памяти» служилым людям М. Васильеву и А. Аникееву, отправлявшимся вверх по Лене, наставлял их проводить о путях от Байкала на Шилку и в «Китайское государство»⁴⁹. Содержание этого документа не оставляет сомнения в том, что в Якутске представляли себе в самом общем виде лишь направление этих путей в Приамурье с запада. Поэтому северный путь — с Олекмы на Шилку и Амур⁵⁰, освоенный русскими промышленниками, стал решающим на первом этапе продвижения России в Приамурье.

Основываясь на донесении М. Перфильева о «многих сидячих пахотных хлебных людях» «князца» Лавкая на Шилке, летом 1643 г. П. П. Головин снарядил целую экспедицию из служилых и промышленных людей (всего 133 чел.) во главе с письменным головой В. Д. Поярковым. Первую часть своей задачи — найти удобный путь с Лены в Приамурье — Поярков решил, следуя вверх по притоку Лены Алдану. Этот путь в дальнейшем некоторыми считался «ближе и кормнее и лучше Олекмы реки, и порогов нет»⁵¹. С Алдана Поярков двигался по его притоку Учуре, далее по рекам Гонам и Нюемке, от которой начинался волок через Становой хребет к притоку Зеи Брянте. Позднее наметился несколько иной путь по Алдану, который также через волок выводил к Зее, а по ней на Амур.

Экспедиция В. Д. Пояркова прошла Амур до его устья и далее по Охотскому морю до устья р. Ульи, откуда, завершая трехлетнее путешествие, по Улье, Мае, Алдану и Лене в 1646 г. вернулась в Якутск.

В. Д. Поярков привез богатейший и разносторонний материал об Амуре, обитавших на его берегах племенах и их хозяйстве. С политической точки зрения важнейшим итогом экспедиции Пояркова были данные о том, что амурское население не находится в чьем-либо подданстве и может быть «призвано» под руку «великого государя» России. Перед якутскими властями конкретно вставал вопрос о возможности присоединения Приамурья. Однако к моменту возвращения Пояркова в Якутск его данные о политической обстановке в Восточной Азии уже не соответствовали действительности, что, как показали дальнейшие события, существенно усложнило задачи и сибирских властей, и русской дипломатии, располагавших к тому же весьма ограниченной информацией о государствах Дальнего Востока.

Начавшийся в 80-х годах XVI в. процесс консолидации маньчжурской народности на основе северо-восточных чжурчжэньских племен во главе с племенным объединением Маньчжоу привел к образованию в 1616 г. единого государства, занимавшего южную часть со-

временного Северо-Восточного Китая. Основоположник этого государства вождь Маньчжоу Нурхаци объявил себя императором — наследником империи чжурчженей Цзинь (XII—XIII вв.), разгромленной еще во времена Чингисхана. С 20-х годов XVII в. Маньчжурское государство начинает агрессивные войны против Китая, управляемого императорами династии Мин, и ханств Южной Монголии. В 1621 г. Нурхаци захватил город Мукден и сделал его своей столицей. В дальнейшем территория Северного Китая, лежавшая за Великой стеной, стала подвергаться непрерывным набегам маньчжуров. Агрессия против минского Китая и Кореи требовала постоянного пополнения людских резервов. После смерти Нурхаци (1626) его преемник Абахай, пользуясь междоусобицами в Южной Монголии, в 1635 г. завершил разгром крупнейшего там Чахарского княжества Лигдан-хана, а в следующем, 1636 г., собрав съезд всех южномонгольских правителей, добился провозглашения себя великим ханом Монголии с титулом «богдохан». В том же 1636 г. Абахай изменил название своей династии на Цин («Чистая»), бросив тем самым открытый вызов правившей в Китае династии Мин («Светлая»).

Феодалы Южной Монголии признали себя «внешними вассалами» Абахая; на их владения была распространена маньчжурская военно-административная система, а все население обязано было нести военную службу⁵².

В это же время Абахай начал совершать набеги на северо-восток вплоть до Приамурья, путем массового угона пленных пополняя свои войска. В 30-х годах XVII в. основным районом, куда направлялись маньчжурские отряды, являлся бассейн р. Сунгари и ее притоков — Нонни и Муданьцзян. В отдельных случаях они достигали правобережья Верхнего и Среднего Амура, а также бассейна р. Уссури и ее притоков. Захват добычи и угон населения вовсе не означали присоединения указанных территорий к империи Цин⁵³.

Разгромив ожесточенно сопротивлявшиеся племена солонов на Среднем Амуре, угнав часть населения и добившись «лояльного» отношения к себе оставшейся его части, маньчжуры не ввели на их землях ни военного, ни гражданского управления и с 40-х годов постепенно утратили с ними непосредственные связи. О характере «взаимоотношений» маньчжурского властителя с населением Приамурья В. Д. Пояркову рассказывали сами дауры: «которые даурские люди тому хану ясаку не дают и с ним не торгуют, и... воюет годом по дважды и по трижды, а приходят людно, тысячи по две и по три»⁵⁴. Весьма показательно, что в маньчжурских хрониках совершенно отсутствуют данные о том, что даурские «князцы» Среднего и Верхнего Амура приезжали с данническими визитами к маньчжурскому двору⁵⁵.

В 1636 г. маньчжуры начали очередную войну с Минской династией. В 1643 г. умер Абахай и регентом при малолетнем главе государства Шуньчжи стал его дядя Доргонь. В условиях изнурительной борьбы с маньчжурами китайские крестьянские массы подняли вос-

стание против своих феодалов и под предводительством Ли Цзычэна захватили столицу Минской империи Пекин. Охваченные паникой, китайские феодалы обратились за помощью к своему врагу Доргоню с просьбой о помощи. Это предательство минской знати позволило Доргоню в 1644 г. вторгнуться во внутренний Китай, захватить власть и положить начало правлению в Китае маньчжурской Цинской династии, под властью которой страна находилась до 1912 г. Установить свое господство во всем Китае маньчжуры смогли далеко не сразу: на протяжении более 30 лет китайский народ, особенно в южных провинциях, вел борьбу с захватчиками.

Вторжение во внутренний Китай отвлекло основные силы маньчжуров, и их походы на северо-восток и в Приамурье прекратились. Более того, маньчжуры вынуждены были увести свои так называемые восьмизнаменные войска из «породных земель» в Китай. После перенесения столицы в Пекин Мукден продолжал оставаться второй, «почетной» столицей, но его административное значение пало, а с отливом населения на юг развитие производительных сил северо-восточных районов почти приостановилось. Устанавливая свою власть в Китае и стабилизируя там свое положение, Цинская династия рассматривала маньчжурские земли как свою вотчину, где в случае неблагоприятно складывавшихся обстоятельств собственно в Китае можно было бы укрыться. Поэтому доступ китайского населения туда в 1668 г. был решительно пресечен; обработка же свободных земель была возложена на ссыльных, уголовных и политических преступников, которые обязывались снабжать провиантом немногочисленные гарнизоны, сохранявшиеся в полузаброшенном крае⁵⁶.

Само собой разумеется, что В. Д. Поярков, уже в 1644 г. ушедший к устью Амура, не мог получить информации о гибели династии Мин и начале консолидации власти Цинской династии как в Ляодуне и Южной Монголии, так и в Китае. По полученным им данным, амурское население до этого подвергалось набегам со стороны «орды» какого-то хана Борбая, «большого человека»; «а город у него рубленой, а около города вал земляной, а бой у них лучной и огненной, и пушек много..., а хлеба у хана пашут много... А серебра де и камок и всяких узорочей у него, хана, гораздо много»⁵⁷. Коль скоро, по сообщению В. Пояркова, «язык де у хана свой, и говорят по своему... и грамота де у него, хана, по своему есть», якутским властям становилось очевидным существование за Амуром какого-то государственного образования, этнически отличного от населения Приамурья, которое тем не менее не простирает на последнее своей власти.

Сообщение о походах этого хана на Амур не могло смутить русские власти. Грабительскими набегами различных монгольских феодалов на южносибирские земли сопровождался весь процесс присоединения Сибири к России, а настойчивые просьбы местного населения о помощи лишь свидетельствовали об ориентации сибирских племен на защиту со стороны России. Данные В. Д. Пояркова не давали русским властям оснований для мысли об общности политической власти

в Центральной и Южной Маньчжурии, Южной Монголии и значительной части Китая.

Спустя три года после возвращения В. Д. Пояркова, в 1649 г., старый верхоленский «опытовщик» и торговый человек Е. П. Хабаров подал якутскому воеводе Д. А. Францбекову челобитную с просьбой разрешить на свой счет организовать экспедицию на Амур. Д. А. Францбеков придал этой экспедиции официальный характер. Он открыл для Е. П. Хабарова и привлеченных им «охочих людей» казенный и личный кредит и поставил перед экспедицией политические, дипломатические и исследовательские задачи. Хабаров следовал из Якутска с Лены по Олекме и ее притоку Тугиру; далее по волоку через хребет он вышел к р. Урке, притоку Амура. В это время на Тугирском волоке уже существовало зимовье как перевалочный пункт на пути к Амуру⁵⁸.

На протяжении пяти-шести лет, с 1650 по 1655 г., весь Амур, вплоть до Татарского пролива, был присоединен к России. В это время было объяснено население, обитавшее по берегам Амура и в низовьях Сунгари и Усури (дауры, гогули, дючеры, натки и гиляки). Составленная в 1655/56 г. Онуфрием Степановым Кузнецом, командовавшим русскими силами на Амуре после отъезда Е. П. Хабарова в Москву, ясачная книга позволяет судить о территории Приамурья, вошедшей в состав России. В заголовке этого важнейшего для истории присоединения края документа говорилось: «а з даурских князей и улусных людей иман государев ясачный сбор на великой реке Амуре в Комарском остроге до Шингалу (Сунгари. — В. А.) реки. А по Шингалу реке з дючерских людей иман государев ясачный сбор вверх по Шингалу до Манзийского улусу и выше и вниз по Амуру реке до Гиляцкие земли и в гиляцких людей до моря на нынешний на 164 (1655/56. — В. А.) год»⁵⁹. Б. П. Полевой допускал, что, вполне возможно, именно в этот период русские служилые люди собирали ясак и с гиляков западного побережья острова Сахалин⁶⁰. В целом же, по подсчетам Б. О. Долгих, к 1655 г. в Приамурье русскими властями было учтено, т. е. объяснено и приведено в российское подданство, до 9900 дауров, 10 600 гогулей и дючеров, 2000 тунгусов, 3500 натков и 4300 гиляков, всего более 30 тыс. человек⁶¹.

Установление российской власти на Амуре сопровождалось сооружением опорно-административных пунктов — острогов (1651—1652). При слиянии Шилки и Аргуни на правом берегу Амура возник Усть-Стрелочный, а ниже его Албазинский острог; далее вниз по Амуру был сооружен против устья р. Кумары Кумарский острог, а в районе озера Болонь — Ачанский городок⁶²; в низовьях Амура был выстроен Косогорский острог. Официально включение Приамурья в состав Российского государства было признано летом 1653 г. московским дворянином Д. И. Зиновьевым, прибывшим из Москвы в Приамурье фактически с воеводскими полномочиями. Он встретился с Е. П. Хабаровым на Амуре в устье Зеи, принял у него собранный ясак, дал указания о порядке управления и в целях укрепления ад-

министративной власти приказал выстроить на Амуре еще два острога — один около устья р. Урки для обеспечения пути на Тугирский волок, другой — несколько ниже его по Амуру, у устья р. Зеи. По всей вероятности, кратковременное пребывание Д. И. Зиновьева на Амуре сопровождалось церемонией представления ему вождей местных племен, которые в своей челобитной просили великого государя, «чтоб государь пожаловал, своим государевым служилым и охочим людям воевать и грабить их не велел, а они де, иноземцы, государю ясак с себя по своей мочи платить учнут, и быти под его государскою царьского величества высокою рукою в вечном холопстве ради, только б государь пожаловал, велел их оберегать от богдойского царя Андрикана»⁶³.

В декабре 1654 г. Д. И. Зиновьев с Е. П. Хабаровым вернулся в Москву, и после его отчета в Сибирском приказе началась подготовка к отправке «на Амур реку» с воеводскими полномочиями А. Ф. Пашкова. Сам факт учреждения на Амуре новой административной единицы — воеводства — свидетельствовал о большом внимании правительства царя Алексея Михайловича к присоединенному Приамурью. Текст грамоты, отправленной в марте 1655 г. О. Степанову Кузнецу, который остался в Приамурье во главе русских отрядов, дает представление о границах нового воеводства. Грамота адресовалась в «Даурскую, и в Дючерскую, и в Гиляцкую земли...», т. е. А. Ф. Пашкову вменялось в обязанность возглавить русскую администрацию на территории, простиравшейся вплоть до устья Амура. До его прибытия О. Степанову Кузнецу предписывалось строго соблюдать принципы ясачного сбора, осуществлять его «ласкою и приветом», а всех ясачных людей оберегать от «воинского прихода» «богдойских или иных каких людей»⁶⁴.

На протяжении всего процесса присоединения Приамурья не только Сибирский приказ, ведавший в Москве управлением Сибири, но и местные власти, воеводы сибирских городов, не располагали данными о территориальном распространении власти Цинской династии и полагали, что дальше за Амуром существовало несколько государств. Именно этим объясняются настойчивые попытки якутского воеводы Д. А. Францбекова организовать посольство за Амур и призвать в русское подданство в 1650—1651 гг. местных князей⁶⁵. Сообщение В. Д. Пояркова и полученные Е. П. Хабаровым от дауров летом 1650 г. данные о хане Борбое (Богдое) к 1651 г. были опровергнуты самим же Хабаровым, который писал: «а по нынешним по подлинным, государь, даурским роспросным речам князя Богдоя у них нет, а слывет де у них земля Богдойская, а царь Алака-Батура-кана»⁶⁶. Вскоре, в начале 1652 г., пленный китаец показал Хабарову, что Богдойской землей правит царь Шамшакан, который воюет Никанскую землю, где сидит свой царь Зюлзей⁶⁷. Есть предположение, что это показание ближе к истине, так как слово «Шамшакан» могло быть искажением названия годов правления первого цинского императора Шуньчжи (1644—1661), продолжавшего в эти годы борьбу за упрочение

ние своей власти в Китае (Никанской земле), а имя «Алака Батурхан» — искажением одного из его титулов⁶⁸. Если в Якутске не было точного представления о политической обстановке в Китае, то тем менее могли иметь его в Москве. В. С. Мясников, детально исследовавший историю дипломатических отношений между Цинской империей и Россией в XVII в., писал, что в это время «русские власти все еще не представляли себе реально, с каким государством они имеют дело, и рассматривали Цинскую империю как небольшое феодальное государство»⁶⁹. По его мнению, только в январе 1654 г. Сибирский приказ, получив отписку тобольского воеводы В. И. Хилкова с изложением результатов посольства Г. Ушакова к ойратскому (хошоутскому) тайше Аблаю, стал располагать более конкретной информацией о цинском Китае⁷⁰. Однако и после этого, почти год спустя, в декабре 1654 г. в «наказной памяти», данной А. Ф. Пашкову на воеводство, под влиянием доклада Д. И. Зиновьева и Е. П. Хабарова говорилось о существовании самостоятельных богдойского Андрикаца и никанских царей и допускалась мысль о возможности «призвания» их в российское подданство⁷¹.

Отправляя А. Ф. Пашкова в Приамурье и наказывая ему учредить центр воеводства, «где б не чаять приходу воинских богдойских людей», московские власти по-прежнему опирались на очень туманные представления о местоположении Китая. Эта ситуация в немалой мере объяснялась тем, что власть цинских правителей распространялась тогда далеко не на всю территорию современной Маньчжурии и до фактического сближения маньчжурских аванпостов с русскими владениями было еще слишком далеко. Вплоть до 1670 г., как вытекает из анализа источников, проведенного Г. В. Мелиховым, границы Цинской империи не только не получили на северо-востоке «какого-либо официального административного оформления, но даже не были никак зафиксированы хотя бы линией постов и караулов»⁷². Только в 1678 г. Цины начали административное оформление своих северо-восточных владений путем создания линии пограничных укреплений, получившей название Ивовый палисад.

Эта сплошная линия, построенная из разнообразных материалов (частокол из ивовых кольев, земляные валы, каменные и деревянные сооружения и т. д.), протянулась почти на 900 км. Она начиналась юго-западнее Шаньхайгуаня, доходила на севере до Вэйюаньпу и на юге до Фэнхуаншаня⁷³. Таким образом, от Ивового палисада до Амура было от 800 до 1000 км. Эти данные подтверждаются и русскими источниками того же времени. В дополнении к тобольской редакции «Книги Большому чертежу» (1673) указывалось, что цинские караулы находятся за Амуром в двух неделях пути от Албазина⁷⁴. Выезд за пределы палисада рассматривался как выезд за границу. Районы к северу от Ивового палисада, занимавшие бассейн Сунгари вплоть до устья ее притока Муданьцзян, считались «внешней территорией», официально до XVIII в. не включавшейся маньчжурскими властями в состав империи. В официальных цинских источниках она рассма-

тривалась, как находящаяся за границей⁷⁵. С учетом даже этой «внешней территории» между владениями России и Китая оставалась «обширная нейтральная полоса, проходившая по бассейну нижнего течения Сунгари, ее притока р. Нуньцзян, правобережью Амура до Усури и бассейну Усури. Все эти земли ни в 50-х, ни даже в 80-х годах XVII в. не входили в состав Цинской империи»⁷⁶.

Тем не менее в установлении российской власти на Амуре Цинская династия увидела угрозу не только своим интересам на северо-востоке, но и для своих общих внешнеполитических доктрин (об этом речь пойдет далее, см. гл. 2).

Вторжение маньчжурских войск на Амур в 50-х годах XVII в. хорошо известно по русским и китайским источникам. Весной 1652 г. Е. П. Хабаров, зимовавший с отрядом в 200 чел. в Ачанском городке, был осажден маньчжурским войском, пришедшим на Амур с Сунгари и имевшим на вооружении огнестрельное оружие и пушки. Открытие военных действий маньчжурами закончилось их тяжелым поражением. При десятикратном превосходстве в силах 600 маньчжурских и 1500 даурских и дючерских воинов не выдержали вылазки казаков из крепости и бежали, потеряв 676 человек, 17 пищалей, 8 знамен и весь обоз («830 лошадей с запасы хлебными»)⁷⁷.

Однако из-за своей малочисленности и растянутости коммуникаций русские отряды не смогли установить систематический контроль в долине всего Амура, и маньчжурские военачальники применили один из излюбленных «методов» внешней политики Цинов, приступив к угону местного населения.

В 1653 г. они воспрепятствовали даурам, гогулям и дючерам в проведении посевных работ, и на Амуре стал ощущаться недостаток продовольствия. В 1654 г. маньчжурам удалось угнать дауров и гогулей в долины притоков Сунгари Нонни и Муданьцзян⁷⁸. Затем, ранней весной 1655 г., маньчжурское войско, насчитывавшее уже до 10 тыс. человек, осадило Кумарский острог. И снова русские, с 13 марта по 4 апреля выдержавшие тяжелую осаду, вынудили маньчжуров отступить⁷⁹. В мае в Кумарский острог к русским подошло подкрепление в 50 человек. Испытывая большие трудности с продовольствием, О. Степанов Кузнец оставил острог и двинулся вниз по Амуру. С устья Сунгари он отправил в Москву ясак, собранный в 1654—1655 гг., — более 120 сороков соболей, а сам ушел в низовья Амура и зимовал в Косогорском остроге.

В 1656 г. маньчжуры, продолжая опустошение амурских берегов, угнали на р. Муданьцзян дючеров. Несмотря на подрыв продовольственной базы, на которую опирались русские отряды, О. Степанову Кузнецу удалось продержаться до лета 1658 г. После зимовки в Куминском остроге («Дючерская земля») он двинулся вверх по Амуру, намереваясь соединиться в Нерчинске с силами воеводы А. Ф. Пашкова. Однако маньчжурская флотилия из 47 судов, вооруженных пушками, ниже устья Сунгари преградила ему путь. Еще ранее, в 1655 г., О. Степанов Кузнец в своих «отписках» сообщал о скудости

у него «воинских запасов» для огнестрельного оружия. По всей вероятности, это обстоятельство и предопределило поражение его «полка». Авангард русской флотилии (160—180 чел.), шедший на «легких» судах, в протоках между островами разминусь с маньчжурами, поднялся вверх по Амуру и за Малым Хинганом соединился с отрядом казаков в 30 чел., посланным А. Ф. Пашковым навстречу О. Степанову Кузнецу.

Вступив в бой с маньчжурами 30 июня 1658 г., одни русские суда были «сбиты» к берегу, другие — захвачены сразу. По противоречивым данным, от 220 до 270 казаков вместе с О. Степановым Кузнецом погибли. Одно судно с 95 казаками прорвалось в низовья Амура, какое-то число казаков спаслось, высадившись на берег. В низовьях Амура «промеж Гиляцкой и Жучерской (Дючерской. — В. А.) земли» с войсковым атаманом А. Ф. Петриловским собралось 180 казаков. Они поставили здесь острог, перезимовали, собрали ясак, а весной 1659 г. соединились в Кумарском остроге с другими 40 уцелевшими соратниками. Испытывая крайнюю нужду в продовольствии, одна часть этих казаков ушла на Олекму, другая — на Зею. Известно, что летом 1661 г. 56 амурских служилых людей добрались до Якутска. А. Ф. Петриловский к октябрю 1659 г. с группой казаков прибыл в Енисейск, а в сентябре 1660 г. — в Москву⁸⁰.

Со времени Г.-Ф. Миллера в исторической литературе сложилось мнение о том, что после поражения О. Степанова Кузнецца маньчжурские войска полностью вытеснили русских с Амура, а затем и сами оттуда ушли. В. И. Огородников даже полагал, что в этот момент русское правительство «оставило пока мысль о новом завоевании Приамурья и решило лучше укрепиться в Забайкалье, чтобы уже отсюда в случае надобности влиять и на амурские дела. Приамурье после этого совершенно запустело и казалось заброшенным краем»⁸¹. Однако сохранившиеся докладные справки Сибирского приказа и документы административной переписки свидетельствуют об обратном: даже в такой сложный период своей истории, каким были 50-е годы XVII в., местные племена на Амуре продолжали вносить ясак и не вышли из русского подданства. Несмотря на подавляющий перевес маньчжурских войск, тунгусские племена и частично местное земледельческое население предпочли российское подданство богдыханскому игу и воспротивились угону с «породных» мест⁸².

В этой же связи требует пересмотра укоренившееся в буржуазной историографии мнение о том, что русское подданство на Амуре устанавливалось исключительно силой оружия и дауро-дючерское земледелие погибло именно в результате походов Е. П. Хабарова (1649—1653). Хорошо известно, что его походы сопровождались столкновениями с даурскими и дючерскими «князцами». Однако также известно, что в 1653 г. сами дауры просили защиты от «богдойских» войск, а Е. П. Хабаров и Д. И. Зиновьев специально ставили вопрос о создании продовольственной базы на Амуре. В. И. Шунков на основе критического анализа имевшихся данных поставил под сомнение

возможность деградации местного земледелия в результате походов Е. П. Хабарова. «Отдельные эксцессы во время похода Е. П. Хабарова, очевидно, были. Возможно, что они оказали некоторое влияние на ускорение процесса разрушения дауро-дючерского земледелия. Но едва ли можно объяснить только ими процесс, начавшийся до появления Е. П. Хабарова на Амуре»⁸³, — писал он. Развивая эту мысль, можно полагать, что набеги маньчжуров уже до 40-х годов XVII в. нанесли удар по амурскому земледелию, а сгон ими дауров, гогулей и дючеров в 50-х годах лишь довершил его гибель.

В настоящее время известно, что ясак местным населением вносился на протяжении всех 50-х и 60-х годов XVII в., причем в значительном количестве. Этот факт свидетельствует о сохранении контроля русских властей над значительной частью присоединившегося к России приамурского населения и его положительном отношении к своему подданству. По итоговому приходным книгам Сибирского приказа, из «Даурской земли» ясачной и десятинной соболиной казны и всякой иной «мягкой рухляди», собранной Е. П. Хабаровым, О. Степановым Кузнецом и после них другими сборщиками, было получено в Москве в 1651/52 г. на 320 руб., в 1654/55 г. — на 4464, в 1655/56 г. — на 921, в 1658/59 г. — на 2949, в 1660/61 г. — на 1557, в 1662/63 г. — на 250 руб.⁸⁴ Эти сведения дополняются другими справочными данными Сибирского приказа: с момента приезда в Нерчинск на воеводство в 1658 г. и до 1659/60 г. А. Ф. Пашков послал в Москву соболиной казны уже своего сбора на 5244 руб., а за 1660/61—1662/63 гг. — на 13 110 руб. По всей вероятности, в указанную сумму входила и стоимость ясака, собранного А. Ф. Пашковым с приамурского тунгусского населения на протяжении 1658—1659/60 гг. и оцененного в 7866 руб.⁸⁵

Таким образом, становится очевидным, что даже после поражения и гибели в 1658 г. большей части отряда О. Степанова Кузнеця ясака было выслано в Москву больше, нежели до того (за 1651—1658 гг. на 8654 руб., а с 1658 по 1662/63 г. более чем на 18 тыс. руб.). К тому же следует иметь в виду, что крайняя малочисленность русских служилых людей в Приамурье в конце 50-х годов затрудняла взимание ясака, так как они практически не могли охватить всех ясачных людей сбором. К приезду в «Даурскую землю» нового воеводы Л. Б. Толбузина в мае 1662 г. в восточнозabayкальских острогах (Нерчинском, Иргенском, Телембинском) оставалось всего лишь 65 служилых людей (по другим данным — 114 чел.)⁸⁶. Остальные погибли в сражениях на Амуре, умерли от лишений или вернулись в Якутск и за Байкал. Разумеется, с такими ограниченными воинскими силами удерживать власть над Даурией было возможно только при лояльном отношении коренного населения. Московские власти это отлично понимали, и Сибирский приказ наказывал Л. Б. Толбузину высылать за Байкал обратно тех служилых людей, которые учинят «хотя малую обиду» ясачным людям.

Малочисленность русских гарнизонов весьма тревожила началь-

ника Сибирского приказа окольничего Р. М. Стрешнева, который в 1663 г. приказал срочно направить в даурские остроги из других сибирских городов «добрых охочих» служилых людей и обеспечить их так, чтобы «никаких нужд не было». Только на «хлебную покупку» ассигновалась огромная сумма в 1200 руб. Муку следовало закупать в Енисейске и Енисейском уезде. Служилым людям, пожелавшим остаться в даурских острогах на постоянную службу, было обещано «прибавочное» жалованье⁸⁷.

Учреждение в Забайкалье и Приамурье русского административного аппарата, явившееся следствием присоединения этих территорий к России, происходило одновременно со стихийным переселением туда крестьян и промышленников, подобно тому, как это наблюдалось в большинстве других районов Сибири. Трудно даже сказать, какое из этих явлений имело наибольшее влияние на процесс присоединения, хотя вполне очевидно, что дальнейшее хозяйственное освоение новых земель обуславливалось интенсивностью их стихийного народного заселения.

Как уже говорилось, деятельность промышленников в Сибири была первым этапом в установлении многообразных связей между русским и местным населением. Значительные партии русских промышленников находились в Забайкалье уже с середины XVII в. Немало «вольных охочих людей» приняло участие и в походах Е. П. Хабарова. В частности, в 1650 г. в составе пополнения, направлявшегося на Амур, числились 117 «промышленных охочих людей» и всего лишь 21 служилый человек. В 1651 г. из Якутска на соединение с Е. П. Хабаровым ушел отряд, состоявший из 26 служилых и 107 промышленных людей⁸⁸. Походы Е. П. Хабарова на Амур послужили толчком к массовому стихийному переселению в Приамурье русского населения из Енисейского, Красноярского, Илимского и Якутского уездов, которое приняло систематический характер. П. А. Словцов на основании не дошедших до нас сведений считал, что на протяжении 50-х годов XVII в. на Амур ушло по меньшей степени полторы тысячи человек⁸⁹. О массовом характере переселенческого движения свидетельствуют данные 1655 г., согласно которым после восстания против воеводского гнета из Прибайкалья ушли на Амур сотни промышленных и «гулящих» (т. е. свободных от тяглового обложения) людей, крестьян и служилых людей. Илимский воевода Б. Д. Оладьин сообщал об уходе в Приамурье «многих воровских русских людей» и о намерении остальных весной 1656 г. последовать их примеру. Крупнейший московский гость (купец) Е. И. Филатов, жалуюсь в Сибирский приказ на участников восстания, разграбивших его торговый караван на пути из Верхоленска в Якутск, писал: «говорят де оне, все служилые и пашенные, что де мы пошли от насильства воеводы Богдана Оладьина»⁹⁰. Якутский воевода М. С. Ладыженский, в свою очередь, сообщил в Москву в начале 1656 г. о том, что в результате этих бурных событий с 1653 по 1655 г. из Илимского и Верхоленского острогов служилые люди и крестьяне «мало не все ушли

в Дауры», у многих торговых людей имущество пограбили, а работников «поимали с собой»⁹¹.

Переселенческое движение из отдельных районов Восточной Сибири далее на восток охватило даже русских жителей Енисея и Ангары. Об интенсивности его свидетельствует история формирования отряда служилых людей, который должен был следовать в Приамурье с воеводой А. Ф. Пашковым. Из разных городов Западной Сибири (Тобольска, Тюмени, Верхотурья, Березова и др.) в его «полк» было откомандировано 300 служилых людей. А. Ф. Пашков счел эту ратную силу недостаточной и объявил в Енисейске и Братском остроге дополнительный набор добровольцев из скопившихся там «гулящих» людей. В результате было набрано еще 160 чел.⁹²

Народное переселение и движение отрядов Е. П. Хабарова и Д. И. Зиновьева осуществлялись с севера через Тугирский волок, т. е. по основному в то время пути в Приамурье⁹³. Главная роль в освоении его принадлежала русским промышленникам, изучившим восточные и юго-восточные районы Якутии по мере освоения пушных таежных угодий. Этим же путем предполагал идти в Приамурье и А. Ф. Пашков; только будучи уже в устье р. Илим, он изменил направление своего похода и двинулся через Байкал и далее на р. Селенгу⁹⁴. Масштабы народного движения на Амур были настолько велики, что сибирская администрация стала опасаться обезлюдения районов, откуда уходили переселенцы, и в 1656 г. устроила в устье р. Олекмы заставу⁹⁵.

Русское переселенческое движение в Приамурье было задержано, но отнюдь не остановлено вторжением в 50-х годах на Амур маньчжурских войск. В начале 60-х годов оно было настолько значительным, что енисейские власти, например, во избежание неприятностей в отчетах за 1664 г. и последующие годы сообщали в Москву завышенную численность местных крестьян⁹⁶. Антифеодальное народное восстание, вспыхнувшее в 1665 г. в Илимском уезде, подняло новую волну стихийного переселения в Приамурье. Восставшие, руководимые Никифором Черниговским, убили илимского воеводу Л. А. Обухова и северным путем ушли на Амур, а остальные жители готовились последовать за ними⁹⁷. Около 1670 г. служилые люди Красноярска также готовились к массовому побегу в Даурию; одна группа их выступила в поход, намереваясь соединиться с беглецами из Верхоленского острога, но была задержана в 1671 г. на Ангарской заставе⁹⁸. В 60—70-х годах в связи с оскудением якутских пушных угодий многие русские промышленники стали покидать Ленский край⁹⁹. Какая-то часть их, по всей вероятности, направилась и в Приамурье, где в это время осваивались собольиные промыслы.

К 70-м годам северные пути в Приамурье стали терять свое значение в связи с установлением более удобных южных путей по территории Забайкалья. По описанию «Чертежа всей Сибири» (1667), Тугирский волок преодолевать было крайне затруднительно: «По тому волоку болота и озера и реки, и путь нужен, потому что через те

реки и озера и болота пройдут пеши»¹⁰⁰. Тем не менее связи бассейна Лены и Охотского острога с Приамурьем поддерживались, как и прежде, по старым, ранее известным путям. Так, в тобольской редакции «Книги Большому чертежу», составленной в 1673 г., упоминался и путь на Амур с Лены по Олекме через Тугирский волок¹⁰¹. В 1674 г. на нем вновь была выставлена застава, чтобы задерживать уходивших в Даурию русских переселенцев¹⁰². Основания к беспокойству у сибирских властей безусловно имелись. В начале 80-х годов пашенные крестьяне шести волостей Илимского уезда (Нижне- и Верхнеилимской, Киренской, Яндинской, Идинской, Банзярской) показали, что многие их односельчане бежали от феодальных повинностей в даурские остроги¹⁰³. Тогда же из Енисейска с отрядом служилых людей, направлявшимся «в Дауры», ушла группа крестьян, зависимых людей и «тюремных сидельцев»¹⁰⁴.

Эти передвижения отражали миграции вторичного порядка, когда основную массу переселенцев составляло русское население, первоначально уже осевшее в Сибири, и, что весьма существенно, свидетельствовали о систематическом характере русского заселения Забайкалья и Приамурья.

После присоединения к России на забайкальские и амурские племена распространилась система управления, характерная для централизованного позднефеодального государства. Феодальные повинности коренного населения определялись ясачным режимом, основу которого составляла рента, уплачиваемая государству за пользование различными угодьями. Царское правительство, возлагая общий надзор над ясачным населением на воеводское управление, не только не посягало на власть родоплеменной верхушки над улусными людьми, но и способствовало ее укреплению. Таким образом, вся тяжесть ясачного режима ложилась на широкие слои местного населения. Родоплеменная верхушка, убедившись в том, что за ней остаются многие ее привилегии, быстро оценила выгоды своего положения. Кроме того, оживление экономической жизни в Забайкалье и Приамурье после появления там русского населения расширяло возможности обогащения местных «князцов» и «лучших людей». Русское правительство строжайше запрещало местной администрации и служилым людям наносить ясачным людям «хотя бы малую обиду».

Это требование далеко не всегда выполнялось воеводами, и их «насильства» и другие злоупотребления были обычным явлением. Однако родоплеменная верхушка быстро научилась ладить с местными воеводами, а далеко не легкие последствия административного произвола испытывали на себе рядовые ясачные люди. Из-за низкого уровня развития производительных сил ясак сплошь и рядом становился тяжелой повинностью для местного населения, усугублявшейся злоупотреблениями при его сборе. Несмотря на это, ясачные люди видели в русском подданстве определенные положительные стороны и в массе своей не желали его лишаться. В своих фискальных интересах царское правительство пресекало междоусобные столкновения,

наносившие тяжелый урон местному населению, не допускало его сгона с «породных» земель, запрещало русским «холопить» ясачных людей, довольно осторожно проводило их христианизацию и неукоснительно стремилось оградить их от иноземных вторжений. Поэтому местное население, к середине XVII в. испытывавшее ужасы военных набегов маньчжурских и монгольских войск, разорение и угон в плен, увидело в русском подданстве единственную возможность сохранить свое существование. Дальнейшая история народов Сибири показала, что присоединение к России, несмотря на все тяготы феодального гнета, не нарушило их этнического развития.

Другим, не менее существенным фактором, способствовавшим закреплению сибирских территорий в составе России, было их заселение стихийно переселявшимся на восток русским населением. Цинская династия свою агрессивную политику строила исключительно на подавлении соседних народов, а систему управления в захваченных районах подчиняла задачам военно-феодального грабежа исключительно в интересах привилегированного маньчжурского меньшинства. Присоединение же Сибири к России в своей перспективе определяло становление здесь более высокого уровня общественных и экономических отношений. Русские переселенцы, прежде всего трудовое крестьянство, поселяясь бок о бок с аборигенами, передавали им новые, несравненно более прогрессивные формы хозяйственной деятельности, способствовавшие быстрому развитию местных производительных сил. Развитие пашенного земледелия, возникновение торгово-ремесленных центров — городов было прежде всего результатом деятельности русских переселенцев. Таким образом, включение Забайкалья и Приамурья в состав России влекло за собой не только политические, но и социально-экономические и культурные последствия, являвшиеся результатом хозяйственного освоения русским населением новых территорий и его многообразных контактов с местными племенами.

§ 3. Начало хозяйственного освоения русским населением Забайкалья и Приамурья. Создание русских земледельческих районов в 50—80-х годах XVII в.

Интерес к Сибири, стремление осмыслить значение ее присоединения активно проявлялись у русских людей уже в XVII в., и описания событий в далеких «закаменных» землях (т. е. за Уральским хребтом) тогда же вошли в летописи, различные повести и путевые записки. Именно они послужили исходным материалом для отечественной историографии, внимание которой с XVIII в. приковывалось к Сибири, быть может, более, чем к какой-либо иной окраинной территории России. Этот интерес к Сибири определялся не только тем, что она стала составной частью Русского государства, но и тем, что с момента присоединения эта новая «землица» становилась «русской землей», заселялась и осваивалась русским народом.

Советская историография показала всемирное значение великих русских географических открытий, явившихся следствием практического изучения сибирских земель¹⁰⁵, и в том числе Забайкалья и Приамурья. «Чертежи» пройденным рекам были сделаны в 40-х годах XVII в. В. Д. Поярковым и его спутниками; «чертеж» Амура привез с собой в Якутск Е. П. Хабаров; служилые люди П. Бекетова в 1653 г. составили «чертежи» рек Иргень, Хилок, Ингода и Шилка. И. П. Поршенинков в 1668 г. выполнил «чертеж» Селенги¹⁰⁶, а участник похода Е. П. Хабарова С. В. Поляков в 1674 г. — «чертеж» р. Селенги и большой чертеж «Енисейскому и Селенгинскому острогам, и Даурам, и Мугалом, и Китайскому, и Никанскому государствам»¹⁰⁷. Несколько позднее, в начале 80-х годов, составлялись «чертежи» Амура и его северных притоков (Зеи и др.). Результаты практического изучения осваиваемых территорий уже в 60—80-х годах использовались при составлении общесибирских историко-географических описаний и карт. Об осведомленности русских о Забайкалье и бассейне Амура свидетельствуют произведения Н. Г. Спафария и Ю. Крижанича. В «Сказании о великой реке Амуре», принадлежащем перу Н. Г. Спафария, высказывалась мысль о возможности плавания из устья Амура в Тихий океан¹⁰⁸.

Еще более широкий вывод о направлении поисков морских путей из Европы на Восток делал Ю. Крижанич. Хорошо известно стремление западноевропейской географической мысли определить, доступен ли Северный Ледовитый океан для плаваний в Китай и Индию. Эта задача, волновавшая западноевропейских исследователей на протяжении нескольких столетий, была практически решена русскими мореходами. Обобщая сведения, поступавшие в Тобольск из разных мест Сибири и Дальнего Востока, Ю. Крижанич писал в 70-х годах XVII в.: «Сибирь, Даурия, Никания и Китай (или Сина) с востока омываются одним сплошным океаном»¹⁰⁹.

Те же мысли о возможности выхода из устья Амура в Тихий океан и дальнейшего плавания в Северный Ледовитый океан проводятся и в «Описании новья земли, сиречь Сибирского царства», составленном Н. Д. Венюковым между 1683 и 1690 гг.¹¹⁰ Любопытно, что в данном произведении Североморской путь описывается, так сказать, в обратном направлении, с Востока на Запад.

Итак, русские исследования Приамурья в XVII в. были одним из важнейших звеньев в решении географической задачи мирового значения.

Даурия представлялась русским людям землей обетованной, одаренной богатой флорой и фауной. Якутский воевода Д. А. Францбеков еще в 1650 г. считал, «что та Даурская земля будет прибыльнее Лены... и против всей Сибири будет место в том украшено и изобильно»¹¹¹. Из «Описания новья земли, сиречь Сибирского царства» видно, насколько хорошо к 80-м годам были освоены русскими природные ресурсы Приамурья: «Степные пахотные, добрые хлебородные земли, черностию земля в человеческий пояс. Да на тех же степных

местах многие соляные самосадные озера... И та земля зело добра, понеже изо всех государских сибирских городов на той Даурской земли всякой хлеб родится: рожь и яровой из единой меры родится 50, 60 и 70 мер; а по великой реке Амуре по берегам и по островам сам собой виноград растет кроме человеческого труда; в великой реке Амуре против Албазинского острога и вниз по тому ж рыб: белуг чистых, больших калужек, осетров, стерлядей, сазанов и всякой мелкой — бесчисленно много, и всякие бесчисленные ягоды родятся, иные же им имени не знати. А с левой стороны великия реки Амурса с Ленского боку от камени зело великия леса и всякого зверя без числа много и по рекам рыбы такожде много»¹¹².

~~Богатства Приамурья активно использовались русскими переселенцами. Имеющиеся данные показывают, что спустя 25—30 лет после появления русских в Забайкалье в Приамурье, к 70—80-м годам XVII в. там уже сложились экономические районы, втягивавшиеся в образующуюся систему сибирских рыночных отношений.~~

Развитие производительных сил Сибири в XVII в. прежде всего определялось важнейшей отраслью хозяйства русского населения — земледелием.

На восточном побережье Байкала, с момента основания Баргузинского острога (1648), предпринимались настойчивые попытки «завести пашню». Местные природные условия оказались неблагоприятными для земледелия, но упорные «опыты» продолжались десятилетиями¹¹³. Значительно более успешно развивалось русское хозяйство юго-восточнее Байкала — по нижнему течению Селенги, от ее устья до Селенгинского острога (Кударинская степь и район Ильинской слободы)¹¹⁴. Заселению этого района способствовало наличие большой дороги, связывавшей Забайкалье и Приамурье с западными районами Сибири. Административным и экономическим центром его становился Удинский острог, «зарубленный» в 1666 г. и расположенный «в боровом лесном месте», на краю степи. Служилые и торговые люди в 1684 г. рассказывали енисейскому воеводе князю К. О. Щербатову: «Мимо Удинской острог в Даурские и из Даурских острогов с казнами великих государей и со всякими делы, и служивым и торговым, и промышленным и всяким человеком проезд бывает большой, и в казну великих государей в том Удинском остроге пошлыны собираются; и за тем де Удинским острогом жить служилым и ясажным человеком и пашенным крестьяном от приходу воинских людей впредь будет безстрашно и оберегательно»¹¹⁵.

Выше устья Селенги в 70-х годах образовалась цепочка русских поселений, среди которых выделялись Ильинская слобода, Итанцинский и Кабанский острожки. Н. Г. Спафарий насчитал в Ильинской слободе в 1675 г. 20 дворов крестьян и служилых людей, занимавшихся сельским хозяйством. Кроме того, по его данным, между устьем Селенги и Селенгинским острогом было четыре заимки и две деревни.

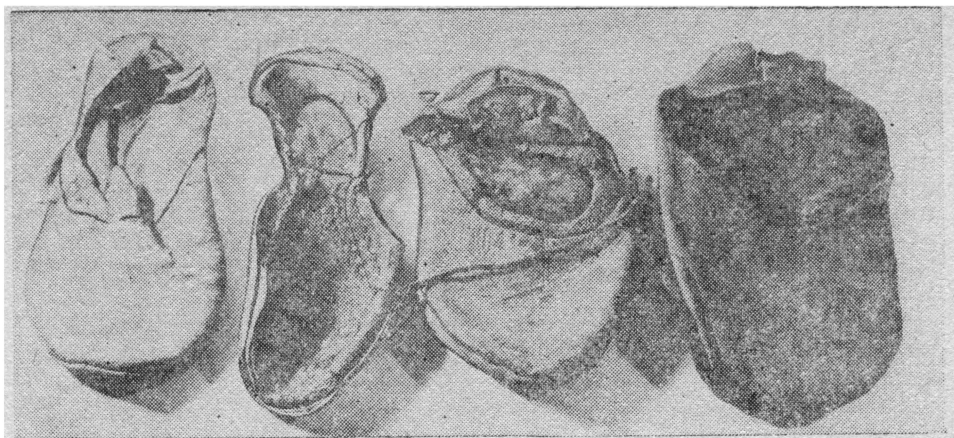
Выдвинутый в степь на рубеж «Мугальской земли», Селенгинский острог имел стратегическое значение. Несмотря на его порубеж-

ное положение, русское население интенсивно развивало здесь свое хозяйство. Земли под Селенгинском были распаханы в 1666 г., т. е. в момент основания острога енисейскими казаками и «охочими» людьми. Н. Г. Спафарий считал, что в Селенгинске проживало более 200 казаков и «гулящих» людей¹¹⁶. В 70-х годах под Селенгинском было по меньшей мере 20 крестьянских хозяйств. Некоторые служилые люди снимали со своих пашен более сотни пудов зерна¹¹⁷. Здесь же, неподалеку от острога, у соляного озера стояли варницы; развивалось там и скотоводство. В 1688 г. из-под Селенгинска только у одного местного приказчика И. П. Поршенникова было угнано неприятелем 15 голов рогатого скота, 4 верблюда и 8 лошадей¹¹⁸.

В 1670/71 г. в Селенгинском остроге было 116 служилых людей, к 1685 г. число их возросло до 157¹¹⁹. Помимо их и местных крестьян в остроге и окрестных деревнях проживало немало пришлых и, повидимому, осевших «гулящих» и промышленных людей, которые или нанимались на работы к местным земледельцам, или сами основывали свои хозяйства. В конце 1681 г. там проживало «человек со сто»¹²⁰ таких новоселов. Об интенсивности заселения района можно судить по тому, что из 116 казаков гарнизона Селенгинска 73 были поверстаны в это время из «гулящих» и промышленных людей. Всего, таким образом, в 80-х годах русское население острога и его окрестностей насчитывало несколько сот человек.

О численности постоянного русского населения в Баргузинском и Верхне-Ангарском острогах и в поселениях, расположенных далее на восток на пути к Нерчинску (в Удинском, Еравненском, Иргенском и Телембинском острогах и на Читинском плотбище, а также в Баунтовском остроге) данных нет. Известно, что в Телембинском остроге часть жителей занималась железоделательным промыслом. Кроме ремесленников в остроге в 13 дворах проживали служилые люди. Поблизости находилась заимка сына боярского Бажена Никитина¹²¹.

Более крупным районом русского земледелия стало Приамурье. Еще Е. П. Хабаров пытался на Тугирском волоке поставить острожек и поселить в нем 20 человек для заведения пашенного хозяйства¹²². Д. И. Зиновьев, прибыв на Амур, в свою очередь наказывал О. Степанову Кузнецу в районе Албазина изготовить «запасов хлебных всяких для прибылых государевых служилых людей»¹²³. Сибирские приборные служилые люди по социальному положению и трудовым навыкам были очень близки крестьянскому люду. Возможно, Д. И. Зиновьеву и удалось бы положить на Амуре начало русской пашне, если бы не вторжение маньчжурских войск. В 1654 г. П. Бекетов сделал попытку завести пашню около Шилкского острога¹²⁴. В 1658 г. нерчинский воевода А. Ф. Пашков, используя имевшихся у него служилых людей, запахал на казенные нужды под яровой и озимый клин до 120 десятин. В 70-х годах под Нерчинском существовали крестьянские хозяйства, но, по мнению В. И. Шункова, развитие там государственной (десятинной) и «собинной» крестьянской пашни имело место только с начала 80-х годов¹²⁵.

Обувь албазинцев (материалы раскопок С. В. Глинского в Албазине 1975 г.,
Институт истории, филологии и философии СО АН СССР)

В 1682/83 г. нерчинский воевода Ф. Д. Воейков писал, что «до него де, Федора, и при нем заведена в Нерчинском уезде, вниз по Шилке реке и по иным местам, пашня, и на тех де пашнях хлеб родитца добр и поселены де пашенные крестьяна, и иных де пашенных земель в Нерчинском и в Новоаргунском уездах много»¹²⁶. Специальные «досмотры» Игнатия Милованова по рекам Шилке, Нерче, Уюрге, около Аргунского острога, основанного в 1681 г., позволили Ф. Д. Воейкову сделать вывод о возможности поселения в Нерчинском уезде до 500 крестьянских семей¹²⁷. Известны данные о «поверстании» на пашню в Нерчинском уезде в начале 80-х годов ссыльных людей¹²⁸. Тогда же у некоторых нерчинских служилых людей (например, у сына боярского Никифора Сенотрусова) имелись хозяйства, где использовался вольнонаемный труд и где получали сотни пудов хлеба¹²⁹.

Однако вся история русского заселения Сибири в XVII в. показывает, что административно-полицейские меры в сельском хозяйстве не достигали эффекта. Относительно медленное развитие земледелия в Нерчинском уезде следует объяснять тем обстоятельством, что вольных переселенцев более привлекали земли по берегам Амура в районе Албазина. Поэтому Нерчинск считался «бесхлебным» городом, и обеспечение его из Прибайкалья доставляло много хлопот сибирской администрации.

Зимой торговые люди, скупавшие в Братском остроге овес, рожь и пшеницу, на лошадях перевозили хлебные грузы в Илимск. Оттуда они следовали в Иркутск и далее до Удинска водным путем по Ангаре, Байкалу, Селенге и Уде; до Ингоды зерно доставлялось во вьюках, а от Читинского плотбища до Нерчинска — сплавом на плотах. Казенные хлебные запасы нерчинские служилые люди обя-

зывались перевозить сами. В одной своей челобитной они ярко описали трудности пути из Удинска до Нерчинска, на который уходило до трех месяцев¹³⁰.

По наблюдениям Н. Г. Спафария, в 1675 г. в Нерчинске проживало около 200 служилых людей, которым принадлежало 60 дворов. Комплектовались они в основном из числа «гулящих» и промышленных людей. После 1664 г. и до 80-х годов значительных наборов служилых людей в Западной Сибири для Нерчинска не проводилось, и тем не менее местный гарнизон вырос со 129 чел. в 1670 г. до 191 чел. в 1677 г.¹³¹

В рассматриваемое время Нерчинск становился местным экономическим центром, который притягивал к себе не только разных торговцев, но и немало «гулящих» и промышленных людей. В 1673/74 г. в Нерчинске было поверстано в служилые люди 20 «гулящих» людей, пришедших туда из сибирских городов¹³². В начале 1682 г. во время одного из походов нерчинских служилых людей поддерживали 46 промышленников¹³³. По свидетельству нерчинского сына боярского И. Милованова, в 1684 г. в Нерчинском, Еравненском, Иргенском, Телембинском и Аргунском острогах насчитывалось до 200 промышленных и «гулящих» людей¹³⁴. Тогда же в Нерчинске длительное время находились по каким-то своим делам 11 служилых и 8 посадских людей, приехавших туда из Енисейска¹³⁵.

Таким образом, в Забайкалье, включая район Нерчинска, по явно неполным данным, в начале 80-х годов проживало свыше 350 служилых людей и примерно столько же промышленников, «гулящих» людей и крестьян.

Наиболее интенсивно формировалось русское население и развивалось его хозяйство собственно на Амуре, в наиболее восточном районе русского заселения.

Возможно, со временем найдутся документы о русских земледельческих поселениях на Амуре 50-х годов XVII в. В истории Сибири случаи, когда в отдельных районах административная власть устанавливалась позже, чем там появлялись русские переселенцы, не так уж редки. Активное развитие русского земледелия на Амуре началось с 60-х годов, причем, что весьма существенно, не по указанию местных властей, а по инициативе вольных русских переселенцев. За короткое время здесь сформировался целый земледельческий район.

Центром русских поселений на Амуре был Албазинский острог, сыгравший, несмотря на свое непродолжительное существование, весьма заметную роль в истории русского заселения Сибири. Еще в 1651 г. Е. П. Хабаров зимовал в городке даурского князя Албазы. В «Списке с чертежа сибирския земли» (1672) говорится, что Албазин возник именно на месте этого городка¹³⁶. Как русское поселение Албазин был основан в 1665 г. русскими людьми, которые пришли из Прибайкалья после восстания и расправы над илимским воеводой Л. А. Обуховым. В дореволюционной русской историографии сложилась далекая от истины трактовка обстоятельств возобновления Ал-

базина, П. А. Словцов, В. К. Андриевич и другие дореволюционные ученые значительно больше внимания уделяли не собственно истории заселения берегов Амура в 1665 г., а личности Никифора Романовича Черниговского. В их глазах ссыльный, не то поляк, не то украинский казак, которому в Сибири было доверено руководство Усть-Кутской государственной солеварней, представлял только как государственный преступник, коль скоро он, движимый к тому же личным оскорблением, нанесенным ему Л. А. Обуховым, поднял антифеодальное восстание¹³⁷.

Эти историки считали, что в дальнейшем, обосновавшись на Амуре, Н. Р. Черниговский, стремясь загладить свою вину перед правительством, собирав ясяк с местных жителей и в 1672 г. добился не только прощения, но и награды. Так создалось мнение о «воровском» происхождении Албазина, основанном государственными преступниками за пределами российской территории. Фактически это мнение лишь подтверждало версию, выдвинутую богдыханским правительством Китая вскоре же после появления Н. Р. Черниговского на Амуре.

Между тем причины восстания в Прибайкалье в 1665 г. достаточно ясны. Сами восставшие говорили, что убили они Л. А. Обухова «за невозможное свое терпенье, что он, Лаврентей, приезжая к ним в Усть-Киренскую волость, жен их насильничал, а животы их вымучивал»¹³⁸. Восстание, за которым последовала очередная переселенческая волна на Амур, прежде всего было вызвано феодальным гнетом, который усугублялся личным произволом местного воеводы. Причины, которые привели Н. Р. Черниговского в ссылку, неизвестны. По своему положению вряд ли он питал какие-либо симпатии к местным административным лицам. Но, конечно, говорить об инициативе Н. Р. Черниговского в организации восстания и переселения на Амур не приходится. Скорее всего, он присоединился к восстанию, воспользовавшись народным возмущением для расправы с Л. А. Обуховым и, возможно, в силу личных причин оказался во главе восставших¹³⁹.

Русские переселенцы, переваливая через Уральский хребет, стремились прежде всего уйти от феодального гнета помещиков и царской администрации. Внутрисибирские миграции русского населения в XVII в. сплошь и рядом объяснялись этой же причиной. Однако как бы ни стремилось русское трудовое население избежать «опеки» воеводского управления, оно не ставило перед собой задачи выйти за границы государства или отложиться от него.

Наивная мечта жить «особь», т. е. вне феодальных повинностей, отчетливо проявилась в многочисленных народных восстаниях, которые поднимались русскими поселенцами в Сибири на протяжении всего XVII в. Восставая, народные массы пытались или выйти из-под власти того или иного воеводы, насилия которого становились невыносимыми, или вовсе добиться освобождения от воеводского управления; в последнем случае население либо уходило в новые, необжитые еще места, либо требовало самоуправления. Обстоятельства русского заселения Амура в 50-х и особенно в 60-х годах подтверж-

дают эти специфические особенности истории освоения Сибири.

Основная масса переселенцев ушла на Амур в 60-х годах, стремясь избавиться от феодального гнета, но отнюдь не собиралась выйти за границы российской государственности, поскольку район Албазина вошел в состав владений России еще во времена походов Е. П. Хабарова. После постройки Албазина поселенцы сразу взяли на себя выполнение такой важной государственной функции, как сбор ясака с перешедшего в 50-х годах в российское подданство местного населения. От нерчинских воевод албазинские служилые люди даже требовали не смешивать собранный ими ясак с нерчинским сбором и пересылать его в Москву отдельной партией, опечатанной албазинской печатью, чтобы Сибирский приказ не обвинил их в утайке мехов¹⁴⁰. Ясачные книги бережно хранились в Албазине вместе с другими официальными документами¹⁴¹. В то же время албазинское население старалось обезопасить себя от проявлений феодального гнета. Оно прежде всего боролось за право выбора местной приказной администрации, а также решительно выступало против наиболее тяжелой формы феодальной эксплуатации — десятинной (государевой) пашни, повсеместно вводимой в Сибирь.

Стремление к самоуправлению не было специфической особенностью жизни албазинского населения. На протяжении всего XVII в. традиции и нормы казачьего самоуправления, занесенные в Сибирь, сохранялись, и прежде всего в войсковом устройстве. В местных сибирских гарнизонах помимо официального воинского управления дела вершило и неофициальное или полуофициальное сообщество — «войско». В деятельности такого войскового совета выражались многие нормы самоуправления. Очень четко руководящая роль этих советов проявлялась во время народных восстаний в сибирских городах с середины XVII в. и до его последних десятилетий¹⁴².

Со своей стороны, нерчинские воеводы посылали в Албазин «указные памяти» по различным вопросам управления и принимали собранный ясак, тем самым признавая правомочность действий Н. Р. Черниговского в пределах российской территории. Таким образом, фактические административные связи с Албазином никогда не прерывались, хотя, разумеется, ни центральная, ни сибирская администрация не могла одобрительно относиться к «самовольству» албазинского населения и стремилась поставить его в условия феодального управления и эксплуатации, общие для всей Сибири.

Правительство царя Алексея Михайловича за убийство Л. А. Обухова заочно приговорило Н. Р. Черниговского и группу его соратников к смертной казни. Несколькое позднее, в 1672 г., по предложению тобольских властей, правительство сочло более целесообразным «утишить» народное возмущение, помиловав участников Илимского восстания 1665 г., однако приказиком Албазина оно официально назначило Любима Евсеева¹⁴³. Местное население, по всей вероятности, поддерживало Н. Р. Черниговского, и сместить его удалось далеко не сразу, несмотря на появление в Албазине Л. Евсеева. При-

бывший в Нерчинск в ноябре 1673 г. новый воевода П. Я. Шульгин вскоре сообщил в Москву о посылке в Албазин на место Н. Р. Черниговского нерчинского служилого человека Семена Вешняка¹⁴⁴. Сохранился «рописной список», датированный 12 февраля 1674 г., по которому сын боярский С. Вешняк принял от Н. Р. Черниговского Албазинский острог¹⁴⁵. Тем не менее казачий круг, на котором избирался атаман, в Албазине продолжал функционировать и Н. Р. Черниговский сохранил свою власть. В апреле 1674 г. он возглавлял отряд албазинских казаков, ходивших по приказу П. Я. Шульгина вместе с нерчинскими служилыми людьми в поход на табунотов в Еравненскую степь¹⁴⁶.

Борьба за ликвидацию выборности местного управления находилась в прямой связи с распространением на албазинское население повинности по обработке десятинной пашни. Еще в 1667 г. нерчинский воевода Л. Б. Толбузин попытался учредить в Албазине десятинную пашню и направил туда пять крестьян, подписавших порядные записи. Однако албазинцы убедили новоселов поднимать только свои, «собинные» пашни¹⁴⁷. До начала 1674 г. пашенных крестьян больше в Албазин не присылали, и в «рописном списке» С. Вешняка перечислены только указанные выше люди. Албазинские земледельцы противились распространению десятинной пашни, в частности, потому, что под нее отводились лучшие, уже освоенные ими земли.

Новую попытку завести в Албазине десятинную пашню предпринял нерчинский воевода П. Я. Шульгин, который на протяжении 1674—1677 гг. отправил в Албазин две партии ссыльных (47 и 27 человек)¹⁴⁸. По этому поводу в 1675 г. между албазинским населением и П. Я. Шульгиным разгорелся конфликт, в котором деятельное участие принял и Н. Р. Черниговский. По требованию албазинских служилых людей он поверстал в военную службу ссыльных, которых П. Я. Шульгин определил в пашенные крестьяне и обязал пахать десятинную пашню. Вскоре нерчинский служилый человек Надей Иванов донес воеводе, что и ранее прибывшие в Албазин ссыльные будто бы «живут вольно и государевой пашни не пашут, а поноровкой албазинских казаков пашут свои собинные пашни и хлеба напахивают довольно»¹⁴⁹. П. Я. Шульгин немедленно донес в Москву о «самовольстве» албазинского населения и Н. Р. Черниговского (дальнейшая судьба этого казацкого предводителя неизвестна).

С 1675 г. несмотря на сопротивление албазинцев, нерчинские власти добились ликвидации выборности приказчиков в Албазине и учреждения там десятинной пашни, хотя ее обрабатывали, по-видимому, только ссыльные (всего 47 человек). Тем не менее служилые албазинские люди продолжали бороться за право участия в управлении. Даже «добрые» албазинские казаки, сопровождавшие в это время Н. Г. Спафария на пути в Пекин, вполне определенно объясняли ему свою позицию: великому государю они с «великим радением служат, и впредь потому ж обещают... только меж ими и меж Павлом Шульгиным учинились ссоры для того, что они не приняли

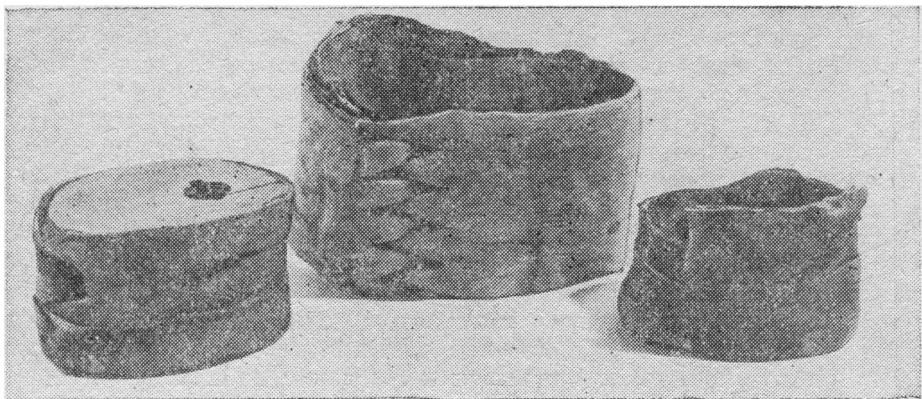
тобольского казака одного, которого он послал владеть ними, потому что он хотел завести кабак и иные непристойные речи в остроге, а просили они, чтоб он дал им из старых даурских служилых людей начальников, и он им не дал, и оттого учинились ссоры»¹⁵⁰.

В 1676 г. албазинские казаки обвинили в ростовщичестве приказчика Т. Фролова и учинили над ним суд¹⁵¹. В 1681 г. нерчинский воевода Ф. Д. Воейков негодовал на албазинских казаков, «приверставших» в службу 99 человек и увеличивших свою численность вдвое¹⁵². В 1682 г. албазинские казаки выступили против Ф. Д. Воейкова, защищая прерогативы казачьего круга. Как и раньше, казаки заявили Ф. Д. Воейкову: «Нерчинских детей боярских и казаков в Албазин на приказ не примем и не хотим де мы быть у них под началом, и вели де у них быть на приказе албазинским козакам». Ф. Д. Воейков попытался опереться в Албазине на местных крестьян и промышленных людей, но ничего не добился и вынужден был согласиться на избрание приказчиком албазинского десятника Ивана Войлочникова, а также выдать казакам недоплаченное ранее жалование¹⁵³. На этот раз правительство иначе отнеслось к столкновению албазинского населения с нерчинскими властями и, отзывав из Нерчинска Ф. Д. Воейкова, назначило над ним сыск, который был поручен впервые посланному в Албазин воеводе А. Л. Толбузину.

Население Албазина — и казаки и крестьянство — сложилось из вольных переселенцев, лишь крайне незначительную часть его составляли присланные в 1674—1677 гг. ссыльные — 74 человека.

К 80-м годам Амурский район оказался наиболее заселенным по сравнению со всем Забайкальем. Более того, несмотря на порубежное положение, большая часть его русского населения состояла из невоенных людей — крестьян, промышленников и «гулящих» людей. Собственно албазинских казаков в начале 80-х годов было 222¹⁵⁴, причём до этого времени власти не пополняли гарнизона Албазина служилыми людьми из других мест. О численности крестьянского населения Албазинского уезда к 80-м годам существуют разные мнения. В. И. Огородников называет цифру 410—420, П. Т. Яковлева — около 500, Б. О. Долгих — 330 человек¹⁵⁵. Помимо крестьян там более или менее постоянно находилось несколько сот промышленников и «гулящих» людей, занимавшихся пушным промыслом, самостоятельно обрабатывавших пашню или нанимавшихся работниками на мельницы, уборку урожая и т. п. Летом 1684 г. в Албазине собралось до 250 промышленников, значительная часть которых намеревалась уйти осенью на охоту. Кроме них какое-то количество промышленников уже находилось на промыслах на Зее и Селемдже¹⁵⁶. Следовательно, к началу 80-х годов в бассейне Амура от устья Аргуни до Зеи проживало, по минимальным подсчетам, до 800 человек русского населения мужского пола (крестьян, промышленников, казаков). По явно неполным данным, там насчитывалось более 300 членов их семей — женщин и детей.

Центр этого района, Албазинский острог, стоял в широкой до-

Берестяная и деревянная утварь албазинцев
(материалы раскопок С. В. Глинского в Албазине 1975 г.)

лине Амура на высоком береговом мысу. В 1680 г. он представлял собой четырехугольник со стенами общей протяженностью до 160 саженьей, над которыми возвышались три башни. Острог был окружен рвом, имевшим три сажени в ширину и полторы — в глубину; за рвом, с двух сторон острога, в два яруса были вбиты в землю надолбы и в шесть рядов — «чеснок». В остроге находились две церкви (Вознесения и Николая-чудотворца), приказная изба, другие служебные помещения и четыре жилых двора, в том числе и воеводский двор. Подле острога находился посад с 53 «жилецкими» дворами и сразу же начинались пашни. Албазинский казачий атаман И. Коркин насчитывал в 1680 г. под самым острогом до 50 вновь поселившихся крестьян¹⁵⁷.

На амурских берегах ниже устья Аргуни было расположено более 20 русских сельскохозяйственных поселений — слобод, деревень, заимок. У самого устья Аргуни находилась Усть-Аргунская (Усть-Стрелочная) деревня с окружавшими ее заимками (в частности, заимка сына боярского Г. Лоншакова). Несколькими верстами ниже устья р. Амазар (Большая Горбица) справа в Амур впадает р. Вяткина, на которой, по-видимому, стояла одноименная деревня. Далее, в устье р. Урки, откуда начинался путь на север к Тугирскому волоку, находилась Перелешина заимка, а еще ниже по Амуру — деревня Игнашина. Несколько выше устья р. Олдой стояла деревня Паново. По-видимому, в том же районе, в полутора днях пешего хода от Албазина, раскинулась целая группа селений, так называемые Ондокомские заимки¹⁵⁸. В непосредственной близости от Албазина, в полутора верстах от него вверх по Амуру, был основан Спасский монастырь, при котором существовало подворье¹⁵⁹. По другую сторону Албазина, в одной версте вниз по Амуру, монастырские старцы в урочище Брусной Камень выстроили еще пустынь с церковью и

основали свое пашенное хозяйство, привлекая к работе наемных промышленных и «гулящих» людей. Там же жили и пашенные крестьяне¹⁶⁰. Также несколько ниже Албазина, но на противоположном, правом берегу Амура стояла деревня Чулкова, где жили крестьяне Андрей Чулков «с товарищи»¹⁶¹. Еще ниже, в 10 верстах от Албазина, находилась Большая заимка, пятью верстами далее — Шингаловская, а еще далее — Монастырская, деревни Солдатова и Погодаево¹⁶². В трех днях водного пути вниз от Албазина, на Лавкаевском лугу, выросло одно из самых крупных амурских селений — Покровская слобода. Здесь была построена часовня. Население слободы и окрестных заимок состояло из 70—80 крестьянских семей. Основана она была в середине 70-х годов ссыльными людьми, к которым в дальнейшем подсеялись различные «прихожие» люди. Управлялась слобода приказчиком — казачьим атаманом И. Коркиным, который имел здесь свое хозяйство¹⁶³. Наиболее отдаленной от Албазина считалась деревня Андрушкина, стоявшая в 140 верстах ниже острога, в устье р. Буринды. Албазинский казак Константин Емельянов рассказывал в Москве в 1680 г., что албазинские пашенные крестьяне живут вниз по Амуру до устья Нижней Погромной речки¹⁶⁴. Упоминаются еще несколько деревень, существовавших в то время на Амуре, — Озерная, село Ильинское¹⁶⁵.

Таким образом, в 70-х — начале 80-х годов земледельческие селения крестьян, служилых и промышленных людей тянулись по берегам Амура, от устья Аргуни до Албазина и далее, на протяжении приблизительно 300 верст; Верхний и частично Средний Амур представлял собой заселенный, обжитый и энергично осваивавшийся район. В 1685 г. в Албазинском уезде было засеяно более 50 десятин на государственной пашне, «да козацки, крестьянские пахоты и присевок всяких чинов людей всякого хлеба десятин с 1000 и больше»¹⁶⁶. Даже в 1686 г., в условиях военных действий, албазинское население сумело засеять более 500 десятин¹⁶⁷. Для помола зерна строились мельницы (в Покровской слободе, на Брусном Камне — две монастырские мельницы, мельница торгового человека Ф. Бурдуковского и др.). Ушедший из Албазина после его захвата в 1685 г. маньчжурами казак Василий Никифоров рассказывал в Якутске, что неприятель захватил у албазинского населения большое количество скота — более двух тысяч голов¹⁶⁸.

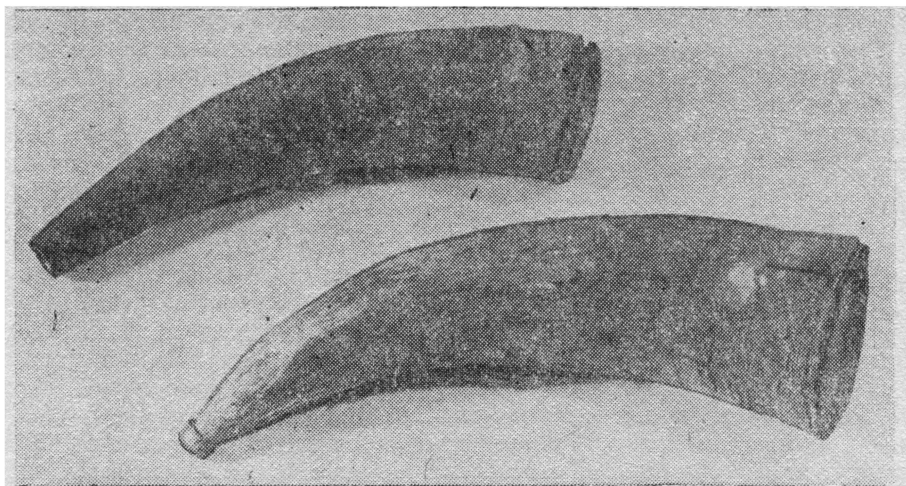
В отличие от всего Забайкалья Албазинский уезд в 60—80-х годах XVII в. никогда не снабжался хлебом. Русское население за короткое время создало здесь хлебопроизводящее хозяйство, продукты которого не только удовлетворяли местные потребности, но и вывозились в Нерчинск. В 1681 г. нерчинский воевода Ф. Д. Воейков закупил в Албазине для себя значительный запас хлеба и выслал за ним крупное речное судно — дощаник с наемными людьми¹⁶⁹. Цены на продукты питания в Албазине были сравнительно с Забайкальем невысоки. В конце 1682 г. (или в начале 1683 г.) албазинские крестьяне в челобитной, описывая свои хозяйственные невзгоды, сообщали,

что полтина или 20 алтын за пуд пшеницы были дорогой ценой, а 10 алтын за пуд — дешевой¹⁷⁰. В феврале 1686 г. когда под Албазин беспрестанно подходили неприятельские отряды и разоряли селения, цены на хлеб были даже ниже: пуд ржи продавался по 2 алтына 4 деньги, пуд пшеницы — по 4, пуд гороха и конопли — по 10, а пуд ячневой крупы — по 8 алтын 2 деньги¹⁷¹. В «бесхлебных» же острогах Забайкалья хлебные цены колебались в зависимости от привоза очень сильно. В 1681 г. в Нерчинске пуд ржаной муки стоил около полутора рублей, а в наиболее благоприятный 1685 г. — не менее четырех гривен¹⁷².

Развитие земледелия русских поселенцев на Амуре примечательно тем, что оно происходило почти без поддержки государственной власти. Скудная помощь оказывалась только немногочисленным ссыльнопоселенцам. В 1676 г. из Москвы на «подмогу» амурским крестьянам было выслано 250 руб., а в 1678 г. они должны были получить из Енисейска через Нерчинск 129 топоров, 100 сошников, 200 кос-горбуш и 200 серпов; в мае 1681 г. из Нерчинска в Албазин для уборки урожая с десятинной пашни власти отправили 150 кос и 150 серпов и обещали помочь лошадьми. Впрочем, по «скаске» приезжавших в Москву албазинцев, все эти посылки поступали в Албазин не полностью.

В 1683/84 г. на покупку одежды для албазинских крестьян казна выделила 86 руб. 20 алтын¹⁷³. О незначительности этой помощи, предназначавшейся к тому же для немногих переселенцев, можно судить по челобитной ссыльных. «Ссуда нам давана из твоей, великого государя, казны небольшая, — писали они, — даваны были кони старые и жеребята молодые, ни в соху, ни в борону не годились, и с нужи многие у нас перепропали; а ральники даваны нам старые и ломаные. И мы... имали кони в долги у торговых людей дорогою ценою, рублей по двенадцати и болши, а ральники рубли по три... И ныне нам, бедным, долгов стало платить нечем, многие стоим на правеже и окупиться нечем, место стало крайное, всячина дорога»¹⁷⁴. Основная масса земледельцев вынуждена была обзаводиться всем хозяйственным инвентарем и скотом самостоятельно.

Как ни труден был для русских переселенцев процесс освоения берегов Амура, к 80-м годам успех их хозяйственной деятельности становился очевидным. Именно это обстоятельство обусловило возможность дальнейшего сельскохозяйственного освоения северных притоков Амура, прежде всего бассейна Зеи, и позволило местным властям создать в глухих таежных районах Северного Приамурья ряд спорных пунктов для сбора ясака. В отличие от 50-х годов, когда в русское подданство переходило население, обитавшее собственно по берегам Амура вплоть до его устья и в низовьях Сунгари и Усури, в 70-х — начале 80-х годов этот процесс охватил северные притоки Амура — Зею и ее приток Селемджу, Бурею и Амгунь. Тем самым создавалась взаимосвязь между действиями властей Албазина и Удского острога.

Пороховницы албазинцев
(материалы раскопок С. В. Глинского в Албазине 1975 г.)

Перспективность освоения Зеи была выяснена в конце 70-х — начале 80-х годов. В 1677 г. в верховьях Зеи был основан Верхозейский острог. Вопреки мнению С. В. Бахрушина, русские остроги на р. Зее и ее притоке Селемдже были «зарублены» албазинскими казаками в 1679—1681 гг. не «на свой риск»¹⁷⁵, а по указанию нерчинской и албазинской администрации. В июне 1679 г. албазинский приказчик Г. Лоншаков отпустил из Албазина 50 казаков под командой Гаврилы Фролова для дальнейшего «проведывания» р. Зеи. Отряд Г. Фролова на трех дощаниках дошел по Амуру до устья Зеи, поднялся по ней до устья Селемджи, где разделился. Г. Фролов с 30 казаками двинулся вверх по Селемдже и, добравшись к ее верховьям «к заморозу», в устье р. Бысы поставил Селемджинский острог и зимние избы. Несколько выше острога построила промысловое зимовье партия зверопромышленников из 30 человек, пришедшая туда вслед за Г. Фроловым на двух дощаниках. Поход для отряда Г. Фролова оказался тяжелым: казаки «немного все не померли» с голоду. Ровно через год они вернулись в Албазин и привезли 10 сороков соболей, полученных с объясаченных тунгусов; вместо них на Бысу ушел с 30 казаками Иван Кудря.

Другая часть отряда Г. Фролова под начальством Федора Евсева и Ефрема Григорьева двинулась к верховьям Зеи и за семь недель добралась до Верхозейского острога. С местных тунгусов поступал довольно большой ясак, и в остроге, ежегодно сменяясь, находилось по 20—30 албазинских казаков. После возвращения участники похода сообщили в Албазине, что по берегам Зеи множество пашенных мест и покосов, зато по Селемдже идут черные леса, места лес-

ные, болотистые, каменистые и пашни заводить нельзя¹⁷⁶. По-видимому, именно после этого сообщения в Албазине было решено приступить к расширению амурской пашни. Уже летом 1680 г. в низовья Зеи ушел отряд албазинских служилых людей в 20 человек во главе с Григорием Самойловым. Он построил на Зее, несколько ниже устья Селемджи, в устье р. Долонец (Долонка), острог, посеял озимый «хлебный опыт» и летом 1681 г. вернулся в Албазин, где сообщил, что земля там добрая и на Зее можно поселить до тысячи крестьянских семей¹⁷⁷. Возле Долонского острожка сразу же осели «охочие» пашенные и промышленные люди, пришедшие с Самойловым по своей инициативе¹⁷⁸.

В это же время происходило объяснение тунгусского населения на Амгуни. В 1680/81 г. якутские казаки из Удского острога прошли на Амгунь, частично объяснили местных тунгусов и выяснили возможности пушного промысла вплоть до ее низовьев. В 1682 г. тунгусы, обитавшие на р. Тугуре, сами просили служилых людей поставить острог у устья р. Немила, вблизи их рыбных ловель, и собирать с них там ясак. В 1683 г. на Амгуни якутскими и албазинскими казаками и промышленными людьми было основано Дукинское зимовье. По соглашению, заключенному между ясачными сборщиками, ясак с местных тунгусов должен был поступать в Албазин.

Отряд албазинских казаков в этом походе, как и на Зее, возглавлял Г. Фролов. По возвращении он доложил властям, что русское подданство приняли тунгусы шамагиры, обитавшие по Бурее, и тунгусы четьлюкигиры и дилкагиры, населявшие берега Верхней и Средней Амгуни и междуречье Амгуни и Амура¹⁷⁹.

Инициатива нерчинских и албазинских властей по освоению бассейна Зеи была поддержана Сибирским приказом. В феврале 1681 г., когда Г. Самойлов зимовал на Зее, нерчинский воевода Ф. Д. Воейков получил из Москвы грамоту, согласно которой ему вменялось в обязанность провести детальное описание бассейнов Зеи и Селемджи и поставить острог на Селемдже. Выполнение этой задачи было возложено в апреле 1681 г. на нерчинского сына боярского Игнатия Милованова. На р. Зее, выше Долонского острога и ниже устья р. Бирясы (Брянты), против Баба-озера он построил новое ясачное Зейское зимовье и в феврале 1682 г. прислал в Нерчинск «чертеж» и описание зейских острогов, ясачных зимовий и пахотных угодий по Зее и Амуру, которые были тотчас направлены в Москву. Данные этого «досмотра» совпадали с наблюдениями Г. Фролова и Г. Самойлова. О Зее, ее низовьях и землях, тянувшихся от Албазина вниз по Амуру, И. Милованов писал: «А по Зие в среднем и в верхнем улусах пашнишки были небольшие неугодные... а от Зии и от Амура за лугами ниже Томи реки ялани сильныя большия, нисповедимыя, сильно добрыя хлебородныя места, подобны сибирским яланям, мочно завести большия пашни, населитца пашенных крестьян тысяча и болши; а ялани преж сего напахиваны и для мельнишного строения речки в яланях есть...»¹⁸⁰.

Использовать результаты этих изысканий на Зейско-Буреинской низменности не позволило вторжение маньчжурских войск на Амур в 1683 г.

К этому времени в Забайкалье и Приамурье, по ориентировочным подсчетам, русское мужское население превышало полторы тысячи человек (в Селенгинском, Телембинском острогах, Нерчинске и Албазине служило не менее 600 казаков; какое-то количество их было в Удинском, Баргузинском, Верхне-Ангарском, Баунтовском, Еравненском, Иргенском острогах. В низовьях Селенги, около Селенгинского острога, жило до 50 крестьянских семей, в районе Албазина — более 300; небольшое число крестьян осело также под Удинском и Нерчинском. Кроме того, в Забайкалье и на Амуре числилось свыше 500 промышленных и «гулящих» людей).

Большую часть их составляли мирные переселенцы. Известно, что у русских амурцев были семьи; в районе Албазина насчитывалось несколько сот женщин и детей.

Вся территория собственно Амурского бассейна и северных притоков Амура в 1684 г. была выделена из Нерчинского уезда и вошла в состав самостоятельного воеводства с центром в Албазине. Границы Албазинского уезда формировались в процессе принятия русского подданства местным населением и создания на Амуре русскими переселенцами сельского хозяйства начиная с середины XVII в. до 80-х годов. Южные пределы его проходили по Амуру (от слияния Аргуни и Шилки до Амурского лимана) и низовьям Сунгари и Уссури, а северные — по верховьям Зеи, Уды, Селемджи и левых притоков Амгуни. В 80-х годах представители русской администрации постоянно осуществляли свои функции по Амуру вплоть до устья Буреи и на всех северных амурских притоках, за исключением низовьев Амгуни.

С образованием Албазинского уезда окончательно сложилась система административного управления Сибири, присоединение которой с политической точки зрения было неразрывно связано с процессом ее стихийного заселения русским народом и внедрением новых форм хозяйства.

§ 4. Промысловая деятельность русского населения в Забайкалье и Приамурье. Начало горнорудных разработок. Торговые связи

Пашенное земледелие далеко не исчерпывало всех форм хозяйственного освоения русским населением Забайкалья и Приамурья. Для развития местных производительных сил важное значение имела его промысловая и торговая деятельность, а также первые опыты по разработке полезных ископаемых.

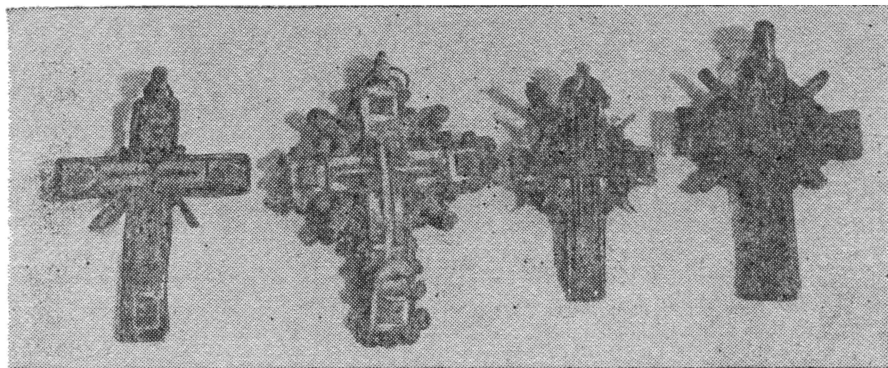
Охотничий промысел помимо районов, прилегающих к восточному побережью Байкала, был развит на Шилке (мех соболя, рыси, лис, белки, россомахи, волка), около Еравненского острога, в верховьях Витима (мех соболя, рыси; рога, мясо и шкура изюбра) и вниз

по Амуру, на Зее и ее притоках¹⁸¹. Из Якутии промышленники спу-
скались на Бурею и Амгунь, осваивали районы, прилегавшие к ни-
зовьям Амура и побережью Охотского моря. По всей вероятности,
наибольшее количество зверопромышленников собиралось в При-
амурье, где к 80-м годам XVII в. богатое русское купечество уже
имело свои ватаги. Это свидетельствует о развитии промыслов в
Приамурье, так как крупные предприниматели вкладывали капитал
только в такое дело, которое сулило значительную прибыль. Развитие
земледелия и, следовательно, наличие достаточных запасов продо-
вольствия в Албазине стимулировали приток зверопромышленников
на Амур».

Поиски полезных ископаемых велись в XVII в. по всей Сибири.
В наказы, выдаваемые Сибирским приказом воеводам, отправляв-
шимся из Москвы, обязательно включалось предписание об органи-
зации геологической разведки. Русское правительство особенно инте-
ресовалось месторождениями золота и серебра, драгоценными кам-
нями, «различным узорочьем», а также железными, медными, свин-
цовыми рудами, разработка которых освободила бы Сибирь от необ-
ходимости завозить металлические изделия из европейской части
страны. Большую помощь русским рудознатцам оказывали абориге-
ны; в дальнейшем в ряде мест на базе их примитивных горных вы-
работок возникли значительные для того времени металлургические
центры.

Первые сведения о наличии серебряных месторождений в При-
байкалье поступили в Енисейск еще в 20-х годах XVII в. Сибирский
приказ сразу же обратил на них внимание и отправил из Енисейска
по Ангаре в «Братскую землю» экспедицию Я. И. Хрипунова, кото-
рая потерпела, однако, в 1631 г. полную неудачу. С тех пор каждый
предводитель отрядов служилых людей, отправлявшихся на восток,
обязывался собирать сведения о рудных месторождениях. В Забай-
калье такие поиски велись с 40-х годов. В 1640 г. Максим Перфильев,
будучи в верховьях Витима, прознал о разработке серебряных, же-
лезных и свинцовых руд даурскими племенами на Шилке. В. Д. По-
яров проводил о разных рудах в Приамурье. В 1647 г. Василий Ко-
лесников занимался сбором таких же данных среди местного насе-
ления по Баргузину, Селенге и среди монгольских «князцов»; он же по-
слал какой-то «золотые и серебряные руды опыт» в Москву. В 1653 г.
П. Бекетов также искал на оз. Иргень и р. Шилке серебряную руду¹⁸².
Располагая определенными сведениями о рудных богатствах Забай-
калья, правительство систематически и настойчиво требовало от мест-
ных властей продолжения горных разведок и обязывало их присту-
пить к эксплуатации месторождений. Особенно активно, «с великим
домогательством», такие поиски в Забайкалье стали проводиться с
начала 80-х годов.

В 1682 г. воевода Енисейска А. П. Салтыков, ссылаясь на полу-
ченную из Москвы грамоту, указывал нерчинским и селенгинским
властям на важность поисков различных руд и выяснения возмож-

Нательные кресты албазинцев (материалы раскопок С. В. Глинского в Албазине 1975 г.)

ности их промышленной разработки, требовал немедленно отправлять в Москву опытные плавки и предписывал проводывать и описывать рудные месторождения тайно, чтобы от «воинских людей было бесстрашно». В случае необходимости А. П. Салтыков обещал прислать мастеров и «всяких припасов», нужных для опытных плавок¹⁸³. В начале 1684 г. новый енисейский воевода К. О. Щербатов об этом же писал иркутскому воеводе Л. К. Кислянскому¹⁸⁴.

После нескольких разведок в 70-х годах нерчинские власти положили начало опытной эксплуатации свинцовых и серебряных месторождений, на базе которых в дальнейшем возникли знаменитые Нерчинские заводы. В 1676 г. ясачные монголы донесли нерчинскому воеводе П. Я. Шульгину, что «обыскали» около Аргуни серебряную и оловянную руду, а вскоре тунгусы показали нерчинским служилым людям Ф. Свешникову и В. Милованову и путь к этим месторождениям. Оказалось, что кем-то и когда-то они разрабатывались: в районе сохранились старые плавильни и глубокие выработки. В 1678 г. нерчинский бронный мастер Кузьма Новгородов из привезенных руд выплавил свинец с оловом. Образцы руд и плавки были посланы в Москву, где мастера Золотой палаты подтвердили этот «опыт». Для нерчинского рудоплавного дела в 1680 г. из Енисейска были посланы «рудознаец и плавильщик» К. Ульянов и серебряник Я. Карела.

В конце того же года начальник Сибирского приказа И. Б. Репнин велел нерчинцам подробно описать места выработки, выяснить возможность основания острога в пограничном районе и вновь прислать в Москву руду для «опыта». В 1681 г. на берегу р. Аргуни, в 10 верстах от заброшенных выработок, обследованных русскими рудознателями, был возведен Аргунский острог. В 1684 г. на «старорудных местах», на речке Серебрянке, под руководством нерчинского сына боярского Г. Лоншакова 30 казаков и 10 тунгусов осмотрели до 70 старых плавильен, расчистили старые копи, взяли на «опыт» из ранее разрабатывавшихся «тонких жил» 3 пуда руды, а затем зало-

жили новую «яму», откуда добыли еще до 7 пудов. Вся эта руда поступила в Нерчинск и была передана бронному мастеру К. Новгородову, серебрянику К. Ульянову и кузнецу Л. Семенову. Вскоре опытную плавку свинца с оловом (11 фунтов) и более 30 пудов руды, взятой из новой «ямы» и старых жил, нерчинский сын боярский Игнатий Милованов доставил в Москву¹⁸⁵. Этот «опыт» получил благоприятный отзыв в Енисейске и Москве.

Спустя два года, в июле 1687 г., через Иркутск проследовал в Москву новый «серебряный опыт»¹⁸⁶. По всей вероятности, и он был в Москве оценен положительно. Русское правительство придавало настолько большое значение этим находкам, что решение об основании сереброплавильного завода в Забайкалье было принято в июле 1688 г., в разгар борьбы с Цинской империей. По указу от 13 апреля 1689 г. для работы на этом заводе предписывалось отправить 240 ссыльных людей с семьями, а около Аргунского острога поселить 500 крестьян, на которых возлагалась бы работа в коях и обработка пашен. Правительство, договорившись с крупным московским купцом Е. И. Филатьевым, обязало иркутские власти срочно взять у находившихся в Иркутске его приказчиков или у других торговых людей 500 руб. и переслать их в Нерчинск для устройства сереброплавильного завода¹⁸⁷.

Одновременно из Москвы выехал в Нерчинск рудоплавный мастер Яков Галкин, которому поручалось это сложное дело. Ему было передано 1500 руб., 100 пудов железа, 50 пудов уклада, кожи для мехов и различные химикаты, необходимые для плавки (сулема, селитра, мышьяк, нашатырь, квасцы, винный камень, бура). В январе 1689 г. Я. Галкин с пятью другими рудоплавными мастерами уже достиг Забайкалья¹⁸⁸.

Открытие завода задержалось до начала XVIII в., но исследования серебряных месторождений около Аргунского острога продолжались и в 90-е годы XVII в.

Помимо исследований серебряных и свинцовых месторождений в районе Аргунского острога во второй половине XVII в. в Забайкалье основывались железоделательные предприятия, производились слюдяные и соляные разработки¹⁸⁹.

Первое железоделательное производство в Забайкалье возникло в Телембинском остроге, по-видимому, в 70-х годах. Поселившиеся там русские рудоплашки основали по собственной инициативе промысел и плавил «самый добрый» уклад. В 1686 г. они получили до 200 пудов кричного железа. Крупное производство там не развивлось, но местные крестьяне даже в конце XIX в. переплавляли руду для своих нужд¹⁹⁰. В 1681 г. железная руда была обнаружена на Амуре и в Белых горах, между устьями Зеи и Селемджи¹⁹¹.

В те же годы началась разработка в Забайкалье слюдяных месторождений. На восточном побережье Байкала в это время слюда добывалась на двух месторождениях. Одно из них, на р. Катюган, в 1682 г. было открыто ясачным тунгусом Издягдой, а разработка

его отдана на оброк иркутскому квасному откупщику А. Самойлову. В 1683 г. на этом промысле было получено 250 пудов слюды; в том же году промысел перешел в руки посадского человека И. Штинникова, который к 1684 г. добыл там 207 пудов. На другом промысле, принадлежавшем И. Семенову, слюда разных сортов добывалась в трех «ямах» (глубиной от 2 до 10 м) в горе на разных ее уровнях. Владелец промысла, по-видимому, закладывал «ямы», следуя направлению богатой «жилы», в которой слюда «светилась гнездами»¹⁹². Поиски слюды проводились также по Витиму и в районе Тункинского острога.

В 1682 г. в Москву из Кучидского и Баунтовского острогов была отправлена найденная на Витиме, на речках Селиндре и Бойбуйке, какая-то синяя краска. Зимой 1684 г. группа нерчинских служилых людей направилась из Еравненского острога в район этих речек и там, «где берут иноземцы», взяла «на опыт» 6 пудов лазоревой краски. Весной 1684 г. из Иркутска за тем же и на поиски месторождений золота, слюды и серебра были посланы на Витим через Баргузинский и Кучидский остроги казак Я. Турченинов и верхотурец иконник В. Коротов. Летом того же года они привезли «на опыт» краску, но ничего другого «не обыскивали»¹⁹³. Неудачей окончились в 1684 г. и поиски слюды на р. Уре¹⁹⁴. Только в 1689/90 г. якутские служилые люди с помощью тунгусов нашли на Витиме слюдяное месторождение¹⁹⁵.

В 1684 г. приказчик Селенгинского острога сын боярский И. П. Поршенников прислал в Иркутск образцы каких-то красок — желтой и черной — и квасцов¹⁹⁶.

Результаты большинства этих поисков, а также разведки слюды, нефти, жемчуга в Прибайкалье были обобщены иркутским воеводой Л. К. Кислянским в специальных отчетах Сибирскому приказу в 1684 г.¹⁹⁷

В 1688 г. из Баргузинского острога в Москву поступила «селитренная земля»; «опыт» дал положительные результаты, и из Сибирского приказа в Тобольск ушел указ о посылке в Иркутск для продолжения работ «зеленого и селитренного» мастера¹⁹⁸. Поиски в Баргузинском и других забайкальских острогах продолжались и в 90-х годах¹⁹⁹.

Повседневные потребности населения в соли удовлетворялись путем привоза из прибайкальских солеварен — казенной Усть-Кутской и Ангарской, принадлежавшей сибирским купцам Ушаковым. Однако транспортировка соли в Забайкалье, особенно в далекие Нерчинск и Албазин, была настолько трудна, а стоимость ее так высока, что начались поиски местной соли, увенчавшиеся успехом. В 70-х годах открылись разработки самосадочной соли с озер под Селингинском. Тогда же были обнаружены подобные озера и вверх по р. Онон и его притоку Борзе, в четырех днях пути от Нерчинска. Ежегодно служилые и промышленные люди запасались там солью для своего обихода и на продажу и вьюками на лошадях и быках вывозили ее в

Нерчинск и Албазин. Такие соляные караваны были весьма многочисленны. Поэтому казенная поставка соли из Прибайкалья на жалование служилым людям Нерчинска и Албазина была прекращена. От успеха добычи и транспортировки этой соли во многом зависело благосостояние русского населения. Если по каким-либо причинам доставка ее срывалась, то цены на нее в Нерчинске сразу подскакивали до 1 рубля за пуд²⁰⁰.

По мере развития местного хозяйства Забайкалье неуклонно втягивалось в сферу торговых взаимосвязей.

Систематические данные забайкальских таможен сохранились только с 90-х годов XVII в.²⁰¹ Тем не менее имеющиеся материалы создают отчетливое представление о том, что, во всяком случае в 70—80-х годах, в Забайкалье сложились местные торговые центры, которые были связаны не только с другими сибирскими районами, но и с европейской частью страны. Активное участие в развитии рыночных связей в Забайкалье принимало крупное российское и нарождавшееся сибирское купечество, представители которого постоянно посещали даже наиболее отдаленные приамурские центры — Нерчинск и Албазин. Торговые операции крупного купечества в Забайкалье — факт весьма примечательный, свидетельствующий о степени развития местных рыночных отношений.

Торговые люди доставляли в Забайкалье из европейской части страны ремесленные изделия, из Прибайкалья — хлеб, из Прибайкалья и Западного Забайкалья (Верхоленск, Удинск, Селенгинск) — скот. В 1686 г. приказчик Г. Р. Никитина пригнал в Нерчинск 108 голов скота. На месте же, особенно в Приамурье, они организовывали артели зверопромышленников и скупали меха, главным образом собольиные.

К концу XVII в. в Забайкалье начали поступать предметы производства уже сибирского ремесла. В 1683 г. иркутский посадский человек И. Штинников основал мыловаренный «завод», продукция которого начала доходить до Нерчинска и Албазина²⁰². По данным 90-х годов, приезжие и местные торговые люди вывозили из Енисейска в Нерчинск кроме «русского товара» сибирский хмель и изделия енисейского железоделательного производства²⁰³.

В 1682/83 г. в Албазине количество собольих шкурок, добытых русскими охотниками на промыслах и поступивших на местный рынок, явно превышало количество шкурок, внесенных ясачными людьми: ясачный сбор исчислялся в 10 сороков 25 соболей, а десятинная пошлина (10%-ный налог с промысла и 10%-ный налог с перекупных операций) дала 3 сорока 20 соболей²⁰⁴. Таким образом, русские промышленники регистрировали более 17 сороков соболей. То же самое было и в 1684/85 г. Причем десятинная пошлина возросла до 9 сороков 41 соболя, в том числе с торговых и промышленных людей — 7 сороков 35 соболей²⁰⁵.

Служилые люди, приезжавшие из Приамурья в Москву в 80-х годах, отмечали роль купечества в хлебной торговле на нерчинском

рынке²⁰⁶. Ведущее место в снабжении Забайкалья прибайкальским хлебом с этого времени занимали крупнейшие сибирские торговцы-оптовики братья Иван и Андрей Ушаковы, только за полтора года, начиная с ноября 1680 г., отправившие через Байкал 3200 пудов муки и 570 пудов соли²⁰⁷. Помимо доставки хлеба торговые люди сами практиковали производство и помол зерна на месте. В начале 80-х годов около Албазина торговые люди Норицыны-Мусатовы «пашню пашут большую и хлеб всякой сеют»²⁰⁸, а торговый человек Федор Бурдуковский имел в Албазине мельницу, на которой работали наемные «гулящие» или промышленные люди, пришедшие туда в поисках заработка²⁰⁹.

Поездки торговых людей или их агентов (приказчиков, «людей») в далекое Забайкалье не были эпизодическими операциями. Многие из них целые годы проводили в Нерчинске, Албазине и других острогах, хорошо были знакомы с местными торговыми возможностями, рыночной конъюнктурой и имели связь с местным населением (порой ростовщического характера).

Целая группа торговых людей (Исай Посельский, Иван Лобашков, Афанасий Барахматов, Яков Лузин, Петр Норицын, Давыд Ушаков, Марк Дементьев, Афанасий Васильев, енисейский посадский человек Василий Кожевников) находилась, например, в Албазине, по крайней мере с мая 1682 по май — июнь 1684 г.²¹⁰ Систематически пребывали «в Даурах» приказчики таких крупных торговцев, какими были гости Андрей и Семен Лузины, Евстафий Филатьев, Гавриил Никитин, а также Ушаковы. В 1679 г. из Енисейска отбыли в даурские остроги, и в частности в Албазин, люди Лузиных (Я. Яковлев, И. Максимов) и Е. И. Филатьева с партиями товаров, и в том числе изделиями русских ремесленников²¹¹. Приказчик Г. Р. Никитина Борис Пикалев в 1680/81 г. находился в Нерчинске, в 1686 г. был на Селенге, а в 1687 г. вернулся в Нерчинск, где его до 1691 г. удерживали торговые дела; только в 1686 г. Г. Р. Никитин имел в Нерчинске почти на 638 руб. товаров и кабальных записей на местных жителей²¹². По-видимому, в начале 1684 г. приказчик Е. И. Филатьева Афанасий Якимов уехал из Нерчинска в Енисейск, а в феврале 1685 г. ему на смену там появился приказчик Афанасий Губарев²¹³.

Торговые люди часто оказывали финансовую помощь администрации. Так, в 1682 г. они ссудили в Албазине нерчинскому воеводе Ф. Д. Воейкову 300 руб., необходимые ему для выплаты жалованья служилым людям, а в 1684 г. помогли албазинскому воеводе А. Л. Толбузину закупить в Нерчинске боеприпасы²¹⁴. Приказчики гостя Г. Р. Никитина по просьбе албазинского гарнизона выполнили такой деликатный для того времени заказ, как доставка церковной утвари для церкви Вознесения в Албазине²¹⁵.

Сохранившиеся «скаска» нерчинских таможенных властей с лета 1684 по лето 1686 г. содержат подробные данные о составе торговцев, посещавших Нерчинск, и их операциях.

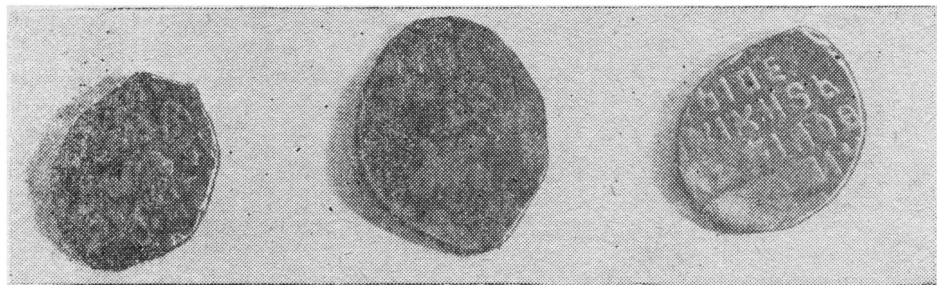
В июне 1684 г. лавочный сиделец Е. И. Филатьева Василий Да-

выдов увез из Нерчинска в Енисейск крупную партию мехов (более 10 сороков соболей — 423 шкурки; 30 росомах). Часть этих мехов, оцененных в 571 руб. 16 алтын 4 деньги, была скуплена в Нерчинске, другая — лавочным сидельцем Игнатием Титовым в Албазине и, наконец, третья часть добыта промышленниками Е. И. Филатьева. Тогда же в Енисейск отбыли со скупленной и добытой на своих промыслах пушниной торговый человек Осип Попов (два сорока 24 соболя на 140 руб. 16 алтын 4 деньги), приказчик купца гостинной сотни И. Ушакова Тимофей Калистратов (три сорока соболей на 162 руб.) и лавочный сиделец торгового человека Саввы Бушковского Дмитрий Воробьев (четыре сорока 6 соболей на 215 руб. 20 алтын)²¹⁶. Несмотря на напряженную военную обстановку на Амуре, в сентябре того же года из Нерчинска отбыл в Албазин торговый человек Исай Посельский с 27 головами рогатого скота (на 81 руб.), проданного ему в Аргунском остроге ясачным монгольским населением, а в декабре с небольшой партией промышленных товаров ушел из Нерчинска в Албазин И. Титов, лавочный сиделец Е. И. Филатьева²¹⁷.

На протяжении 1685 г. из Нерчинска в Енисейск вывозили меха Филипп Петров, Михаил Аввакумов и Федор Саватиев, лавочные сидельцы С. Лузина (на 979 руб. 6 алтын 4 деньги), В. Давыдов, лавочный сиделец Е. И. Филатьева (на 210 руб.), а также приказчик Ушаковых Т. Калистратов, торговые люди Корнил Макеев, Иван Тимофеев, Прокопий Запольский, Иван Григорьев, Петр Норицын, служилый человек из Селенгинска Андрей Штинников, промышленный человек Г. Васильев (с более мелкими партиями пушного товара, всего на 310 руб. 8 алтын 2 деньги)²¹⁸. По другим данным известно также, что в 1684 или в 1685 г. лавочный сиделец Лузиных Григорий Мокеев проследовал через Нерчинск в Албазин с партией промышленных товаров, привезенных «с Руси»²¹⁹.

В мае и июне 1686 г. из Нерчинска в Енисейск вновь вывозили меха сидельцы: С. Лузина — Ф. Саватиев (на 115 руб.), Е. И. Филатьева — Михаил Васильев (на 236 руб. 8 алтын 2 деньги), Г. Р. Никитина — Максим Ляпунов (на 227 руб. 5 алтын и денег 124 руб. 10 алтын), торговые люди Мартын Шангин (на 27 руб. 25 алтын), Иван Степанов (на 50 руб.), Иван Саватиев (на 50 руб. 26 алтын 4 деньги). Тогда же из Албазина увез партию мехов на 75 руб. 8 алтын 2 деньги лавочный сиделец Е. И. Филатьева Никита Мартемьянов²²⁰. В августе 1686 г. в Нерчинск была пригнана людьми Г. Р. Никитина партия скота в 108 голов²²¹.

«Проезжие памяти», выданные в Иркутске торговым людям, хорошо показывают ассортимент товаров, отправлявшихся оттуда в забайкальские остроги. В январе 1687 г. Я. Яковлев, приказчик С. Лузина, провез значительную партию «русского товара» на 267 руб. (1600 аршин грубого холста, 150 аршин сермяжного сукна, а также медные изделия, овчины, рукавицы, выделанные кожи, топоры, уклад, хмель, мед и др.)²²². В феврале 1688 г. И. Белозеров, лавочный сиделец С. Лузина, доставил из Верхоленского острога в Нерчинск

Русские монеты, найденные С. В. Глинским в Албазине

25 быков, а в апреле его работник И. Прокопьев из Иркутска — еще 15 голов (всего на 74 руб. 16 алтын 4 деньги)²²³. В ноябре 1688 г. из Нерчинска после продажи пригнанного скота в Иркутск возвращались лавочные сидельцы А. Филатьева — Михаил Савин, Ивана Шангина — Игнат Титов и торговый человек Иван Забузин²²⁴. В сентябре 1688 г. из Иркутска в Удинск и далее в Нерчинск с огромной партией товаров на сумму 617 руб. 29 алтын 2 деньги отправился В. Давыдов, лавочный сиделец А. Филатьева (он вез 8733 аршина грубого холста, 400 аршин сермяжного сукна, а также сафьян, крашенину, сукно-шиптугу, кумачи, миткаль лошений, кушаки, вязанные чулки, попоны, зеркала ярославские, уклад, воск, мед, винные ладан, ягоды, кремни и др.)²²⁵.

В январе 1689 г. также из Иркутска в Забайкалье Степан Губкин, лавочный сиделец торгового человека Василия Бушкова, увез 2050 аршин холста, 160 аршин сермяжного сукна, 19 юфтей кож красных, 20 пудов хмеля, а также бараньи кафтаны, топоры, скипидар, рукавицы, писчую бумагу и пр. (на 189 руб. 23 алтына 2 деньги). Значительная часть этого товара была им продана в Удинске, а остальная часть увезена дальше, в Нерчинск. Вслед за ним с партией «русских товаров» (на 186 руб. 28 алтын 2 деньги) ушел из Иркутска за Байкал сам В. Бушков²²⁶. Кроме него в 1689 г. провезли через Иркутск в Забайкалье «русские товары» приказчик А. Филатьева А. Едомский и его лавочные сидельцы Степан Запольский и Василий Максимов²²⁷.

В 1689 г., как только маньчжурские войска сняли осаду Албазина, русские торговцы и промышленники начали восстанавливать там свои торговые связи и пушные промыслы. В марте 1689 г. из Албазина отправились в Нерчинск промышленный человек И. Федоров с добытыми им самим 54 соболиными шкурками и приказчик С. Лузина В. Зиновьев с купленными там двумя сороками и девятью соболями. В. Зиновьев продолжал скупку мехов в Нерчинске и в августе убыл на запад с большой партией соболиных шкурок (13 сороков 30 соболей купленных и 45 соболей своего промысла). В июле 1689 г. из Нерчинска выехал «на Русь» другой приказчик С. Лузина, И. Стар-

цев, с 2 сороками 20 соболями приобретенными и 12 соболями своего промысла²²⁸.

Важнейшим перевалочным пунктом, через который проходила торговля с Забайкальем, был Иркутск, ставший к 80-м годам значительным торговым центром. В 1681 г. приезжавшие в Иркутск приказчики Е. Филатьева (А. Якимов, Вас. Давыдов), С. Лузина (И. Кудрявцев, В. Старцев), И. Ушакова (Никита Максимов) и торговцы разных русских городов (Евсей Шангин, Павел Барсуковский и др.) настойчиво просили, чтобы местные власти расширили торговые помещения на иркутском гостином дворе и построили лавки, погреба, а также избы для жилья²²⁹.

Все эти данные показывают, что в 80-х годах Забайкалье вошло в формировавшуюся систему внутрисибирского товарооборота и втягивалось в складывавшийся всероссийский рынок.

Разработка полезных ископаемых, пушные промыслы, обеспечение перевозок товаров, не говоря уже о земледелии, требовали значительного количества рабочих рук. Развитие всех этих форм хозяйственной и экономической деятельности русского населения свидетельствовало об интенсивности и перспективности освоения Забайкалья и Приамурья и о постоянном притоке туда мирного русского населения. Именно на основе его многообразной деятельности утверждались неразрывные связи с коренным населением. Оборона сибирской земли от иноземных вторжений находилась в прямой зависимости от интенсивности русского заселения и развития хозяйства поселенцев.

Глава 2

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ И ТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ С ДЖУНГАРИЕЙ, СЕВЕРНОЙ МОНГОЛИЕЙ И КИТАЕМ В 30 — 70-х годах XVII в.

Внешнелитическая ситуация на зауральских рубежах России в XVII в. определялась в процессе присоединения к ней отдельных областей Сибири. После присоединения Западной Сибири на протяжении первой трети XVII в. начались первые эпизодические сношения с монгольскими государственными образованиями. К этому же времени относится и знаменитое путешествие И. Петлина в Китай (1618). По мере территориального сближения внешнеполитические и торговые контакты постепенно приобретали характер систематических сношений, и перед русской дипломатией неизбежно вставали совершенно новые проблемы. С 30-х годов XVII в. эти сношения стали устанавливаться с основателем Джунгарского ханства Эрдэни Баторхунтайджи (1635—1653) и с крупными владельцами Северо-Западной Монголии Алтын-ханами. После присоединения Восточной Сибири с 40-х годов начались контакты с северомонгольскими ханствами, прежде всего с Цэцэн-ханом, а с 50-х годов — с цинским Китаем.

С развитием этих контактов русская дипломатия, формулируя свои задачи по отношению к каждому политическому партнеру, характер которых прежде всего определялся складывавшейся порубежной ситуацией, начинала учитывать политическую обстановку в Центральной Азии и на Дальнем Востоке во всей ее совокупности и играть все более активную роль в международной жизни региона. В 60—70-х годах для Москвы было уже очевидно, что внешнеполитическая ситуация на сибирских рубежах зависела не только от взаимоотношений России с джунгарскими и северомонгольскими феодальными владетелями и Китаем, но и от отношений между ними самими. Именно с этого времени Россия стала постоянно действующим политическим фактором в международной жизни Центральной Азии и Дальнего Востока.

На протяжении всего XVII в. занятая преодолением тяжелых последствий польской и шведской интервенции начала XVII в., затем борьбой с Польшей, а позднее с Турцией за сохранение в своем составе воссоединившейся Украины, а также стремясь вернуть выход к Балтийскому морю, захваченный Швецией, Россия на своих сибирских рубежах проводила курс на сохранение мира с соседями, не поступаясь при этом ни своими владениями, ни интересами. Чтобы обезопасить свои сибирские владения, русское правительство было заинтересовано в определении и упрочении границ путем установления дипломатических и торговых сношений с новыми соседями¹.

§ 1. Дипломатические отношения с Джунгарией и северомонгольскими ханствами

К 30-м годам XVII в. отчетливо проявилась стабилизация сил отдельных феодальных группировок в Монголии и вместе с тем тенденция к политической консолидации западно-(джунгарских) и северомонгольских земель. В значительной степени эта консолидация ускорялась боязнью маньчжурского экспансионизма, так как именно к 1636 г. маньчжуры покорили южных монголов, чахаров.

С присоединением Западной Сибири русское правительство должно было уже в самом начале XVII в. обратить внимание на очень серьезные внутривнутриполитические события, которые происходили в западномонгольских землях. Постоянный рост поголовья скота и необходимость пастбищ при острой экономической потребности в налаженном обмене излишков продукции растущего скотоводческого хозяйства на земельные и ремесленные товары побуждали западномонгольских (ойратских) феодалов стремиться к территориальным захватам и постоянному доступу на крупные городские рынки в центрах сельскохозяйственных районов Китая и Средней Азии. Эта экспансия, порожденная хозяйственно-экономическими обстоятельствами, затруднялась социальными, свойственными кочевому феодальному обществу, причинами. Постоянное дробление улусов ослабляло

ойратских феодалов; их попытки экспансии встречали на востоке, в Монголии, отпор со стороны Алтын-ханов и восточномонгольских владетелей, а в Средней Азии — правителей Могулистана, казахских ханов и султанов и киргизских биев².

Пути выхода из этого кризисного состояния зависели как от политической консолидации разрозненных ойратских владений в единое феодальное ханство, с одной стороны, так и от откочевки отдельных владетельных князей с подвластными им населением в новые районы — с другой. Такие откочевки для ойратов были возможны только в северо-западном направлении, и уже в конце XVI в. некоторые их объединения появились в верховьях Ишима и Оми в непосредственной близости от русских владений. Эти откочевки, охватившие до 50 тыс. семейств, подвластных дэрбэтским, торгоутским и некоторым другим владетельным князьям, затянулись на четыре десятилетия. Они сопровождались столкновениями с местным сибирским населением и отрядами русских служилых людей и резко обострили пограничные отношения. Русское правительство прилагало много усилий к тому, чтобы дипломатическим путем добиться от ойратов, переселявшихся в пределы России, принятия российского подданства. В 30—40-х годах значительная их масса сконцентрировалась в низовьях Яика и Волги, и в пределах России образовалось Калмыцкое ханство³.

Откочевки ойратов в сибирские пределы ускорили развитие дипломатических сношений России с отдельными феодальными владетелями Джунгарии. В 1619 г. первое русское посольство было направлено в Джунгарию, где к этому времени начал укрепляться глава чоросов Хара-Хула. В начале 1620 г. в Москву прибыли ответное посольство Хара-Хулы и посольство Алтын-хана. Появились они здесь одновременно не случайно. Обе стороны готовились к войне друг против друга и старались заручиться поддержкой России. Эти переговоры, затянувшиеся с января по май 1620 г., интересны тем, что русское правительство уже в это время определило свою позицию в отношении различных монгольских владетельных князей.

Оно вовсе не собиралось втягиваться в вооруженные конфликты, которые сотрясали монгольский мир, но и не хотело отказываться от представившихся возможностей влиять там на политическую обстановку и в целях обеспечения безопасности своих владений добиваться определенной стабилизации в пограничной западносибирской полосе. Послам Алтын-хана было отказано в просьбе о совместных действиях против Хара-Хулы, но было обещано «оберегать» земли Алтын-хана и его самого от ойратов; послу же Хара-Хулы была вручена жалованная грамота о принятии его в российское подданство с обязательством в свою очередь «оберегать» от возможных недругов⁴. Эти переговоры продемонстрировали безусловную гибкость русской дипломатии, но не имели практических последствий. Вскоре началась длительная война между Хара-Хулой и Алтын-ханом, и контакты между ними и Россией прервались. Само русское правительство сочло нецелесообразным вести в дальнейшем дипломатические переговоры с мон-

гольскими «державцами» в Москве в Посольском приказе и в мае 1620 г. известило об этом тобольского и томского воевод. В случае приезда в Тобольск и Томск монгольских послов воеводам разрешалось отпускать их в Москву только после присылки из Посольского приказа специального указа; в случаях же, когда послы «учнут приходить только о своих запросех или о помочи каких наших ратных людей, и вы б им отказывали, что вы о том о всем отпишите к нашему царскому величеству, а без нашего указу ответу учинити не пригоже...»⁵

К 30-м годам под эгидой чоросских князей внутреннее и внешне-политическое положение ойратского общества настолько укрепилось, что после смерти в 1634 г. Хара-Хулы его сын Батор стал единовластным правителем всех ойратских владений, консолидировавшихся в Джунгарское ханство. На протяжении более столетия оно играло важнейшую роль в истории не только Центральной Азии, но и Дальнего Востока. И. Я. Златкин, автор фундаментальной монографии, посвященной истории Джунгарского ханства, считал, что воцарение Батора-хунтайджи было началом установления активных дипломатических сношений между Россией и Джунгарией. Известно, что с 1636 по 1651/52 г. в ставке Батора побывало не менее 9 русских посольств (1636, 1640, 1641—1642, 1643, 1644, 1646, 1649, 1651—1652); в Москву в эти же годы джунгарские послы пропускались трижды, а в сибирских городах местным воеводам приходилось принимать их чуть ли не ежегодно⁶. По мнению И. Я. Златкина, в источниках сохранились достоверные данные о 33 посольствах, причем «есть основания полагать, что в действительности их было гораздо больше»⁷.

Эта дипломатическая активность, отражавшая возмужавшую роль России в политической жизни Центральной Азии, объяснялась несколькими причинами, существенными как для России, так и для Джунгарии. Батор-хунтайджи всю свою политику подчинял экономическому и политическому укреплению ханства, ликвидации внутримонгольских междоусобиц и в перспективе — объединению всех сил Монголии для отражения нараставшей угрозы со стороны маньчжурских феодалов. С этой целью, по всей вероятности, при руководящей роли Батора-хунтайджи был подготовлен и созван в его ставке съезд монгольских феодалов, состоявшийся в 1640 г. На этот съезд не прибыли лишь южномонгольские феодалы, попавшие к этому времени в маньчжурское подданство.

Съезд принял целый ряд правил, получивших затем в специальной литературе название «монголо-ойратских законов 1640 г.» (Цааджин бичиг). Назначение их состояло в том, чтобы «урегулировать внутренние взаимоотношения феодалов и исключить возможность междоусобной борьбы; обеспечить объединение сил и взаимную помощь в борьбе против возможной внешней опасности; укрепить феодальные порядки и власть ханов и князей над трудящимися»⁸.

Маньчжурская дипломатия с полным основанием увидела в торжественном принятии этих правил угрозу своим экспансионистским

планам и приложила много усилий к тому, чтобы предотвратить наметившееся сближение монгольских феодалов. Однако на протяжении почти двадцатилетнего правления Батора-хунтайджи отношения между Джунгарией, Алтын-ханами и северомонгольскими (халхаскими) феодалами стабилизировались, а сам Батор упорно уклонялся от каких-либо контактов с Китаем, захваченным маньчжурами.

Осуществляя эту дальновидную политику и понимая бесперспективность вооруженных конфликтов с Россией, Батор-хунтайджи пытался путем посольских связей использовать мощь и влияние России в интересах укрепления своей власти внутри ханства и его позиций среди монгольских ханств, в первую очередь владетельных князей Халхи. В то же время Батор-хунтайджи не собирался полностью отказываться от своих сибирских устремлений. В самом начале своего правления, в 1636 г., он заявил русскому посланнику из Тобольска Т. Петрову, что «впредь с барабинских татар ясаку на себя збирати не велит»⁹, однако довольно скоро предложил России формально закрепить в пограничной полосе Южной Сибири систему двоеданства¹⁰.

Русское правительство не приняло этого предложения, но система двоеданства фактически существовала; она принесла много несчастья местному населению и являлась источником постоянных противоречий России не только с Джунгарией, но и с другими монгольскими владетелями, также претендовавшими на дань с сибирских народов.

России, не обладавшей в Сибири значительными ратными силами и избегавшей вооруженных вторжений в монгольский мир, в известной мере удавалось стабилизировать обстановку, обеспечивая неприкосновенность рубежей и прерогатив своих властей в зоне, смежной с владениями Джунгарского ханства. Батор-хунтайджи в 1648 г. сказал русскому посланнику В. Клепикову, что он под «государевы города и слободы и на ясачные волости не хаживал и никою не посылывал, и на такое дурно никою не учивал»¹¹. Несмотря на миролюбие хана, почва для противоречий тем не менее сохранялась. Русское правительство не собиралось поступаться своими подданными и своими правами на их феодальную эксплуатацию, а джунгарские владетели — отказываться от своих претензий на право грабежа сибирских народов и, что не менее важно, от поддержки врагов России, прежде всего потомков сибирского хана Кучума. Дело не доходило до войн с Джунгарией, но система двоеданства не позволяла установить твердо определенную границу. Сибирские воеводы постоянно получали известия о вторжениях в пределы России отрядов кочевников.

В административной переписке местных властей и в их донесениях в Сибирский приказ за 40—50-е годы отложилось немало данных о «наездах» и «разорениях» степняков. Летом 1643 г., по данным тюменского воеводы Я. В. Колтовского, «колмацкие воинские люди» и Кучумовичи подкочевали к сибирским городам и слободам; в 1645 г. «колмацкие люди» вторглись в Тарский и Туринский уезды и «воевали» местное население; с лета 1647 г. воеводское управление Верхотурья наказывало уездным приказчикам «жить с великим бережень-

ем», так как, по полученным сведениям, пошедшие на Тюмень и слободы «войной большие калмацкие воинские люди» нападали на ясачных людей; осенью 1650 г. верхотурские и тобольские власти вновь наставляли приказчиков слобод о «береженьи» от «калмацких людей». Наконец, летом 1654 г. «калмаки» захватили острог на Пышме, а осенью 1655 г. вторглись в Верхотурский уезд¹².

Поэтому в русской политике проявлялась вполне оправданная осторожность. Русское правительство предпочитало занимать нейтральную позицию по отношению к событиям внутри- и внешнеполитической жизни Джунгарии и очень неохотно допускало посольства Батора-хунтайджи в Москву. Переговоры с ним должны были вести тобольские воеводы.

Приблизительно аналогичная внешнеполитическая ситуация складывалась до 50—60-х годов между Россией и крупным феодальным образованием в северо-западной части Монголии, во главе которого стояли Алтын-ханы. Владения Алтын-ханов простирались на севере до верхнего течения Енисея, на юге — до Монгольского Алтая, на востоке — до реки Селенги и озера Хубсугул и на западе — до джунгарских кочевий. На рубеже XVI—XVII веков первый Алтын-хан Шолой Убаши находился в зените своего могущества. Сближение владений России и Алтын-ханов после основания Томского острога обусловило начало взаимных дипломатических контактов. Первое русское посольство во главе с В. Тюменцем прибыло в ставку Шолоя Убаши в 1616 г. Русское правительство сразу же попыталось добиться от Алтын-хана признания сюзеренитета, но Шолой Убаши ставил перед собой иные задачи, стремясь получить помощь в борьбе с ойратами. В то же время определилась позиция Шолоя Убаши и относительно установления «режима» пограничной полосы. Хан заявил о своих владельческих правах на енисейских киргизов, но «соглашался» на то, чтобы и русская сторона взимала с них дань¹³. Таким образом, уже с 1616 г. система двоеданства, ставшая в дальнейшем источником длительных политических осложнений, складывалась и в верховьях Енисея.

В 1631 г., после смерти Шолоя Убаши, его сын Омбо-Эрдэни, встревоженный слухами о готовящемся против него походе южно-монгольского хана Лигдана, вновь обратился к русскому правительству за военной помощью. Это обращение, переданное воеводе Томска, явилось началом дипломатических переговоров, которые растянулись на многие годы. Русское правительство соглашалось удовлетворить просьбу Алтын-хана только при соблюдении двух условий: принятия им русского подданства и «унятия» киргизских «князцов», начавших в конце 20-х годов ожесточенную борьбу за сохранение под своей властью верхнеенисейских племен, перешедших в русское подданство. В 1634 г. глава русского посольства к Омбо-Эрдэни Я. Е. Тухачевский убеждал хана принять присягу, но Омбо-Эрдэни согласился лишь на то, чтобы от его имени она была принята его приближенными. Следующим русским послом С. Греченину (1636)

и В. Старкову (1638) хан вообще заявил о своем отказе подтвердить присягу.

На этих переговорах и во время приезда в Томск алтын-ханских послов достигнута была только договоренность о взаимной торговле¹⁴. Между тем с момента постройки Красноярского острога (1628) нападения киргизских «князцов» не прекращались около 15 лет. Омбо-Эрдэни их поддерживал, хотя и убеждал русские власти в том, что он ими «не владеет»¹⁵. Только в 1641—1642 гг. в результате совместного похода томские и красноярские казацкие отряды одержали победу над «князцами» енисейских киргизов, которые признали себя побежденными и принесли шерть «навечно»¹⁶.

Однако и после поражения «князцов» двое- и даже троеданство в бассейне Верхнего Енисея тем не менее сохранилось. Русские служилые люди в 1650 г. доносили, что в Тубинской земле «те тубинские люди государю малопослушны и живут в дальних местах на голой степи, ясак дают мугальским людям и калмыком, а в государеве... ясак отказывают, что де им ясаку дать нечево»¹⁷. В 1652 г. Омбо-Эрдэни вторгся на территорию Красноярского уезда, пленил киргизских и тубинских «князцов» и захватил у ясачных людей скот. Ушли «калмаки» после переговоров, начатых с Омбо-Эрдэни красноярским воеводой М. Ф. Скрыбиным.

В целом до середины XVII в. русское правительство, предлагая различным монгольским владетелям вступить в российское подданство, стремилось даже в моменты вторжения джунгар и отрядов Алтын-ханов в пределы России не применять вооруженной силы, пытаясь дипломатическим путем предотвратить столкновения, и решительно избегало какого-либо участия в нередких в ту пору военных конфликтах в Монголии¹⁸.

Начиная с 60-х годов, в связи с изменением политической обстановки в западных и северо-западных монгольских землях, где основной силой стали джунгарские ханы, а также после присоединения Забайкалья к России и территориального сближения русских владений с владениями северомонгольских ханов в русско-монгольских отношениях определился новый этап.

Русско-джунгарские отношения особенно усложнились, когда после смерти Батора в 1653 г. победу в междоусобной борьбе одержал его сын Сэнгэ. По его инициативе дипломатические отношения с Россией были продолжены, но в основном для того, чтобы поставить вопрос о населении приграничной полосы, которое Сэнгэ хотел видеть уже исключительно в положении своих кыштымов (данников). «С этого времени, — пишет И. Я. Златкин, — и до самого конца правления Сэнгэ вопрос о кыштымах стоял в центре русско-ойратских отношений, приобретая временами исключительно острый характер»¹⁹. На протяжении 1665—1667 гг. Россия и Джунгария обменялись несколькими посольствами, но усилия русских дипломатов В. Бубенного, В. Литосова и П. Кульвинского, направленные на урегулирование спора, не привели к желаемым результатам.

Если Батор-хунтайджи, закладывая основы панмонгольской политики, пытался добиться своего преобладания в Монголии мирным путем, то Сэнгэ в 1667 г. перешел к активным действиям и разгромил государство Алтын-ханов. Внешним поводом к войне между Джунгарией и Алтын-ханами послужило соперничество из-за енисейских киргизов, на грабеж которых претендовали обе враждующие стороны²⁰. В 1667 г. Лоджан, упорно стремившийся, как и его отец, поставить енисейских киргизских «князцов» в положение своих кыштымов, в очередной раз вторгся в их кочевья, но встретил противодействие джунгар. Россия и на этот раз не дала себя втянуть в вооруженную борьбу между монгольскими «державцами». После разгрома государства Алтын-ханов Джунгарское ханство становилось преобладающей силой в западных областях Северной Монголии. Однако Сэнгэ не планировал дальнейшей активизации своей политики в монгольских землях. С середины 50-х годов усилился политический нажим маньчжурского двора на Северную Монголию. Не упорчив еще своего положения в Китае, маньчжурские феодалы воздерживались от вторжения в Северную Монголию, рассчитывая овладеть страной «мирным путем»²¹. Сэнгэ, по-прежнему избегавший каких-либо сношений с маньчжурами, основное внимание сконцентрировал на укреплении своих позиций в верховьях Енисея.

Верным его сторонником там стал злейший враг России киргизский «князец» Ереняк Ишеев. Он начал активную борьбу с русскими в 1666 г. В 1667 г., поддержанный джунгарскими войсками, Ереняк дважды, в мае и сентябре, осаждал Красноярск и нанес большой ущерб как аборигенам, так и русскому населению²². Несколькими годами ранее, во время уборки урожая, когда местное население находилось на полях, джунгары вторглись в пределы Западной Сибири. Осенью 1662 г. неприятельские отряды совершили набег в Верхотурский уезд, разорили Белослудскую слободу и деревни около Ирбитской слободы, пожгли крестьянские дворы, собранный урожай и угнали скот. В сражении у Белослудской слободы неприятелю удалось даже сжечь острог. Из 261 семьи белослудских и ирбитских русских крестьян пострадало 150. В августе 1667 г., при очередном набеге на Тару, понесли потери тарские служилые люди и крестьяне, работавшие на своих полях²³. Набеги степняков имели место и позже.

Агрессивные действия Сэнгэ и Ереняка сильно осложняли обстановку на юге Западной Сибири и в бассейне Верхнего Енисея. В это же время, в 60—70-х годах, обострилась и политическая ситуация в Северной Монголии. Халхаские феодалы, владения которых граничили с Россией, Джунгарией и цинским Китаем, с усилением джунгарских ханов и маньчжурского дипломатического давления по-разному определяли свою позицию. Авторы «Истории Монгольской Народной Республики» считают, что «если маньчжурские завоеватели были заинтересованы в усилении феодальной раздробленности Монголии, что должно было облегчить им завоевание страны, то Русское государство, наоборот, было заинтересовано в укреплении центральной мон-

гольской власти, способной воспрепятствовать вооруженным набегам в русские пределы, время от времени предпринимавшимся отдельными местными князьками, а также способной оказать сопротивление маньчжурской агрессии»²⁴.

— Россия после присоединения Забайкалья приложила немало сил к установлению систематических добрососедских отношений с Северной Монголией и тем объективно сдерживала готовившуюся агрессию маньчжуров²⁵. Хозяйственное освоение Забайкалья русскими переселенцами во второй половине XVII в. способствовало упрочению русско-монгольских связей, так как скотоводческое хозяйство кочевников-монголов остро нуждалось в земледельческих продуктах и предметах ремесла. Помимо Алтын-ханов, неоднократно пытавшихся в трудные для себя моменты использовать влияние России, к политическим и торговым сношениям с ней стремились и другие монгольские феодалы. Впервые дипломатические контакты с северомонгольскими (халхаскими) феодалами были начаты в 1647 г., когда Цэцэн-хан Шолой согласился на уплату ясака его улусными людьми и в 1648 г. отправил в Москву своего посла. Вышедшее в 1649 г. из Тобольска русское посольство при неясных обстоятельствах погибло в пути. Уцелевшие русский толмач и возвращавшийся посол хана добрались до ставки Цэцэн-хана. К тому времени сам хан умер, а его окружение от принесения шерти уклонилось²⁶.

В 1664 г. постоянные сношения с русскими завязал монгольский феодал Даши-хунтайджи, упоминавшийся в русских источниках под именем Кукан-хана. Даши-хунтайджи был родственником крупнейшего северомонгольского феодала Чихунь Доржи (Тушэту-хан; в русских источниках — Очирой Саин-хан), правившего с 1655 г. По первой просьбе русских Кукан-хан отпустил назад в пределы России около 300 бурят, откочевавших ранее из Прибайкалья; затем по предложению селенгинского приказчика Г. Ловцова он отправил в Москву своих посланников для переговоров о принятии русского сюзеренитета. По невыясненным причинам это посольство вернулось назад из Иркутска, но через год Кукан-хан снова отправил в Москву своего посланника, Рюкт-зайсана²⁷. Во время переговоров в Москве Рюкт-зайсан обещал следовать «государевой воле» в принятии русского сюзеренитета, но при этом намекнул о необходимости оказания помощи Кукан-хану в борьбе с сыном Алтын-хана Лубсаном и передал жалобу своего хана в связи с постройкой Селенгинска, тем самым дав знать о его претензиях на восточнобурятский район, где был сооружен острог²⁸.

С 60-х годов интриги цинской дипломатии стали оказывать существенное влияние на позицию халхаских феодалов. «Маньчжурская династия с большой тревогой следила за развитием русско-монгольских отношений, видя в них серьезную угрозу своим агрессивным планам. Она усиливала нажим на халхаских феодалов, интригуя среди них, провоцируя конфликты между ними, натравливая их против русских и поощряя их нападения на русские селения и города»²⁹.

Отсутствие точного пограничного размежевания между Забайкальем и монгольскими землями приводило к столкновениям, которые использовались цинской дипломатией в своих целях. Отношения с северомонгольскими ханами стали существенно усложняться. Под давлением цинской дипломатии Очирой Саин-хан, сыгравший в дальнейшем зловещую роль в истории Северной Монголии, все более склонялся к проманычжурской ориентации. Более реалистическую позицию по отношению к России занимал его брат Джэбдзун-Дамба-хутухта, известный в русских источниках под именем Ундур-гэгэна. Он был главой ламаистской церкви в Северной Монголии, очень влиятельной фигурой и поддерживал тесные связи с Лхасой.

Камнем преткновения на пути установления добрососедских отношений с Россией для Очирой Саин-хана и поддерживавших его тайшей был вопрос о восточнобурятском и тунгусском населении, на которое они стали распространять свои претензии спустя 20 лет после присоединения Забайкалья к России. Эта часть монгольских феодалов не хотела расставаться с мыслью о возможности грабежа забайкальского населения и решительно противодействовала тем группам его, которые, оказавшись под властью тайшей, стремились уйти на свои «породные земли», вошедшие в состав России. Если сначала в устах посланника Кукан-хана Рюкт-зайсана вопрос о Селенгинске звучал в форме жалобы, то постепенно он приобретал категорическую форму.

Со своей стороны, русское правительство продолжало считать этих «выходцев» своими подданными и охотно принимало их обратно. В результате таких передвижений и пограничных столкновений, участившихся в 70-х годах, создавалась неустойчивая обстановка на границах между русскими и монгольскими владениями. Местное население, даже в тех случаях, когда оно протестовало против установленного русскими властями ясачного режима и пыталось его избежать, быстро сопоставив возможности существования в условиях монгольского и русского подданства, предпочло последнее и стало активно бороться за свою безопасность, опираясь на русских служилых людей. Еще в 1663 г. баргузинские тунгусы обратились за помощью к местным служилым людям и при их поддержке отбили монгольские набеги³⁰. Несмотря на вооруженное противодействие монголов, начали возвращаться на свои «породные земли» и буряты. «Первые группы бурятских улусных людей начинают возвращаться из Монголии на свои «породные земли» уже в 1660 г. Через семь лет начинается массовое бегство бурят, доведенных до отчаяния и полного разорения жестокой феодальной эксплуатацией монгольскими князьями, «из мунгалов» в свои родовые кочевья в Россию»³¹.

С этого времени проблема таких «выходцев», число которых все возрастало, становится центральной для Забайкалья³². В 1668 и 1669 гг. Очирой Саин-хан расширил свои претензии и предложил русским властям в Иркутске «урегулировать» с ним отношения при условии совместного сбора ясака даже с верхоленских (западных) бу-

рят³³. Как бы в подтверждение этих требований, тайша Сейгун в 1668 г. напал на прибайкальские районы Балаганского, Верхоленинского и Илимского острогов³⁴. Тогда же монгольские и табунутские тайши предполагали выступить в поход на Селенгинск, но опытный в монгольских делах селенгинский приказчик И. П. Поршенников сумел их «разговорить»³⁵. Не менее опасная обстановка складывалась в Нерчинском уезде, откуда монгольские тайши в 1669 г. вывели тунгусское население. Спустя два года, в 1671 г., туда же вторгся пятнадцатитысячный отряд монгольских феодалов, угнавший местных бурят³⁶. Это вторжение сильно обеспокоило русские власти, и на протяжении последующих лет гарнизон и артиллерия в Нерчинске были несколько усилены³⁷.

К 70-м годам позиция местного населения Забайкалья и Приамурья становилась всё более твердой, и «подговоры» монгольских феодалов не достигали цели. Кроме того, с 1671 г. в Джунгарии произошли перемены, в дальнейшем оказавшиеся выгодными для России. В конце 1670 г. в результате дворцового переворота погиб хан Сэнгэ, и во главе Джунгарии с 1671 г. оказался его младший брат Галдан³⁸. Еще в 1668 г., в момент наихудших отношений между Россией и Джунгарией, Галдан уверял прибывшего к Сэнгэ русского посла В. Былина в своем стремлении к мирным отношениям³⁹. Став ханом, Галдан вернулся к идее своего отца об «узаконении» системы двоеданства населения приграничной полосы и попытался прийти к соглашению с Россией по этому вопросу. На всем протяжении 70-х годов Галдан добивался укрепления посольских сношений непосредственно с Посольским приказом и за эти годы направил в пределы России не менее шести миссий⁴⁰. По мнению И. Я. Златкина, «энергично отстаивая вначале права ойратских феодалов на их бывшие кыштымы и на сбор с них ясака, подкрепляя иногда свои требования угрозой применить оружие, Галдан постепенно смягчал свою позицию по спорным вопросам, добиваясь чем дальше, тем более настойчиво налаживания добрососедских отношений с Русским государством... Эта задача с течением времени все явственнее приобрела характер главной в его внешней политике на северных рубежах Джунгарского ханства»⁴¹. Мнение И. Я. Златкина требует некоторого уточнения. При всей своей дипломатической активности Галдан вплоть до 80-х годов, т. е. на протяжении 10 лет, не изменял своей политики, направленной на упрочение двоеданства на русских рубежах.

В 1673 г. в ходе переговоров с посланцами Галдана в Москве русское правительство решительно отвергло его притязания на своих подданных. Проводя гибкую и осмотрительную политику, оно ни в какой степени не стремилось к вооруженным столкновениям, поддерживало с джунгарами посольские сношения, но не собиралось делать уступок ни Галдану, ни тем более Ереняку. Поэтому когда в 1673 г. оно приняло решение начать активные действия против киргизских «князцов», перед сибирскими воеводами в мае 1674 г. была поставлена деликатная задача: наступление начать внезапно, но только тог-

да, когда в «киргизских землях» не будет джунгар⁴². Быстро решить эту задачу не представлялось возможным, так как Галдан в 1675 г. стоял в непосредственной близости от киргизских владений, хотя и заверял о своем нежелании воевать против России⁴³.

Переговоры с джунгарами по поводу южносибирского населения в пограничной полосе продолжались и в последующие годы (в Красноярске, Томске). В 1678 г. в Москве вновь побывало посольство от Галдана, который, призывая русское правительство «в смиренье и в совете жить, прямой правдой друг другу пособлять...», тем временем принудил перейти на свою сторону часть населения в верховьях Енисея, ранее платившего ясак русским властям⁴⁴.

Той же политики продолжало придерживаться русское правительство и в отношении северомонгольских феодалов. В 1672 г. Очирой Саин-хан совместно с братом Шидишири Багатур-хунтайджи отправил посольство в Москву. Во время переговоров в Посольском приказе монгольские представители предложили «жить в совете и мире» и обусловить порядок взаимных сношений и проезда русских представителей и торговцев в Китай, но более определенно высказали свои претензии на район Селенги. Настаивая на том, что Селенгинск построен на «мунгальской земле», они, правда довольно осторожно, посоветовали перевести его жителей «на иное место»⁴⁵. Обращает на себя внимание сходство формулировок в дипломатических представлениях монгольских посланников в Москве и, как увидим ниже, маньчжурских представителей во время их переговоров в 1669—1670 гг. в Нерчинске и в дальнейшем с Н. Г. Спафарием в Китае.

Выдвигая на обсуждение территориальные вопросы, те и другие прежде всего хотели «верить» в то, что русские пограничные остроги (Селенгинск, Нерчинск и др.) были поставлены не по царскому указу, а «своевольными людьми», и тем самым «подсказывали» русскому правительству путь к «отступлению». Показательным также было уведомление монгольских послов о том, что «с китайским царем хан их в дружбе и в ссылке»⁴⁶. Русское правительство ответило посланникам Очирой Саин-хана в целом вполне примирительно, но относительно Селенгинска весьма твердо. В том же духе была составлена и государева грамота, посланная хану с русским представителем Иваном Перфильевым. Исследовавшая материалы этих переговоров Н. П. Шастина считает, что «монгольский посол не очень настаивал на возвращении селенгинских земель, он скорее стремился договориться о мирных отношениях и предупредить дальнейшее продвижение русских на юг по долине р. Селенги»⁴⁷. Однако, по ее же словам, переговоры И. С. Перфильева с самим Очирой Саин-ханом, состоявшиеся в начале 1675 г. в ханской ставке, показали «воинственные настрояния монгольских феодалов»⁴⁸.

Пока в Москве проходили эти переговоры, русские власти в Забайкалье показали готовность защищать ясачных людей и пресекать набеги на них. После постройки Селенгинского и Удинского острогов путь для набегов к восточным берегам Байкала был закрыт.

В 70-х годах русские власти предприняли шаги для обеспечения безопасности Еравненской степи. В конце 1673 г. тунгусское население, обитавшее на своих «породных землях» по рекам Хилок, Куда, Уда и около оз. Еравны, просило нерчинские власти об обороне от племенной группировки табунутских тайшей, в улусах которых тогда насчитывалось от двух до трех тысяч человек. Эти тайши систематически опустошали их урочища, уничтожали и угоняли местных жителей. Из Нерчинска П. Я. Шульгин попытался обратиться с жалобой к Очирой Саин-хану, но табунутские тайши Кетайчжи и Иркема не пропустили его посланца и в феврале 1674 г. сообщили, что Очирой Саин-хану они не подвластны, а еравненские земли считают своими и откочевывать оттуда не собираются. Тогда в мае 1674 г. из Нерчинска было послано против них 400 нерчинских и албазинских казаков под командой сына боярского Григория Лоншакова и Никифора Черниговского.

Столкновение произошло в полутора днях пути от Еравненского озера на притоке р. Уды, получившей затем название Погромной речки. Отряд Г. Лоншакова «сбил» табунутов с Еравненской степи, откуда они ушли в монгольские пределы к р. Онон⁴⁹. В том же году тайша Гыган вторгся в западнобурятские земли, угрожая Иркутскому, Балаганскому, Братскому и Верхолёнскому острогам. Малочисленным русским гарнизонам этих острогов тотчас оказали поддержку ангарские буряты, немало натерпевшиеся от монгольских набегов. Объединенные силы русских и бурят отгнали Гыгана назад в Монголию⁵⁰.

Все эти набеги не только не остановили перекочевок бурятского населения в пределы России, но усилили их. В 1675 г. более тысячи баргузинских и ольхонских бурят во главе со своими шуленгами ушло из Монголии к Нерчинску. Они просили русские власти дать им конвой для защиты от монгольских тайшей и пропустить их к Байкалу и на остров Ольхон. Енисейский воевода И. В. Приклонский приказал нерчинским властям проводить их к Байкалу до Баргузинского острога, причем, чтобы их не «ожесточить» и не «отогнать», не требовать с них аманатов⁵¹. Неуклонное стремление бурятского населения избавиться от монгольских тайшей и утвердиться под властью России тем более показательно, что такие «выходцы» нередко страдали от самоуправства русских приказных чинов⁵². Попытки отдельных сторонников монгольских тайшей вести агитацию в их пользу в это время кончались неудачей. Тунгусы и буряты не только активно помогали русской администрации бороться с набегами, но и выдавали ей монгольских и маньчжурских сторонников из числа своих соплеменников⁵³.

Наиболее влиятельные монгольские ханы в 70-х годах сами все же не принимали участия в набегах во владения России. В 1675 г. Очирой Саин-хан и его братья Ундур-гэгэн и Багатур-хунтайджи вновь направили посольство в Москву. Н. П. Шастина считает, что Очирой Саин-хан по-прежнему был заинтересован в установлении

мирных отношений с Россией⁵⁴. Их посольство прибыло в Москву в декабре 1675 г., т. е. выехать оно могло не ранее лета, когда Н. Г. Спафарий находился между Тобольском и Иркутском. Вполне возможно, что проводившиеся переговоры с монгольскими ханами о пропуске посольства Н. Г. Спафария в Китай через Монголию побудили их предпринять дипломатический маневр. По существу, взгляды Очирой Саин-хана, изложенные его послами в 1675 г., не отличались от взглядов, известных в Москве с 1672 г. Однако, предлагая с помощью полномочных представителей урегулировать в Селенгинске пограничные недоразумения и обиды, Очирой Саин-хан уже весьма высокомерно требовал возвращения «братских людей». Русское же правительство, по-прежнему рассчитывая сохранить добрососедские отношения с халхаскими владетелями, согласилось направить специального посла к Очирой Саин-хану, передало послам богатые подарки, но, как и ранее, решительно отклонило притязания хана на бурятское население⁵⁵.

Вместе с халхаскими послами в Монголию выехали сын боярский Ф. Михалевский и подьячий Г. Шешуков. Помимо богатых подарков, переданных в Москве для ханов (в частности, собольей шубы Очирой Саин-хану), Ф. Михалевский и Г. Шешуков везли всем трем ханам дорогие английские и немецкие сукна, «кожи красные» и дорогие зеркала. Но встретил их Очирой Саин-хан прохладно. Как и на переговорах с И. Перфильевым, с прибывшими русскими посланцами он говорил более резко и категорично, нежели излагали его взгляды в Москве монгольские послы. Ф. Михалевскому в 1676 г. он прямо угрожал войной, если русские не покинут Селенгинск. Только по «упрошению» Ундур-гэгэна Ф. Михалевский был с честью отпущен из Монголии. О доброжелательном отношении к России Ундур-гэгэна писал в Москву еще Спафарий в 1675 г.⁵⁶ В своем «статейном списке» русские посланцы указали на влияние Ундур-гэгэна, которому Очирой Саин-хан и все тайши «послушны» и без его согласия «учинить ничего не смеют». Он «унял» в тот момент тайшей от похода на Селенгинск⁵⁷.

Однако к 80-м годам среди халхаских феодалов верх стали брать Очирой Саин-хан и его сторонники, поддавшиеся на подстрекательства цинского правительства. В 1678 г. Цэцэн-нойон «погромил» бурят под Тункинским острогом⁵⁸. В июне 1678 г. енисейский воевода И. П. Барятинский, ссылаясь на донесения из Албазина, Нерчинска и Селенгинска, писал в Москву о подготовке к войне маньчжурского богдыхана и группировки Очирой Саин-хана⁵⁹. В январе 1679 г. из Селенгинска в Иркутск поступило еще более серьезное сообщение. Приказчик И. П. Поршенников через своих лазутчиков узнал о съезде представителей всех тайшей Северной Монголии у Очирой Саин-хана на совет о начале совместных военных действий против России. В своей «отписке» И. Поршенников, хорошо разбиравшийся в монгольских делах, даже назвал Очирой Саин-хана «царем», что вряд ли было в тот момент случайностью⁶⁰.

В конце 1678 г. некоторую дипломатическую активность обнаружил разгромленный джунгарами в 1667 г. Лоджан, кочевавший где-то в верховьях Енисея. Русские власти не преминули воспользоваться этим и, несмотря на то что Лоджан уже не мог представлять активной силы, попытались в известной степени опереться на него. Как предполагает Н. П. Шастина, Лоджан, со своей стороны, рассчитывал поправить свои дела с русской помощью за счет киргизских «князцов». Приехавшие в марте и апреле 1679 г. в Томск и Красноярск послы Лоджана передали его согласие быть в «вечном подданстве» России при условии совместной борьбы с киргизскими «князцами»⁶¹. В мае 1679 г. из Томска к Лоджану выехал с посольством С. Тупальский; ему было наказано призвать Лоджана в русское подданство и в случае согласия хана передать ему «государево жалованье» (подарки), хранившиеся в Томске еще с 1667 г. С. Тупальский через Красноярск, Канский и Удинский (Верхнеудинский) остроги к концу июля прибыл в ставку откочевавшего в верховья р. Оки Лоджана. Во время переговоров Лоджан сообщил, что он вышел из разорительной для него войны с киргизскими и джунгарскими князьями и живет на «своей мунгальской земле».

Хан принес «шерть» со своими «лучшими людьми» и советовал поставить в земле киргизских «князцов» русский острог с постоянным русским земледельческим населением. Опираясь на этот острог и его население, Лоджан даже собирался «подвести под великого государя многих людей». В начале августа С. Тупальский с представителями Лоджана двинулся в обратный путь и, удачно избежав встречи с подкарауливавшими его отрядами Ереняка, в октябре 1679 г. прибыл в Красноярск, а в январе 1680 г. — в Томск. В мае 1680 г. посольство Лоджана с «листами» и подарками было отпущено в Москву, куда оно и явилось в конце октября. «Шерть» Лоджана не принесла России каких-либо выгод, ибо вскоре он покинул русские пределы и откочевал в Монголию⁶².

В Джунгарии к 1677 г. установилось единовластие Галдана, победившего в упорной борьбе своего дядю Чохур-Убаши и крупного хошоутского феодала Очирту Цэцэн-хана, доводившегося ему тестем⁶³. Укрепившись внутри ханства, Галдан активизировал свою внешнюю политику. Стремясь создать у цинского двора представление о своем могуществе, после двухвекового перерыва в сношениях между Западной Монголией и Китаем он в 1677 г. отправил посольство в Пекин. В 1678 г. Галдан вторгся в Восточный Туркестан, овладел им и одновременно готовился к выступлению против правителей Кукунора⁶⁴.

В это же самое время, вопреки своим мирным заверениям, Галдан проявлял активность и на русских рубежах. Ясачные татары Барабинской и Аялынской волостей Тарского уезда жаловались на нападения джунгар в 1671/72, 1672/73 и 1677/78 гг.⁶⁵ В марте 1678 г. в Колчеданском остроге стало известно о походе к верховьям Ишима «салтана Кучюма Кана внука» с джунгарами и возникло опасе-

ние, что оттого «де добро не будет»⁶⁶. В сентябре 1678 г. тобольский воевода П. В. Шереметев был извещен о намерении Галдана вернуть правнука Кучума, Дядябека, в его «старинные кочевья» по Ишиму⁶⁷. В октябре 1678 г. воеводе Тюмени М. М. Квашнину стало известно о переправе джунгарских отрядов через Тобол ниже Ялutorовской слободы⁶⁸. Наконец, в декабре 1678 г. в ясачных «землицах» Красноярского уезда появился представитель Галдана зайсан Келей-Дуран. Угрожая войной, Келей-Дуран известил воеводу Д. Г. Загряжского о своем намерении собирать дань с ясачных людей. Его посланнику воевода «впредь с таким делом приезжать не велел»; тогда в марте 1679 г. Келей-Дуран подтвердил свое требование и принудил местные племена нарушить «шерть». Одновременно, имея в своем распоряжении двухтысячный отряд, частично вооруженный огнестрельным оружием, зайсан потребовал дань с ясачных людей Кузнецкого и Томского уездов⁶⁹.

Тогда же активизировались и киргизские «князцы». В июле и сентябре 1679 г. Ереняк, правда только с собственными силами, вновь осаждал Красноярск и беспощадно разорял местное население. В начале сентября того же года киргизский «князец» Шанда с сыном и зятем Ереняка подошел под Томск, но в неудачном для себя бою около Верхотомского острога был разбит и погиб. Тем не менее киргизским «князцам» удалось в середине сентября захватить и уничтожить Ачинский острог⁷⁰. Эти события русское правительство не без основания связывало с нападением войск Сэнгэ и Ереняка на Красноярск в 1667 г., и тобольскому воеводе было указано прислать в Москву подробный отчет о них⁷¹.

Поддержка враждебных России Кучумовичей и киргизских «князцов» не помешала Галдану сохранить посольские связи с Москвой. В конце ноября 1678 г. из Тобольска в Москву был отпущен с «листами» и товарами посол Галдана; в январе 1680 г. в Москву явились послы от Галдана и его племянника Цэван-Рабдана, которые пробыли в Москве до июня 1681 г. В своем «листе» Галдан просил разрешить его людям торговать с русскими у Ямыш-озера, пропускать, как обычно, послов в Москву и провести розыск о каких-то обидях, причиненных его улусным людям. Послы Галдана отзывались полным «неведением» о вторжении Келей-Дурана и осаде Красноярска Ереняком⁷². Складывается впечатление, что в это время Галдан интересовало в России главным образом огнестрельное оружие и боезапасы, которые его послы, вопреки запрещению русского правительства, неофициально закупали и вывозили, используя право провоза посольских товаров без таможенного осмотра. Русское правительство подчеркнуто вежливо приняло последних джунгарских послов и даже передало Галдану богатые подарки. Джунгарским послам было только высказано требование, чтобы Галдан не чинил обид ясачным людям и не собирал с них дань, и подтверждено строжайшее запрещение вывозить из России оружие. Сибирским же воеводам предписывалось с большой осторожностью принимать «выезжавших» в русское

подданство джунгар, а верхотурским таможенным властям — осматривать обозы возвращавшихся из России джунгарских посланников⁷³.

Итак, на протяжении 60—70-х годов все более выявлялась сложность складывавшихся отношений между Россией и халхаскими ханствами, с одной стороны, и между Джунгарией и Северной Монголией — с другой.

Джунгарские и халхаские ханы, хотя и были заинтересованы в экономических взаимосвязях с Россией и получении продуктов русского ремесла, упорно отстаивали право феодального грабежа сибирских племен, вошедших в состав России. Так как официальные границы не были четко установлены, некоторые из этих племен оказывались в положении двоеданства. В XVII в. отдельные группы сибирского населения нередко выплачивали дань то одной, то другой стороне, что приводило к политическим трениям и пограничным столкновениям. Русское правительство смотрело на принятие подданства как на акт, не подлежащий пересмотру, и не поступалось этим принципом и в тех случаях, когда отдельные группы аборигенов под давлением военной силы переходили на территорию соседних государств.

В 60-х годах особенно тяжело пришлось коренному приалтайскому населению Томского и Кузнецкого уездов и жителям верховьев Енисея (Красноярский уезд), на сбор дани с которых претендовали феодалы енисейских киргизов и Джунгарии, а также населению Забайкалья, страдавшему от набегов северомонгольских ханов и тайшей. С этого времени русская дипломатия начала конкретно связывать свои отношения с отдельными центральноазиатскими соседями в единую систему внешней политики, учитывая при этом политическое давление маньчжурского правительства на ханства Северной Монголии и панмонгольскую программу джунгарских ханов. Дальнейшее обострение международных противоречий в регионе в 80-х годах привело к кровопролитным конфликтам.

§ 2. Дипломатические отношения с Китаем

В отечественной историографии до относительно недавнего времени существовало традиционное мнение о том, что вплоть до 80-х годов XVII в. русское правительство, неуклонно стремясь к установлению дипломатических и торговых отношений с Китаем, для достижения этой цели по своей инициативе систематически организовывало посольства и поездки своих торговых представителей в Пекин. Особенно отчетливо последняя мысль прослеживалась в монографии П. Т. Яковлевой, которая стремилась доказать взаимотяготение России и Китая и представить имевшиеся противоречия чуть ли не результатом печального недоразумения⁷⁴. На самом деле характер сношений и противоречия между Россией и маньчжурской династией, правившей Китаем, были значительно сложнее.

Еще в конце 1616 г., в преддверии первых сношений с Китаем, Боярская дума, обсуждая отчет служилых людей Т. Петрова и И. Куницына о поездке к джунгарам, решила не торопиться и «с Алтын-царевичем и с Китайским государством ссылке не быти, а вперед разведывать про них еще подлинно»⁷⁵. Проявленная осторожность объяснялась прежде всего нежеланием втягиваться в вооруженные конфликты между монгольскими феодальными владетелями. Наиболее определенно эта позиция отражалась в грамотах, посланных в мае 1620 г. из Посольского приказа сибирским воеводам: тобольскому — М. М. Годунову и томскому — И. Ф. Шаховскому. Им возбранялось самолично устанавливать какие-либо дипломатические отношения с главами монгольских государств и с Китаем. «А вперед бы есте с Алтын-царем и с Китайским и с Мугальским государством без нашего указу ни о чем ссылки не держали, потому что те государства дальные и торговым людям ходити от них в наши государства далеко; а Алтын-царь кочевные орды люди воинские, и нашим государствам прибыли от него, кроме запросов, никаких нет и вперед не чаять»⁷⁶. В этот момент русская дипломатия сделала для себя достаточно определенные выводы из переговоров, которые, как указывалось, с января 1620 г. велись в Москве с представителями Хара-Хулы и Алтын-хана, и сочла, что прямые внешнеполитические контакты с ними нецелесообразны.

В Москве уже тогда хорошо представляли, что пути в Китай шли через монгольские земли, а потому принятое решение исключало и прямые связи с Китаем. К тому же откочевки в пределы России части ойратских племен вызывали большое беспокойство в Москве, и русское правительство сочло, что активная политика в отношении монгольских государств только усугубляла бы напряженность в южной части Западной Сибири. Однако эта общая внешнеполитическая установка Посольского приказа вовсе не означала отчуждения от новых восточных соседей. В тех же грамотах сибирским воеводам предписывалось неофициально, «не посольством и не от себя», «будто ненароком» разведывать «всякие вести подлинно» про государство Алтын-ханов и Китай, насколько они людны, какие у них города, обычаи и вера, насколько простираются их границы и «как оне наши великие государства перед иными государствами и перед своею землею почитают, и воюютца ль оне с которыми государствами... и как оны у них бои, и сколь сильны...»⁷⁷

Двумя годами раньше, используя благоприятную в тот момент позицию Алтын-хана Шолоя Убаши-хунтайджи, русское правительство уже осуществило такой опыт полуофициальной информации, послав в Пекин из Томска группу казаков во главе с И. Петлиным. Коль скоро миссия отправлялась формально не Посольским приказом, а томским воеводой, ей не был придан дипломатический характер со всеми свойственными для того времени атрибутами — официальной грамотой на имя главы государства и подарками. Сам И. Петлин достаточно точно и вместе с тем дипломатично сообщил о своем

«статусе» китайским представителям, что послан он не непосредственно царем, а из «Сибирского государства проводить про великое Китайское государство, и с ним грамот и поминков нет, а будет великого государства нашего государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси к вашему великому государю послы нарочно, и грамоты и дары с ним будут»⁷⁸.

Тем не менее представители Палаты по приему иностранных гостей принял И. Петлина в Пекине с большим вниманием. Их заинтересованность объяснялась тем, что свидетельство о существовании Русского государства расширяло внешнеполитический горизонт китайской дипломатии, которая сразу же поставила перед собой, в своих, разумеется, целях, «задачу включить это новое государство в уже существовавшую систему политического баланса в «застенном» мире»⁷⁹. Именно поэтому китайские представители охотно обменялись с И. Петлиным информацией о своих государствах и спустя четыре дня после его прибытия в Пекин отпустили назад с грамотой минского императора Чжу Ицзюня (Ван Ли), разрешавшей русским вновь приходить в Китай с посольством и для торговли. Минский император писал: «...с торгом приходите и торгуйте, и выходите, и опять приходите. На сем свете ты, великий государь, и я, царь, не мал, чтоб меж нами дорога чиста была...»⁸⁰

Отчет И. Петлина об открытии путей из Сибири через Монголию в Пекин имел огромное значение для мировой географической науки, и история его путешествия изучена досконально⁸¹. Русское правительство получило обширные сведения о Китае, но по иронии судьбы ни в какой степени не использовало их тогда, когда они могли послужить российской дипломатии реальным руководством. Дело в том, что к 40-м годам, после изменений в составе Посольского приказа, о миссии И. Петлина забыли, и материалы его путешествия не стали прецедентом для последующих дипломатических сношений с Китаем⁸², которые к тому же прервались более чем на 30 лет. Привезенная И. Петлиным грамота минского императора Чжу Ицзюня представляла безусловный прецедент, столь существенный в средневековой дипломатии, для дальнейших посольских связей.

При всей осторожности, с которой Боярская дума в 1616 г. подходила к контактам с миром монгольских государств и минским Китаем, сама идея дипломатических отношений с Пекином была активно и разнообразно использована русской дипломатией в ее западноевропейской политике. Хорошо известно, что с середины XVI в. английская «Московская компания», получив от Ивана IV право свободной торговли с Россией, стала настойчиво искать новые сухопутные пути на Восток и одновременно, опираясь на северные русские порты на Белом море, пыталась найти так называемый Северо-Восточный проход по полярным морям, который, минуя просторы Атлантического и Индийского океанов, контролируемые голландцами и испанцами, вывел бы англичан в страны Востока⁸³.

После присоединения к России Сибири англичане попытались

добиться от русского правительства разрешения на поиски пути в Индию и Китай по сибирским рекам. Этот вопрос был поставлен в 1604—1605 гг. во время переговоров английского посла Т. Смита с царем Борисом Годуновым: «торговати англинским гостем повольною торговлею и позволили б ходити через Московского государства землю в Персиду, и о взысканье Китая, и пошлин с тех гостей имати б не велети»⁸⁴. Однако многообещающий для английских купцов проект был отклонен русским правительством под благовидным предлогом о невозможности его осуществления ввиду войны между Турцией и Ираном. И все же английские торговые круги не оставляли своей идеи.

Англия, заинтересованная в возобновлении торговли с Россией и в привлечении Швеции к антигабсбургскому союзу, охотно согласилась на просьбу русского правительства о посредничестве в заключении мирного договора между Россией и Швецией, в 1611 г. захватившей Новгород и оккупировавшей русские северо-западные районы. Прибывший в Россию в 1615 г. английский посол Д. Мерик активно участвовал в начавшихся переговорах, которые завершились подписанием в 1617 г. Столбовского договора⁸⁵. В противовес голландским представителям, отстаивавшим на этих переговорах в большей степени интересы Швеции, Д. Мерик в виде компенсации за свою «благожелательность» вновь поднял вопрос о возможности поисков путей в Индию и Китай. На протяжении двух лет (1616—1617) Посольский приказ и Боярская дума вынуждены были обсуждать требования Д. Мерика.

2 мая 1616 г. Д. Мерику было сообщено, что после его возвращения в Москву с посольского съезда царь «на все дела, о чем ты царскому величеству по государя своего приказу говорил, велит милостивной свой ответ учинить...»⁸⁶

Действительно, после подписания 27 февраля 1617 г. Столбовского договора переговоры с Д. Мериком, которые с русской стороны возглавлялись виднейшими представителями царского двора — боярами Ф. И. Шереметевым и князем Д. М. Пожарским, были продолжены. Русское правительство явно не желало допускать англичан в Сибирь, и русские представители довольно объективно говорили Д. Мерику об огромных трудностях, связанных с поисками сухопутных путей в Китай⁸⁷. Д. Мерик упорно стоял на своем, доказывая, что английские купцы, отыскивая «ближнюю дорогу» в Китай и «Восточные Индеи» и затратив на это более 100 тыс. рублей, готовы на свой риск и дальше «убытчитца»⁸⁸. Весьма любопытную позицию заняли крупные московские торговцы, мнение которых запросили Ф. И. Шереметев, Д. М. Пожарский и думный дьяк Посольского приказа П. Тредьяков. Сославшись на свое незнание путей в Китай, они очень пессимистично отнеслись к планам англичан, давая понять, что допускать их в Сибирь бесполезно: «а слышали они, что уже давно англичаня туды дороги ищут, да не найдут, и вперед им туды не дорога ж, поискав, да и покинут»⁸⁹. В конце концов 27 июня 1617 г. Боярская дума приговорила «отговаривать» английского посла от его

плана искать дорогу в «Восточную Индею, в Китайское государство из его царские отчины ис Сибири рекою Обью» и этот вопрос «ныне учинить без совету государства (т. е. Земского собора. — В. А.) немочно ни по одной статье...»⁹⁰

Следуя этому приговору, Ф. И. Шереметев и Д. М. Пожарский составили весьма дипломатичное письмо Д. Мерику, в котором ссылались на трудности путей, в том числе и «добре страшные», и бесперспективность экономических связей с Китаем: «Да и про Китайское государство сказывают, что невеликое и небогатое, добиватца к нему дороги нечево для». Чтобы смягчить свой отказ, московские дипломаты пообещали Д. Мерику своими силами «проведасть подлинно» эти пути и в случае успеха прислать их «чертежи»⁹¹. В подобном тоне тогда же была составлена в Посольском приказе и «наказная память» русским послам С. Волинскому и М. Поздневу, которые отправлялись в Англию⁹².

На переговорах со шведами русская дипломатия в то же самое время демонстрировала свои знания о Китае совершенно иначе. После заключения Столбовского мирного договора русское правительство стало добиваться военного союза с Швецией против Польши (1617—1618). Для поднятия государственного престижа русскому послу в Швеции Ф. П. Барятинскому предписывалось, во-первых, подчеркивать значение присоединения Сибири к России: «и наперед сего те все земли ни с которыми христьянскими и мусульманскими государи не токмо под чьею рукою, и всылке ни с кем не бывали... А будет про Сибирь их и не спросят и им самими задрати (т. е. свести к тому речь. — В. А.), и к государеву милостивому нраву, и к премудрому разуму, и к счастью про те новоприбылые государства рассказывать...»⁹³ Во-вторых, Ф. П. Барятинский должен был дать понять шведской стороне, что русское правительство располагает реальными данными о Китае и сопредельных с ним государствах, и намекнуть о том, что Китай находится в орбите внимания русской дипломатии. «Да за теми ж за всеми дальними землями объявились новоприбылые государства — Китайское государство, которое в крониках описует великим государством, — гласила «наказная память» Ф. П. Барятинскому. — И ныне великого государя нашего люди и до того Китайского государства дошли... А города у них все каменны и богаты добре, всякими узорчьи дорогами наполнены»⁹⁴. Это сообщение было передано шведскому канцлеру И. Шмидту 26 апреля 1618 г., т. е. тогда, когда И. Петлин только собирался в Томске в свое знаменитое путешествие.

Таким образом, уже в первом десятилетии XVII в., когда Россия лишь начинала преодолевать тяжелые последствия литовско-польской и шведской интервенции, русская дипломатия в своей западноевропейской политике начала опираться на результаты присоединения Сибири и не без успеха использовать возможность связей с Китаем.

В дальнейшем, в 20—30-х годах, русское правительство, пытаясь изменить тяжелые условия Деулинского перемирия с Польшей (1618)

и отвоевать потерянный Смоленск и западнорусские земли, было втянуто в сложнейшие дипломатические перипетии в связи с европейской Тридцатилетней войной (1618—1648) и на своих сибирских рубежах уделяло внимание только сношениям с монгольскими государствами. Когда в 1635 г. томский сын боярский Л. Васильев и казак С. Щепеткин подали в Посольский приказ в Москве челобитную о разрешении выехать в Китай и «проведать какие в нем люди живут и какая вера... и есть ли у них какое каменье и узорочные товары»⁹⁵, то она была отклонена. На протяжении трех десятилетий Посольский приказ продолжал воздерживаться от прямых контактов с Китаем, учитывая сложность своих отношений с монгольскими «державцами», и единственным источником информации о нем оставались «расспросные речи» приезжавших в сибирские города и в Москву монгольских посланцев. Содержание этой информации при всей ее обширности было довольно ограниченным.

Существенное изменение в русской дальневосточной дипломатии произошло в начале 50-х годов. Сообщения об успешном присоединении Приамурья, естественно, побуждали к установлению дипломатических отношений с сопредельными государствами. Имевшийся опыт сношений с джунгарскими и халхаскими ханствами подсказывал их необходимость ради укрепления безопасности новых владений России. Активность русской дипломатии и причины, ее определившие, исчерпывающе освещены в монографии В. С. Мясникова⁹⁶.

Правительство царя Алексея Михайловича стало настойчиво искать пути к контактам с Китаем по двум причинам. Во-первых, энергичная подготовка к активной внешней политике на Западе требовала весьма крупных затрат. В связи с этим известия из Тобольска о выгодах торговли китайскими товарами, которые привозились туда бухарскими купцами, порождали идею начать ее самостоятельно в интересах казны. Однако, вступая на этот новый для себя путь, русская дипломатия вынуждена была скоро убедиться не только в его трудности, но и в собственной неподготовленности к торговле с Китаем. Прежде всего был ограниченным объем знаний о Китае. Несмотря на поступающую информацию из Центральной Азии, и сибирские воеводы, и деятели Посольского приказа к началу 50-х годов не располагали определенными данными ни о событиях в Китае, приведших к гибели китайской династии Мин и воцарению маньчжурской династии Цин, ни о пределах его владений.

Уже указывалось, что русская администрация Восточной Сибири, непосредственно руководившая присоединением Приамурья, исходила из мысли, что где-то за Амуром находились относительно незначительные государственные образования, а отнюдь не территория огромной Китайской империи, и вооруженные столкновения русских поселенцев на Амуре происходят вовсе не с цинскими войсками. Это заблуждение, недешево обошедшееся русской дипломатии, тем не менее, как увидим, вскоре было преодолено.

Однако субъективная трудность оказалась много сложнее, и рус-

ские государственные деятели второй половины XVII в. на протяжении нескольких десятилетий практически вынуждены были познавать «своеобразие» маньчжуро-китайских внешнеполитических понятий и, постепенно приобретая опыт их преодоления, отстаивать собственные интересы. Дело в том, что в отношениях России и Китая столкнулись два принципиально противоположных взгляда на систему международных связей. Принципиальная общность дипломатии цинского Китая и дипломатии России, как и всякого феодального государства, заключалась в однородности их классовой сущности, воплощавшейся в активной защите интересов господствующего класса. На этом общность, сколь бы ни была она основательна, тем не менее кончалась. Русская дипломатия исходила из многовековой дипломатической общеевропейской практики, предусматривавшей прежде всего внешне взаимно уважительное и равенственное отношение между партнерами, неприкосновенность представителей договаривающихся сторон и соблюдение церемониала, не унижающего достоинства ни одного государства. Совершенно иные принципы отличали дипломатию цинского Китая. Они были органически связаны со всей совокупностью господствовавших в государстве идеологических и политических установлений, имевших глубокие исторические корни⁹⁷.

Маньчжурские феодалы, установив в Китае военно-феодальный диктаторский режим, надежно опирались на представителей китайских помещиков и бюрократический аппарат. И хотя все наиболее важные политические и военные посты в стране занимали маньчжуры, «маньчжурские императоры и придворная аристократия, сознавая важность сохранения и поддержания союза с китайскими феодалами, с первых же дней своего владычества рьяно взялись за насаждение и упрочение традиционной китайской феодальной идеологии — конфуцианства, многие века служившего мощным идейным оружием в руках китайских феодалов, направленным на сохранение в неизменном виде системы жестокой эксплуатации китайского крестьянства»⁹⁸.

Усиливая и «совершенствуя» бюрократически-полицейский аппарат управления и повседневного надзора за населением, цинские императоры целиком восприняли и доставшиеся им в наследство от династии Мин принципы внешней политики. Идеологической основой всей экспансионистской политики китайских императоров неизменно оставалось конфуцианство, провозглашавшее превосходство цивилизации Китая над культурой других народов и строжайшую регламентацию всех сторон повседневной жизни человека. «В основе доктрины универсального благоустройства находился уже известный нам механизм функционирования власти: распространение мироустроительного влияния из одной точки на весь остальной мир. Это означало, что «варваров» можно было вывести из их бедственного состояния, лишь сделав их земли, подобно китайским, сферой распространения благотворного влияния китайского императора»⁹⁹, — писал А. С. Мартынов об официальной идеологии императорского Китая на протяжении более чем двух тысячелетий, с III в. до н. э. до начала XX в. н. э.

При воплощении этой доктрины на практике огромное внимание уделялось дипломатии, которая должна была обеспечивать успех внешней политики империи.

Регламентация, положившая начало строжайшему ритуалу государственных церемоний, направленному на поддержание культа императоров-повелителей, способствовала, в свою очередь, выработке дипломатического церемониала, призванного обеспечивать показное превосходство над внешнеполитическими партнерами. Под воздействием ритуала «сформировался особый вид дипломатии и дипломата, для которого условности значили не менее, чем существо дела, а взаимопонимание при дипломатических контактах было крайне затруднено, так как партнер находился практически в иной системе представлений, — пишет В. С. Мясников. — На него же смотрели лишь как на потенциального исполнителя непреложной воли повелителя Поднебесной, если же он не был готов исполнять эти предначертания, то такого «неусмирённого» варвара, если были силы, наказывали, если не было возможности наказать — презирали»¹⁰⁰. Можно добавить, что главным следствием этого презрения была вседозволенность поведения по отношению к «варвару», а отсюда — стратегия и тактика всей дипломатии, доктрина которой вытекала из трактата военного теоретика средневекового Китая Суньцзы. Основополагающая идея Суньцзы заключалась в том, что дипломатические методы борьбы предпочтительнее методов военных, однако при условии, что дипломатия должна была любым путем создать стратегическое превосходство над противником и заставить его капитулировать. Тем самым понятия «война» и «дипломатия» рассматривались в органической взаимосвязи как разновидности одной и той же политики с едиными правилами и приемами. Характерной чертой дипломатии Цинской империи, постоянно нацеленной на обеспечение будущих территориальных захватов, была ее стратагемность, т. е. «сумма целенаправленных дипломатических и военных мероприятий, рассчитанных на реализацию долговременного стратегического плана, обеспечивавшего решение кардинальных задач внешней политики государства»¹⁰¹, и опирающихся не на принципы, нормы и обычаи международного права, а на теорию военного искусства.

Следуя традиционно выработанному китаецентристскому догмату, дипломатия Цинской империи исключала «не только равенство во взаимоотношениях с соседями, но и само существование на границах империи достаточно сильных государственных образований»¹⁰², что, с одной стороны, должно было облегчать военные захваты, а с другой стороны, гарантировать безопасность самого своего¹⁰³. При захватнической направленности внешней политики империи Цин экономический стимул определялся исключительно возможностью грабежа и получения дани, но не выгодами торговых связей. Приоритет политических целей был традиционно характерен для всей императорской политики.

В середине XVII в. основное внимание цинской дипломатии было

обращено на монгольский мир¹⁰⁴. Сокрушив южномонгольское Чахарское ханство в 1635 г., маньчжурские правители в борьбе за политическую гегемонию на Дальнем Востоке выступили против консолидационных тенденций в западно- и северомонгольских землях.

К северу и востоку от императорского домена в Маньчжурии государственных образований не существовало, и именно поэтому, особенно после опустошительных походов на Амур в 30-х годах, цинская дипломатия могла считать этот регион для себя безопасным. Присоединение Приамурья к России нарушало систему политических установок Цинской империи. Трудности в установлении с ней контактов усугублялись для Москвы и тем, что время с 1644 г. — момента захвата маньчжурскими феодалами власти в Китае — и до 1683 г. было этапом, на протяжении которого цинские императоры только еще упрочивали свое единодержавие, подавляя ожесточенное, особенно в южных районах страны, сопротивление китайского народа¹⁰⁵.

Продвижение русских пределов в Забайкалье и Приамурье сразу же, с точки зрения цинских политиков, нарушало их внешнеполитическую доктрину о невозможности соседства с сильным государством и вызывало беспокойство, с одной стороны, о возможности стабилизации их власти внутри Китая, а с другой — о перспективах реализации долгосрочных планов подчинения монгольских ханств.

Русский царь Алексей Михайлович и его ближайшие в то время советники патриарх Никон и князь А. Н. Трубецкой, в самом начале 1653 г. принимая решение об организации «китайского торгога», не имели данных ни о общих принципах китайской дипломатии, ни о реакции в Пекине на присоединение Приамурья к России. Организация и ведение торговых операций в Китае были поручены опытному администратору Ф. И. Байкову, который уже летом 1653 г. устраивал в Тобольске хранилища для «государевой казны» и отпустил торговый караван в Пекин во главе с тобольским татарским головой П. Ярышкиным. Прибытие этого каравана в начале лета 1654 г. в Пекин положило начало русско-китайским контактам в необычайно сложной ситуации. По меткому замечанию В. С. Мясникова, П. Ярышкин «и не подозревал о политических переменах в Пекине, совершившихся десять лет назад. Дипломатия, которая должна была бы обеспечить русским властям достоверную информацию, явно отставала от развития внешнеторговых связей. Да и не только внешнеторговых связей, ведь стороны фактически находились уже в состоянии вооруженного конфликта в Амурском бассейне, но реально все еще не ведали о всех возможных последствиях его. Всем этим политико-географическим загадкам суждено было быть расшифрованными в столице цинского Китая раньше, чем в Москве»¹⁰⁶.

Русское правительство, отправляя П. Ярышкина, предусмотрительно не снабдило его специальной грамотой, которая свидетельствовала бы об официальном характере его миссии. Цинские же власти не представляли себе точно, с кем они столкнулись на Амуре, но, исходя из общей своей концепции внешней политики, планировали

«усмирение» русских и приведение их к «покорности». Поскольку военные меры не достигали цели, а русские войска на Амуре наносили в это время поражения маньчжурам, то П. Ярышкина в Пекине приняли за дипломатического представителя, разрешение же на торговлю обусловили обязательным придворным церемониалом «коутоу», который совершали послы даннических по отношению к Китаю государств. П. Ярышкин, вовсе не располагавший данными о событиях на Амуре, а тем более о планах цинской дипломатии, ради успеха своей торговой миссии после долгих колебаний выполнил обряд «коутоу». «Поставив» таким образом Россию в ранг своего «вассала», императорский двор счел себя вправе рассматривать события на Амуре как проявление «самовольства» русских казаков со всеми вытекающими из этого последствиями. Поэтому царю Алексею Михайловичу был составлен 25 июня 1655 г. указ с пожеланием: «навечно будьте преданы и послушны, чтобы ответить на милость и любовь, выраженные к Вам»¹⁰⁷.

Эта, с точки зрения цинских сановников, «победа», одержанная столь традиционными для китайской дипломатии методами, вскоре была поставлена под сомнение Ф. И. Байковым, прибывшим в Пекин в марте 1656 г. в качестве официального представителя России. После отъезда П. Ярышкина из Тобольска, когда в Москву поступила подробная информация о Китае как крупнейшем восточном государстве, исходившая от хошоутского тайджи Аблая, русское правительство решило ускорить установление с ним прямых дипломатических контактов. В это время Россия пришла на помощь Украине, восставшей против гнета польских панов, и царский двор, не дожидаясь возвращения П. Ярышкина, отправил в Китай посольство Ф. И. Байкова.

В «наказной памяти» Ф. И. Байкову предписывалось добиваться, чтобы «великому государю нашему, его царскому величеству и государю их бугдыхану-царю меж себя быти в крепкой дружбе и любви навеки непременно», «так же, как и с ыными окрестными великими государями», с дипломатическими посольскими «ссылками» и взаимной торговлей¹⁰⁸. Русский посланник должен был довести до сведения цинского императора, что «в Сибири устроены города многие и всякие служилые и жилецкие люди пожалованы государевым многим жалованьем и пашни устроены великие, и живут служилые и жилецкие люди в тишине и в покое»¹⁰⁹. Ф. И. Байкову вменялось в обязанность категорически отклонять унижающий русского посла церемониал: «то дело не сstatочное, и николи того не будет и у царского величества того не ведетца, о том было ему и говорити стыдно. И отказати о том впрямь»¹¹⁰. В грамоте царя Алексея Михайловича цинскому императору проводилась мысль о том, что колы «ваше Китайское царство подошло наше царское величества отчины к украинным городам Сибирского царствия, хотим мы, великий государь, наше царское величество с вами, бугдыханом-царем, от нынешняго времени вперед быти в приятной дружбе и в любви и в ссылке также, как мы... и с-ыными окрестными великими государями...»¹¹¹

Программа, предписанная Ф. И. Байкову, решительно противоречила плану цинского двора любым путем добиться удаления русских с Амура.

Цинские дипломаты рассчитывали, что русские сами уйдут из Приамурья, значительная часть населения которого была угнана маньчжурами на реки Хурха и Нонни. Надеялись они также на то, что русский посланник подтвердит достигнутый ими в переговорах с П. Ярышкиным «успех» в определении статуса России. Между тем Ф. И. Байков, твердо придерживаясь «наказной памяти», решительно уклонялся от исполнения унижительного церемониала, отказался обсуждать навязываемую ему проблему Амура, но, не будучи в курсе событий, происходивших в Приамурье, и не имея полномочий говорить о них, отступил от данных ему директив, заявив, что амурские казаки — «люди вольные»¹¹², т. е. действуют по своей инициативе.

Этому заявлению цинские политики, конечно, не поверили, но сама версия о «самовольстве» казаков была ими использована. Не добившись от Ф. И. Байкова подтверждения вассалитета России и не собираясь устанавливать с кем бы то ни было дипломатических отношений на равной основе, цинские политики сочли для себя более предпочтительным «усмирять» на Амуре «вольных» казаков силой и, не начиная переговоров, вынудили русское посольство покинуть Пекин.

В этой ситуации, как справедливо отмечал В. С. Мясников, «задача, стоявшая перед Ф. И. Байковым, была практически неразрешимой...»¹¹³ Навязать России статус «вассала» цинской дипломатии не удалось, и вопрос о характере взаимоотношений между Россией и Китаем оставался открытым. Для обеих сторон становилось тем не менее очевидным, что политическая обстановка на Дальнем Востоке зависела прежде всего от отношений между ними.

В марте 1657 г., до возвращения Ф. И. Байкова в Россию, правительство Алексея Михайловича получило от ойратского (хошоутского) Аблая-тайджи известие о том, что цинские дипломаты поставили перед русским послом вопрос о ситуации в Приамурье: почему «великий де государь к нему, китайскому царю, прислал своего государева посла, а в другую де сторону посылает воевать ево китайские земли»¹¹⁴. Это сообщение не могло не встревожить руководителей русской дипломатии. Обеспокоенные к тому же длительным отсутствием Ф. И. Байкова, они в сентябре 1657 г. начали готовить миссию в Пекин, во главе которой были поставлены гонцы — побывавшие уже в Китае с П. Ярышкиным тобольский торговый бухарец С. Аблин и тарский сын боярский И. Перфильев. В грамоте на имя цинского императора царское правительство по-прежнему выражало стремление к «дружбе и любви», настаивало на скорейшем отпуске на родину Ф. И. Байкова и излагало свой взгляд на столкновения русских и цинских войск на Амуре. Русское правительство допускало, что произошла «ссора» русских служилых людей с цинской администрацией, и предлагало подданным обоих государств жить «в совете». Оно про-

сило богдыхана, если тот хочет «долгой дружбы и ссылки», повелеть своим подданным не заводить «ссор» со своей стороны. В октябре 1657 г. в Москве было получено известие о возвращении Ф. И. Байкова в Тобольск. Русское правительство не отказалось от посылки С. Аблина и И. Перфильева, но сочло нецелесообразным ставить в известность цинское правительство на уровне гонцов о своем понимании вопроса о территориальной принадлежности и ограничилось повторным предложением установить «дружбу», которая могла бы стать основой дальнейших государственных отношений¹¹⁵.

Грамота, которую привезли русские гонцы в Пекин в июне 1660 г., на этот раз была принята, рассмотрена членами Государственного совета и высшими сановниками империи, но предложение об установлении дружественных дипломатических и торговых отношений осталось без ответа. Цинские политики лишь несколько изменили тактику, но отнюдь не стратегию. В Пекине решили, что несмотря на «непочтительность и забывство», «белого царя» следует «поощрить» к сношениям, с тем чтобы в дальнейшем добиться своих целей¹¹⁶. Со своей стороны, русское правительство решило продолжить на основе наметившихся контактов чисто торговые сношения, а в случае необходимости осуществлять «ссылки» с Китаем на уровне гонцов от сибирских воевод.

Между тем ситуация в Маньчжурии и в Приамурье с 60-х годов начала складываться не в пользу Цинской империи. Опустошительные походы маньчжурских войск в 50-х годах лишь задержали хозяйственное освоение края русскими переселенцами. В 60-х годах, как уже указывалось, оно достигло существенных результатов. Кроме того, по мере русского освоения Приамурья местное население занимало позицию все более и более отрицательную в отношении маньчжуров. Аналогичные процессы происходили в 60—70-е годы и в Забайкалье, когда угнанные халхаскими ханами буряты устремились на «породные земли». Цинские правители, чьи вооруженные силы в 50-х годах согнали с Амура значительную часть дауров, гогулей и дючеров, вскоре стали убеждаться в непрочности своей власти над ними.

В этом отношении весьма показателен пример эвенкийского «князца» Гантимура, еще в 1651 г. принявшего русское подданство. Когда, по его словам, маньчжуры, пользуясь численным превосходством, увели его людей, вслед за ними откочевал в район Науна и он сам. Возможно, его откочевка была вызвана также боязнью оказаться в районе военных действий между вторгнувшимися на Амур маньчжурскими войсками и русскими отрядами. Маньчжурские власти, стремясь использовать Гантимура в своих целях, пожаловали его ежегодной денежной выдачей и в какой-то степени сохранили за ним владельческие права; в русских документах указывалось, что он служил «богдойскому царю четвертым боярином» (т. е. обладал в служилой маньчжурской иерархии четвертым чином)¹¹⁷. Однако эта политика не принесла маньчжурам успеха.

На известия об активизации русского заселения берегов Амура в 60-х годах и восстановлении Албазина правительство маньчжурского императора Сюань Е (девиз годов правления Канси), вступившего на престол в 1662 г., реагировало враждебно. Как и в 50-х годах, при принятии амурскими племенами русского подданства, оно решило действовать военным путем. Цинские власти приказали Гантимуру начать военные действия на Амуре против русских. Однако Гантимур уклонился от выполнения этого приказа и при первом же удобном случае, в 1667 г., со всем своим родом вернулся в русские пределы¹¹⁸. Уход Гантимура, сорвавший планы цинского правительства, был очень серьезно воспринят в Пекине, где в этом эпизоде не без основания увидели прецедент, крайне опасный для всей маньчжурской политики на северо-востоке. По свидетельству Ю. Крижанича, население, проживавшее в порубежных областях, в конце 60-х годов само отказывалось платить дань маньчжурам и вносило ее русским властям¹¹⁹.

Внешняя история с Гантимуром мало чем отличалась от других таких же ситуаций, возникавших на южных границах Сибири и связанных с двоедланством. Однако жесткость позиции правительства Сюань Е в отношении Гантимура придала ей особую политическую значимость, и возникший, казалось бы, частный спор о его подданстве вскрыл глубокие внешнеполитические противоречия.

Историки по-разному объясняли неуклонное стремление маньчжуров добиться от русского правительства выдачи Гантимура. Н. Н. Бантыш-Каменский считал, что маньчжурское правительство стало опасаться военного выступления против них Гантимура вместе с русскими. Б. Г. Курц придерживался в целом того же взгляда. П. Т. Яковлева полагала, «что в Пекине признавали за Гантимуром большие права на амурские земли и опасались его влияния на угнанное в Маньчжурию амурское население. Поэтому цинские власти требовали у русских выдачи Гантимура...»¹²⁰

Никаких данных даже о допущении возможности выступления русских властей против маньчжуров нет. Поэтому мнение Н. Н. Бантыш-Каменского и Б. Г. Курца принять нельзя, как недостаточно обоснованное.

Сюань Е мог опасаться влияния и авторитета Гантимура как племенного вождя, но главные расчеты цинских политиков заключались не в этом. Совершенно ясно о них говорили Спафарию иезуиты в Пекине в 1676 г. Представители иезуитов в Китае, по-видимому, далеко не сразу добились у Сюань Е того доверия, которым они пользовались при его отце и при Минах, и по какому-то своим соображениям были довольно откровенны со Спафарием¹²¹. В своем «статейном списке» Н. Г. Спафарий записал, что иезуит Ф. Вербист несколько раз возобновлял разговор о Гантимуре и говорил: «Гантимур никогда у них (маньчжуров. — В. А.) в подданстве не был, кроме того, что приезжал к ним на время и опять возвратился в Нерчинской... И не так им нужно Гантимура взять, как видеть намерение царского

величества какое, и они люди лукавые и знают, что те крепости (в Сибири. — В. А.) строены для ясачных мужиков, и буде царское величество отдаст Гантимура, который начальник всех иноземцев, тогда и прочие иноземцы или за ним пойдут, или порознь разбегутца, и так царскому величеству не по что будет проториться и держать служилых людей, как не будет при рубеже их ясачных»¹²². Эти сообщения не оставляют сомнений относительно основного замысла Сюань Е и его приближенных. Сюань Е упорно готовился к осуществлению обширных завоевательных планов. Для достижения своей цели в Приамурье цинские политики хотели добиться выхода местного населения из русского подданства и надеялись, что после этого русские или сами уйдут, или их позиции там будут крайне ослаблены.

В Пекине вовсе не оставляли мысли о вторжении в русские пределы. Значительно позже об этом Н. Г. Спафарию в Пекине признавался приставленный к его посольству маньчжурский вельможа — асхань амбань (заместитель главы приказа). По его словам, вскоре после ухода Гантимура в Нерчинск Сюань Е приказал ему и своему приближенному, Нагай-Тимуру, с шеститысячным войском двинуться с Науна к Нерчинску. Войско остановилось вблизи крепости, на расстоянии двухдневного перехода от Нерчинска, на р. Унде. Маньчжуры послали лазутчика («даурского мужика») к Гантимуру, чтобы проведать, «к каким людям» он ушел, и, если те люди поселились там самовольно, открыть против них военные действия. Гантимур тотчас препроводил лазутчика к нерчинскому воеводе Д. Д. Аршинскому, который отпустил его назад, заявив, что Нерчинск — владение «белого царя», люди в нем живут по его указу, а сам он «желает жить в дружбе и любви з бугдыхановым величеством, и чтоб торг меж обоими государствами учинился». Удостоверившись в том, что в Нерчинске русские живут «не самовольно», асхань амбань в своем докладе богдыхану посоветовал жить с «белым царем» в дружбе. Богдыхан будто бы согласился с ним и решил послать «к царскому величеству лист не токмо для Гантимура, а наипаче для проведывания подлинно, какие люди живут и которого государя»¹²³. Этот рассказ при всей своей нарочитой наивности представляет очень большой интерес для истории подготовки маньчжурской агрессии. В частности, версии о «самовольном» заселении Приамурья и «вольных казаках», не подвластных России, цинские политики при разработке своих военных планов в 60-х годах уделяли немалое внимание.

Осенью 1669 г. пятнадцатилетний император Сюань Е освободился от регентства и с помощью своего дяди Сонготу обрел полную власть. Именно к этому времени «русский вопрос» все более и более стал занимать внимание цинских политиков, приобретая значение главной внешнеполитической проблемы. Однако Сюань Е решил предварительно путем дипломатического зондажа уточнить позицию России в отношении Гантимура и завуалировать свои планы. Еще летом 1669 г. в Пекине нарочито предупредительно был встречен русский торговый караван, пришедший во главе все с тем же С. Абли-

ным. Перед отпуском обратно С. Аблину в «Мунгальском приказе» сообщили об уходе Гантимура и передали в устной форме просьбу вернуть «князца» и его улусных людей¹²⁴.

Не дожидаясь реакции на этот зондаж со стороны русского правительства, цинская дипломатия обратилась непосредственно к нерчинскому воеводе Д. Д. Аршинскому. В декабре 1669 г. один из наиболее доверенных сановников Сюань Е Мала с шеститысячным войском скрытно приблизился к Нерчинску и, якобы для торговли, подошел к воеводе старейшину одного из эвенкийских родов Шаралдая, который заявил Д. Д. Аршинскому, что албазинские казаки ходят-де походами на дауров и дючеров и «промеж де землями чинят ссору». Внешне проявляя мирную инициативу и прося русских прекратить подобные походы, цинская дипломатия заранее готова была возложить ответственность за «ссору» на другую сторону и получить предлог для военного вторжения на Амур. Подход маньчжурских войск не остался секретом для Д. Д. Аршинского. Он немедленно отписал в Албазин Н. Р. Черниговскому, «чтоб они промеж землями ссоры не чинили»¹²⁵. По-видимому, еще до визита Шаралдая Д. Д. Аршинский отправил енисейскому и илимскому воеводам тревожное сообщение: «пошла де сила большая богдойская под три нерчинские острога войною нынешнею осенью, а запасов де взяли с собой на три года..., а как будут богдойские люди под острожки, и оборонитца будет нечем»¹²⁶.

И все же Мала не рискнул тогда открыть военные действия с целью захвата Гантимура. Маньчжуры хорошо помнили о поражениях своих войск на Амуре в 50-х годах и считали себя не готовыми к длительным военным действиям. Цинский чиновник У Наньжун в своих «Записках о Нингуте» писал о русских: «оружие их было весьма страшно <...> они храбры, как тигры, и искусны в стрельбании из ружей; у них были пушки <...> они (ядра. — В. А.) метко попадали в неприятельский лагерь, хотя бы на расстоянии нескольких ли, и только там растрескивались, кто ни попадался, непременно был убиваем»¹²⁷.

Вполне вероятно, что маньчжурские войска появились на Амуре и вблизи Албазина. Якутский воевода И. П. Борятинский доносил об этом в Сибирский приказ, ссылаясь на данные, полученные к лету 1670 г. Это сообщение было весьма красноречиво: Никифор Черниговский в Албазине «обсажен накрепко от богдойских людей, и на реке де на Амуре под тем острожком стоят многие бусы с людьми, а после де пришли конные многие ж люди, и около де того острожку сделали вал земляной... Да богдойские же, государь, люди под Тугирским волоком поставили городок, и в тот де городок многие хлебные запасы привели... И говорят де, государь, они же, богдойские люди, чтобы им перейти на Олекму-реку и тою рекою итти под твою великого государя города, и которые [люди] тебе, великому государю, ясак платят, и они де с них хотят ясак собирать на богдойского...»¹²⁸ Далее И. П. Борятинский писал об активности маньчжурских

представителей, которые приезжали в русские пределы, ссанивали там местное население или же требовали с него ясак, почему тунгусы, проживавшие на р. Уде, просили «оборонить» их от «богдойских людей».

Сведения об осаде Албазина и активности маньчжурских войск на Тугирском волоке в дальнейшем не подтвердились. Однако именно в 60-х годах Сюань Е начал наращивать на северо-востоке империи военную силу¹²⁹, и информация об этом через местное население безуспешно доходила до Нерчинска. Скорее всего, убедившись в невозможности поднять восстание местного населения против русской администрации, Мала со своим войском отступил.

Развивая дипломатическую активность, цинские сановники в апреле 1670 г. впервые от имени внешнеполитического учреждения, ведавшего сношениями с северными и западными соседями Китая, — Лифаньюаня — официально обратились к нерчинскому воеводе Д. Д. Аршинскому. Грамота, доставленная ему все тем же Шаралдаем, внешне была вполне миролюбива. Аршинскому предлагалось прислать в Пекин «послов своих, чтоб нам переговорить с очи на очи..., чтоб промеж нами было тихо и смирно, в добре худа нет, а в худе добра нет»¹³⁰. Содержание грамоты тем не менее не оставляло сомнения в том, что цинские дипломаты открыто поставили вопрос о своем праве требовать возвращения Гантимура, вне зависимости от срока давности его выхода из подданства маньчжурского императора. Д. Д. Аршинский, располагая крайне ограниченными силами и стремясь избежать обострения конфликта, послал в Пекин казачьего десятника И. Милованова в сопровождении группы казаков. Они были предупредительно встречены императорскими властями, однако, устроив пышную церемонию приема «данников» империи, столичные сановники по существу с И. Миловановым переговоры не вели.

Цинская дипломатия, завершая камуфлирование своих замыслов, решила обратиться непосредственно к высшей власти России и отправила с И. Миловановым «лист» императора Сюань Е, адресованный царю Алексею Михайловичу¹³¹. Внешне это обращение было составлено с соблюдением дипломатических приличий. В нем принималась к сведению формула русских грамот об установлении дружественных посольских и торговых отношений между государствами и не было намеков на «даннические» отношения России к Китаю. Поступаясь китаеццентристской амбицией, Сюань Е официально признавал не только факт освоения берегов Шилки и района Албазина русскими переселенцами, но и верховную юрисдикцию над ними «великого государя», с которым он предлагал жить «в миру и в радости».

Однако эта инициатива прикрывала выдвигание определенных условий. Прежде всего вновь ставился вопрос о Гантимуре, причем толкование его цинские дипломаты хитроумно перекладывали на нерчинского воеводу Д. Д. Аршинского: «...а для ради де Гантимура Данило Аршинский к тебе, великому государю, ...писал в отписке». Далее, цинские дипломаты оставляли открытым вопрос о крайних пре-

делах Русского государства в Приамурье. Из контекста «листа» следовало, что «промышленные люди» цинского императора вправе вести соболиный промысел по Шилке, зато царская администрация в Нерчинске обвинялась во вторжениях на императорские «украинные земли».

Содержание «листа» было очень серьезно воспринято в Сибирском приказе. Из Нерчинска в Москву для доклада был вызван сперва И. Милованов, а затем Д. Д. Аршинский. В августе 1671 г. И. Милованов отчитывался в Москве, а в феврале 1672 г. туда же вернулся С. Аблин со своим торговым караваном. Суммируя полученные от них данные, а также тревожные вести якутских воевод, русское правительство решило отреагировать на послание Сюань Е и начало подготовки посольства в Китай; 4 февраля 1673 г. последовал царский указ о назначении главой этой дипломатической миссии Н. Г. Спафария, хорошо известного руководителю Посольского приказа боярину А. С. Матвееву.

Руководитель Посольского приказа в 1671—1676 гг. боярин А. С. Матвеев

В русской исторической литературе давно утвердилась неправомерная традиция не связывать отправление посольства Н. Г. Спафария с получением официального обращения Сюань Е и высказывались не вполне согласные мнения относительно задач, ставившихся перед ним. В конце XVIII в. Н. Н. Бантыш-Каменский считал, что русское правительство готовило посольство «не столько по коммерческим видам, сколько для обстоятельнейшего описания стран, к России прикосновенных»¹³². П. А. Словцов давал значительно более широкую трактовку задач посольства: «Цель миссии состояла частью в испытании выгод китайского торгова, частью в отмене китайского настояния о возвращении Гантимура с улусниками, в освобождении русских пленных, хотя бы и с выкупом, и главнейше — в склонении к удержанию Албазина во власти русской»¹³³. В. К. Андриевич, в свою очередь, писал, что «к этой поре сношения русских из Забайкалья с китайцами развились настолько, что встретилась надобность установить торговые сношения путем формального договора»¹³⁴.

Эти же мотивы прослеживались и в трудах советских историков. Так, Б. Г. Курц писал, что поездка Н. Г. Спафария «преследова-

ла не столько дипломатические цели, сколько разведочные, потому что московское правительство в то время сильно нуждалось в описании новых сибирских земель и путей в Китай... Важнейшей целью посланничества Спафария было стремление утвердить торговлю, а не смягчать остроту современных пограничных споров»¹³⁵. П. Т. Яковлева считала, что «в Москве решили Гантимура не выдавать и не посылать никакого ответа в Китай»¹³⁶. Противореча себе же, она расценивала посольство Н. Г. Спафария как стремление русского правительства «официальным договором оформить нормальные дипломатические отношения и условия торговли с Китаем»¹³⁷.

Каждое из этих мнений лишь в той или иной степени отражало намерения русского правительства. Многообразие сведений о Китае, а отчасти и о сопредельных с ним народах, содержащееся в трудах Н. Г. Спафария, неизмеримо больше привлекало исследовательскую мысль, нежели сама дипломатическая миссия, которая якобы окончилась безрезультатно. Видимо, поэтому она в меньшей мере интересовала историков, несмотря на наличие таких ценных материалов, как «статейный список» посольства Н. Г. Спафария, опубликованный Ю. В. Арсеньевым в 1906 г., и официальные маньчжурские доклады о приеме посольства, изданные в переводах еще в 1823 г. Г. И. Спасским и в 1888 г. А. О. Ивановским.

Многие русские исследователи, как дореволюционные, так и советские, прошли и мимо некоторых существенных деталей, без освещения которых нельзя понять подлинное политическое значение деятельности посольства. Даже С. М. Соловьев, широко использовавший «статейный список» Н. Г. Спафария, довольно бегло рассматривал дипломатические планы представителей России и Китая в ходе переговоров¹³⁸. Между тем для истории становления русско-китайских отношений дипломатические обстоятельства, обусловившие назначение в Китай посольства Н. Г. Спафария, имеют принципиальное значение и потому, что именно тогда фактически впервые начались официальные переговоры между представителями России и цинского Китая. Только в новейшем исследовании В. С. Мясникова история этих переговоров получила должное освещение. Проанализировав русские и маньчжурские источники, В. С. Мясников пришел к выводу, что, снаряжая посольство Н. Г. Спафария, русское правительство исходило из следующих соображений: «торговля дала бы русским несомненные выгоды, а проблемы, возникшие в связи с действиями цинских войск против русских в Приамурье, и требования выдать Гантимура вызвали необходимость вновь вступить в дипломатические переговоры»¹³⁹.

Русское правительство всегда крайне щепетильно относилось к охране «чести государевой», т. е. государственного престижа, в дипломатических сношениях. Поэтому после неудачи посольства Ф. И. Байкова русская дипломатия вела по отношению к Китаю крайне осмотрительную политику. Н. Г. Спафарий говорил маньчжурским представителям в Пекине, что после возвращения Ф. И. Байкова царь Алексей Михайлович, видя, что «посольство его бугдыханово величе-

ство принимает нелюбовью, впредь посылать не изволил... А царское величество и ныне не для ради какие нужды послал к богдыхану, только для славы имени своего, и есть ли бы не послали вы лист, а царское величество отнюдь бы не послал посольство»¹⁴⁰. Таким образом, нет никаких сомнений в том, что посольство Н. Г. Спафария было направлено в Китай в ответ на выдвинутое цинским правительством приглашение начать переговоры. Тем самым по дипломатическому протоколу посольство Н. Г. Спафария принципиально отличалось от посольства Ф. И. Байкова (1654), посланного по инициативе русского правительства.

В неоднократных спорах с маньчжурскими представителями, возникавших по поводу посольского церемониала, Н. Г. Спафарий неизменно подчеркивал именно эту особенность своего посольства. Еще на пути из Науна в Пекин Н. Г. Спафарий говорил сопровождавшему его маньчжурскому представителю, что царь Алексей Михайлович, когда получил «лист» от богдыхана, «почитая богдыханово величество, послал меня, холопа своего, к нему известить всякую дружбу и любовь, и надеелся великий государь, что и от богдыханова величества с великою честью восприят буду»¹⁴¹. В другом случае Н. Г. Спафарий говорил о своем посольстве еще более определенно: «А про Байкова и вспоминать нелзе, потому что то посольство от нынешняго рознитца, для того что тогда начиналось от великого государя, а ныне начиналось от богдыхана посольство, и как великий государь богдыхана во всем почитает и всякую дружбу и любовь к нему объявляет, так чаю, что и богдыхан против того ни в чем печальствовать будет великому государю, а во всем объявит дружбу и любовь, и как все великие государи принимают послов, наипаче от соседей и друзей своих, так чаю, что и богдыханово величество потому ж учнет принимать, и то дело взаим же будет, как и от него будут к великому государю послы»¹⁴². Маньчжурский представитель, со своей стороны, также подтвердил, что «то дело (т. е. посольские переговоры. — В. А.) от них началось»¹⁴³.

При всей искренности стремления установить дипломатические отношения с цинским Китаем Посольский приказ проявлял большую дипломатическую осмотрительность, которую нетрудно заметить в «наказе», выданном Н. Г. Спафарию как главе посольства. Отправляя Н. Г. Спафария в Китай, русское правительство прежде всего хотело выяснить намерения цинского императора Сюань Е, «будет [ли] впредь у царского величества с китайским богдыханом дружба и любовь и ссылка»¹⁴⁴. Официально Н. Г. Спафарию в целях «дружбы и любви» вменялось в обязанность обусловить порядок взаимного дипломатического представительства и определить наиболее удобные пути следования в Китай, добиться отправления ответного посольства в Москву, установления систематических государственных и частных торговых сношений с предоставлением купцам обоих государств права свободного проезда «на обе стороны», а также выкупить всех русских пленных, находившихся в Китае¹⁴⁵.

Обращает на себя внимание отсутствие в «наказе» статей о решении споров территориального характера. Русское правительство считало, что факт принятия русского подданства населением Приамурья исключал возможность обсуждения таких вопросов в Пекине, хотя постановку их перед Н. Г. Спафарием маньчжурским двором и предполагало. Русским послам во время переговоров с иностранными дворами вообще строжайше запрещалось выходить за рамки данных им «наказов». Не было сделано исключения в этом отношении и для Н. Г. Спафария, но, по-видимому, ему поручалось в порядке дипломатического зондажа выяснить маньчжурские территориальные претензии, их характер и масштаб. Об этом писал хорошо осведомленный в сибирских делах Ю. Крижанич. Он указывал, что Н. Г. Спафарий был послан «с полномочием войти в соглашение относительно границ с Китаем и будущей с ним торговли»¹⁴⁶. Быть может, русское правительство готово было обсудить вопрос об официальном определении границ районов Приамурья, вошедших в состав России и примыкавших к «внешним» территориям Цинской империи, так как в «Описании Сибирского царства» и в «Сказании о великой реке Амуре», составленном позднее Н. Г. Спафарием, проводилась мысль о том, что Амур разграничивал районы, заселенные и освоенные русскими в XVII в., с маньчжурскими землями¹⁴⁷.

С организацией посольства русское правительство не торопилось. После длительной подготовки, изучения материалов предыдущих поездок в Китай (Ф. И. Байкова, С. Аблина и др.), а также выбора наиболее удобного маршрута Н. Г. Спафарий в конце февраля 1675 г. получил государев «наказ» и в начале марта выехал из Москвы в Тобольск. В первых числах мая посольство выступило из Тобольска и к сентябрю добралось до Иркутска, откуда через два дня, не теряя времени, проследовало за Байкал. Многочисленное и пышное посольство, сопровождаемое конвоем сибирских служилых людей, производило на всех встречах сильное впечатление. «Мы с караваном ехали строем с береженьем, и издали по степи караван зело велик виделся, и издали не ведающим кажется человек с тысячу и больше»¹⁴⁸, — писал Н. Г. Спафарий.

Первоначально предполагалось идти из Забайкалья в Китай через Монголию, но донесения нерчинского воеводы П. Я. Шульгина о враждебности некоторых монгольских тайшей, а также о столкновениях между халхаскими и ойратскими феодалами заставили Н. Г. Спафария изменить планы и направиться в Нерчинск, куда он и прибыл 4 декабря 1675 г.¹⁴⁹ С извещением о прибытии русского посольства еще 19 ноября в Китай из Нерчинска через Албазин срочно выехал сын боярский И. Милованов¹⁵⁰. Сам Н. Г. Спафарий вышел из Нерчинска 19 декабря. 30 декабря посольство переправилось через р. Аргунь и, опасаясь разминуться с маньчжурскими представителями, медленно проследовало далее. 13 января 1676 г. на р. Улучи члены посольства, «едучи по вершине ея к хребту (Хингану. — В. А.), где предел меж Сибирского государства и Китайского учинится,

встретились с нашими посланными людьми, а с ними китайские ж люди были»¹⁵¹.

Русское посольство прибыло в Китай в крайне неблагоприятный для маньчжурского двора момент. В 1673—1674 гг. не прекращались перекочевки тунгусского населения из сопредельных районов Цинской империи в пределы Нерчинского уезда. В «отписке» из Енисейска 18 июля 1675 г. Н. Г. Спафарий передавал дошедший до него слух о желании и оседлого приаргунского населения освободиться от маньчжурского ига, а также о вызванном этим походе в Приаргунье албазинских казаков¹⁵². Как явствует из его «статейного списка», поход албазинских казаков по Амуру был совершен в связи с присланной от какого-то местного сотника челобитной на имя великого государя о вечном подданстве. В данном случае речь шла об угнанном маньчжурами в 50-х годах оседлом приамурском населении, так как маньчжурские представители не только не собирались жаловаться на казаков Н. Г. Спафарию, но даже не хотели, чтобы он знал об этом факте¹⁵³. По всей вероятности, в этой же связи енисейский воевода М. В. Приклонский писал в Москву в июле 1675 г. о походе албазинских казаков во главе с Н. Р. Черниговским на р. Ган по просьбе даурского сотника Лопсодейка, который хотел вернуться под Албазин на свои «породные земли» от «налог, обид и утеснения» маньчжуров¹⁵⁴. В описании своего путешествия Н. Г. Спафарий ничего не говорит об оседлом населении за р. Аргунью, но упоминает обитавших там тунгусов барбутского рода, которые ранее платили царю ясак¹⁵⁵.

Непрочное было положение маньчжурских правителей и в самом Китае. Еще в Енисейске только что вернувшиеся из Пекина участники русского торгового каравана сообщали Н. Г. Спафарию, что «ныне богдыхан в великом безсильи и от казаков имеет великий страх и в великом смущении от Никанской войны»¹⁵⁶. В дальнейшем иезуиты передавали Н. Г. Спафарию в Пекине о непопулярности Сюань Е не только среди народа, но и среди «бояр», об обнищании китайцев (никанцев) и их борьбе против маньчжурского ига: «Иногда и служилым нечим платить, потому что лутчие были страны Китайские и богатые, те изменили недавно, чуть не половина царства, и безпрестанно службы бывают, только бог ведает, на чем скончится то дело, а и они опасаются, чтоб не выгнаны были опять от китайцов, и для того ис Пежина города выгнали никанцов вон, чтоб не учинили какой бунт и измену, и живут за городом»¹⁵⁷.

Дело в том, что в 1673 г. Сюань Е решил переселить в северные районы империи крупных китайских феодалов, пользовавшихся на юге Китая фактической самостоятельностью. Однако, вопреки расчетам Сюань Е, три крупнейших китайских феодала во главе с У Саньгуем подняли восстание, охватившее несколько провинций (Юньнань, Гуйчжоу, Гуанси, Сычуань), которое было поддержано широкими массами китайского населения. В самой столице — Пекине — вспыхнул мятеж, жесточайше подавленный маньчжурскими войсками¹⁵⁸.

В этих условиях, когда под вопросом оказалась судьба самой

Цинской династии и даже обсуждалась возможность переноса столицы империи на север, не могло быть и речи о подготовке военного вторжения в пределы России, и позиция цинских сановников по отношению к русским делам была подвержена сильным колебаниям. Участники русского каравана в Пекин, будучи уже в Енисейске, рассказывали об этом Н. Г. Спафарию. Русские перебежчики говорили им в Пекине, что будто бы маньчжурский двор хотел даже послать посольство в Россию с просьбой о военной помощи¹⁵⁹. В этой трудной для себя ситуации Сюань Е во что бы то ни стало хотел выяснить позицию России. После обращения Сюань Е к царю Алексею Михайловичу в 1670 г. и до приезда Н. Г. Спафария цинские представители трижды обращались в Нерчинск с запросом об ответе на посланный в Москву «лист»¹⁶⁰. Поэтому посольство Н. Г. Спафария первоначально было встречено в Китае весьма учтиво.

Переговоры с Н. Г. Спафарием цинские представители начали еще в Науне. Продолжались они там до начала марта 1676 г. Ссылаясь на существующие правила приема всех посольств в Китае, маньчжуры сразу же стали настаивать на ознакомлении их с содержанием «государева листа» богдыхану и потребовали, прежде чем начать переговоры, выдачи Гантимура. Перед Н. Г. Спафарием возникла трудная задача добиться переговоров без обсуждения выдвинутого маньчжурской стороной предварительного условия. Русское правительство не только не собиралось выдавать Гантимура, понимая значение всех вытекавших из этого последствий, на которые рассчитывал маньчжурский двор, но даже обсуждать этот вопрос.

После долгих споров о соблюдении дипломатического этикета Н. Г. Спафарий лишь пересказал общий смысл государственной грамоты о «взаимном согласии»¹⁶¹, после чего началась борьба за порядок ведения переговоров. Цинские представители снова выдвинули вопрос о Гантимуре. Тогда Н. Г. Спафарий изложил общий взгляд на подданство. В своем «статейном списке» он писал: «Во всем свете права всех народов так гласят, что который государь владеет ту землю и отечество, в котором человек и родитель его родятся, тот государь владеет и человека того и племя его, а Гантимур и родители его родились на Нерче реке, где ты, великий государь, издавна обладает, и для того доведется ему, Гантимуру быть в холопстве у тебя, великого государя, а не у бугдыхана»¹⁶². Н. Г. Спафарий указал, что Гантимур — лишь один из многих «сибирских подданных царя, который и слушать не захочет о выдаче своих подданных. Стремясь представить вопрос о Гантимуре сугубо второстепенным, Н. Г. Спафарий прибег к дипломатической уловке и сослался на непонимание присланного в Москву «листа» — «никакими мерами выразуметь не могли»¹⁶³. Уловки цинских представителей, в свою очередь старавшихся доказать Н. Г. Спафарию непостоянство и вероломство Гантимура, успеха, разумеется, не имели.

Ссылаясь на свою мнимую неосведомленность, цинские представители не менее остро поставили перед Н. Г. Спафарием вопрос об

отношении правительства Алексея Михайловича к русскому заселению Приамурья и Забайкалья: «Какие люди живут в Албазинском, и в Нерчинском, и в Селенгинском и во иных острогах, великого государя люди или нет»¹⁶⁴. После твердого ответа Н. Г. Спафария цинские представители признали, что император Сюань Е готов с этим считаться, но начали ссылаться на вторжения албазинских казаков в маньчжурские пределы, что, по их мнению, исключало возможность искреннего стремления России к «дружбе»¹⁶⁵. Н. Г. Спафарий поставил избежать обсуждения пограничных столкновений и поставил вопрос об их урегулировании и порубежном статуте в зависимости от главной задачи посольства — установления «дружбы и любви» между обоими государствами¹⁶⁶.

19 марта 1676 г. маньчжурские представители передали в Пекин содержание заявления Н. Г. Спафария о причинах прибытия посольства и его общих целях, направленных к достижению «дружбы» и установлению систематических торговых сношений, но усомнились относительно непонимания в Москве их запроса о Гантимуре¹⁶⁷. Тем не менее дипломатическая уловка Н. Г. Спафария удалась. В Пекине члены совета, созданного для обсуждения военных дел, в состав которого входили маньчжурские военачальники и придворные, подозрительно отнеслись к стремлению России установить дружественные отношения, но все же решили, что «вследствие того, что в русском государстве не понимают наших грамот, нельзя предугадать сомнений в их душах»¹⁶⁸. По их докладу 7 апреля последовал указ богдыхана о пропуске посольства Н. Г. Спафария в Пекин, куда оно и прибыло 15 мая.

Целый месяц русский посланник боролся против навязывания ему унижительной процедуры приема у богдыхана; он ссылался на дипломатические прецеденты, когда цари и монархи «многие старые обычаи переменяют для ради дружбы иных монархов»¹⁶⁹, указывал на причину неудачи посольства Ф. И. Байкова, также отказавшегося следовать церемониалу, оскорбляющему достоинство Русского государства, и т. д.

Среди цинских сановников шла борьба, какую линию проводить в ходе ведения переговоров. Ценную информацию Н. Г. Спафарий получил от иезуита Ф. Вербиста, находившегося при цинском дворе. Стараясь в интересах ордена иезуитов добиться благожелательного к себе отношения русского правительства, Ф. Вербист неоднократно передавал Н. Г. Спафарию крайне ценную информацию. Так, он рассказал ему о намерении самого Сюань Е лично принять грамоту Алексея Михайловича и упорном сопротивлении этому его «ближних людей», опасавшихся нарушить древние обычаи, «для того, что окрестные государи станут говорить, что, боясь великого государя, то učinили»¹⁷⁰. О пресловутой боязни «худой славы» говорил Спафарию и официальный представитель цинского двора, находившийся при нем¹⁷¹. В частном разговоре он вновь подтвердил неизменность маньчжурского условия об «отповеди» о Гантимуре как необходимым условием

начала переговоров¹⁷². Только к 5 июня Спафарий добился передачи царской грамоты и подарков. Вскоре состоялись приемы у богдыхана, имевшие чисто церемониальный характер¹⁷³, после чего участникам русского посольства было разрешено заняться торговлей. По словам Вербиста, маньчжурский двор рассчитывал, что сам факт прибытия русского посольства в столицу империи поможет Сюань Е укрепить свой пошатнувшийся престиж в Китае: «Как услышат неприятели их, никанцы, что от такого славного государя пришло посольство с великою дружбою, и будут опасны о том, чтоб великий государь не дал помочи богдойским»¹⁷⁴.

После, быть может, некоторых колебаний Сюань Е и его советники решили не изменять своим внешнеполитическим намерениям и заняли весьма жесткую позицию. На протяжении всех переговоров в Пекине членов упомянутого выше совета, готовивших рекомендации богдыхану, интересовал фактически только вопрос о Гантимуре, имевший по существу своему территориальный характер¹⁷⁵. Вербист конфиденциально говорил Н. Г. Спафарию в августе 1676 г., что маньчжурский двор своей неуступчивостью старался, во-первых, показать китайскому населению, боровшемуся против маньчжурского ига, «чтоб они видели, что хотя с ними война, однакож де такого славного великого государя не бояцца и обычая своего не переменяют»¹⁷⁶. Во-вторых, Сюань Е полагал, «буде царское величество не дает мужика того Гантимура, а он станет сыскать ево войною, так же хочет воевать порубежные крепости Албазинской и Нерчинской, потому что ныне от царского величества зело опасны»¹⁷⁷.

Когда маньчжуры окончательно убедились в неуклонном стремлении России оборонять свои владения и своих сибирских подданных, то в отказе выдать Гантимура они увидели необходимый им повод к открытию военных действий, «будто правдою воюют». Выиграть войну они рассчитывали, используя численное превосходство и трудности, неизбежные при переброске из Москвы на Дальний Восток большого войска¹⁷⁸. Поэтому цинские представители отказались дать официальный ответ на пункты «наказа», согласно которым предлагал вести переговоры Н. Г. Спафарий, и заявили о возможности дипломатических и торговых сношений только после принятия Россией следующих условий: «Чтобы Гантимура послал сюды с послом своим..., чтоб тот посол был самый разумной и чтоб он делал все, что прикажем, по нашему обычаю и в ничем не противился..., чтоб все порубежные места, где живут вашего великого государя порубежные люди, жили всегда смирно»¹⁷⁹. Одновременно цинский двор подтвердил незыблемость своей дипломатической практики, согласно которой любой посол, «приходящий к нам в Китай, должен говорить такая речи, что пришел он от нижнего и смиренного места и восходит к высокому престолу или месту», а «бугдыханово величество пишет отповедь ко всякому государю таким же обычаем, что от превысокаго престола пишет к нижнему месту»¹⁸⁰.

Вежливость, проявленная при первоначальных переговорах с

Н. Г. Спафарием, на заключительном их этапе сменилась грубостью и бестактностью. После возвращения из Китая один из участников посольства, К. Иванов, докладывал начальнику Сибирского приказа боярину Р. М. Стрешневу, что маньчжурские представители во время заключительного приема попытались дискредитировать Спафария в глазах русского правительства. Они потребовали от К. Иванова, чтобы он «известил великому государю, впредь бы де великий государь такова глупца и несмысленника к их богдыхану не присылал, государевых дел не знает, и посольские дела ему, Николаю, не за обычай; их де богдыхана и государство их обезчестил»¹⁸¹. В первых числах сентября 1676 г. Спафарий выехал из Пекина в Россию.

Посольство Н. Г. Спафария заняло видное место в истории русской дипломатии XVII в. Своей последовательной борьбой он показал в Китае, что Россия намерена неуклонно отстаивать свои интересы на Дальнем Востоке, и уже одно это не могло не произвести впечатления на маньчжурский двор. Рассматривая историю его посольства именно с этой точки зрения, ни в коем случае нельзя согласиться с утверждением Х. Трусевича, Б. Г. Курца и П. Т. Яковлевой о неудаче посольства. Х. Трусевич считал, что посольство не принесло ничего хорошего, а Б. Г. Курц писал: «Пребывание Спафария в Китае было сплошным рядом ссор, пререканий и ни к чему не привело»¹⁸². П. Т. Яковлева причину неудачи посольства увидела даже в начале «военных действий цинского правительства на Амуре»¹⁸³. Несравненно объективнее вывод В. С. Мясникова о значении посольства Н. Г. Спафария: «Была сорвана очередная попытка цинской дипломатии навязать Русскому государству статус «подчинившегося» и «даннического». Русскому посольству удалось раскрыть цинскую внешнеполитическую доктрину и образ действий основанной на ней дипломатии... То, что послу стали известны дальнейшие планы цинского правительства относительно русских владений в Приамурье, представляло интерес особой государственной важности»¹⁸⁴.

До открытого конфликта с Китаем было еще далеко, и именно твердая позиция России заставила маньчжурский двор по крайней мере еще пять-шесть лет выжидать, прежде чем решиться на вооруженное выступление. Сам Н. Г. Спафарий допускал такую возможность. Во избежание каких-либо пограничных осложнений, которые могли бы помешать посольству, он «указной памятью» запретил албазинским властям без государева указа посылать ясачных сборщиков на обычные годовые службы вниз по Амуру и на Зею до тех пор, пока длются переговоры, и дважды — из Науна, следуя в Пекин, и, вернувшись в Нерчинск, наказывал, чтобы в Албазине жили «от богдыханских людей с великими бережением и опаскою денно и ночью с караулы, и на остроге снаряд пороха и свинец велел запасать»¹⁸⁵. В последующие годы в процессе хозяйственного освоения берегов Амура и Зеи Сибирский приказ строжайше обязывал нерчинские власти ставить новые остроги в «пристойных местах», но так, чтобы с «Китайским государством... ныне и впредь ссоры не чаять»¹⁸⁶.

§ 3. Развитие внешнеторговых связей с Джунгарией, Северной Монголией и Китаем

В процессе присоединения Сибири к России интенсивность развития русских внешнеторговых связей с центральноазиатскими и дальневосточными соседями определялась не только географическими и политическими факторами (т. е. территориальным сближением и состоянием дипломатических сношений), но и результатами хозяйственной деятельности русских переселенцев в отдельных областях Сибири и экономической заинтересованностью иноземного купечества в русских рынках. По мере освоения русским населением сибирской земли складывались предпосылки для развития русского экспорта через новые восточные рубежи. В то же время местные сибирские рынки, постепенно включавшиеся в систему складывавшегося всероссийского рынка, все более привлекали иноземных торговцев.

Направление внешнеторговых путей изменялось в зависимости от успеха хозяйственного освоения отдельных областей Сибири.

До 40-х годов XVII в., т. е. до присоединения и освоения Забайкалья и Приамурья, торговля России с Центральной Азией на основе сложившихся рынков Западной Сибири (прежде всего Тобольска) велась через Среднюю Азию и Джунгарию, при решающем участии бухарских торговцев¹⁸⁷. Однако посредническая торговля, осуществлявшаяся бухарцами по тысячеверстным азиатским караванным путям, не могла активно стимулировать развитие торговых связей. Лишь с середины XVII в., и особенно с 70-х годов, когда русские купцы, используя заинтересованность халхасцев и джунгар в русских ремесленных товарах, стали самостоятельно осваивать новые пути, внешняя торговля России с Джунгарией, а также с Северной Монголией и Китаем начала приобретать систематический характер.

Во второй половине XVII в., по словам И. Я. Златкина, ойратское население Джунгарии и его хозяйство «уже не могли существовать и развиваться без торгового обмена с Русским государством. Каждый случай более или менее длительного перерыва торговли между русскими и ойратскими людьми болезненно отражался на положении... обитателей Джунгарского ханства, создавая условия для всякого рода политических осложнений»¹⁸⁸. Не менее определенно о значении этой торговли писал Ш. Б. Чимитдоржиев: «С первых же лет русско-ойратских отношений обе стороны придавали серьезное значение торговле, являвшейся постоянной темой дипломатических переговоров» и расширявшейся с каждым годом¹⁸⁹. К упрочению связей с русскими рынками на протяжении десятилетий стремились и джунгарский хан Батор-хунтайджи, и его сын Галдан. Н. П. Шастина также считает, что во второй половине XVII в. близкие отношения между русскими и населением Северной Монголии «возникли на почве взаимной экономической заинтересованности... В обмен на лошадей и скот монголы пытались получить жизненно необходимые им предметы домашнего и хозяйственного обихода, производить которые они

не могли в условиях кочевого хозяйства, а также русское огнестрельное оружие, которое они очень ценили. Россия тоже была заинтересована в торговом обмене с Монголией, поскольку, в связи с развитием в Сибири «государевой пашни», ощущался острый недостаток тягловой силы, крупного и мелкого рогатого скота...»¹⁹⁰.

Алтын-хан еще в 1618 г., отправляя свое посольство в Москву, пытался наладить торговый обмен с Сибирью; в 1645 г. он также стремился договориться с русскими послами об открытии торговли в Томске, куда бы он мог посылать не только свои товары, но и китайские¹⁹¹. В 1647 г. джунгарское посольство даже угрожало войной, если русские власти в Тюмени не позволят сопровождавшим его торговцам вести в городе торговлю¹⁹². В 1652 г. посол Кушучиней в Москве от имени ойратской княгини Гунджи давал согласие пропустить через ее владения русских купцов, «проводить до Китайского государства с великим береженьем, и корм и подводы и провозах велит давать, сколько надобно... и опять назад... примет и до Тобольска велит проводить»¹⁹³. В 1662 г. аналогичное предложение выдвигал крупный монгольский феодал Лубсан-тайджи¹⁹⁴.

Значительно сложнее обстоял вопрос с установлением экономических связей между Россией и Китаем. Торговые отношения с Китаем, государством многовековой культуры, с развитым и специализированным ремеслом, представляли для России наибольший интерес. Западноевропейские государства (Англия, Голландия) в XVII в. также стремились освоить наиболее удобные пути в Китай и не раз безуспешно пытались использовать для этой цели русскую территорию. Хорошо известна история иезуитов Авриля и Барнабе, в 1687 г. прибывших в Москву и пытавшихся там получить разрешение на проезд в Китай, но незамедлительно высланных обратно через западную русскую границу¹⁹⁵.

Как уже указывалось, маньчжурское правительство преследовало цель изолировать Китай от внешнего мира. В связи со сложностями установления дипломатических отношений с Цинской империей русское правительство в виде исключения в одностороннем порядке разрешало поездки русских купцов в пределы Китая, но решительно пресекало попытки их самовольных выездов. По указу 7181 г. (1672/73) сибирским властям запрещалось пропускать в Китай «всяких чинов» людей без официальных грамот, в случае же нарушения запрета воеводы должны были конфисковывать у возвращавшихся торговцев 9/10 китайских товаров. Этот указ был подтвержден 2 мая 1678 г.¹⁹⁶

В дореволюционных работах русских ученых, а также еще относительно недавно в советской литературе во внимание принимались только результаты торговых операций правительственных миссий, эпизодичных и довольно скромных по своим масштабам. Так, Ф. И. Байков доставил в 1658 г. в Тобольск китайских товаров на 1669 руб., И. Перфильев и С. Аблин в 1662 г. — на 1057 руб., и только в 1672 г. С. Аблин вывез китайских тканей, шелка-сырца, драгоценных камней и бадьяна на значительную сумму — 18 751 руб.¹⁹⁷

Этим, по существу, и ограничивалась торговая деятельность русской казны, хотя она вовсе не выпускала из поля зрения возможность товарооборота с Китаем. Так, не ранее апреля 1674 г. в Сибирском приказе был составлен доклад, в котором детально подсчитывалась прибыль, которую можно было бы получить, отправив в Китай имевшуюся в Тобольске в «государевой казне» «мягкую рухлядь». По подсчетам московских «экономистов», вывоз в Китай мехов на 4146 руб. ~~должен был дать не менее 14 320 руб. прибыли~~¹⁹⁸. В конце 1678 г. Сибирский приказ обязал верхотурского воеводу И. Ф. Пушкина отобрать из томских, енисейских, Красноярских, ленских и даурских ясачных и таможенных меховых сборов соболей на 1000 руб. для «отпуска» их в Китай¹⁹⁹. Обострение русско-китайских отношений повлияло на торговую активность царского двора, но не приостановило деятельность русского купечества. Еще Б. Г. Курц предположительно отмечал: «Видимо, частная торговля продолжала расширять свои пути»²⁰⁰.

Исследования О. Н. Вилкова, И. Я. Златкина, Н. П. Шестиной, Ш. Б. Чимитдоржиева и некоторых других ученых позволяют иначе судить о динамике развития экономических сношений России с восточными соседями. Отсутствие официального соглашения о двусторонней торговле между двумя государствами — Россией и цинским Китаем, — конечно, серьезно сдерживало становление непосредственных экономических связей. Тем не менее по мере образования сибирских, и в частности забайкальских, рынков эти связи возникали вопреки сложностям дипломатических отношений. Необходимые предпосылки к их установлению были созданы к 70-м годам XVII в. усилиями русского купечества. Оно использовало заинтересованность халхасцев и джунгар в русских товарах и, не без их содействия, все чаще и дальше проникало на караванные пути, далеко за восточными пределами России выводящие его, в частности, и к китайским рынкам. Все это ~~дает основание полагать, что предпосылки непосредственных торговых связей создавались на основе взаимной заинтересованности русского и китайского купечества.~~

Русские описания Китая и различные «дорожники» XVII в. обязаны своим появлением не только участникам официальных посольств в Китай, но и торговцам, промышленникам и служилым людям. Практические знания и наблюдения русских путешественников использовались, например, при составлении атласа Сибири тобольским воеводой П. И. Годуновым, черпавшим сведения о Китае «от знающих людей»²⁰¹. В «Ведомости о Китайской земле и глубокой Индеи», сочинении, составленном не позже 1669 г. в Тобольске по инициативе того же П. И. Годунова, после описания путей в Китай, его рынков и денежной системы, ремесленных изделий и бытовых черт китайцев следует вполне определенная фраза: «Знатцами засвидетельствовано, что русские знают все»²⁰². Можно полагать, что дополнения тобольской редакции к «Книге Большому чертежу», относящиеся к 1673 г., основывались на материалах далеко не одних только русских офици-

альных представительств. Важно подчеркнуть, что в этом источнике описаны все те пути в Китай, использование которых связано с более поздним временем. Прежде всего очень подробно описан путь по Иртышу, мимо Ямыш-озера и далее через Джунгарию; отмечен также путь через степи Северной Монголии и, наконец, через Нерчинск²⁰³.

* * *

Внешняя торговля России с Джунгарией, Северной Монголией и Китаем с середины XVII в. осуществлялась в различных формах. Существенную роль сохраняла посредническая караванная торговля «торговых бухарцев» между русскими и иноземными рынками. Однако в караванной торговле стало принимать систематическое участие и русское купечество. Все большее значение приобретала торговля в порубежных пунктах, куда приходили и расторгивались караваны среднеазиатских купцов, джунгар и халхасцев и где съезжались русские торговцы. Некоторое значение для упрочения торговых связей имели поездки различных посольств (русских, джунгарских, халхаских). В этих случаях торговые операции проводили и члены посольств, и сопровождавшая их охрана; часто к посольствам присоединялись торговые люди.

В первой половине XVII в. главным торговым центром Сибири, непосредственно притягивавшим иноземные восточные караваны, был Тобольск. По данным О. Н. Вилкова, до 1658 г. они шли туда непосредственно через Среднюю Азию (Бухару, Ташкент) по Туркестанской дороге²⁰⁴. Вся внешняя торговля находилась в руках среднеазиатского купечества, которое доставляло в Сибирь из монгольских земель скот и продукцию местного животноводства, из Китая — хлопчатобумажные ткани, чай, ремень и другие товары²⁰⁵.

В дальнейшем основное торговое значение приобрел путь по Иртышу, связывавший Западную Сибирь с Джунгарским ханством (через Ямыш-озеро, урочище Семи Палат и далее в Зайсанскую котловину)²⁰⁶. Этим путем в Тобольск бухарские караваны пользовались до 1674 г. В те же годы все большее значение получала ярмарка на пограничном рубеже у Ямыш-озера, сыгравшая важную роль в развитии российской внешней торговли того времени.

О возможностях торгового обмена с бухарцами на Иртыше русские узнали еще во времена Ермака²⁰⁷. Выгодно расположенное около важнейшей водной магистрали, какой является Иртыш, Ямыш-озеро славилось также своей самосадочной солью. С начала XVII в. тобольские власти часто посылали за ней целые экспедиции на десятках речных судов. В их составе находились и русские торговцы, охраняемые служилыми людьми. Уже в 20-х годах там «по вся годы» сложился торг, на который приезжали бухарцы и джунгары с мехами, овчинами и особенно со скотом²⁰⁸. По данным 40—50-х и 70—80-х годов, русские торговцы везли к Ямыш-озеру преимущественно выде-

ланные кожи, а также сукна и металлические изделия. Бухарцы за-
купали ~~у русских прежде всего~~ кожи и дорогие меха, которые затем
доставлялись ~~ими~~ в Китай и Среднюю Азию. Русских же купцов при-
влекали главным образом ткани, преимущественно китайские, а так-
же среднеазиатские (турфанские, яркендские и бухарские)²⁰⁹. Ямы-
шевская ярмарка начиналась 15 августа, после окончания соледобы-
чи, и продолжалась до сентября.

Вопреки мнению Б. Г. Курца о чисто случайном характере по-
среднической торговли бухарских купцов, якобы незначительной по
своим масштабам, О. Н. Вилков на материалах тобольской таможни
убедительно показал ее регулярный характер. По его данным, на
протяжении 1640—1670 гг. по Иртышу в Тобольск прибыл 31 бухар-
ский караван. Иногда в Тобольск приходило по четыре каравана еже-
годно. Они привозили среднеазиатские (бухарские), джунгарские, ки-
тайские и арабские товары — ткани и одежду, пушнину, кожи, пря-
ности. Появлялись они преимущественно в осенние месяцы (сен-
тябрь—ноябрь), когда в Тобольск съезжались торговцы из Азиатской
и Европейской России; расторговавшись в течение зимы, весной, обыч-
но в марте, бухарцы возвращались домой с приобретенными ими рус-
скими товарами²¹⁰.

Постепенно, к 70-м годам, по данным О. Н. Вилкова, вследствие
уменьшения спроса тобольского рынка, бухарцы сокращали ассор-
тимент ввозимых джунгарских и среднеазиатских товаров, а с 1658 г.,
по мере развития сибирского животноводства, перестали пригонять
джунгарский скот²¹¹.

Китайские товары продолжали поступать на тобольский рынок
в значительном количестве, причем русское правительство объявило
в 1652 г., что оно оставляет за собой право их преимущественной за-
купки в течение двух недель после прибытия каравана (так, в 1653 г.
оно купило китайских тканей и ревеня на 1177 руб.)²¹².

Китайские товары были хорошо известны в это время и на дру-
гом крупном сибирском рынке — в Енисейске. Сохранился состав-
ленный там список «товарных ценовых росписей» за 1648/49 г., в ко-
тором среди многочисленных иноземных товаров западного и восточ-
ного происхождения (кизылбашских, бухарских, персидских, немец-
ких тканей, западноевропейских ремесленных изделий, заморских ба-
калейных товаров — перца, гвоздики, имбиря и т. д.) китайские
ткани (бархат и атлас гладкие, различные камки, китайки) занима-
ли значительное место²¹³.

Помимо Тобольска бухарские караваны со среднеазиатскими,
китайскими и джунгарскими товарами приходили в Тару, Томск и Тю-
мень.туда поступали джунгарский скот (лошади, овцы, рогатый
скот), черные и белые мерлушки, меха, войлок из овечьей шерсти.
Весьма оживленный торг в середине XVII в. происходил в Томске. Из-
вестно, что в 1652 г. в Томске поступление джунгарских товаров отме-
чалось пять раз — в январе, марте, мае, июне и декабре²¹⁴. Появля-
лись купеческие караваны в Томске и позже — в 60—80-х годах.

Так, в 1687 г. шесть бухарских купцов привели в Томск огромный караван, товары которого были оценены местной таможенной в 10 215 руб., а взятая с них пошлина составила львиную долю всего годового таможенного сбора. Эти товары скупались местными мелкими перекупщиками и реализовывались затем ими в розницу «на полках». Такие большие караваны приходили, конечно, не ежегодно. В 1688 г. очередная партия бухарских товаров была оценена всего лишь на 297 руб.

Русское население было очень заинтересовано в джунгарских товарах. Об этом красноречиво свидетельствует эпизод с караваном, пришедшим из Джунгарии со скотом к Тюмени в 1647 г. Когда воевода И. Ю. Тургенев, ссылаясь на распоряжение Сибирского приказа, не разрешил чужеземным «гостям» начинать торговлю и предложил им следовать в Тобольск, все тюменские жители — служилые и посадские люди и крестьяне — решительно потребовали открыть «калмыцкий торг», «чтоб от безлошадства б им не погинуть вконец и твоей бы царской им службы, а пашенным крестьянам пашни не отбыть»²¹⁵. Ссылаясь на этот эпизод, И. Я. Златкин справедливо отмечал: «При наличии взаимной заинтересованности в налаженном обмене исчезает и экономическая основа для вооруженных конфликтов между кочевниками и оседлыми земледельческими обществами»²¹⁶.

Вплоть до 70-х годов XVII в. ключевые позиции во внешней торговле Западной Сибири занимали среднеазиатские купцы. Они издавна прочно держали в своих руках караванную торговлю в Центральной и Средней Азии шелком и другими дорогими товарами (знаменитый «шелковый путь» в его различных вариантах, пролежавший с Дальнего до Переднего Востока, известен со II в. до н. э.) и монопольно снабжали Европу изделиями ремесла далекого Китая. Слабая экономика феодальной Джунгарии и других монгольских государственных образований в XVII в. целиком находилась под контролем «бухарцев». Проникновению их на рынки Сибири отчасти содействовала покровительственная таможенная политика русского правительства. Примерно с 1622 г. русские таможи в Сибири взимали пошлину с приезжих бухарских купцов в половинном размере — как с ввозимых, так и с вывозимых ими товаров (5 вместо обычных 10%). В некоторых случаях, когда нужно было привлечь иноземных купцов, дабы им «повадно было ходить впредь», эта основная пошлина не бралась с них вовсе²¹⁷. В 1646 г. Сибирский приказ разрешил караванам из Джунгарии торговать не только в Тобольске, но и в других сибирских городах.

«Торговые бухарцы» отлично понимали свою экономическую силу. В сибирских городах они поддерживали связи с воеводами и чувствовали там себя весьма уверенно. Появлялись они и в Москве, куда иногда завозили очень крупные партии товаров. В начале 1684 г., например, «юртовские» и приезжие бухарцы доставили в Москву китайских и сибирских товаров на 24 866 руб.²¹⁸ Даже митрополит сибирский и тобольский Павел не смог нарушить установившихся тор-

говых традиций. Так, в 1685 г. правительство оставило без внимания его требование изолировать бухарцев от русского населения в связи с их «дерзким» поведением по отношению к православному культу и «прельщением» православных в свою веру²¹⁹. Только по таможенным статьям 1693 г. бухарские купцы были лишены своей привилегии; исключение допускалось лишь для тех, кто впервые приходил с товаром в российские пределы, и пошлина взималась с них по-прежнему в половинном размере²²⁰.

С 70-х годов XVII в. стали намечаться изменения по внешней торговле России на Востоке. Это объяснялось прежде всего возросшей активностью русского купечества, вовлекавшего местные рынки в систему образующегося всероссийского рынка, и усилением экономических связей внутри самой Сибири. Русское купечество стало не только вытеснять бухарское купечество с сибирских рынков, но и самостоятельно проникать на внешние торговые пути. В результате внешнеторговые операции из западносибирских городов постепенно перемещались на Ямышевскую ярмарку, т. е. на границу России.

После 1674 г. бухарские и джунгарские караваны перестали приходить в Тобольск, а расторгивались на этой ярмарке. «Ведомость» о подходе к Ямыш-озеру богатых караванов достигала Тобольск задолго до открытия ярмарки; после получения известий о «богатстве» ожидаемого торгового усиливался и отъезд туда русских купцов²²¹. На Ямышевской ярмарке собиралось купечество из разных областей и городов России, но особенной активностью там отличались жители Тобольска, а также агенты московских «гостей» (в том числе Е. И. Филатова). Поэтому основная масса восточных товаров доставлялась в Россию уже русскими купцами. Так, по подсчетам О. Н. Вилкова, с 1675/76 г. на их долю приходилось от 90 до 100% ввозимых в Тобольск китайских товаров²²².

В оживленном торге принимала участие и казна. На выделанную кожу, меха, моржовую кость, предметы русского ремесла бухарцы и джунгары меняли среднеазиатские и китайские ткани, а также высокого качества селитру и ремень, который был объявлен «заповедным товаром» и покупка которого частными лицами строгойше преследовалась сибирскими властями. В 1685 г. «гость» И. Чирьев выменял у Ямыш-озера для казны на соболиные шкурки свыше 1700 пудов селитры. Приобретали там селитру и тобольские служилые люди. В 1689 г. на Ямыш-озеро для обмена на китайские ткани было послано из Тобольска казенных товаров почти на 3 тыс. руб.²²³

Однако не следует преувеличивать масштаб торговли китайскими товарами на Ямышевской ярмарке. Хотя О. Н. Вилков считает, что «в продолжение значительного времени Ямышевская дорога монополизировала ввоз китайских товаров в Тобольск»²²⁴, по всей вероятности, эта монополия кончилась к 80-м годам XVII в., когда китайские товары стали поступать в города Восточной Сибири и иными путями. Стоимость наиболее ценных китайских товаров²²⁵ на ярмарке прежних лет не шла ни в какое сравнение с оборотами русских

купцов, когда они в 90-х годах получили возможность самостоятельно и систематически приезжать в Пекин²²⁶.

Русское купечество, закрепив за собой фактическую монополию внешней торговли на тобольском рынке, начало активную борьбу за проникновение на международные пути караванной азиатской торговли, за установление непосредственных торговых связей с Китаем.

О поездках русских торговцев в Китай в 70—80-х годах можно судить только на основании отрывочных данных. Стремясь обойти правительственный запрет, русские торговые люди чаще всего проходили по Иртышу от Ямыш-озера и следовали далее в Китай через Джунгарию, хотя этот маршрут был весьма опасен из-за постоянных нападений кочевников и часто, когда между отдельными феодальными владетелями вспыхивали войны, становился совершенно недоступным. Этим же путем ходили в Китай караваны Ф. Байкова, И. Перфильева и С. Аблина. В октябре 1668 г. из Китая также через Ямыш-озеро вернулись в Тобольск тоболяки Павел и Василий Шапошниковы и «юртовский бухаретин» Мамет Салеев²²⁷.

Известно, что с С. Аблиным в 1669—1671 гг. ходили в Китай двое тобольских посадских (Иов Васильев и Дмитрий Каркомельцев) и 11 служилых людей, привезших китайских тканей приблизительно на 1123 руб. и около 11 пудов чая и бадьяна. С ними же вернулись в Тобольск двое тобольских бухарцев и явились 9 «торговых бухарцев», которые доставили китайских товаров, по приблизительному подсчету, на 1803 руб. (тканей на 1355 руб., 27 пудов чая на 216 и 1250 изделий из фарфора на 232 руб.)²²⁸.

Случалось, что торговцы из России, выбравшись в Джунгарию, по несколько лет проводили на центральноазиатских караванных путях. В 1676 г. боярский сын Игнатий Милованов докладывал Н. Г. Спафарию, что он встретил в китайском городе Науне торгового человека из Тары, который пришел в Китай более трех лет назад²²⁹. В 1679 г. предприимчивый поляк Павел Иванов, поверставшись в Москве на ратную службу в Якутск и добравшись только до Тобольска, под благовидным предлогом выехал на Ямышевскую ярмарку и оттуда «почал ездить для торгу своего в Китайское [царство] и в иные орды»²³⁰. В 1682 г. вернулся из Китая торговый человек Петр Вятчанин²³¹. Тогда же длительное путешествие в Китай совершили семеро тобольских посадских людей (Филат Иванов, Федор Васильев, Иван Филиппов, Василий Жданов и др.). Осенью 1683 г. они самовольно присоединились у Ямыш-озера к каравану джунгарских посланцев, к марту 1685 г. добрались до китайского города Шурги, а в октябре того же года вместе с бухарским караваном прибыли в Иркутск, откуда проследовали в Енисейск, и, по-видимому, далее в Тобольск²³².

В 1684 г. казачий голова А. Выходцев, возглавлявший очередную экспедицию за солью, в нарушение правительственных правил, «за посулы» дал возможность «исторговаться» на Ямышевской ярмарке российским торговым людям, пришедшим из Китая, среди которых было двое торговцев-греков, и отпустил их вновь в Китай, а с ними

еще и двух русских купцов²³³. Тогда же этим путем вернулись из Китая в Тобольск тарские «юртовские» бухарцы Кобянка Кулаев «с товарищи»²³⁴.

Любопытный эпизод, прекрасно передающий атмосферу торгового предпринимательства русского и, в частности сибирского, купечества, произошел на Ямышевской ярмарке в 1685 г. На очередную «службу» туда прибыл «по соль» тобольский сын боярский Ф. Шульгин. Среди многочисленных торговцев, сопровождавших его, находился также «бухаретин» Сейдаш Кулмаметев, которому для «продажи и мены» была вверена «государева казна». Подобные поручения Кулмаметев выполнял и ранее. Из Джунгарии на ярмарку, как обычно, пришли бухарские купцы, а с ними и «греченин царегородец» Дмитрий Константинов. Последний еще в 1680 г. оценил все выгоды торгова на Ямыш-озере и с тех пор на свой страх и риск успел совершить два путешествия в Китай. В 1685 г. он привез оттуда большую партию китайских тканей — более 320 косяков²³⁵ камок-лауданов и материи других сортов, стоимость которых, по московской оценке, превышала 4 тыс. руб.

Стремясь избежать конфискации товаров, Д. Константинов попытался договориться с Кулмаметевым о продаже ему и в казну 230 косяков лауданов и 10 косяков атласа при условии отпуска его Ф. Шульгиным в очередное путешествие в Китай. Однако Ф. Шульгин, опасаясь попасть под сыск, задержал Д. Константинова. Напуганные бухарцы прекратили торговлю, а между Ф. Шульгиным и прибывшими с ним торговыми и служилыми людьми, не успевшими «исторговаться», начались распри. Д. Константинов успел укрыть почти весь свой груз на речном судне-дощанике торгового крестьянина Данилы Исакова и, по-видимому, договорился с ним о тайной перевозке товаров из Тобольска в Москву. Однако в Тобольске ткани были обнаружены и вместе с их владельцем препровождены в Москву²³⁶.

Эта история не прошла бесследно и для самого Ф. Шульгина. Не без участия раздосадованного С. Кулмаметева в Тобольске выяснилось, что он отпустил в Китай, Бухару и Джунгарию целый караван — 48 человек русских подданных, причем значительную часть их самовольно. Среди них были разных сибирских городов служилые люди, их родственники, сибирские татары, «юртовские» бухарцы и торговые люди: «человек» крупнейшего московского «гостя» Е. И. Филатьева Г. Колмак, устюжане Филипп Минюхин и Павел Мальцев, важенин Андреян Крюков, тобольский посадский человек Семен Бок, верхотурец Василий Иванов и другие²³⁷.

Джунгарские и северомонгольские дипломатические представители, наезжавшие в Сибирь, также сообщали об активности русского купечества в Центральной Азии. Так, в июле 1689 г. иркутскому воеводе Л. К. Кислянскому стало известно о прибытии в ставку Галдана русских торговых людей. В 1691 г. на переговорах с джунгарскими послами он же узнал о русском купце Михаиле Остафьеве,

который длительное время находился при Галдане, а затем отправился в Китай²³⁶.

Все эти данные свидетельствуют о том, что путь в Китай через Джунгарию был не только хорошо известен в 70—80-х годах, но уже и освоен русскими торговцами, которые на свой страх и риск принимали дальние странствования.

С 1688 г., в связи с начавшейся джунгаро-халхо-маньчжурской борьбой, путь через Ямыш-озеро и Джунгарию оказался надолго закрытым. Однако это не отразилось на русских внешнеторговых связях.

Уже с 70-х годов были проложены маршруты в Северную Монголию и Китай из Красноярска, Енисейска и Иркутска — через Забайкалье и северомонгольские степи (Халху). Изменение направления торговых путей объяснялось прежде всего успехами русского освоения областей Восточной Сибири и созданием там новых торговых центров. Поэтому, независимо от политических событий в Джунгарии, роль Ямшевской ярмарки в зарубежной торговле падала.

Новые пути для русского купечества были несравненно более удобными. Проезжая через Забайкалье и Приамурье в Северную Монголию или непосредственно в Китай, оно избегало посредничества бухарцев и тем самым подрывало их монополию во внешней торговле. Ю. Крижанич на основе данных, полученных им в Тобольске, и в частности личных расспросов осведомленных торговых, промышленных, служилых и приказных людей, именно в это время называл Даурию в числе других пограничных областей, перспективных для возрастания роли России как международного торгового посредника между Западом и Востоком: «Мы можем от немцев перевозить товары к туркам, персам, черкесам, калмыкам, бухарцам, китайцам, даурцам, а товары этих народов снова отвозить к немцам, к полякам и к литовцам. Можем построить новые большие торжища, подобные Архангельску: во-первых, на Дону, во-вторых, в Астрахани, в-третьих, у калмыков²³⁹, а иные меньшие [торжища] — в Путивле, на литовском и на шведском рубежах, в Даурии, в подобающих местах на Хвалынском море»²⁴⁰.

Более того, за развитием торговли с Китаем должно было последовать установление экономических связей с Индией. «В наше время этот индийско-китайский путь уже хорошо изведен, и торговцы оттуда ежегодно приходят в Сибирь»²⁴¹.

В первой половине 70-х годов Ю. Крижанич развил свои мысли о торговле России с Дальним Востоком в несохранившемся «Писемце о китайском торге», которое он из Тобольска переслал в Москву с крупным торговцем Афанасием Андреевичем Осколковым для передачи, по-видимому, кому-то из крупных государственных деятелей. Встретившись в Тобольске в 1675 г. с приехавшим туда Н. Г. Спафарием, Ю. Крижанич советовал ему ехать в Пекин именно через Забайкалье. Да и сам Н. Г. Спафарий, суммируя данные опросов русских «бывальцев», определенно указывал на значение Забайкалья, и в частности Селенгинска, для установления постоянного торга с Ки-

таем через Северную Монголию. «Китайское государство недалеко, — писал он, — ...а мунгалы кочуют везде кругом зело много и торгуют с козаками: продают кони и верблюды и скот, также и всякие китайские товары, а покупают у тех соболи и иные многие русские товары»²⁴². В своем «статейном списке» он не менее определенно подчеркивал взаимную заинтересованность русских и монголов в этой торговле: «А в Селенгинском остроге приезжают мунгалыцы на верблюдах со многими китайскими товарами и торгуют и меняют на русские товары, также и служилые селенгинские ходят к ним беспрестанно и торгуют, и по времени мочно завести торг великой, что не по что будет ходить и в Китай»²⁴³. Чеген-хан обещал даже Н. Г. Спафарию проводить русские караваны до китайских границ, «хоть [бы] трижды в год»²⁴⁴.

Прогноз Н. Г. Спафария относительно перспектив этого района оправдался в XVIII в., когда основным центром русско-китайской торговли стала порубежная Кяхта, расположенная неподалеку от Селенгинска.

Наблюдения Ю. Крижанича и Н. Г. Спафария подтверждаются другими свидетельствами. В 1672 г. в енисейской таможене обратили внимание на резкое изменение направления транспортировки наиболее ценных соболиных шкурок. По подсчетам таможни, в этом году из Восточной Сибири в Китай и «в Бухары» ушло 13 тыс. шкурок (325 сороков), и воевода Енисейска К. А. Яковлев писал в Сибирский приказ о их вздорожании и падении внутрисибирской пушной торговли²⁴⁵. «И те, государь, соболи отходят все из Даур в Китайское государство на мену на всякие товары, — сообщал в Москву К. Яковлев, — а в Енисейску сбору чинитца немалая поруха и соболи отчасу почали быть дорогие, потому что соболи, государь, в отвоз пошли в Китайское государство и в Бухары... И промышленные, государь, люди из Енисейского уезду и из-ыных острогов многие пошли для соболиных промыслов в Дауры и что упромышляют соболей, и те, государь, соболи малые обьявятца в Енисейску в приезде, а променивают все китайским и мунгалским людям»²⁴⁶.

Если исходить из известных данных за 1673/74 г., то свидетельству енисейских властей можно верить. В 1673/74 г. в Енисейске в результате сбора таможенной десятинной пошлины было собрано 79 сороков соболей. Так как с каждой соболиной шкурки, поступавшей с промысла на рынок, таможня взимала пятую часть ее стоимости в Енисейске (10% — промысловый налог и 10% — налог с продажи меха), то можно заключить, что в Енисейск на рынок поступило около 400 сороков соболей²⁴⁷, основная часть которых, таким образом, вывозилась не на Запад, а на Восток. С другой стороны, в это же время китайские товары становились настолько обычными на рынке в Енисейске, что их поступление туда серьезно влияло на размеры местных таможенных сборов. В 1676 г. енисейский таможенный голова К. Шертомцев, оправдываясь в уменьшении этих сборов, писал: «В прошлом, во 183 году (1674/75) были ис Китайской земли в Енисейске торго-

вые люди с китайскими товары, а во 184 году (1675/76) ис Китайской земли в приезде торговых людей против прошлого 183 году не было, для того тех пошлин и не добрано»²⁴⁸.

Еще в 1926 г. С. В. Бахрушин ввел в научный оборот интереснейшие сведения об инициативе селенгинского приказчика Ивана Перфирьевича Поршенникова и Гаврилы Романовича Никитина, в то время приказчика гостя Евстафия Ивановича Филатьева, выехавших в августе 1674 г. из Селенгинска через монгольские степи в Китай. Со свойственной ему образностью С. В. Бахрушин писал: «Это был, кажется, первый русский караван, проникший в Срединную империю и разрушивший легенду о непроходимости монгольских пустынь; в состав его входило человек 40 служилых и торговых людей»²⁴⁹. Как ни странно, С. В. Бахрушин, почерпнувший сведения об этом эпизоде из дел Посольского приказа, почему-то не обратил внимания на свидетельство Н. Г. Спафария. В «отписке», отправленной из Енисейска 18 июля 1675 г., Н. Г. Спафарий писал о встрече там с Г. Р. Никитиным, только что вернувшимся из Пекина через Селенгинск. Рассказ Никитина не оставляет сомнения о том, что эта поездка была для русских торговцев отнюдь не внове, как полагал С. В. Бахрушин. «Только *торг их был зело некорыстен против прежнего* (курсив автора. — В. А.), для того что у китайцев началась война с Никанским царством»²⁵⁰, — сообщал Н. Г. Спафарий. Поездка Г. Р. Никитина и его спутников, по всей вероятности, оказалась все же успешной. Китайские товары, вывезенные в ту пору через Селенгинск, составляли 9/10 всех таких товаров, доставленных в Тобольск²⁵¹. Можно думать, что эти поступления были результатом поездки Г. Р. Никитина.

Путь в Китай через Северную Монголию освоили именно русские, и поездки по нему начались, по-видимому, в самом начале 70-х годов. Н. Г. Спафарий его называл «новым», «ныне сысканным» (ходу восемь недель с выюками, «как в прошлых годах ходили торговые и служилые люди») ²⁵² и дал его подробное описание²⁵³.

Косвенным свидетельством частых поездок русских купцов в Китай могут также служить упреки маньчжурских сановников, адресованные в Пекине Н. Г. Спафарию: «Все, что были после Байкова с торгом здесь в Китае, Сеиткул и Тарутин и иные, и они сказали, чтоб их отпустили в царство торговать, потому что есть с ними от великого государя грамота. А после того, как пустили их в царство, и у них никаких грамот не было»²⁵⁴. Этот упрек относился также и к Г. Р. Никитину и его спутникам; хотя они и говорили, что «сами от себя торгуют», в Пекине их первоначально приняли за послов и удостоили даже аудиенции у богдыхана²⁵⁵.

Несмотря на напряженные отношения с Китаем, поездки русских купцов через Северную Монголию продолжались и в дальнейшем. В 1678 г. приказчик Селенгинска сын боярский Данила Строганов отпустил в Китай очередной караван, который организовали торговые люди Иван Старцев, Федор Оглоблин, Иван Новосильцев, Степан Голубин, Ларион Кириллов, важенин Дмитрий Константинов, **мине-**

жанин Мосей Галактионов Тнихин, вычегжанин Никифор Онофреев Кузнец и устюжанин Афанасий Константинов²⁵⁶.

Крупное купечество и сибирские торговцы не упустили также возможности проехать в Китай вместе с посольством Н. Г. Спафария. В Селенгинске к посольству присоединились приказчик гостя Е. И. Филатьева Василий Фомин и бывший енисейский таможенный голова лальский купец Иван Семенов Самойлов. Нерчинский воевода П. Я. Шульгин сообщил о «многих товарах для китайского торго», провезенных в караване Н. Г. Спафария²⁵⁷. В виде исключения русское посольство освободило торговцев, следовавших с Н. Г. Спафарием, от таможенного досмотра товаров. В Нерчинске к каравану присоединилось 50 казаков конвоя, которые также провезли в Китай свои товары²⁵⁸. В дальнейшем прибывшие к Н. Г. Спафарию в Пекин казаки также использовали удобный момент и вели в Китае «небольшой торго»²⁵⁹.

Такой большой караван через Нерчинск проходил в Китай впервые, но приграничная торговля в Приамурье, причем непосредственно с китайскими купцами, осуществлялась и ранее. В 1670 г. в Нерчинск с маньчжурскими посланцами дважды приезжали китайские «торговые люди»²⁶⁰. По сообщению Н. Г. Спафария, непосредственные торговые связи с китайцами были установлены в верховьях Аргуни, у озера Далайнор, в пяти днях пути от Нерчинска²⁶¹. В 1680/81 г. приказчик Евстафия Филатьева Борис Пикалев покупал в Нерчинске 18 концов китайки²⁶². Возможно, китайские товары поступали и в Албазин, так как китайские торговцы приходили на Зею «на торговщице» с местными жителями²⁶³.

Экономический подъем в восточносибирских городах и растущий интерес русского купечества к международным путям через Забайкалье и Северную Монголию были замечены бухарскими торговцами. В 70—80-х годах, отклоняясь от хорошо им известных маршрутов к Ямыш-озеру, они попытались вступить в конкуренцию с русскими соперниками на новых путях и стали появляться в восточносибирских городах, особенно в Красноярске и Иркутске. Вскоре, между 1683 и 1686 г., в Красноярске помимо гостиного двора, выстроенного в конце 70-х годов, был сооружен еще и особый «бухарский двор».

С. В. Бахрушин считал, что Красноярск являлся для бухарских купцов лишь местом временной стоянки на пути в другие сибирские города, в первую очередь в Енисейск²⁶⁴. Это наблюдение требует уточнения. Красноярским властям разрешалось отпустить бухарцев в Енисейск, но этим правом они пользовались, по-видимому, лишь тогда, когда на красноярском рынке не было торговцев из других сибирских городов. Красноярский рынок во второй половине XVII в. имел местное значение и мало привлекал внимание купечества. Однако, когда в Красноярск приходил большой бухарский караван, туда немедленно съезжались из Енисейска торговцы. Об этой практике писал в 1688 г. енисейский воевода Г. В. Новосильцев. Наиболее богатый бухарский караван прибыл в Красноярск в декабре 1685 г. Судя по

данным местной таможни, бухарцами было продано тогда товаров приблизительно на 1200 руб., а пошлинный сбор с них составил значительную часть всех годовых таможенных поступлений²⁶⁵.

В 80-х годах, используя частые поездки джунгарских дипломатических представителей в Иркутск, бухарские купцы зачастили и туда. В октябре 1684 г. вместе с джунгарскими дипломатическими представителями Мэргэн Косючеем и Мэргэн Бааханом в русские пределы из Северной Монголии вошел большой бухарский караван; 15 октября, перевалив через хребет Хамар-Дабан, он «из-за Камня» проследовал к Тункинскому острогу. Местный приказчик С. Могулев тотчас послал «отписку» иркутскому воеводе Л. К. Кислянскому о прибытии посольства и каравана и получил указание пропустить приехавших в Иркутск и обеспечить их безопасность в пути. 8 ноября караван остановился под Иркутском, где торговые бухарцы разбили 30 юрт. Их караван насчитывал 170 верблюдов; на 90 из них были доставлены китайские ткани, хлопчатая бумага, чай, табак и мерлушки; остальные животные использовались для перевозки разного скарба торговцев, а также сопровождавших их лиц и семей (всего до 100 человек)²⁶⁶. По всей вероятности, в Иркутске бухарцы появились впервые, так как местные власти не имели точного представления о порядке таможенного обложения их товаров²⁶⁷. Посольство было весьма предупредительно встречено воеводой Л. К. Кислянским, а торговля с русским купечеством, видимо, принесла бухарцам немалую выгоду.

Ровно через год, в октябре 1685 г., с двумя другими джунгарскими посланцами, Далай-ламой и Номон-ханом, тем же путем в Иркутск пришли 15 торговых бухарцев с семьями и привели караван из 130 верблюдов²⁶⁸. Еще через год, в конце ноября 1686 г., вместе с джунгарским представителем Быкедаганом Таулаем в Иркутск прибыл третий караван, в котором участвовали не только бухарские, но и джунгарские торговцы. Он был еще более многочисленным. 11 купцов на 172 верблюдах привезли на 2 тыс. руб. (по иркутской оценке) китайских и бухарских «локотных» (текстильных) товаров и 30 своих юрт²⁶⁹. К их прибытию в Иркутск съехалось столько всякого торгового люда, что в городе стало не хватать складских помещений. Наконец, тем же порядком в конце 1687 г. Иркутск посетил четвертый бухарский караван при джунгарском посланнике Гордачее. Вероятно, он был не менее многочисленным. На обратном пути, в первых числах мая 1688 г., этот караван за Тункинским острогом был разграблен проживавшими близ монгольского рубежа и находившимися в русском подданстве тунгусами, бурятами и сойотами.

На это происшествие в Сибирском приказе обратили особое внимание, и оно доставило много хлопот находившемуся в Забайкалье Ф. А. Головину, иркутскому воеводе Л. К. Кислянскому, приказчику Тункинского острога С. Могулеву и начальнику русского конвоя С. Шестакову. Местные русские власти заранее знали о предполагавшемся нападении и пытались его предупредить. Дело в том, что

еще на пути в Иркутск бухарцы взяли у ясачных людей лошадей и соболиные шкурки, обещая расплатиться при возвращении. По-видимому, не желая возвращать долг и надеясь на свои силы, бухарцы у Тункинского острога сознательно отказались от русского конвоя. В степи за острогом ясачные люди встретились с бухарцами. После их отказа вернуть взятое взаймы они «учинили бой» и разграбили караван. Впоследствии тунгусы, буряты и сойоты сознались в убийстве двух бухарцев и угоне 15 верблюдов без товаров²⁷⁰. Бухарцы, со своей стороны, подали русским властям обширную опись убытков²⁷¹. Трудно сказать, насколько эта опись отражает реальные размеры ущерба, понесенного ими²⁷². Бухарцы уверяли, что они потеряли 12 человек, массу товара, 50 верблюдов и 60 лошадей. В то же время опись дает представление о торговых интересах восточных купцов: на русском рынке они закупали главным образом меха и выделанные кожи.

В дальнейшем бухарские караваны в Иркутске не появлялись, что объясняется не столько этим происшествием, весьма обычным для восточных караванных путей того времени, сколько войной, охватившей Монголию в 1688 г.

Попытки бухарцев перехватить инициативу на освоенных русским купечеством торговых путях объяснялись прежде всего их боязнью конкуренции, для чего у них были основания. Еще Н. Г. Спафарий на пути в Китай писал из Сибири в Москву, что его посольство «тем бухарским и татарским торговым людям зело нелюбо, для того буде даст бог устроится сей путь (т. е. через Забайкалье. — В. А.) в Китай, тогда весь торг будут промышлять русские люди, а их промысел останется». Более того, как стало тогда же известно Н. Г. Спафарию, бухарцы настраивали маньчжурские власти против русских²⁷³.

Систематическая торговля в 70—80-х годах велась непосредственно и с Северной Монголией. При всей неурегулированности пограничных отношений с северомонгольскими ханами и тайшами взаимная экономическая заинтересованность определяла перспективы русско-монгольских торговых связей. Халхаские торговцы ездили в русские пределы и добирались вплоть до Баргузинского острога, русские выезжали в их улусы или вели пограничный торг. Нерчинский воевода в 1677 г. даже посылал служилых людей навстречу халхасцам, приглашая их везти меха и китайские товары в Нерчинск²⁷⁴. Под Нерчинском на р. Борзе, к соляному озеру, куда каждое лето наведывались нерчинские жители за солью, «мунгалы» пригоняли рогатый скот и овец и меняли их на выделанные кожи, сукна, шкурки песцов и соболей и металлическую посуду²⁷⁵. Албазинские и нерчинские казаки ежегодно выходили для «всякого торга» к оз. Далайнор²⁷⁶. Из Аргунского острога казаки выезжали «в Мунгальскую землю для скотной покупки»²⁷⁷.

Постоянные торговые связи развивались между халхасцами и жителями Иркутска и забайкальских острогов (Селенгинска и др.). В январе 1682 г. в Селенгинск «с торгом» приезжали монголы от

Очирой Саин-хана²⁷⁸. Из Иркутска через Тункинский острог русские служилые и торговые люди постоянно проходили в Монголию для «скотинной покупки». Так, в ноябре 1675 г. из «дальних улусов» тайши Цынбена были пригнаны табуны лошадей и верблюды, купленные служилыми людьми²⁷⁹. В конце 1681 г. «к крайним муңгальским людям» выехали трое казаков и двое торговых людей (Григорий Кибирев, Андрей Ушаков, Андрей Дмитриев и др.)²⁸⁰. В августе 1682 г. туда же выезжали по крайней мере две партии казаков (среди них — снова Андрей Ушаков)²⁸¹. В январе 1684 г. в улусы Очирой Саин-хана и тайши Цынбена за скотом из Селенгинска отправились служилые люди во главе с Тарасом Афанасьевым²⁸². Конечно, таких поездок и расторжек на границе было значительно больше.

В 80-х годах XVII в., благодаря посредничеству монголов, в Забайкалье продолжали поступать и китайские товары. Енисейский воевода князь К. О. Щербатов в 1684 г. сообщал, что в Енисейске перевелись шкурки рысей и выдр. Русские торговцы скупали их в Иркутске, Селенгинске, Нерчинске и Албазине по цене, превышавшей даже московскую, и выменивали на китайские ткани²⁸³. Поступления китайских товаров через Северную Монголию и Селенгинск можно проследить и по тобольским таможенным книгам за 1683/84 и 1686/87 гг.²⁸⁴ Даже в 1687/88 г., несмотря на военные действия между русскими войсками и отрядами некоторых северомонгольских тайшей и ханов в Забайкалье, китайские товары свободно продавались в Селенгинске и Удинске, а также в Нерчинске, где с них было собрано десятинной пошлины соответственно 1361 и 1148 руб.²⁸⁵ Таким образом, в этом году общая стоимость ввезенных китайских товаров в Забайкалье и Приамурье составляла примерно 25 тыс. руб.

Из Забайкалья, Иркутска, Красноярска китайские товары завозились в Енисейск и далее в центральную часть России. Поступление их было настолько значительным, что, по данным енисейского «списка с ценовых росписей» 1687 г., цены на китайские ткани, имевшиеся на местном рынке в широком ассортименте (камки, лауданы, камки «гайка», китайки «добрые», «средние» и «малые», бархат, атлас гладкий), с 1649 по 1687 г. снизились от 25 до 62%²⁸⁶. Немало китайских товаров продавалось и на Ирбитской ярмарке в Западной Сибири, куда они завозились русскими и иноземными купцами из «низовых сибирских городов», т. е. из Восточной Сибири²⁸⁷.

Итак, предпосылки для развития внешней торговли России с Китаем, Джунгарией, Северной Монголией наиболее активно стали создаваться во второй половине XVII в. Несмотря на таможенные льготы для бухарских купцов, сохранявшиеся в России до начала 90-х годов, российское, и в частности нарождавшееся сибирское, купечество в 70—80-х годах оттесняло с отечественных рынков торговых посредников в процессе хозяйственного освоения Восточной Сибири, и собственно Забайкалья и Приамурья, уверенно осваивая пути, по которым осуществлялась международная торговля с государствами Центральной Азии и Дальнего Востока. Непосредственные торговые

сношения между Россией и этими государствами стимулировались их взаимной экономической заинтересованностью. Уже в начальный период становления внешней торговли России в этом направлении к ней прибщались представители крупного столичного купечества (особенно «гость» Евстафий Филатьев), агенты которых тщательно исследовали тропы Великой степи. Именно в этот период сложилась система путей, по которым и в дальнейшем поддерживалась внешняя торговля России с Центральной Азией.

Глава 3

ПОДГОТОВКА И НАЧАЛО МАНЬЧЖУРСКОЙ АГРЕССИИ (1681 — 1684 гг.)

С начала 80-х годов XVII в. обстановка в Забайкалье и Приамурье становилась все более тревожной. Подавив сопротивление китайского народа, маньчжурские феодалы стали готовиться к осуществлению широких захватнических планов. Убедившись в неизменности русской политики, Сюань Е решил пойти на захват Приамурья и Забайкалья, с тем чтобы лишить Россию внешнеполитического влияния в Центральной Азии и на Дальнем Востоке. По далеко идущим планам маньчжурского двора захват восточносибирских, а затем северомонгольских областей должен был обеспечить Цинской империи господство в названных выше регионах. В этот период маньчжуры стремились не обострять отношений с Галданом, но внимательно следили за положением, складывавшимся в западных монгольских землях. К 1677 г. Галдан сконцентрировал в своих руках всю власть в Джунгарском ханстве. После захвата Восточного Туркестана (1678—1679) он стал готовиться к созданию объединенного Монгольского

государства под эгидой верховного ламы Тибета. Панмонгольская политика Галдана и поддерживавших его некоторых кругов ламаистской церкви неизбежно должна была натолкнуться на противодействие как крупнейших халхаских феодалов, так и Сюань Е, заинтересованного в захвате всех монгольских земель, и прежде всего Северной Монголии.

Готовясь к борьбе против России, маньчжурские власти столкнулись с большими трудностями. Наступление на Приамурье должно было вестись по хозяйственно неосвоенной местности, вдалеке от фактических границ империи. В современной Маньчжурии КНР к 80-м годам имелось лишь два опорных пункта: Гирин на р. Сунгари (заложен в 1674 г.) и Нингута (основана в 1636 г.) на притоке Сунгари р. Муданьцзян.

Подготовка к вторжению в Приамурье происходила по плану, разработанному самим Сюань Е и воплощавшемуся под его личным наблюдением. В 1682 г. он вместе с иезуитом Ф. Вербином посетил Мукден и Гирин. Большое внимание уделялось снабжению войска, этапам его продвижения на север и закреплению в Приамурье. Дипломатическая подготовка агрессии должна была обеспечить «право» на захват российской территории, после достижения успеха — закрепить его соответствующим актом. Существенное место в ней отводилось и привлечению халхаских ханов к военному выступлению против русских в Забайкалье¹.

Богдыхану Сюань Е понадобилось примерно два года для создания за пределами «Ивового палисада» опорных пунктов², заготовки провианта и военных запасов, строительства дорог и речных судов, изучения местных условий и сбора разведывательных данных. Основной удар маньчжуры решили нанести по Албазину и в случае успеха развивать наступление в направлении Нерчинска. Они отлично понимали стратегическое значение Албазина на Амуре — основной водной магистрали всего края.

Началу военных действий предшествовал дипломатический нажим маньчжурского двора на русские пограничные власти. Предлогом для него послужило хозяйственное освоение русскими бассейна р. Зеи. В марте 1681 г. к Албазину на р. Войлогу прибыли маньчжурские представители и запросили у высланного им навстречу служилого человека Г. Самойлова объяснения по поводу создания на Зее в устье р. Додонец русского острога и распашки там земли. Маньчжуры утверждали, что острог якобы поставлен на их «рубеже» и препятствует их людям собирать ясак, и предложили прислать русских представителей на р. Наун в Чичагирское село для дальнейших переговоров. Нерчинский воевода Ф. Д. Воейков сообщил в апреле 1681 г. об этом в Москву и одновременно послал на р. Наун казачьего десятника Ю. Лабу с переводчиком и конвоем. Лаба был уполномочен заявить, что на Зее в районе русского освоения пограничное размежевание не проводилось, «межа» не положена, местные жители признали русское подданство, платят ясак и поэтому у маньчжуров

нет никаких оснований для претензий; если же ставить вопрос о разграничении территории, то речь должна идти о границе по берегам Амура³. Переговоры продолжались с 10 июня по 12 августа и не дали положительных результатов. Маньчжурские представители объявили район Зеи «искони» своей землей, категорически потребовали увода русского населения и грозили применить вооруженную силу. Во время переговоров Ю. Лаба заметил активность маньчжурских властей в научных селах, где переписывалось население, учитывались и заготавливались «хлебные запасы»⁴.

Накануне дипломатического демарша маньчжуров в Нерчинск из Москвы была прислана грамота, по которой Ф. Д. Воейков обязывался составить «чертеж» русских владений на Амуре, Зее и Селемдже и описать имеющиеся там пашенные угодья. Одновременно с отъездом Ю. Лабы в Маньчжурию из Нерчинска на Амур с этой целью выехал сын боярский И. Милованов. К концу 1681 г. он закончил обследование Зеи и Селемджи, усилил там систему русских островов, выбрал место для постройки русского города в устье р. Зеи и описал земли по Амуру до заброшенного даурского «земляного города» Аютуна, расположенного ниже устья Зеи. В феврале 1682 г. И. Милованов прислал из Зейского острога в Нерчинск «чертеж» и отчет о своей деятельности.

«Чертеж» Ф. Д. Воейков 22 марта 1682 г. отправил в Москву и в своей «отписке» подробно рассказал о деятельности И. Милованова⁵. Ф. Д. Воейков был сильно обеспокоен маньчжурским требованием уничтожить Долонский острог на Зее. После возвращения Юрия Лабы в Нерчинск, в октябре 1681 г. он приказал срочно усилить укрепления Албазина, жить в нем и в острогах на Зее и Селемдже «с береженьем» и, чтобы избежать провокаций, был даже готов оставить Долонский острог⁶. В своей «отписке», отправленной в Москву, по-видимому, ранней весной 1682 г., Ф. Д. Воейков сообщал: «А будет де того острогу с Долонца не сведут, и он, богдокан, и китайские воеводы угрожают войною; и я, холоп твой, без твоего, великого государя, указа с Зири реки с усть Долонца речки острогу свести не смею <...> и тот острог написан в чертеже у Игнатия Милованова...»

Весной 1681 г. тревожная обстановка складывалась и в Забайкалье. В мае 1681 г. в Иркутск поступили сообщения из Селенгинска о пограничных набегах отрядов монгольских тайшей⁸. Тогда же жена тунгусского шамана Мenea через тунгусов Агазана и Тезенея известила власти Тункинского острога, стоявшего на прямой дороге из Северной Монголии в Иркутск, об изменнической деятельности своего мужа. Проведенный сыск подтвердил ее слова. Еще в 1677/78 г. Мeneй «подвел» отряды Цэцэн-нойона под Тункинский острог. На этот раз, также действуя, по-видимому, как агент Цэцэн-нойона, Мeneй, угрожая своими шаманскими чарами и, что более существенно, приходом монгольского тайши, пытался спровоцировать выступление местного населения и уничтожить Тункинский острог с его гарнизо-

ном⁹. Попытка Меняя успеха не имела; более того, местное население помогало проводившемуся сыску. «Перспектива оказаться под властью монгольских ханов для подавляющего большинства бурятского и эвенкийского населения казалась страшной»¹⁰.

Иркутский воевода И. Е. Власов, чтобы выяснить реальность угрозы нападения со стороны халхаских феодалов, отправил посольство в Северную Монголию во главе с сыном боярским В. Турсковым. Посланнику поручалось потребовать от монгольских «державцев» прекращения набегов в пределы России и возвращения отогнанного скота. Посольство выехало из Селенгинска 2 июня 1681 г. и через десять дней достигло р. Толы, где в устье ее притока Алютая находилась ставка самого Ундур-гэгэна. К приезду В. Турскова там собрались Очирой Саин-хан, его брат Шидишири Багатур-хунтайджи и другие феодалы Северной Монголии. Переговоры начались только 21 июля и сразу же подтвердили наихудшие опасения И. Е. Власова.

Очирой Саин-хан, Ундур-гэгэн и Шидишири отказались принять русского посланника и назначили для переговоров своих представителей. Возглавлявший их зайсан Асаралу выдвинул обвинение в том, что будто бы русские силой завладели их землей, поставили Селенгинск и другие остроги, после чего служилые люди стали ходить в походы на тайшей, «громить» их и укрывать пленных и беглых. Асаралу, ссылаясь на переговоры в Москве посланца Гармана Билюхтуя, утверждал, что будто бы русское правительство согласилось передать под власть монгольских ханов всех бурят, но посланная из Москвы грамота была в Тобольске задержана, а им с сыном боярским Ф. Михалевским прислана другая, совсем иного содержания. Асаралу выразил возмущение тем, что в Нерчинске и Иркутске были приняты вернувшиеся из Северной Монголии буряты, и потребовал передачи всех бурят под власть халхаских ханов, не дожидаясь ответа из Москвы.

Турсков отверг версию о «подменной» грамоте. Он решительно заявил, что Селенгинск стоит «на краю» русских сибирских земель, построен не как база для военных действий против Северной Монголии, а для охраны этих земель и местного населения и что всех желающих переселиться в русские владения охотно принимают и в дальнейшем не выдают. Представители халхаских феодалов вручили В. Турскову грамоту с требованием «вернуть» бурятское население и угрожали начать войну и не возобновлять никаких переговоров до тех пор, пока это требование не будет исполнено. Подчеркивая свое недоверие к русскому послу, Очирой Саин-хан и другие северомонгольские феодалы отправили вместе с В. Турсковым в Селенгинск своих представителей и поручили им подтвердить там категоричность своих требований¹¹. Таким образом, Очирой Саин-хан не только добился принятия большинством халхаских феодалов антирусской внешнеполитической программы, но и попытался осенью 1681 г. ее осуществить.

Как русское, так и аборигенное население Забайкалья и При-

амурия осознавало опасность враждебных действий как со стороны богдыхана Сюань Е, так и Очирой Саин-хана. Еще в июле 1681 г. албазинцы просили местные власти усилить укрепления острога и с тревогой писали: «Все знают, от богдойского хана какова добра чают, oprичь войны, и с какими речми на Войлогу речку проезжали богдойские князцы»¹². В декабре того же года угнанные на р. Наун, по-видимому еще в 50-х годах, даурские «князцы» Лоскядой (Локсудой) и Таргапча и тунгусские «князцы» Аюси и Каялда обратились к нерчинскому воеводе Ф. Д. Воейкову с просьбой принять их со всеми улусными людьми (более 400 человек) в русское подданство и выслать им навстречу русские войска для защиты от маньчжуров. Аргументация этого челобитья не оставляла сомнений в характере намерений Сюань Е и свидетельствовала об отношении даурского населения Маньчжурии к надвигавшимся событиям.

«Князцы» сообщали, что жить им стало «немочно», собирается богдыхан угнать их с кочевий «в царство», в глубь Китая, а сам, собрав большую силу и всякие запасы, думает идти на Зейский острог и поселить там своих «больших людей»¹³. В феврале — марте 1682 г. в Албазин из Маньчжурии поступили также сообщения от даура Илтаня, даурского «сотника» Лопчодоя и других о намерении богдыхана «воевать» нерчинские остроги и Албазин, а также о постройке речных судов, сборе различных запасов и лошадей для ратных людей. Наступление намечалось на весну 1682 г., первоначально силами монгольской конницы; после чего должно было последовать вторжение основных маньчжурских сил на судах с запасами и артиллерией на Амур¹⁴.

Проманьчжурская ориентация Очирой Саин-хана и его усиливавшаяся зависимость от Сюань Е к этому времени стали очевидными. В 1681 г. между ними состоялись переговоры, но об их содержании можно только делать предположения. Известно лишь, что Сюань Е потребовал от халхаских феодалов прекращения торговли с русскими и недопущения их поездок за р. Чикой в Северную Монголию¹⁵. Трудно сказать, насколько соответствовали действительности сообщения относительно договоренности об их совместном выступлении весной 1682 г. Но даже если на самом деле она имела место, то по каким-то соображениям Очирой Саин-хан попытался выяснить состояние русской обороны в Забайкалье задолго до назначенного времени.

В сентябре 1681 г. небольшие отряды халхаских ханов и тайшей вторглись в Забайкалье, блокировав пути от Тункинского острога до Нерчинска. Первыми подверглись нападению окрестности Селенгинска и Удинска. Монгольские и табунутские отряды сторожили дороги, и русские служилые люди не рисковали выезжать из острогов в малом числе. В конце сентября — начале октября степняки захватили под Селенгинском и Удинском 110 голов рогатого скота, табуны лошадей и верблюдов, принадлежавших селенгинским и нерчинским служилым людям, и «похвалялись» сжечь остроги и

угнать ясачное бурятское население. Но 260 местных служилых, промышленных и «гулящих» людей из Селенгинска, 70 нерчинских казаков, прибывших в Удинск за хлебными запасами, и присоединившиеся к ним 70 ясачных людей, преследуя неприятеля, догнали его и вернули угнанный скот¹⁶.

Действия, начатые северомонгольскими ханами, были крайне непопулярны не только среди попавшего под их власть ясачного населения, ранее обитавшего в пределах России, но и среди рядовых монголов и табунотов. Спасаясь от разорения, еще в августе 1681 г. под Селенгинск пришли 34 табунота, затем туда же бежали другие табунутские и монгольские семьи, а под Тункинский острог начали выходить буряты и тунгусы, в 1671 г. ушедшие в Халху из Прибайкалья. В феврале 1682 г. один такой выходец сообщил, что в ближайшее время следует ожидать появления многих беглецов. Приказчик Тункинского острога А. Михалев в октябре 1681 г. писал иркутскому воеводе И. Е. Власову о беспрестанных просьбах выходцев не выдавать их назад¹⁷. Власов сообщил в Москву, что только из-за малочисленности русских воинских сил в Забайкалье и слабости их вооружения многие монголы и табунуты не решаются уйти в пределы России¹⁸.

В начале ноября 1681 г. нападения монгольских и табунутских отрядов участились. 2 ноября под Удинском они отогнали у русских служилых и торговых людей 60 верблюдов, а у итанцинских бурят — 120 лошадей. Погнавшийся за ними русский отряд понес потери и вернулся ни с чем. Через 10 дней неприятель воспользовался пургой и попытался угнать скот из Ильинской слободы, но вынужден был бросить захваченную добычу. В первых числах декабря монгольский отряд в 500 человек вновь появился под Селенгинском, захватил скот и в бою нанес урон местным казакам. Через неделю, по-видимому, этот же отряд под Ильинской слободой разграбил юрты бурят и на дороге в Удинск дал бой русскому отряду, вышедшему из Селенгинска¹⁹.

К январю 1682 г. к Забайкалью подошли, по-видимому, более крупные силы Очирой Саин-хана. Приказчики острогов писали в Иркутск о нехватке оружия и невозможности вооружить все русское население, о беспокойстве среди бурят, которые просили защиты и «не ведают, куда деться». В начале декабря разведка, высланная из Иркутска «к крайним мунгальским людям», сумела через одного бурята передать в Тункинский острог сведения о движении двухтысячного монгольского отряда от Селенги к Иркутску. Такое же сообщение поступило от ясачных бурят. Был срочно усилен маленький гарнизон Тункинского острога, находившегося на подступах к Иркутску, где 20 казаков готовились «оберегать со всяким домогательством» ясачных бурят. Однако нападения на Иркутск не последовало; 4 января посланник сохранявшего нейтралитет тайши Ахая проездом в Иркутск известил приказчика Тункинского острога А. Михалева о движении монгольского войска на Селенгинск. Селенгинский гар-

низон выдержал осаду, но спасти от гибели русские деревни и от разорения бурят не смог. После отхода неприятеля иркутский воевода И. Е. Власов приказал приказчику Итанцинского острога перевести бурят с Еравненской степи ближе к Байкалу.

Тунгусы — чемчагиры и онкоты, находившиеся в монгольском подданстве, осадили Нерчинск. Нерчинские казаки и промышленники, объединившиеся с ясачными людьми Телембинского острога, в свою очередь пошли на них в поход²⁰.

В начале 1682 г. северомонгольские феодалы начали склоняться к мысли о восстановлении мира и их представители появились в русских острогах. Ясачные буряты и тунгусы сохраняли русское подданство и поддерживали русских служилых людей, а рядовые халхаские улусники даже пытались уйти от тягот войны в пределы России. В конце января в Иркутск через Тункинский острог проследовали посланники от Цэцэн-нойона и тайшей Обоши Ахая и Мэргэн Ахая, а 15 марта — от тайши Кинтасея. Переговоры с ними затянулись до лета. Тайша Кинтасей, по-видимому, действительно стремился к миру. В присланном «листе» он подтверждал свое желание находиться с Россией в дружественных отношениях и вести торговлю. Его посланники передали в Иркутске русским властям богатые подарки. Цэцэн-нойон продолжал вести двойственную политику. Он пытался собрать ясак с бурят, обитавших около Тункинского острога, распространял слухи о своем намерении передать их под власть своего младшего сына, а также накапливал данные о состоянии обороны русских острогов²¹.

В июле 1682 г. были восстановлены отношения с пятью тайшами «Кукановыми детьми»²². Переговоры с ними были начаты в их улусах служилым человеком Т. Афанасьевым, а «подлинное мирное постановление» совершилось «накрепко» в Селенгинске, куда прибыли представители тайшей²³. Осенью 1682 г. в Иркутск с дружественным визитом прибыли посланники ряда других монгольских феодалов (Дайчи Косючая и др.). По косвенным данным можно предположить о заключении какого-то соглашения и с самим Очирой Саин-ханом. Всего, по данным Н. П. Шастиной, на протяжении 1682—1683 гг. в Иркутск приезжали посланцы от восьми северомонгольских князей²⁴. Временно в Забайкалье наступил мир.

В Приамурье пока еще было относительно спокойно. Слухи о весеннем наступлении маньчжуров в 1682 г. не оправдались, но угроза его оставалась реальной.

Русское правительство, получившее к началу 1682 г. известия о требованиях маньчжурского двора и результатах посольства Ю. Лавы, заняло твердую позицию. Указом от 29 января 1682 г. повелевалось «строить города в Дауры и в Селенгинской и в Болбожинской, и Сибирским полком на китайцы думному дворенину Кирилу Осиповичу Хлопову, а с ним велено быть всем Сибирской земли городом всяким служилым людям, конным и пехоте». 26 февраля 1682 г. К. О. Хлопову было пожаловано звание окольного²⁵. Уже в мае

1682 г. Ф. Д. Воейков в своей «памяти» приказчику Албазина писал, что «учинилось» ему узнать о посылке из Москвы в Китай «посла». Чтобы не обострять отношений до его прибытия и избежать возможных пограничных столкновений, он отменил данное им ранее разрешение на поход из Албазина на р. Бурею очередного отряда ясачных сборщиков²⁶. Но воеводская «память» была, вероятно, доставлена в Албазин с опозданием, и отряд Г. Фролова (29 служилых людей и 32 промышленника) ушел вниз по Амуру²⁷.

Однако посылка К. О. Хлопова не состоялась²⁸. Тем не менее какая-то подготовка к переговорам с Китаем в это время в Сибирском приказе велась; 4 сентября 1682 г. было указано «китайским посылкам и приездам и мунгальских и калмыцких владельцев и тайшей послов и посланцев ведать в сем приказе, и Николая Спафария отпуск и приезд и статейный список и книгу описную о Китайском государстве и дела и приезды из Сибири калмыцких и мунгальских послов и посланцев взять (из Посольского приказа. — В. А.) в сей же приказ»²⁹.

Тем временем вернувшийся в июле 1682 г. в Нерчинск И. Миловайн доложил Ф. Д. Воейкову об уходе казаков из Долонского острога «для того, что о том зимовье говорят безпрестани китайские люди большою ссорою»³⁰. Маньчжуры истолковали уход казаков с устья Долонца как уступку со стороны России. Поводом к новым претензиям, как и опасался Ф. Д. Воейков, послужила посылка на р. Бурею отряда Г. Фролова. Маньчжурские представители появились под Нерчинском и Албазином почти одновременно — 19 и 26 ноября. Ф. Д. Воейкову они передали приглашение прислать на Наун русских представителей для переговоров с приехавшим представителем богдыхана. Ф. Д. Воейков 23 ноября вновь послал на Наун Ю. Лабу, причем наказал ему «подлинно проведать» воинские замыслы маньчжуров, но во время переговоров ни в какие споры не вступать и «о государевых делах отповеди ему, Юшку с товарищи, давать не велел»³¹. Отчет Ю. Лабы не сохранился, но совершенно очевидно, что посольство было безрезультатным. Об этом можно судить на основании сообщения, полученного 27 декабря Ф. Д. Воейковым из Албазина, куда подошел отряд маньчжурской конницы численностью более тысячи человек.

Маньчжурские начальники остановились в казачьей слободе и рассказали албазинскому приказчику И. Семенову, что они сопровождали своего богдыхана на охоте на берегах р. Кумары и «между прочим» заехали в Албазин просить о выдаче двух беглых семей из наунских сел. И. Семенов в этой просьбе отказал и предложил обратиться в Нерчинск к Ф. Д. Воейкову. Маньчжуры не настаивали, но сказали, что их представители поехали и туда. В двухчасовом разговоре маньчжуры главным образом допытывались, на каком основании был послан на р. Бурею для сбора ясака Г. Фролов. Кроме того, они очень внимательно рассматривали Албазин. В тот же день маньчжуры ушли вниз по Амуру.

Действительные причины их приезда были тогда же разгаданы Семеновым. «И то де знатное дело, что они приезжали в Албазинский острог не для тех беглых мужиков, — докладывал он в Нерчинск, — для осмотра Албазинского острогу и каковы крепости и много ли де в Албазинском есть русских людей»³². Наблюдение Семёнова подтверждается маньчжурскими документами о подготовке наступления на Амур в 80-х годах. Оказывается, в 1682 г. богдыхан повелел двум своим приближенным — военачальникам Лантаню и Пэнчуню с отрядом в 1000 солдат отправиться к русским границам «с уведомлением о себе, что высланы из Пекина для ловли оленей, а сами сухим путем ступайте подле Амура прямо к городу Якса-хотонь (Албазин. — В. А.), памятуя, сколько далек путь наш будет и какие места там лежат. И, приехав к оному, прилежно осмотрите положение города, загородных мест и все тутошних лочев (русских. — В. А.) состояние»³³.

В докладе, представленном в январе 1683 г. богдыхану, Лантань признал сложность доставки военного снаряжения к Албазину сушей и рекомендовал использовать для этого Амур. По его мнению, Албазин вполне могло взять двухтысячное войско, которому следовало придать 20 пушек. Сюань Е более осмотрительно отнесся к подготовке наступления, распорядившись сначала поставить на Амуре, поближе к Албазину, две крепости, усилив их артиллерией и создав на местах базу для снабжения войск хлебом³⁴. В январе 1683 г. богдыхан приказал войскам готовиться к выступлению из Гирина и Нингуты на Амур, где укрепиться в крепостях Айгунь и Хумар. Командующие войсками съехались на совет в Нингуту, а к пристаням на р. Сунгари стали стягиваться военные запасы и артиллерия. Таким образом, после длительной подготовки маньчжурские войска были готовы к началу наступления лишь к весне 1683 г.

Беглецы с Науна, а также монголы, кочевавшие за Аргунью, в конце 1682 и начале 1683 г. сообщали русским властям о намерении маньчжуров открыть военные действия весной 1683 г.³⁵ Однако они начались несколько позже, во второй половине июля 1683 г. В первую очередь Сюань Е поставил целью захват русских острогов на Зее и Селемдже, полное вытеснение оттуда русских и создание неподалеку от Албазина плацдарма для его осады.

Маньчжурское наступление застало русские вооруженные силы в Приамурье слабо подготовленными к обороне, хотя воеводы Иркутска и Нерчинска почти в каждой «отписке» в Москву обращали внимание правительства на малочисленность ратных людей, имевшихся в их распоряжении. Поэтому русская администрация не могла принять серьезных оборонительных мер. Правда, по указу 23 мая 1679 г. енисейский и илимский воеводы обязывались в случае опасности поддерживать Селенгинск и нерчинские остроги, но они и сами не располагали значительными силами³⁶. Их помощь ограничилась лишь тем, что в 1679 г. в Албазин было доставлено 250 пищалей и 30 пудов пороха и свинца, а в 1680—1682 гг. в Селенгинск поступили

две медные пушки, да в Иркутск завезено 30 пудов пороха и свинца, 50 пищалей и две медные пушки³⁷. Кроме того, при своей общей малочисленности служилые люди рассредоточивались по разным острогам. С 1682 до лета 1683 г. на Зею, Селемджу и Бурею было послано 67 казаков (отряды Мокрошубова, Мыльника и др.), а в Албазине оставалось немногим более сотни защитников. В Нерчинске летом 1683 г. в распоряжении воеводы было лишь 46 казаков, остальные 150 находились в разных посылках³⁸.

Первый удар маньчжурские войска нанесли по русским острогам на северных притоках Амура. Отряд А. Мокрошубова (21 человек), вышедший в июне 1683 г. из Албазина в Селемджинский острог, проплыл по Амуру и к сентябрю добрался к месту назначения. Так же благополучно дошел до Верхозейского острога другой отряд в 23 человека. Третий отряд под командой Г. Мыльника, 17 июля вышедший из Албазина на Бурею на смену отряду Г. Фролова, постигла тяжелая судьба. В его составе было 20 служилых и 46 промышленных людей (по другим данным, всего 73 человека). Отряд миновал устье Зеи, но 28 июля, обогнув речной мыс, неожиданно столкнулся с огромной маньчжурской флотилией; командовавший ею Лантань двигался от Сунгари по Амуру к устью Зеи, где по указу богдыхана должен был заложить крепость. Г. Мыльнику не оставалось ничего другого, как пристать к берегу.

Маньчжурские суда (бусы) стали полукругом около русских дощаников и бросили якоря. Перевес сил был подавляющим. На следующий день маньчжуры пригласили к Лантаню командира русского отряда «хлеба есть» и объявили Г. Мыльника и сопровождавших его 11 подчиненных военнопленными. Лантань согласился только отпустить под своим конвоем на русские суда казака А. Байташникова. Тот сообщил там о пленении Мыльника и успел тайно передать, чтобы все «промышляли, куда кому ближе». Большая часть отряда попала в плен сразу; 23 человека бросились с судов на берег, «в гору», и, избежав погони, стали пробираться в Селемджинский острог; остальные попытались берегом вернуться в Албазин. Маньчжуры высадили на берег кавалерийский отряд и захватили несколько человек, но семи промышленным людям и трем казакам, бежавшим уже «из-за караула», удалось к 10 августа добраться до Албазина.

Они сообщили, что неприятельская флотилия, по словам самих маньчжуров, состоит из 567 бус и идет с 15-тысячной армией, артиллерией и трехгодичным запасом провианта «войной» на Албазин; одновременно столь же многочисленная кавалерия будто бы наступает на Нерчинск³⁹. По наблюдениям самих казаков, на флотилии, насчитывавшей до 300 грузовых судов с различным снаряжением, провиантом и артиллерией, находилось до 10 тыс. войска при 300 больших и малых пушках. К 20 августа известия о движении и составе маньчжурского войска достигли Нерчинска, к середине сентября — Иркутска, а в начале октября — Енисейска⁴⁰. Иркутский воевода И. Е. Власов оповестил других сибирских воевод о начале маньчжур-

ского наступления и, по-видимому, допуская возможность падения Нерчинска, наказывал приказчикам Удинска и Селенгинска беречься днем и ночью, высылать разведку к границе и «всяким домогательством» проводить о намерениях северомонгольских тайшей и о событиях в Приамурье⁴¹. В сентябре в Нерчинск от приказчика Телембинского острога Н. Логинова поступили тревожные вести о намерении тайшей совершить набег на Телембинский, Еравненский и Иргенский остроги⁴². Так ему передавали ясачные тунгусы.

Однако маньчжурское командование не торопилось развивать наступление. Больше всего оно заботилось об обеспечении своих коммуникаций и укреплении опорных пунктов. В конце ноября в Иркутске, по сведениям, поступившим из Нерчинска, стало известно, что маньчжурская армия остановилась в устье Зеи и на берегу Амура начала сооружать укрепления; конное же войско, по данным, полученным из Аргунского острога от ясачных тунгусов, также прекратило наступление и ушло от Далай-озера (Далайнор)⁴³.

За лето и осень 1683 г. маньчжуры в устье Зеи построили и укрепили полевой лагерь. В то же время вверх по Зее был отправлен на 25 бусах сильный маньчжурский отряд в 500—600 человек⁴⁴. Отбиваясь от врага, русские служилые и промышленные люди осенью и зимой 1683/84 г. с большими потерями прорывались с Зеи, Селемджи и Буреи на север, к побережью Охотского моря, и через Удской острог уходили в Якутск. Уцелевшие казаки и промышленные люди из отряда Г. Мыльника добрались до Селемджинского острога и вскоре двинулись далее в Удской острог. Отряды маньчжуров несколько раз появлялись в окрестностях Селемджинского острога, и А. Мокрошубов с 26 казаками в середине ноября 1683 г., покинув острог, также начал отступление к Удскому острогу, однако добралось туда лишь 11 человек⁴⁵. В октябре 1683 г. отряд Г. Фролова, находившийся на р. Амгуни, «послыша и узнав допряма» о невозможности вернуться в Албазин, начал отход к Якутску через Тугурский и Удской остроги; пришло туда меньше половины отряда — 27 человек⁴⁶. Попытка же предупредить об опасности гарнизон Верхозейского острога не удалась. Острог продержался до февраля 1684 г., когда 400 неприятельских солдат взяли в плен всех его защитников⁴⁷. Таким образом, к началу 1684 г. русские остроги на северных притоках Амура пали, после чего маньчжуры покинули этот район. Ими было захвачено в плен около сотни казаков и промышленных людей⁴⁸.

От пленных маньчжуры «проведали» о направлении в Приамурье К. О. Хлопова с ратными людьми. Быть может, под влиянием именно этой информации богдыханский двор в октябре 1683 г. решил поставить в известность русские власти в Албазине о целях своего военного выступления. В конце ноября в Албазин вернулись промышленные люди Михаил Яшиных и Иван Енисеев, попавшие в плен вместе с Г. Мыльником. Они привезли из Пекина грамоту богдыхана с ее переводом, адресованную «приказному человеку» Албазина, и расска-

зали про построенную в устье Зеи крепость: «А сделан де тот город землею, кладен из дерну, а вышиною в сажень, да возле того города выкопан ров, вышиною в сажень же, и возле того рву, с полевой стороны, бит чеснок вышиною ниже пояса, а в ширину де того чесноку аршина в три».

Грамоту богдыхана приказчик Албазина И. Войлочников приказал прочитать всему населению. Она содержала требование к русским уйти с «богдыхановой» земли и выдать Гантимура, а также извещение о «пожаловании» всех сдавшихся в плен с Г. Мыльниковым и всех пожелавших перейти под власть богдыхана. Грамота кончалась угрозой: «Буде того не разумеете, и на моем рубеже станете жить, и в те поры вы ни небом, ни землею не закроетесь и убить вас не жалею». Однако желательного впечатления Сюань Е не достиг. В Албазине «всяких де чинов люди говорили: не к чему де тому прелесному писму верить... ради за великих государей умереть, а острог де они не покинут. А о том де они всяких чинов люди тужили, что де в Албазинском остроге в государеве казне пороху, и свинцу, и оружия, и пушек скудно»⁴⁹. И. Войлочников отправил грамоту в Москву, но, поскольку она была адресована лишь «приказному человеку в Албазине», русское правительство не могло считать ее официальным дипломатическим документом.

К 1684 г. положение русских вооруженных сил в Забайкалье и Приамурье становилось крайне трудным. Местные людские и материальные ресурсы оказались недостаточными для длительной обороны.

Перед русским правительством в начале 80-х годов стояли сложные внешнеполитические задачи. Только в 1681 г. был заключен Бахчисарайский мир с Турцией; с Речью Посполитой велись долгие и трудные переговоры о заключении «вечного мира» и о присоединении к военному антитурецкому союзу, который в 1684 г. создали Речь Посполитая, империя Габсбургов, Венеция и папа римский. Эти проблемы, а также ожесточенная борьба придворных группировок не позволили вовремя оценить всю опасность и возможные последствия маньчжурской агрессии.

Правда, некоторые административно-оборонительные мероприятия все же начали осуществляться. В начале 1683 г. была изменена структура управления Восточной Сибирью. Все восточносибирские уезды — Якутский, Иркутский, Илимский, Нерчинский и выделенный из него Албазинский — объединялись в Енисейский разряд и отдавались в ведение енисейского воеводы, которым был назначен крупный администратор того времени князь К. О. Щербатов. В указе по поводу его назначения подчеркивалась именно оборонительная цель перестройки управления: «А велено ему Селенгинской и все Байкаловские и Даурские остроги и иные города и остроги, которые мочно, оберегать»⁵⁰. Выделение Албазина из состава Нерчинского уезда и образование отдельного Албазинского уезда, охватывавшего территорию собственно Приамурья, было демонстративно политическим ак-

том, которым правительство подчеркивало незыблемость присутствия на Амуре русской администрации, по своим правам ничем не уступавшей воеводам других сибирских уездов.

Только в самом конце 1683 г. правительство приняло сильно запоздавшее решение об усилении обороны Забайкалья и Приамурья. Оно последовало после получения крайне тревожных отписок Ф. Д. Воейкова за 1682 г. Принимая это решение, правительство еще не знало о начале маньчжурского наступления летом 1683 г. Таким образом, срочные меры по организации обороны запоздали на много месяцев. В январе 1684 г. тобольскому воеводе князю А. А. Голицыну было приказано набрать в городах и уездах Западной Сибири 500 «охочих» людей из местных служилых людей и их родственников и отправить их весной по первой воде в Енисейск к К. О. Щербатову. Однако 9 января 1684 г. в Москву дошло известие о событиях на Амуре и наступлении маньчжурской армии на Албазин и Нерчинск. Поэтому А. А. Голицыну 20 февраля было указано отправить в Енисейск 600 человек, а К. О. Щербатову — в дополнение к ним набрать в восточносибирских уездах еще 400 человек и отправить их всех за Байкал⁵¹.

С этого момента сибирская администрация с большой энергией попыталась наверстать упущенное время. Переписка воевод между собой, их «отписки» в Москву, грамоты, посылавшиеся Сибирским приказом воеводам, сообщения приказчиков отдельных острогов свидетельствуют о том, что основная трудность организации обороны заключалась в преодолении сибирских пространств. Пополнение гарнизонов, провиант, транспортные средства (речные суда и подводы), отчасти вооружение давала Сибирь. Литье медных пушек было налажено в Тобольске и Енисейске. Из европейской части страны на протяжении 1684 г. поступали значительная часть вооружения, денежные средства и немногочисленные опытные офицерские кадры.

После назначения К. О. Щербатова воеводой в Енисейск на протяжении второй половины 1683 — первой половины 1684 г. последовала смена высшего административного состава управления восточносибирских уездов. В Албазин отбыл из Москвы А. Л. Толбузин, хорошо знакомый с Приамурьем. В Илимск был направлен воеводой стольник И. А. Змеев, в Якутск — опытный военачальник М. О. Кровков. Стольник Л. К. Кислянский, зарекомендовавший себя энергичным помощником воеводы в Енисейске, в октябре 1683 г. выехал на воеводство в Иркутск; И. Е. Власов в феврале 1684 г. сдал ему дела по Иркутску и выехал в Нерчинск вместо отозванного оттуда Ф. Д. Воейкова. Сын боярский И. П. Поршенников, ведавший Селенгинским острогом еще в 70-х годах, из Енисейска вновь был переведен туда приказчиком. Баргузинский и другие мелкие забайкальские остроги вверялись сыну боярскому И. Перфильеву⁵².

В феврале 1684 г. И. Поршенников прибыл в Селенгинск и приступил к постройке нового острога вместо обветшавшего старого. Острог общей протяженностью в 120 саженей возводился с рублеными

стенами в 2,5 сажени высотой, «старасами» и верхним и нижним «бом». А.Л. Толбузин добрался до Албазина к 18 мая 1684 г. и также начал укреплять стены острога и углублять ров. Оборонительные работы осенью 1684 г. проводились в районе Тункинского острога. По приказу Л. К. Кислянского там сооружались засеки, чтобы затруднить монгольским отрядам набеги в район Иркутска⁵³.

Сибирские воеводы сообщали в Москву о возможности набора промышленных и «гулящих» людей для пополнения восточносибирских гарнизонов. В 1683 г. из Тобольска были посланы в Иркутск, Селенгинск, Нерчинск и Албазин новые партии вооружения (две пушки с ядрами, 50 пищалей, около 110 пудов пороха и свинца)⁵⁴. В середине июня 1684 г. из Енисейска в Иркутск на помощь даурским гарнизонам ушел первый отряд казаков в 82 человека. Под его охраной туда же направлялась очередная партия вооружения (три пушки, три затинные пищали, 200 ручных пищалей и 2000 кремней к ним, около 115 пудов пороха и свинца). По Забайкалью от Удинска обоз с оружием должен был следовать с большой осторожностью, «смотря по воинским вестям», с передним и задним «ертаулом» (охранением), по наиболее безопасным дорогам. К августу 1684 г. это вооружение было доставлено в Иркутск и отправлено дальше через Байкал. В Удинск оно поступило только к 21 сентября. К этому времени отряд казаков, присланный туда из Нерчинска за хлебными запасами, уже ушел на восток; селенгинский приказчик И. Поршенников не смог обеспечить необходимое количество подвод, и перевозку «воинской казны» дальше пришлось отложить до весны 1685 г.

По данным К. О. Щербатова и тобольского воеводы П. С. Прозоровского, к 1685 г., как и прежде, в Иркутске и за Байкалом могло находиться очень ограниченное количество вооружения: в Иркутске — две пушки, 56 ручных пищалей, примерно 43 пуда пороха и свинца, в Селенгинске — четыре пушки, пищаль затинная, 104 ручных пищали, 42 пуда пороха и свинца, в Нерчинске и других забайкальских острогах — пять пушек, две пищали затинные, 225 ручных пищалей, 152 пуда пороха и свинца, в Албазине — три пушки, четыре пищали затинные, 100 пищалей ручных, около 70 пудов пороха и свинца⁵⁵.

Основная часть подкрепления — 600 казаков, собранных к весне 1684 г. в Тобольске, Тюмени, Верхотурье и Туринске, выступили из Тобольска в поход 24 мая. К этому же времени сотник П. Путилов и гранатчик Г. Фомин успели доставить из Москвы в Тобольск 500 ручных пищалей, 500 ручных гранат, 1000 бердышей, 10 знамен и пушку с пудовыми ядрами. Из арсенала Тобольска было выдано 200 пудов пороха и свинца и 10 полковых пушек. Казаки, двигаясь отдельными отрядами по Иртышу, Оби и Кети на дощаниках и стругах, достигли к началу августа Маковского волока, через который шел путь к Енисею. Перевозка вооружения по болотистому волоку на подводах, высланных из Енисейска, заняла много времени.

Только в начале сентября служилые люди, над которыми в Енисейске принял командование казачий голова А. И. Бейтон, со всем

вооружением и полученным провиантом ушли на 13 дощаниках и 13 больших лодках по Енисею и Ангаре к Илимску. За короткую сибирскую осень преодолеть этот участок пути они не успели, были затерты льдами на Ангаре в устье Пинчуги и «поволоклись» далее на нартах. В ноябре 1684 г. илимскому воеводе И. А. Змееву пришлось спасать их от голода и стужи. Местные крестьяне на своих подводах, с трудом «просекаясь» по Ангаре, доставили казаков в Илимск. В январе 1685 г. А. И. Бейтон повел их дальше. Артиллерию, значительную часть пороха, свинца и другого снаряжения пришлось до лета оставить на Ангаре⁵⁶. В дополнение к этим подкреплениям К. О. Щербатов приказал «поверстать» 350 человек в Иркутске, Селенгинске, Нерчинске и Албазине⁵⁷. К 1685 г. Л. К. Кислянский, в свою очередь, набрал в Иркутске отряд в 40 человек, который был усилен местными крестьянами, и отправил его с воинскими запасами в Тункинский острог⁵⁸.

Однако К. О. Щербатов считал предпринятые меры недостаточными. По его мнению, служилые люди в сибирских острогах «ратного ученья не умеют, а учить некому, а новоприборные... люди из гулящих людей и из иных чинов и те и за пищали принятца не умеют»⁵⁹. Кроме того, поступали тревожные вести о намерении ярого врага России киргизского «князца» Ереняка «итти войной» на Томск, Красноярск и Енисейск. Все это заставило К. О. Щербатова в докладе о состоянии обороны Восточной Сибири настоятельно просить Сибирский приказ о присылке из Москвы 700 «ученых» стрельцов или солдат с начальными людьми. Из этих стрельцов 200 человек он рассчитывал оставить в Енисейске, 150 отправить в Иркутск, 150 — в Селенгинск и Удинск, а остальных распределить по более мелким прибайкальским острогам, где от них местные служилые люди ратное учение «примут». Только при этом условии воевода считал возможным отстоять русские границы и обеспечить безопасность сибирского населения⁶⁰. Даурский сын боярский И. Милованов, приехавший в Москву в феврале 1685 г., в свою очередь утверждал в Сибирском приказе, что для обороны Даурии нужно прислать из сибирских городов две—три тысячи человек⁶¹.

Правительство в ноябре 1684 г. отклонило просьбу К. О. Щербатова. Вести войну было решено силами Сибири, но в сибирские города направлялись опытные офицеры «иноземного строя» для обучения новых пополнений и увеличивались поставки вооружения⁶². В марте 1685 г. из Москвы в Тобольск прибыл полковник Антон Смаленберг и девять других офицеров, а в Енисейск — 20 опытных пушкарей. Тогда же в Тобольск поступила крупная партия оружия и боеприпасов. В мае и июле 1685 г. из Тобольска на восток было отправлено 500 пудов пороха и свинца, 10 пушек и 500 ядер⁶³. Энергичное, хотя и запоздавшее усиление обороны свидетельствовало о явном нежелании русского правительства поступаться Восточной Сибирью как составной частью России.

Одновременно с подготовкой к отражению маньчжурского наступ-

ления правительство принимало меры для создания более благоприятных политических условий на Дальнем Востоке. Сибирские власти в 1684 г. попытались добиться нейтралитета воинствующей группировки Очирой Саин-хана в Северной Монголии, а в Сибирском приказе рассматривался вопрос о политике по отношению к Галдану.

В феврале 1684 г. в Селенгинск поступили важные сведения о маньчжуро-монгольских переговорах и о положении в Северной Монголии. Ездивший в улус тайши Цынбена толмач Т. Афанасьев узнал от одного его приближенного, что маньчжуры послали в Приамурье многочисленные войска «очищать свои земли» и собирают им на помощь подкрепления. Далее, этот же приближенный рассказал об отъезде в Пекин по приглашению Сюань Е представителей северомонгольских феодалов для новых переговоров о совместных действиях против русских, а также о нежелании ханов и тайшей быть в том «совете» с богдыханом и воевать с Россией и о разговорах о том же «втайне» среди многих рядовых монголов. Несколько позднее русским властям стало известно о приезде к Очирой Саин-хану, Ундургэгэну и Багатур-хунтайджи посланцев богдыхана с предложением пропустить его войска через Северную Монголию к Селенгинску и Иркутску, о чем халхаские феодалы начали «думу думать». «Богдойская сила» была сконцентрирована около р. Аргуни и готова к походу⁶⁴.

Сообщение Т. Афанасьева соответствовало действительности. Между Очирой Саин-ханом и Шидишири Багатур-хунтайджи, с одной стороны, и Ундур-гэгэном — с другой, продолжались споры о политике по отношению к России. После неудачного выступления в конце 1681 — начале 1682 г. миролюбивая позиция Ундур-гэгэна, по всей вероятности, находила среди халхаских феодалов больше сторонников, а воинственная группировка Очирой Саин-хана, в свою очередь, более осторожно взвешивала свои возможности. Ундур-гэгэн в разговоре с Т. Афанасьевым даже пытался выяснить возможность выезда своего посольства в Москву. Безусловно, этот наиболее дальновидный монгольский политик трезво оценивал выгоды дружественных отношений с Россией.

Халхаские феодалы сочли для себя более безопасным воздержаться от допуска «союзных» маньчжурских войск на территорию Северной Монголии, но возможность такого допуска Очирой Саин-хан использовал для очередного дипломатического нажима. В середине апреля 1684 г. его посланцы прибыли в Селенгинск и предъявили И. П. Поршенникову ультиматум. Они сообщили о наступлении «большой богдойской силы» с артиллерией от верховьев р. Онон на Нерчинск, о согласии Очирой Саин-хана быть «заодно» с Сюань Е и поставили следующий вопрос: «Отдадите ли вы тех брацких людей или не отдадите? а про те де брацкие люди спрашивает у Саин Очирой хана богдохан: чьи де те брацкие люди, ваши или не ваши? и уметь бы де нам что богдойскому хану сказать». Ставя этот вопрос, ханский посол имел в виду бурятское население не только Забайкалья,

но и Прибайкалья. Свое дипломатическое представление он заключил угрозой: «А буде де вы тех ясачных брацких людей не отдадите Саин Очирой хану, и прежнее де наше послованье не в послованье и мирное де поставленье не в мир, а вам бы де на нашей земли не жить, и острогу вашему не стоять»⁶⁵.

Спустя месяц Очирой Саин-хан вновь предпринял дипломатический маневр, но несколько с иных позиций. «Отписка» И. П. Поршеникова о посещении Селенгинска посланником Очирой Саин-хана была получена иркутским воеводой Л. К. Кислянским 10 мая. В тот же день Л. К. Кислянский отправил гонца с сообщением об этом в Енисейск К. О. Щербатову. Через четыре дня, 14 мая, от приказчика Тункинского острога Е. Могулева в Иркутск поступило сообщение о прибытии представителей северомонгольского хана во главе с Серенчином Зорикту. Посланник объяснил свой приезд поручением Очирой Саин-хана «словесно» сообщить о наступлении маньчжурского войска «по всем верхним острогам и до Енисейска», узнать ответ царя на их запрос о выдаче западных бурят, предложить русским властям установить систему двоеданства над тункинскими бурятами и просить содействия в развитии торговли. На этот раз северомонгольские посланцы не только не афишировали свой союз с Сюань Е, но даже подчеркнули, что с маньчжурами Очирой Саин-хан не списывался⁶⁶.

Л. К. Кислянский устроил 21 мая в Иркутске нарочито торжественный прием посольства. Церемония встречи была копией в миниатюре московских дипломатических приемов. От Мельничного луга за Ангарой, где остановилось посольство, Серенчин Зорикту с двумя своими людьми и тремя сопровождавшими его казаками проследовал верхом на лошади до Ангары, где около переправы на якорях были поставлены два дощаника с пушками. Переправившись через Ангару на лодке к верхнему посаду и спешившись, посланник и сопровождавшие его лица вступили на улицу, по обеим сторонам которой выстроились со знаменами и барабанами 336 служилых, посадских, промышленных и «гулящих людей» в «цветном» платье с пиками и пищалями и 60 кавалеристов. На площади перед посольской избой стояла артиллерия. Крыльцо посольской избы и ее внутреннее помещение были обиты красным и зеленым сукном, столы покрыты коврами, лавки — полазами. Посланника торжественно встретили в сенях и провели к Л. К. Кислянскому, которого окружали служилые и приказные люди и находившиеся в тот момент в Иркутске крупные торговцы — купец гостиной сотни А. Ушаков, А. Бобровский и др.

Л. К. Кислянский поблагодарил посланника за вести о маньчжурском наступлении, напомнил ему о поражении многочисленного маньчжурского войска под Кумарским острогом в 1655 г. и, высказав твердую уверенность в непобедимости русских войск и могуществе царя, перечислил многие «государства, княжества и орды», покорные великому государю. В ответной речи посланник высказал намерение собирать, правда с ведома Л. К. Кислянского, ясак с бурят. Воевода заявил, что «невозможно то и умом подумать», и пригрозил

перспективой впредь сажать в тюрьму всех нарушителей границы. Напоследок Серенчина Зорикту попотчевали вином, одарили его обильным «кормом» и торжественно проводили. Подарки посланника — камку Л. К. Кислянский вернул и просил передать ему, что он «жалованьем пожалован и ничем не скуден, а вы де, видать, люди не-богатые»⁶⁷.

Торжественный прием, вежливое обращение и вместе с тем непреклонный тон русских властей не могли не произвести впечатления на Очирой Саин-хана. Он счел целесообразным воздержаться от военного выступления. К. О. Щербатов, получив отчет о приеме, написал Л. К. Кислянскому и впредь пресекать попытки Очирой Саин-хана претендовать на бурятское население, неуклонно напоминая ему, с одной стороны, о беспочвенности его претензий, с другой — о готовности русских властей пропускать халхаских торговцев в Селенгинск и Иркутск⁶⁸.

Нейтралитет Очирой Саин-хана в момент, когда сибирские власти прилагали все усилия для организации обороны против маньчжуров, был определенным успехом русской дипломатии. Правда, мелкие пограничные столкновения продолжались. В мае (или июне) 1684 г. был совершен набег под Еравненский и Телембинский остроги⁶⁹. Наиболее беспокойная обстановка сохранялась в междуречье Иркута и Китоа и под Тункинским острогом. Тунгусы и буряты активно помогали русским отрядам в поисках неприятеля⁷⁰.

Во внешней политике Джунгарии в начале 80-х годов Галдан начал готовить крутой поворот, стремясь осуществить свои планы по созданию объединенного монгольского государства. Это вызвало беспокойство маньчжурского двора, который с 1683 г. стал занимать все более жесткую позицию в отношении джунгарского хана, что проявилось прежде всего в ограничении джунгарской торговли на территории Китая⁷¹.

В то же время Галдан не ставил в известность русское правительство относительно возможных осложнений в Центральной Азии. При всем нежелании русского правительства вмешиваться в монгольские дела оно, конечно, обратило бы внимание на ухудшение отношений между Китаем и Джунгарией. Между тем сообщения сибирских воевод и решения Сибирского приказа говорят о том, что оно в 1683—1684 гг. не имело сведений о намерениях Галдана. Более того, в Сибирском приказе не исключали возможности одновременного выступления Сюань Е, Очирой Саин-хана и Ереняка, которого поддерживал Галдан. Впервые эта мысль была высказана красноярским воеводой Д. Г. Загряжским в 1678 г.⁷² Еще более определенно об этом писал в Москву в конце лета 1684 г. енисейский воевода К. О. Щербатов⁷³. Его мнение подкрепило сложившееся в Сибирском приказе убеждение во враждебности Галдана. В грамоте от 1 октября 1684 г. тобольскому воеводе П. С. Прозоровскому было сообщено о намерении маньчжурского правительства действовать совместно с монгольскими ханами и Ереняком⁷⁴.

Убеждение во враждебности Галдана, по-видимому, окрепло после отъезда из Москвы джунгарского посольства Баянбека и Аюки в 1678 г. Когда в конце 1680 г. в Тобольск от Ямыш-озера прибыло очередное посольство Абдул Экера, то русское правительство сначала не хотело его пропускать в Москву. В столицу оно приехало только весной 1682 г. и оказалось свидетелем дворцового переворота и выступления стрельцов. В сентябре 1682 г. Абдул Экер отбыл из Москвы и на 120 подводах увез закупленные товары. После его отъезда в Сибирском приказе было решено пропускать джунгарские посольства в столицу только один раз в четыре года, а с приезжающими джунгарскими представителями вести переговоры в Тобольске. Официальным поводом для этого ограничения послужила незаконная закупка джунгарами «заповедных товаров» — огнестрельного оружия и боеприпасов⁷⁵.

Посольство Ереняка в Москву в 1682/83 г. не рассеяло подозрительности Сибирского приказа. Летом 1684 г. Ереняк вновь активизировал свои действия, захватил ясачных людей под Кизылским острогом и угрожал набегами на Томск, Енисейск и Красноярск, причем в это же время томские служилые люди захватили приехавшего в ясачные волости джунгарского посланца Барчюка⁷⁶. Тогда же Ереняк прислал в Красноярск своего представителя Сажи, который предложил размежевать сбор ясака с племен, обитавших в верховьях Енисея, — ясак с качинцев и аринцев передавать Галдану, а ясак с байкотовцев и «каменных мотор» — русским властям⁷⁷. Если учесть, что качинцы и аринцы обитали непосредственно около Красноярска, то намерение Ереняка станет ясно. Особенно русское правительство было раздосадовано, когда узнало, что джунгарский посланник зайсан Абдул Экер, оказавшийся свидетелем «смуты» в Москве, говорил в Джунгарии про Русское государство «многие поносные речи», а затем, вероятно в составе посольства Галдана, ездил в Китай. В результате в декабре 1685 г. тобольским воеводам было велено вообще не пропускать джунгарские посольства далее Тобольска, да и там с ними не вести длительных переговоров⁷⁸.

Между тем Галдан попытался использовать в своих интересах агрессию маньчжурского правительства против России. Его посланцы стали появляться в Иркутске. В конце августа 1683 г. они вежливо осведомлялись о царском здоровье⁷⁹. С более важной миссией 8 ноября 1684 г. приехали в Иркутск посланник Галдана Мэргэн Косючей и посланник его матери Мэргэн Баахан. С ними же пришел большой торговый караван. Л. К. Кислянский торжественно встретил посланников. Это посольство явно имело целью произвести дипломатический зондаж, причем участие в нем представителя матери Галдана повышало его значение.

Посланцы передали, как обычно, подарки и два «листа», один от Галдана, другой — от его матери. «Лист» от Галдана был написан по-тибетски, и иркутские толмачи не смогли его перевести. «Лист» от его матери «калмыцкого письма» был переведен. Он содержал

прямой намек на общность внешнеполитических интересов России и Джунгарии. В «листе» писалось, что послан он «с добрым делом», и высказалось пожелание «царской светлости» о войне с маньчжурами, «которые недруги наши, одолеть их и дело сделать». Посланцы дали понять, что у них нет полномочий для предъявления конкретных предложений, и перевели разговор на более их интересовавшую тему. Они передали, что Галдан «слышал» о людях великого государя «в дальнющей стороне, близко Китайского государства».

Л. К. Кислянский, беседуя с ними, пространно рассказал об обширности владений России в Сибири, вплоть до Охотского моря и Амура, и спросил, не известно ли в Китае о посылке на Амур русских «больших сил». Посланцы вежливо удивились размерам владений России и подтвердили, что зимой 1683/84 г. в Китае стало известно о посылке русских ратных людей на Амур, куда и маньчжуры направили подкрепление в 2000 человек⁸⁰. Сообщение Мэргэн Косючая о получении маньчжурами военных сведений из русских пределов вскоре удалось проверить. Пойманные перебежчики сознались в том, что они спешили сообщить халхаским тайшам о подходе к Забайкалью отряда А. И. Бейтона⁸¹.

В этот трудный момент подавляющая часть сибирского ясачного населения сохранила верность Русскому государству. Когда илимский воевода И. А. Змеев в 1684/85 г. послал в ясачные улусы сына боярского «братской породы» В. Кужумова, чтобы убедить бурят стоять заодно с русскими людьми, то получил заверение в их полной поддержке⁸². Ясачное население само просило у русских властей защиты, служило проводниками, выдавало изменников, сплошь и рядом доносило о действиях неприятеля и участвовало непосредственно в боевых действиях. Чтобы подтвердить свою лояльность, в июне 1684 г. «князец» Гантимур со своим старшим сыном Катанаем выразил желание креститься. Их крещение и поверстание в службу имели очень большое значение, так как вследствие этого притязания маньчжурского двора окончательно лишились оснований.

Вскоре нерчинский воевода И. Е. Власов срочно отправил Гантимура и Катаная в Москву с сыном боярским И. Миловановым. Старик Гантимур (в крещении Петр) не выдержал трудного пути и умер в Нарыме. Его сын Катанай (Павел) благополучно достиг Москвы, где его одарили дорогим оружием и одеждой и в марте 1685 г. отправили назад с подарками для 12 братьев и 9 сыновей. В Москве Павел Гантимуров вновь подтвердил, что в ином подданстве, кроме русского, он не был, и просил защитить его род и улусных людей от маньчжуров и монголов. Енисейскому воеводе С. А. Собакину 16 марта 1685 г. было указано выстроить Павлу Гантимурову в Нерчинске дом и от маньчжуров охранять с особенным «радением»⁸³. Русское правительство придавало настолько большое значение Гантимуру, что сохранило за ним и его потомками княжеский титул и записало их в состав российского дворянства по наиболее привилегированному московскому списку. Кажется, это был единственный случай официального

включения представителей родоплеменной верхушки Восточной Сибири в состав дворянства России.

Таким образом, действия цинского правительства поставили перед русским правительством трудные военные и дипломатические задачи. После захвата маньчжурскими войсками бассейнов Зеи и Буреи создавалась угроза для русских позиций не только на Амуре, но и на побережье Охотского моря и в Якутии. Доставка подкреплений и оружия на Дальний Восток требовала много времени, и к 1685 г. русским властям не удалось восполнить убыль ратных людей в Забайкалье и Сибири. Сибирская администрация смогла использовать противоречия между халхаскими феодалами и удержать Очирой Саинхана от прямой военной поддержки Сюань Е, но позиция Галдана оставалась неясной и внушала большие опасения. Русское правительство даже допускало возможность образования сплошного фронта от Западной Сибири до Амура. Аборигенное сибирское население почти повсеместно выступало за сохранение российского подданства. Со своей стороны, сибирские власти по отношению к нему проводили в это время довольно гибкую политику. Факты «шатости», или попросту измены, расследовались с большой осмотрительностью, чтобы ясачных людей «большим страхом прочь не отогнать». Впрочем, таких случаев было немного и объяснялись они индивидуальными или сугубо частными причинами. Чаше дело ограничивалось слухами о «шатости», вызванными страхом вражеского вторжения.

Глава 4

ОБОРОНА ПРИАМУРЬЯ И ЗАБАЙКАЛЬЯ (1684—1689 гг.)

§ 1. Оборона Албазина. Первое наступление войск Очирой Саин-хана в Забайкалье

В работах русских историков XIX—начала XX в. история маньчжурской агрессии сводилась только к описанию военных действий на Амуре, и прежде всего — осады Албазина¹. Действительно, Албазин был основой русской обороны на Амуре, и многое зависело от его судьбы. Однако этим не исчерпывалась история событий на Дальнем Востоке в 80-х годах XVII в. Не менее сложная военная обстановка складывалась и в Забайкалье, где в начале 1685 г. Сюань Е удалось склонить Очирой Саин-хана и его сторонников к возобновлению военных действий. Русскому командованию приходилось обороняться за Байкалом на двух фронтах.

После захвата острогов на Зее и Селемдже маньчжурское командование решило путем кавалерийских набегов из своего укрепленного лагеря около устья Зеи уничтожить русские селения на Амуре, обеспечивавшие Албазин продовольствием, а затем осадить и взять крепость. Приказ о наступлении маньчжурских войск был отдан богды-

ханом 21 февраля 1684 г., но до июля они не предпринимали наступательных действий, и русское население на Амуре смогло беспрепятственно закончить полевые работы. Несмотря на напряженную обстановку, амурские аборигены поддерживали связь со своими родственниками за Амуром. Этим путем в Нерчинск и Албазин была доставлена весть о том, что маньчжурские войска готовились к наступлению на Нерчинск и от Науна «прочистили» через леса «дорогу немалую».

Сразу же после своего приезда в Албазин А. Л. Толбузин со второй половины мая 1684 г. начал высылать в разведку вверх по амурскому берегу кавалерийские дозоры — «проезжие станицы». В начале июля один из конных разъездов обнаружил неприятеля в непосредственной близости от Албазина; 5 июля маньчжурский отряд напал на правом берегу Амура на русскую деревню Чулково, разорил ее, захватил в плен часть населения и поспешно отступил. Остальные крестьяне с семьями бежали в Албазин, вслед за ними стали искать там спасения жители левобережных амурских деревень. В это время И. Е. Власов сообщил в Енисейск К. О. Щербатову о гибели наиболее отдаленных от Албазина русских селений. Местные русские промышленные люди не ушли на соболиные промыслы и остались в Албазине. А. Л. Толбузин собрал все окрестное русское население в крепость и ждал осады «с часу на час». Всего там собралось 120 служилых, 250 промышленных людей и 97 крестьян. До самой осени в Албазине ожидали прихода неприятеля и приступили к жатве только тогда, когда хлеб начал осыпаться и половина его пропала². По каким-то соображениям «богдойцы» осенью 1684 г. не предприняли наступательных операций и даже, вопреки указаниям богдыхана, не попытались вытоптать или выжечь русские нивы.

Наконец, в марте 1685 г. маньчжурские войска появились под самым Албазином. Кавалерийский отряд численностью до ста человек занял в трех верстах от крепости мельницу торгового человека Ф. Бурдуковского, захватил в плен ее владельца, частично перебил, а частично пленил находившихся там казаков и работников и тотчас отошел. А. Л. Толбузин на следующий день выслал к мельнице отряд казаков и вновь стал ожидать осады³. До лета 1685 г. маньчжуры больше не подходили к Албазину, и местное население «в ближних местах» поспешило засеять поля.

В начале 1685 г. русские воеводы стали получать известия о военных приготовлениях монгольских тайшей. В феврале 1685 г. приказчик Тункинского острога Е. Могулев доносил в Иркутск о намерении семи монгольских тайшей идти «войной» в Прибайкалье, и Л. К. Кислянский послал ему подмогу. В марте 1685 г. И. Е. Власов был извещен бежавшей из монгольского плена «женкой иноземкой» о намерении монгольских и табунутских тайшей с десяти тысячным войском около плотбища (Чита) не пропустить к Нерчинску пополнения, следовавшего туда с А. И. Бейтоном. И. Е. Власов послал в Удинск гонца к А. И. Бейтону, настаивая на «поспешении»⁴. Монгольские тайши действительно задержали продвижение отряда

А. И. Бейтона. В Удинск А. И. Бейтон пришел на «страстную неделю» (между 13 и 18 апреля). Неприятель тотчас угнал у него быков и табун лошадей, предназначавшихся для перевозки военного снаряжения. Тогда более 400 казаков с местными промышленниками и «гулящими» людьми и баргузинскими тунгусами (всего до 780 человек) двинулись вверх по р. Чикой отбивать скот. Около месяца занял этот нелегкий поход. Казаки вернули часть лошадей, отбили 150 голов рогатого скота, тысячную отару овец и, несмотря на преследование двухтысячного монгольского отряда, без потерь вернулись в Удинск⁵.

В первых числах июня маньчжурские разъезды вновь появились под Албазином и отогнали конный табун⁶. «Малолюдство» не позволяло А. Л. Толбузину высылать «дальние сторожи» для наблюдения за неприятелем. Поэтому, когда 10 июня 1685 г. основные маньчжурские силы берегом и на судах подошли к «нижним Албазинского острога заимкам», созвать все русское население в крепость оказалось невозможно. За два дня, 10 и 11 июня, в Албазине собралось до 450 человек — служилых, торговых, промышленных, «гулящих» людей и крестьян. Жители «верхних» деревень, бросив на произвол судьбы все свое состояние, попытались на плотах добраться до Албазина. Однако путь им вскоре преградили маньчжурские корабли. После отказа крестьян сдаться маньчжурская артиллерия открыла по плотам огонь. Русские крестьяне предпочли смерть позору; лишь некоторым из них, израненным и изможденным, удалось пробраться в Албазин⁷. Часть местных жителей ушла в тайгу.

Сюань Е еще в апреле 1685 г., перед началом осады Албазина, решил послать в Москву на имя царя грамоту с условиями мира. Три экземпляра ее (на русском, латинском и китайском языках) 11 июня передали А. Л. Толбузину отпущенные из плена промышленные люди Ф. Тельный и Г. Дмитриев⁸. Одновременно такие же грамоты ушли в Якутск, через Северную Монголию в Селенгинск и через Джунгарию в Тобольск. Ранее других, 15 ноября 1685 г., в Москву были доставлены грамоты, посланные через Северную Монголию с казаками Я. Ивановым и Г. Фоминным. Только к концу октября 1685 г. добрались с «листами» до Красноярска трое других русских пленников — Л. Куликов, М. Сафьянчиков и И. Киселев⁹. Сюань Е, призывая жить «в совете», «без драки и без войны», «торги меж собою торговати и послы посылать», соглашался отозвать свои войска из-под Албазина при условии ухода русских с Амура и установления границы на рубеже около Якутска или в «ином месте» и до Енисейска¹⁰.

Другими словами, маньчжурский двор претендовал на всю Восточную Сибирь. Уверенность, с какой эти ультимативные условия предъявлялись России, объяснялась тем, что маньчжуры знали о своем абсолютном численном превосходстве и надеялись на успех Очирой Саян-хана в Забайкалье. О согласованности действий маньчжурских войск и северомонгольских тайшей свидетельствует одно-

временность их наступления. Маньчжуры подошли к Албазину 10 июня, а степняки осадили Селенгинск 11 июня 1685 г. И. П. Поршенников, успевший собрать для защиты острога сотню ратников, писал в Енисейск: «От мунгалские силы... большого страху не имеем, страшит нас богдойская сила, потому что нас в Селенгинску конечное малолюдство, порохом и оружием скудно»¹¹. Монгольские отряды ограничились блокадой Селенгинска и Удинска и не рискнули на штурм их¹². Слухи о вступлении маньчжурских войск в Северную Монголию не оправдались. Халхаские феодалы по-прежнему не решались на этот шаг и, возможно, согласились только послать в Китай свои войска для обучения. Приехавшие из Китая торговые бухарцы рассказывали в Сибири, что видели недалеко от Пекина, как маньчжурские инструкторы обучали лучному бою какой-то пятитысячный отряд монголов¹³.

Труднее складывалась обстановка под Тункинским острогом, прикрывавшим дорогу на Иркутск. За неделю до осады Селенгинска, 5 июня 1685 г., Л. К. Кислянский писал К. О. Щербатову о внезапной осаде, «изгоном», десяти тысячным отрядом Цэцэн-нойона и Шиптар-батура Тункинского острога, в котором было всего лишь 43 казака. Осада длилась месяц. Казаки выдержали трехдневный ожесточенный штурм, потеряли троих убитыми и шестерых пленными, ходили на вылазку, но острог отстояли. Л. К. Кислянский вооружил иркутских посадских людей и крестьян, пополнил ими малочисленный местный гарнизон и со сводным отрядом в 120 человек двинулся на помощь острогу. Цэцэн-нойон не стал дожидаться подхода Л. К. Кислянского и снял осаду. Все участники обороны Тункинского острога были награждены отрезами кумача, а Л. К. Кислянский — серебряным ковшом, соболями и китайскими тканями¹⁴.

Новая неудача тайшей объяснялась не только их неумением осаждать остроги, защитники которых были вооружены огнестрельным оружием. Сторонник мира с Россией, Ундур-гэгэн вскоре направил к И. П. Поршенникову своего посланца и, вновь удостоверившись в решимости русских властей «не выдавать» бурятское население, отозвал свои отряды в Северную Монголию. Более того, он добился у Цэцэн-нойона передачи ему русских пленных, захваченных под Тункинским острогом, и демонстративно вернул им свободу.

На Амуре же обстановка с каждым днем все более ухудшалась. А. Л. Толбузин успел послать 10 июня гонцов в Нерчинск с просьбой о помощи, а 12 июня Албазин уже находился в полной осаде. И. Е. Власов получил извещение 22 июня. Он тотчас вооружил находившихся в Нерчинске промышленных людей и довел свои ратные силы до 330 человек. Тогда же, 14 июня, из Аргунского острога к нему пришло сообщение, полученное от ясачных людей, о скором выступлении из Науна к Нерчинску 8900 маньчжурских солдат. Тем не менее 23 июня из Нерчинска на помощь албазинцам отплыл на 11 стругах отряд в 100 человек с двумя пушками и тремя затынными пищальями, во главе которого стоял Анцифор Кондратьев¹⁵.

Маньчжуры, готовясь к штурму, в 150 саженьях от Албазина расставляли артиллерию, плетеные туры и щиты, копали земляные валы. Первоначально А. Л. Толбузину показалось, что маньчжурская армия, подошедшая под Албазин на 100 бусах, насчитывала свыше 10 тыс. человек при 200 пушках, из них 50 «проломных». Захваченный в плен китаец уточнил эти данные: в армии маньчжуров было 4200 человек, в том числе 1200 «работников», 30 больших и 15 малых пушек. Кроме того, берегом прибыли 1000 кавалеристов. Подавляющая часть неприятельских солдат были вооружены луками и только 100 человек — пищалями, захваченными в русских острогах. Противостояло им 450 защитников Албазина, на вооружении которых находились три пушки и 300 ручных пищалей.

Отвергнув предложение о сдаче, А. Л. Толбузин попытался усилить крепостные укрепления и начал ставить на валу вторую, внутреннюю стену¹⁶. Дней через десять после начала осады маньчжурская армия начала штурм Албазина. Командование войсками было поручено Пэнчуню, а Лантань находился при нем как доверенное лицо Сюань Е. Отдельный отряд на бусах был поставлен на Амуре на случай подхода русских подкреплений из Нерчинска. Маньчжурские лучники, окопавшиеся вдоль берега Амура, должны были отвлекать внимание защитников острога. По стенам Албазина, стоявшим перпендикулярно к Амуру, велся артиллерийский огонь, а заднюю стену маньчжуры намеревались штурмовать, предварительно разрушив ее скрытно поставленными голландскими пушками¹⁷.

Когда маньжурская артиллерия открыла огонь, стало ясно, что Албазин укреплен слишком слабо. За день бомбардировки маньчжурам удалось уничтожить во многих местах верхние и нижние «бои» (амбразуры) и разбить одну пушку. Двадцатифунтовые ядра «богдойцев», по словам защитников крепости, «сквозь острог проходили». Албазинские служилые люди, крестьяне и промышленные люди «нешадно» отбивали приступ и погибали на рушившихся стенах. «Огненными» стрелами маньчжурским лучникам удалось поджечь хлебные амбары, дворы и церковь с колокольней. К концу первого же дня штурма в Албазине погибло более 100 защитников. Маньчжуры потеряли до 150 человек, но не смогли ворваться в крепость.

На следующий день Лантань приказал накидать под стены кучи дров и зажечь их. Но возможности обороны в полусожженном Албазине были исчерпаны; запасы ядер, пороха и свинца кончились. А. Л. Толбузин вынужден был начать переговоры. Он просил три дня для обсуждения предъявленных условий сдачи: передачи острога и свободного ухода его защитников с оружием и пушками. Последнее условие преследовало особую цель. Обычно маньчжуры не щадили сдавшихся. В данном случае богдыхан не хотел ожесточать русских, стремясь сохранить возможности для завершения агрессии выгодным дипломатическим соглашением¹⁸. Лантань отклонил просьбу русского воеводы и потребовал немедленного принятия условий, в противном случае угрожая возобновлением бомбардировки

крепости. Во время переговоров маньчжуры «рекомендовали» русским идти в Якутск, «страшая» их совместным маньчжуро-монгольским наступлением на Нерчинск, Еравненский, Телембинский и Селенгинский остроги вплоть до Байкала и Иркутска. Тогда А. Л. Толбузин вывел своих людей из Албазина.

Маньчжуры тотчас нарушили условия договора. Они отвели всех русских в свой обоз, отобрали пушки, все личное имущество, скот и «прельстили» более 50 человек в свое подданство. Через четыре дня пленные были отпущены, и А. Л. Толбузин по берегу Амура и на небольших стругах повел уцелевших защитников Албазина, женщин и детей в Нерчинск. Испытывая недостаток в лодках и продовольствии, А. Л. Толбузин в устье р. Урум отпустил 120 человек в Якутск, а сам с остальными людьми двинулся дальше вверх по Амуру. По пути к нему присоединялись крестьяне, скрывавшиеся в тайге. Маньчжурское войско шло следом за русским отрядом. В устье р. Аргуни А. Л. Толбузин оставил казачий пост наблюдать за дальнейшим продвижением неприятеля, а сам пошел по р. Шилке, где вскоре встретился с отрядом А. Кондратьева. В ночь на 3 июля казак Г. Фомин привез И. Е. Власову весть о падении Албазина и отступлении А. Л. Толбузина. Через неделю, 10 июля, до Нерчинска добрался и А. Л. Толбузин, с которым пришли оставшиеся в живых албазинцы — 324 мужчины и 312 женщин и детей.

Часть отряда А. Л. Толбузина, двинувшаяся в Якутск, добралась туда более чем через месяц¹⁹. Сообщение об этих событиях дошло до Енисейска к 28 августа, а в Москву — только 13 марта 1686 г. Одновременно в Москву был доставлен и пленный китаец Уонцыя²⁰.

Падение Албазина было одним из самых критических моментов обороны Приамурья. Лантаню было приказано скосить весь хлеб, посеянный русскими на амурских берегах, и оставить там маньчжурское войско²¹. Наступать на Нерчинск сразу же после взятия Албазина маньчжуры не решились. Однако под Нерчинск непрерывно подходили монгольские отряды, угоняли скот, грозили русским скорым появлением маньчжурских войск и, запугивая местных ясачных людей, запрещали им платить ясак. В июле — августе 1685 г. чемагиры и карануты осаждали Аргунский острог, перебили более 30 окрестных ясачных тунгусов, нанесли потери гарнизону и угнали весь скот. Такие же набеги совершались на Телембинский острог.

В Забайкалье, несмотря на уход степняков из-под Селенгинска и Удинска, тревожная обстановка сохранялась до августа²². В августе «крайние тайши, Кукановы дети» вступили в контакт с И. П. Поршенниковым. Они отрицали свое участие в нападениях на русские владения, но от предложения прислать посланцев для урегулирования отношений уклонились, выжидая окончания совета, который проходил у Очирой Саин-хана с другими северомонгольскими феодалами. По всей вероятности, в это время обстановка внутри самой Северной Монголии осложнилась и возникли серьезные противо-

речия с Джунгарией. В сентябре 1685 г. И. П. Поршенникову от посланцев пяти «крайних тайшей» стало известно об уходе в Джунгарию племянника Контазея-тайши с улусом в тысячу человек и о сборе по приказу Ундур-гэгэна и Очирой Саин-хана войска для погони за ним²³.

Интересную информацию в октябре 1685 г. передали прибывшие в Иркутск джунгарские посланцы. Слухи об отъезде из Москвы К. О. Хлопова с ратными людьми достигли Китая и Халхи, и северо-монгольские ханы стали опасаться русской рати²⁴. В самом конце 1685 г. И. П. Поршенников послал Г. Афанасьева для «торжишка» к Ундур-гэгэну и Очирой Саин-хану; при переговорах с их стороны вновь последовали требования об «отдаче» им бурятского и тунгусского населения Забайкалья. Очирой Саин-хан обещал поступить «нечестно», но дальше угроз не пошел²⁵.

В это же время маньчжуры прилагали большие усилия к тому, чтобы поднять восстание тунгусов и овладеть побережьем Охотского моря. После взятия Албазина в Удской острог был послан богдыханский «лист» с требованием к русским уйти в Якутск и поставить там свой «рубеж»²⁶. Во второй половине 1685 г. маньчжуры попытались утвердиться в верховьях р. Уды²⁷. Это встревожило якутского воеводу М. О. Кровкова, и в июле 1685 г., получив последнюю «отписку» А. Л. Толбузина о намерении маньчжуров «учинить рубеж» на р. Лене, он начал готовить Якутск к обороне²⁸. Несмотря на подарки маньчжуров и их обещание не брать аманатов, основная часть местного тунгусского населения не выступила против русских и даже просила у приказчиков Охотского острога защиты от своих же «немирных» соплеменников²⁹.

Таким образом, расчеты Сюань Е на наступление своих северо-монгольских сторонников и восстание тунгусов Приохотья не оправдались. Сами маньчжуры не смогли развить наступление после захвата Албазина. Вопреки опасениям русских властей в Нерчинске далее устья Аргуни маньчжурское войско не продвинулось.

Накануне прихода в Нерчинск отступавших албазинцев, 9 июля 1685 г., туда наконец явился со своим отрядом А. И. Бейтон. Повторно нападать на него степняки не рискнули, и от Удинска его отряд в 447 человек с тремя легкими пушками дошел до Нерчинска без осложнений. Остальные 126 человек с оставленными зимой 1684/85 г. на Ангаре пушками и боеприпасами прибыли в Нерчинск несколько позднее³⁰. Спустя пять дней И. Е. Власов отправил в разведывательный поиск вниз по Шилке на пяти стругах отряд десятника Я. Телицына в 70 человек. Ему было приказано «с великой осторожностью» дойти до Амура, разведать расположение неприятельских войск и непременно добыть «языка». В устье Аргуни ясачные люди сообщили Я. Телицыну об отходе маньчжурского войска вниз по Амуру. Отряд двинулся дальше и дошел до разоренного Албазина. Неприятель отступил и оттуда.

На пепелище Албазина казаки захватили китайца Уонцыся

(Ван Цыша?). Его отец, рулевой на бусе, посадил судно на камни и был казнен. Опасаясь такой же участи для себя, Уонцыся бежал из маньчжурской армии и собирался просуществовать около Албазина, где осталось много «русского запаса». Он сообщил Я. Телицыну неожиданную новость: маньчжурские воеводы получили приказ «наспех, днем и ночью» отступать от Албазина к Науну и «китайским же людям к Албазинскому вскоре никоим делом быть не возможно, для того что велено начальным людям с войском, которые были под Албазинским острогом, быть в Китае тот час, потому что де никанские люди на китайского царя идут войной»³¹. По его же словам, маньчжуры оставили в своем городке около устья Зеи лишь гарнизон в 500 человек. Как утверждает В. С. Мясников, сообщение Уонцыся о войне маньчжуров с «никанскими людьми» (т. е. китайцами) не соответствовало действительности, так как восстание У Саньгуя было подавлено в 1683 г., и возвращение их армии из-под Албазина было запланировано заранее³². Однако поспешность, с которой оно осуществлялось, все же имела какие-то причины, остающиеся до сих пор неясными. С этим важным сообщением Я. Телицын 7 августа и вернулся в Нерчинск.

С уходом маньчжурской армии обстановка на Амуре изменилась. И. Е. Власов, не теряя времени, тотчас принял решение занять Албазин, чтобы «не потерять... Даурской земли и побежной из Нерчинска славы не учинить». Особое значение имело то обстоятельство, что маньчжуры не успели уничтожить засеянные поля. По плану И. Е. Власова А. Л. Толбузин первоначально должен был построить «малую крепость» и «из-за нее хлеб снимать», без которого албазинский гарнизон не мог просуществовать. Нерчинск сам снабжался «хлебными запасами» из Прибайкалья, и доставлять их далее, в Албазин, было крайне трудно.

«Для обережения» хлебных полей из Нерчинска был выслан отряд в 198 человек во главе с А. И. Бейтоном, а вслед за ним «побежал» вниз по Амуру и сам А. Л. Толбузин с отрядом в 316 человек. 27 августа А. Л. Толбузин достиг Албазина. К осени 1685 г. в Албазине собралось 514 казаков и 155 крестьян и промышленных людей. В Нерчинске у И. Е. Власова осталось 173 ратника, не считая казаков в Аргунском, Телембинском, Еравненском и Иргенском острогах; кроме того, ожидался подход 126 казаков А. И. Бейтона, задержавшихся на Ангаре из-за трудности перевозки пушек и боеприпасов. К началу 1686 г. в Албазине насчитывалось уже 725 человек, а в Нерчинске и ближайших к нему острогах — 340 служилых и 100 промышленных людей. Всего, таким образом, к 1686 г. для обороны Приамурья было стянуто свыше тысячи ратных людей, число которых в случае необходимости могло быть увеличено за счет промышленных людей и крестьян.

Основную часть урожая (более чем с тысячи десятин) А. Л. Толбузину удалось снять; из-за позднего осеннего времени не успели убрать хлеб лишь на наиболее отдаленных заимках. Одновременно

заготавливался лес на «дворовое и городовое строение», восстанавливались дворы, а главное — началась постройка мощной земляной крепости, которой не были бы страшны «богдойские ядра».

По мнению И. Е. Власова, Албазин следовало возводить чуть ниже «старого острожного места», где удобнее копать колодцы. Однако казачий круг, собранный А. Л. Толбузиным для обсуждения этого вопроса, высказался за восстановление Албазина на старом месте. Земляные стены ставились шириной в четыре сажени; до заморозков албазинцы успели вывести стены на 1,5 сажени в высоту. Деревянный «образец» (модель) острога А. Л. Толбузин выслал в Москву. Крепость строилась в виде прямоугольника, вытянутого вдоль Амура. Стену вдоль амурского берега предполагалось усилить башней, чтобы препятствовать подходу неприятельских судов к самой крепости³³.

В работе авторов XIX в., которые осматривали остатки Албазина, этот острог описывался по-разному. Н. Я. Бичурин, посетивший развалины Албазина в начале XIX в., писал: крепость «составляла четвероугольник, имевший до 60 русских сажен в поперечнике, что и ныне можно приметить по земляному с трех сторон валу, окруженному рвом с тремя выходами из крепости. С наречной стороны крутой и вала не видно»³⁴. По утверждению С. В. Максимова, в 50-х годах XIX в. плававшего по Амуру, на месте Албазина прекрасно сохранились остатки земляных укреплений, построенных сначала даурами, затем Е. П. Хабаровым, Н. Р. Черниговским и А. И. Бейтоном, а в стороне от крепости — Лантанем. По словам писателя, площадь крепости была настолько велика, что внутри земляного вала, имевшего четыре сажени в основании и три сажени в высоту, размещалась современная станица в 40 дворов; недалеко от берега находились остатки, по-видимому, колодца, а на горе — порохового погреба, выложенного кирпичом³⁵.

Более подробно описал руины Албазина военный инженер Д. И. Романов. «Албазинский острог, грозно возвышаясь над рекой, соседними островами и противоположным берегом, господствует в то же время и над окружающею местностью», — отмечал он. По его наблюдениям, острог «имел вид четырехугольника или квадрата, которого одна сторона шла вдоль гребня набережного обрыва, две боковые примыкали к ней под прямыми углами, с тылу ограничивала их четвертая сторона, образуя с боковыми также прямые углы. Длина каждой стороны, или фаса, этого острога, или редута, была до 40 сажен, верхняя ширина вала — в нынешнем его состоянии от 17 до 30 фут, глубина осыпавшегося рва — от 4 до 6 фут. По этим размерам надобно предполагать, что настоящая профиль этого острога была весьма сильна. По сохранившимся до нашего времени древним сказаниям, земляной вал острога, в последнюю эпоху его существования, имел 4 сажени толщины и 3 сажени вышины; и этому можно поверить, судя по существующим остаткам». Посередине стен острога, по-видимому, возвышались деревянные башни. Эти сооружения, при-

крытые снаружи валом и рвом, остатки которых еще различались в XIX в., обеспечивали фланговую оборону. У внутренней стороны набережной, около южного угла крепости, сохранились признаки колодца или родника³⁶.

Выведа из-под Албазина свои войска, маньчжурское правительство тем не менее продолжало укреплять коммуникации между Гирфином и Айгунем и усиливать укрепленные лагеря на Амуре. Маньчжурские воеводы в Айгуне вскоре узнали о возвращении русских в Албазин и попытались уничтожить восстанавливаемые русские селения. Уже осенью 1685 г. А. Л. Толбузин сообщил И. Е. Власову об активности кавалерийских разъездов противника. А. Л. Толбузин сразу же перешел к активной обороне. Из Нерчинска в Албазин было доставлено несколько сот лошадей. Всякий раз, когда «отъезжие караулы» сообщали о появлении неприятеля, ему навстречу высылались под командой А. И. Бейтона кавалерийские отряды. Выдвинутый 25 сентября из Албазина к Погромной речке «отъезжий караул» 2 октября имел бой с неприятелем. 100 казаков, подошедших к нему на помощь, не смогли догнать маньчжуров и вернулись назад. Спустя две недели, 14 октября, маньчжуры переправились через Амур, напали на Лавкаевском лугу на Покровскую слободу, перебили и пленили часть населения и сожгли необмолоченный хлеб. Начавшийся ледоход помешал казакам, прибывшим в слободу через несколько дней, настигнуть врага.

Вполне вероятно, что тогда же произошло нападение на Вяткину деревню. В начале ноября, получив сообщение караула, отступившего из Шингаловской заимки, о подходе маньчжуров, А. И. Бейтон с 200 казаками нагнал и разбил их у Монастырской заимки, одновременно захватив табун лошадей. Маньчжурской коннице пришлось уходить «крепкими лесными местами». 25 ноября маньчжуры вновь подошли «с низу» Амура к Шингаловской заимке, захватили «языков» и ушли, хотя А. И. Бейтон со 150 казаками их преследовал двое суток «днем и ночью». 1 февраля крупный маньчжурский отряд в 500 человек подошел к Албазину и разорил в десяти верстах от него Большую заимку. Снова русская кавалерия ходила в погоню. Еще в декабре 1685 г. от захваченного шпиона стало известно о намерении маньчжурского командования летом 1686 г. вновь осадить Албазин. Чтобы проверить это важное сообщение, А. И. Бейтон с 300 кавалеристами в марте 1686 г. совершил смелый поиск вниз по Амуру. На р. Кумаре он из засады «наехал» на маньчжурский отряд и разбил его. Взятый казаками «язык» подтвердил сведения о подготовке в Айгуне к новому наступлению на Албазин³⁷.

Весной 1686 г. маньчжурские отряды перестали появляться в районе Албазина. Русские крестьяне успели восстановить некоторые селения, завезли из Нерчинска скот и засеяли более 500 десятин пашни.

В июне 1686 г. Сюань Е отдал приказ о выступлении войск³⁸, а в начале июля вновь начались тяжелые бои за Албазин. Русские «отъезжие караулы», выдвинутые от Албазина вниз по Амуру, столк-

нулись с передовыми частями маньчжурской армии и вовремя сообщали о ее наступлении. Почти все население успело укрыться в крепости. Строительные работы к этому моменту были почти закончены, колодец выкопан³⁹. Артиллерия крепости состояла из мортиры («верховой пушки»), стрелявшей пудовыми ядрами, восемью пушек и трех затинных пищалей; в пороховом погребе хранилось более 112 пудов пороха и 60 пудов свинца. Муки из урожая 1685 г. должно было хватить до лета 1687 г. Табун лошадей в 500 голов албазинцы отогнали в тайгу. А. Л. Толбузин, по-видимому, считал, что крепость в состоянии выстоять. Он послал к И. Е. Власову гонца и просил поддержать его только «легкими людьми». Всего в Албазине собралось 826 защитников.

Пятимесячная оборона Албазина, начавшаяся 7 июля 1686 г., по праву занимает почетное место в истории русской военной славы. Осадная армия подошла к русской крепости по амурскому берегу и «водяным путем» на 150 бусах. Она насчитывала до 5 тыс. человек при 40 пушках. Богдыхан приказал Лантаню после взятия Албазина сразу же наступать на Нерчинск, захватить его и вернуться зимовать к Албазину. Для обеспечения дальнейшего наступления маньчжуры пригнали к Албазину до трех тысяч лошадей⁴⁰. Перед осадой Лантань вновь передал в Албазин грамоту с требованием уйти с Амура и в дальнейшем постоянно засылал в крепость «прелестные письма». Однако все попытки поколебать стойкость албазинцев оказались тщетными. Гарнизон решил обороняться до конца: «Един за единого, голова в голову, а назад де без указа нейдём»⁴¹.

В момент подхода маньчжурской армии к Албазину А. Л. Толбузин попытался не допустить высадки неприятеля с судов около самой крепости и сделал внезапную вылазку. Русский отряд во главе с А. И. Бейтоном, поддержанный из крепости ружейным и пушечным огнем, по свидетельству китайского источника, действовал настолько энергично, что Лантань лично вынужден был наводить порядок в своих войсках⁴². Как и во время первой осады, маньчжуры сразу же постарались отрезать Албазин от Нерчинска и поставили свои суда выше крепости, чтобы воспрепятствовать подходу подкреплений. Через неделю после начала осады Лантань начал штурм. Маньчжуры пошли на приступ с приречной и северной сторон. А. Л. Толбузин ответил вылазкой, и сами маньчжуры признали, что «сколько во всю ту ночь до рассвета наши приступ не чинили, однако города за крепостью разбить не могли»⁴³.

Когда спустя два дня маньчжуры стали окапываться вдоль амурского берега, А. Л. Толбузин и А. И. Бейтон воспользовались утренними густыми туманами и попытались сбросить противника в реку. Четыре дня русские вели бой у приречной стороны за выход к берегу. Маньчжурам удалось отбить их вылазки, возвести земляной вал и поставить батареи⁴⁴. Казаки из «отъезжего караула», не успевшие попасть в Албазин и наблюдавшие за ходом сражения, повелись потом в Нерчинске: «А был де у них, богдойских людей, в одно вре-

мя приступ к Албазину большой и стрельбы из пушек из города, и в дыму де города и людей не видеть было; и не можа они, неприятели, ничего сотворить, отступили прочь и стоят под городом за турами»⁴⁵. На пятый день боев А. Л. Толбузин был тяжело ранен ядром и через четыре дня скончался. Командование крепостью принял Афанасий Бейтон. Своими дальнейшими успехами защитники Албазина во многом обязаны этому смелому и распорядительному человеку⁴⁶.

Лантань вынужден был признать стойкость русской обороны и неудачу штурма. Известив об этом «скорыми гонцами» богдыхана, он получил приказ продолжать осаду и выморить защитников голодом, жаждой и холодом⁴⁷. 19 августа И. Е. Власов на стругах послал из Нерчинска под Албазин в разведку сына боярского Г. Лоншакова с 70 казаками. Отряд сумел скрытно подойти к Албазину. В окрестностях острога к отряду присоединились 20 казаков и крестьян, не успевших сесть в осаду. Маньчжурское войско, плотно обложив Албазин, выставило многочисленные караулы, и разведчики не смогли ни добыть «языков», ни сообщить осажденным о готовившейся подмоге. Однако они сумели разглядеть, что в Албазине сохранялся боевой порядок и особых повреждений не было заметно, хотя неприятельская артиллерия непрестанно вела огонь с трех сторон по стенам и башням крепости⁴⁸. Больше никаких сведений об Албазине в Нерчинск не поступало до начала ноября.

В октябре к началу ледохода маньчжуры увели свои суда в затоны, чем и воспользовался А. И. Бейтон. Во время ледохода, в ночь на 12 октября, трое смельчаков — казаки И. Бузунов, В. Бакшеев и Я. Мартынов — сумели выбраться из Албазина и отплыть на лодке. Лавируя между льдинами, они проплыли четыре версты. Затем лодку раздавило льдом, и они высадились на остров. Спустя неделю, когда Амур стал, казаки двинулись дальше берегом. К 10 ноября они добрались до Нерчинска и рассказали о состоянии крепости и положении ее защитников. До октября гарнизон Албазина пять раз предпринимал вылазки в стан врага, уничтожил до 150 цинских солдат, потеряв 65 человек. Провианта в крепости хватало, но ощущался недостаток в воде, топливе и противочинготных средствах: от цинги умерло уже 50 человек.

После неудачи первого штурма маньчжуры усилили земляные работы. По сообщению разведчиков, маньчжуры провели траншеи и в 150—200 саженях от крепости соорудили вал с бойницами и четыре «раската» для артиллерии. За одним «раскатом» стояла батарея из 15 «ломовых» пушек. Для защиты вала маньчжуры построили редуты, а с тыла его выкопали ров. Одну батарею Лантань поставил на о. Арбун, против набережного фаса Албазина⁴⁹. Около Албазина появились четыре земляных «городка», где разместились цинские солдаты. Выше крепости — пристань, а напротив ее, за Амуром, — лагерь, укрепленный валом.

После неудачных приступов во второй половине июля маньчжуры предприняли новый штурм на «Семенов день», т. е. 1 сентября, за-

кончившийся также безрезультатно. Возможно, именно тогда они попытались взорвать крепостной вал посредством подкопа, который был обнаружен и во время вылазки уничтожен казаками⁵⁰. Наконец, в октябре Лантань, армия которого увеличилась до 10 тыс. человек, начал последний ожесточенный штурм. Маньчжуры соорудили два вала из «смоля» и сырого дерева, которые они, по-видимому, хотели подвести под самые стены крепости, а затем зажечь. Казаки во время вылазки один из них сожгли, а под второй подвели подкоп и взорвали. Тогда маньчжуры попытались «заметать» крепость «сечеными дровами», т. е., по-видимому, завалить из катапульт ров и вал плахами. Дрова оказались весьма кстати для осажденных, сильно страдавших от недостатка топлива. Маньчжуры утверждали, что на свою последнюю вылазку албазинцы вышли «всеми своими людьми» и хотели отбить пушки. Скорее всего, ввиду надвигавшейся зимы маньчжуры пытались во что бы то ни стало взять Албазин, а русские, в свою очередь, стремились сорвать осаду. По утверждению казака М. Чаплина, прибывшего в декабре 1686 г. в Нерчинск, в этом бою албазинцы «побили» до 1500 цинских солдат.

В декабре 1686 г. Албазин продолжал упорно обороняться, хотя значительная часть его гарнизона в октябре — ноябре погибла. Более ста албазинцев было убито на вылазках и во время бомбардировок, более 500 из них умерли от цинги. В живых осталось 150 человек⁵¹.

Официальное отношение цинского правительства об условиях мира прибыло в Москву 15 ноября 1685 г. В декабре в Москве стало известно о падении Албазина. Тревожные вести из Даурии и притязания Сюань Е на Восточную Сибирь побудили русское правительство проявить дипломатическую инициативу и уже 26 ноября принять новые решения об обороне Сибири. По докладу Посольского приказа было твердо решено: «с китайским ханом учинить... обсылку<...> И чтоб он, хан, впредь ратных своих людей на порубежные места не посылал, а которые посланы, и тех бы свести»⁵². Вскоре, 10 декабря 1685 г., правительство царевны Софьи постановило направить в Пекин гонцами подъячих Посольского приказа Н. Д. Венюкова и И. Фаворова, бывших участников дипломатической миссии Н. Г. Спафария в Китай. В царской грамоте богдыхану обращалось внимание на неожиданность начатых военных действий, на существовавшую возможность их предотвращения дипломатическим путем, «без разлития крови и опустошения государств». Русское правительство извещало Сюань Е о своем согласии начать мирные переговоры в Албазине и о выезде туда из Москвы послов при условии установления перемирия и отвода маньчжурской армии с российской территории. Н. Д. Венюкову и И. Фаворову поручалось выяснить дальнейшие намерения пекинского двора и конкретизировать условия мира⁵³.

28 декабря 1685 г. был подписан указ о назначении стольника Ф. А. Головина великим и полномочным послом для ведения переговоров с маньчжурскими представителями на пограничном съезде. За две недели до этого, указами от 12 и 16 декабря, правительство

назначило Ф. А. Головина фактически наместником Восточной Сибири. В указах подчеркивалось: «Послать для своих дел в дальние сибирские города, в Селенгинской и Нерчинской и в иные остроги для оберегания от приходов китайских воинских людей и для договора китайского хана с начальным воеводою, который выслан будет в китайские города, которые податны к их государским городам и по славной Амуру реке <...> А которые городки, Албазинский и иные острожки, в прошлых годах китайцы разорили и пожгли, и те паки ему в тех местах завести и построить, и ратных и жилицких людей поселить и завести пашню и всякий хлеб<...> А буде китайцы в тех местах городов и острогов строить ему не дадут, и ему промышлять и радеть о том всячески»⁵⁴.

В литературе обычно рассматривалась только дипломатическая деятельность Ф. А. Головина и его роль в заключении Нерчинского договора 1689 г. Такое понимание задач, поставленных перед Ф. А. Головиным, фактически искажало позицию правительства царевны Софьи и В. В. Голицына. В конце 1685 г. оно по-прежнему не собиралось поступаться сибирскими территориями и, как видно из указов от 12 и 16 декабря, Ф. А. Головину вменялось в обязанность отстаивать русские рубежи в Восточной Сибири не только дипломатическим путем, но и «воинским промыслом». Для организации обороны ему передавалась власть над огромной территорией Иркутского, Нерчинского и Албазинского уездов.

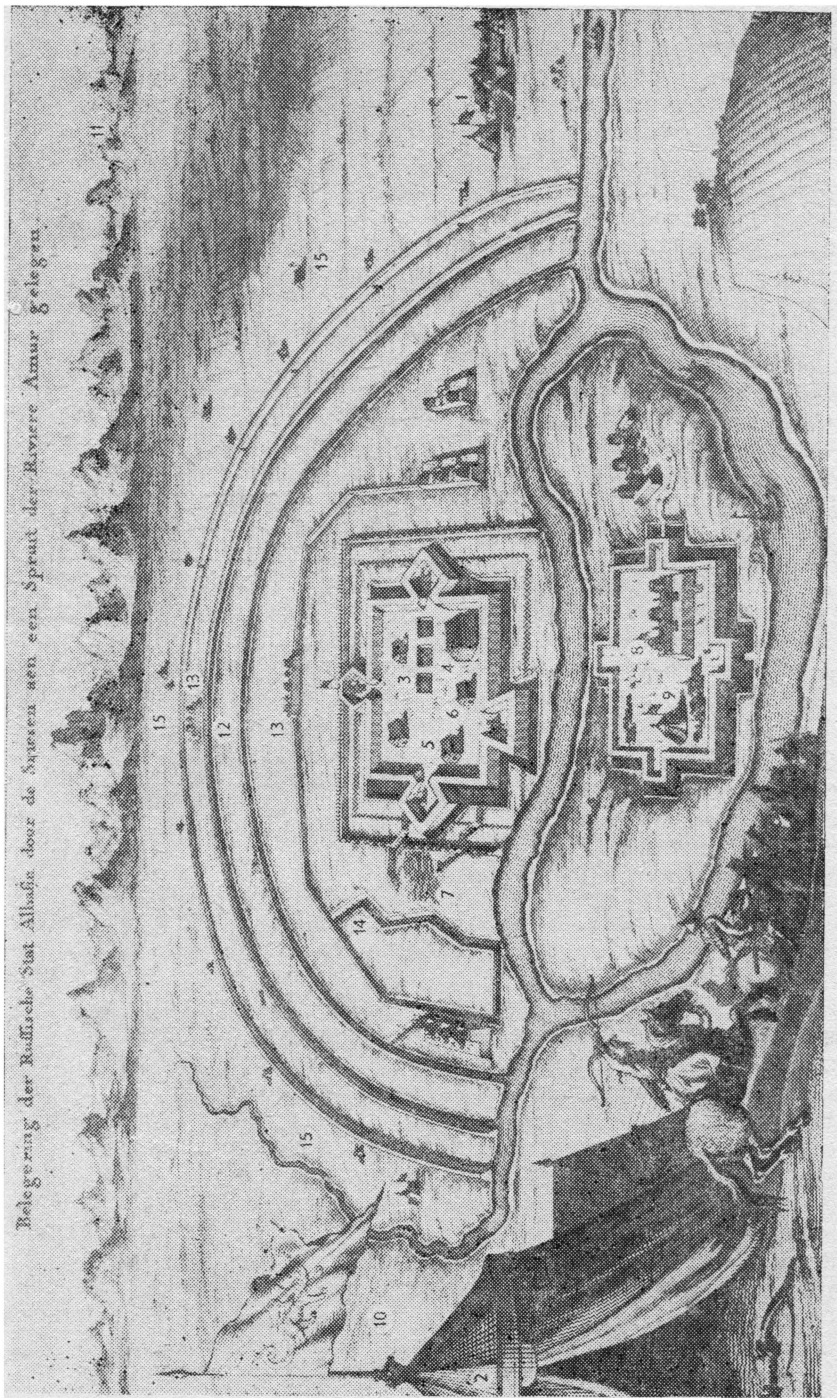
Н. Д. Венюков и И. Фаворов отбыли из Москвы уже через 10 дней после подписания указа, 20 декабря 1685 г. В начале апреля 1686 г. они явились в Енисейск, где были на месяц задержаны весенней распутицей. Только 9 мая они выехали оттуда в Иркутск для дальнейшего следования в Селенгинск⁵⁵. В середине августа Н. Д. Венюков и И. Фаворов выступили из Селенгинска вместе с Гичюлом, посланцем Очирой Саин-хана, Ундур-гэгэна и Шидишири Багатурхунтайджи. Возможно, халхаские феодалы успели узнать о посылке Н. Д. Венюкова и И. Фаворова в Китай и ждали русских гонцов. В Северную Монголию их «везли наскоро», чтобы быть у Ундур-гэгэна до предполагавшегося у него «съезда» халхаских владетелей⁵⁶. В монгольских улусах на р. Толе Н. Д. Венюков и И. Фаворов провели пять недель. Н. Д. Венюков передал Очирой Саин-хану царскую грамоту с просьбой о пропуске их в Китай и вел с ним и Ундур-гэгэном переговоры об урегулировании русско-монгольских отношений.

В принципе ничего нового русской дипломатии они не дали, хотя стало совершенно ясно, насколько активно цинская дипломатия стремилась вовлечь халхаских феодалов в войну с Россией⁵⁷. Очирой Саин-хан по-прежнему был настроен воинственно и настаивал на возвращении бурят; Ундур-гэгэн продолжал противиться настояниям богдыхана о возобновлении военных действий в Забайкалье⁵⁸ и был предупредителен к Н. Д. Венюкову и И. Фаворову. Он послал своего гонца в Китай с вестью о прибытии русских представителей и известил И. П. Поршенникова в Селенгинске об их отъезде в Пекин.

Трудности, с которыми столкнулось маньчжурское правительство в своих действиях в Приамурье, вынудили его пойти на установление дипломатических контактов с русским правительством. В трех днях пути до г. Калгана (Чжанцзякоу) Н. Д. Венюкова и И. Фаворова встретили официальные представители маньчжурского правительства и сопровождали их до самого Пекина. Маньчжурский двор был явно заинтересован в приезде Н. Д. Венюкова и И. Фаворова. В своем письме Ф. А. Головину гонцы сообщали, что после их прибытия в столицу Цинской империи 31 октября 1686 г. представители богдыхана начали с ними переговоры уже на следующий день. Объясняя причины своего военного выступления, маньчжурский двор вернулся к точке зрения, которую он пытался навязать еще Н. Г. Спасскому. Представители Сюань Е отказывались считать себя в состоянии войны с Россией и объявили, что военные действия вызваны прежде всего «самовольством» казаков, занявших берега Амура, а также отказом нерчинских властей выдать им Гантимура. Тем не менее они утверждали о готовности богдыхана сохранять «мир и дружбу» и снять осаду Албазина. Маньчжуры предлагали обменять Гантимура на русских пленных, а свои территориальные притязания ограничивали только Средним и Нижним Приамурьем. Действительно, 4 ноября русские представители были извещены о «великодушном» решении богдыхана отвести свои войска от Албазина; 10 ноября 1686 г. состоялся прием у Сюань Е, а 14 ноября Н. Д. Венюков и И. Фаворов выехали из Пекина. В посланной с ними грамоте Сюань Е обязался не предпринимать военных действий и дожидаться прибытия русского посольства, по-прежнему рассматривая свои отношения с Россией как «высшего» с «низшим», и вовсе не отказывался от требования выдачи ему Гантимура и обвинений русской администрации в «задорах» на Амуре⁵⁹.

Таким образом, миссия Н. Д. Венюкова и И. Фаворова завершилась успешно. Объяснялось это крайне тяжелым положением, в каком оказалась под Албазином цинская армия. А. И. Бейтон сообщал, что снятие осады Албазина было встречено в маньчжурском стане с нескрываемым удовлетворением. Не добившись победы, маньчжуры тяжело и жестоко страдали от голода. От «хлебной скудости» начался мор. Общие потери маньчжуров превысили 2500 человек⁶⁰. В первых числах декабря 1686 г. маньчжурские воеводы, получив богдыханский указ, сняли осаду Албазина. Н. Д. Венюков и И. Фаворов со своей стороны отправили из Пекина в Албазин двух казаков с письмом к А. И. Бейтону; они извещали его о состоявшемся соглашении, наказывали быть предупредительным по отношению к маньчжурским воеводам, но на их «любезительные слова» надежд не возлагать и жить с «большим береженьем». Неприятельские воеводы разрешили албазинцам выходить к Амуру за водой и пропускать в крепость «небольших людей» из Нерчинска со скотом и другим «харчем», но «во избежание ссор» запретили доступ им в лес за дровами и сосновой корой, необходимой для лечения больных цингой. Свою артилле-

Belegering der Russische Stadt Albazin durch de Saksen aan een Spruit der Riviere Amur gelegen.

Осада Албазина маньчжурами (по кн.: Витсен Н. Северная и Восточная

Татария. Амстердам, 1692 г.). Перевод подписей к рисунку:

1—2) палатки маньчжурского командования; 3) землянки; 4) оружейная изба; 5) гранатный погреб; 6) пороховой погреб; 7) дрова, доставленные маньчжурами для поджога; 8) маньчжурские укрепления напротив Албазина; 9) палатка маньчжурского генерала; 10) Бельчурский лагерь; 11) каменные горы, через которые проходили маньчжурские окопы (шанцы); 12) ров, выкопанный для укрепления маньчжурской кавалерии; 13) маньчжурские окопы (шанцы); 14) близкие позиции маньчжуров; 15) здесь находился маньчжурский лагерь.

рию, деревянные укрепления, щиты, туры и рогатки они сняли с позиций. После переговоров с представителями маньчжурского командования А. И. Бейтон выяснил, что отход неприятельской армии возможен только после вскрытия Амура⁶¹.

В апреле 1687 г. И. Е. Власов потребовал от маньчжурских воевод отойти от Албазина. В начале мая они отступили на четыре версты и засели в укрепленном лагере, продолжая зорко следить за русским гарнизоном. Как полагали албазинцы, маньчжуры хотели воспрепятствовать проведению посевных работ. По преданию, неприятельские воеводы в начале мая 1687 г. предложили А. И. Бейтону принять своих врачей и лекарства, но он отказался от помощи и, в свою очередь, послал во вражеский стан пирог весом в пуд. Вполне возможно, что это предание отражало реальный факт, так как «хлебных запасов» в крепости к снятию осады оставалось до тысячи пудов. Иная ситуация складывалась в маньчжурском лагере. Г. В. Мелихов на основании изучения официальной маньчжуро-китайской документации пришел к выводу, что «проблема продовольствия, все больше осложнявшаяся с удалением маньчжуров от их опорных баз на северо-востоке, представляла к концу 1687 г. весьма реальную угрозу и являлась основной причиной, которая могла вынудить маньчжурские войска уйти с Амура и нижнего течения Сунгари, т. е. оставить те позиции, которые были с неимоверным трудом достигнуты к этому времени. Все это объективно отражает общую слабость прежде всего маньчжурских позиций за тогдашним рубежом Цинской империи — Ивовым палисадом»⁶². В конце августа 1687 г. маньчжурские воеводы ушли в свой городок к устью Зеи и «наказали» А. И. Бейтону не разрушать их осадных земляных сооружений⁶³.

Дальнейшие события показали, что за этими затяжками крылись далеко идущие расчеты.

Героическая пятимесячная оборона стоила жизни подавляющей части защитников Албазина. В одной челобитной 1689 г. албазинские казаки указывали, что из «старых албазинцев» пережили осаду пятидесятник А. Кондратьев и 19 рядовых, а из ратников, пришедших в Албазин с А. И. Бейтоном, — пятидесятник В. Смиренников и 29 рядовых, всего 50 человек. Эта же цифра приводится в двух других челобитных 1689 г., где албазинцы просили выдать им жалованье. Правда, в них названы только семь «старых» казаков. Наконец, А. И. Бейтон в 1689 г. составил список из семи «старых» албазинских казаков и 90 ратников, пришедших в Албазин вместе с ним.

Как и в 1685 г., албазинцы вновь лишились всего скота и лошадей. И все же после отхода маньчжурской армии А. И. Бейтон начал восстанавливать дворы и готовиться к посеву. И. Е. Власов прислал из Нерчинска небольшое подкрепление⁶⁴.

Неудача маньчжуров под Албазином имела огромное значение для дальнейшей обороны Приамурья и Забайкалья, но до окончания военных действий было еще далеко.

§ 2. Укрепление обороны Восточной Сибири.

Второе наступление войск Очирой Саин-хана в Забайкалье

Назначение Ф. А. Головина и его отъезд в Сибирь с чрезвычайными полномочиями совпали с разгаром борьбы за Албазин. Пока защитники Албазина удерживали русские рубежи на Амуре, в Сибири формировались новые подкрепления и предпринимались меры по обеспечению ратных людей провиантом и доставке их в Забайкалье.

В конце 1685 г. русское правительство признало целесообразность предложения К. О. Щербатова о направлении в Сибирь воинских сил из центральной части страны. Для этой цели из 12 стрелецких приказов, находившихся в Москве, было отобрано 500 стрельцов, которые должны были составить ядро новых формирований. Из Стрелецкого приказа на службу «в Дауры» были посланы полковники Ф. И. Скрипицын, П. Грабов и подполковник С. Богатырев. В Сибирь к ним присоединился ранее убывший из Москвы полковник А. Смаленберг. Сибирским воеводам предписывалось «прибрать» на службу не менее 1400 человек. Для вооружения их из Москвы должны были поступить 1000 пищалей, 20 полковых пушек, тяжелая мортира, 1000 пудов пороха и свинца, 1000 ядер и гранат, 1000 гранат ручных и другое снаряжение. Обоз в 120 подвод с этим воинским снаряжением ушел из Москвы «зимним путем» в конце января 1686 г.⁶⁵ Вместе с воинскими частями, уже находившимися в Забайкалье, численность русских гарнизонов возрастала приблизительно до 2500 человек⁶⁶. По списочному составу на 1688 г., в сибирских городах насчитывалось 7215 служилых людей⁶⁷. Таким образом, число сосредоточенных в Забайкалье ратников было довольно значительным; в случае необходимости они пополнялись за счет местных промышленных и «гулящих» людей, крестьян и ясачных бурят и тунгусов. Конечно, для ведения наступательной войны этих сил было явно недостаточно, и в предварительных переговорах с северомонгольскими ханами и маньчжурским двором русские дипломаты нисколько не грешили против истины, указывая, что имеющиеся в распоряжении Ф. А. Головина части предназначены исключительно для «оберегательства», т. е. обороны, сибирских рубежей.

Формировались воинские подкрепления в Сибири на протяжении всего 1686 г. в основном из местных служилых людей, их «детей и братья». К июню 1686 г. в Тобольске было «прибрано» 500 человек, в Тюмени — 100; в июле и августе к Ф. А. Головину присоединились отряды из Томска (100 человек), Нарыма и Кетска (30 человек). В Енисейске комплектовался отряд в 100 человек, в Илимске и Верхоленске — в 170. К концу 1686 г. в Иркутске было набрано из промышленных людей 100 человек. Таким образом, полк Ф. А. Головина на протяжении 1686 г. пополнился 1100 сибирскими служилыми людьми. Остальных 300 человек позднее, по указу от 14 сентября 1688 г., было велено добрать в Тобольске, Тюмени и Верхотурье⁶⁸.

Ф. А. Головин приехал в Тобольск 24 марта 1686 г. Вслед за ним в первой половине апреля прибыли московские стрельцы. Через два месяца Ф. А. Головин завершил подготовку и с московскими стрельцами, тобольскими и тюменскими казаками, с «пушечным нарядом», прочим вооружением и «хлебными запасами» речным путем на 25 дощаниках двинулся по Иртышу, Оби и Кети к Маковскому волоку.

В середине августа Ф. А. Головин подошел к Маковскому волоку, и началась тяжелая и длительная перевозка снаряжения и судовой оснастки (парусов и канатов) к Енисейску. Местные власти смогли раздобыть лишь 60 подвод. Поэтому в Енисейск через «великие грязи» удалось перетащить только 10 пушек, а остальные 10 пушек и мортиру оставили до весны в Маковском остроге. В Енисейске 27 августа 1686 г. нерчинский гонец казак К. Юдин передал Ф. А. Головину «отписку» И. Е. Власова о начале второй осады Албазина. Из-за тревожных даурских вестей Ф. А. Головин ни в коем случае не хотел зимовать в Енисейске. К 12 сентября последние ратные люди перешли через волок, и в тот же день, несмотря на осеннее время, Ф. А. Головин на 32 дощаниках, трех каюках и 32 лодках двинулся дальше, сначала вверх по Енисею, а затем по Ангаре. Для «поспешения» шли и под парусами, и на веслах. Впереди двигались отряды полковника А. Смаленберга и подполковника С. Богатырева, выступившие из Енисейска несколькими днями раньше.

За десять дней пути караван прошел приблизительно верст 200, но на Ангаре его движение замедлилось из-за стужи и ледохода. К тому же некоторые суда разбило на порогах и шиверах (отмелях). С большим трудом флотилия спустилась до Рыбенского острога, где Ф. А. Головин 23 сентября остановился и стал готовиться к зимовке. А. Смаленберг сумел добраться до деревни Каменка, стоявшей выше на Ангаре, в трех днях пути от Рыбенского острога⁶⁹. Местные ангарские жители единодушно заявляли об отсутствии зимнего пути до Илимска «за великой пустотой и снегами». Тем не менее Ф. А. Головин в ноябре 1686 г. отправил в Иркутск с подполковником С. Богатыревым, капитаном И. Бецадом и прапорщиком Л. А. Нейтером 170 служилых людей. На 30 санях и на нартах они везли 100 пудов пороха, 370 пищалей и ручные гранаты. Более значительный отряд Ф. А. Головин посылать опасался, так как служилые люди дорогой могли «оголодать». К январю 1687 г., преодолев тяготы зимнего пути, посланцы Головина добрались до Иркутска; 23 января иркутский воевода А. Синявин велел им идти вместе с илимским и иркутским пополнением (всего 371 человек) в Нерчинск, на помощь амурским служилым людям.

Еще в сентябре 1686 г. из Иркутска через Байкал в Удинск была отправлена артиллерия, оставленная на Ангаре отрядом А. И. Бейтона (две пушки для селенгинского гарнизона и шесть для нерчинского, 400 ядер, 230 пудов пороха и свинца). В последних

числах марта 1687 г. С. Богатырев с отрядом в 227 человек прибыл в Нерчинск, а И. Бецанд и Л. А. Нейтер с остальными служилыми людьми остались в Удинске⁷⁰.

После весеннего половодья 1687 г. Ф. А. Головин к 13 июня дошел по Ангаре до устья р. Илим. Много дощаников погибло на ангарских порогах. Целый месяц ушел на доставку ратных людей на подводах в Братский острог.

Лето 1687 г. прошло относительно спокойно. Маньчжурское войско отступило от Албазина и стало укреплять свой городок около устья Зеи⁷¹. С монгольских рубежей также не поступало особенно тревожных сообщений. В июле 1687 г. Ф. А. Головин привел войско в Иркутск, 29 августа отправил его за Байкал и к середине сентября сконцентрировал все свои силы в Удинске и близлежащих Ильинской и Кабанской слободах⁷².

Передислокация из Тобольска в Западное Забайкалье такого крупного воинского соединения, занявшая 15 месяцев, была осуществлена впервые. И то, что на всех этапах пути русские ратники были обеспечены транспортными средствами и продовольствием, свидетельствовало о достаточно высоком уровне развития сельского хозяйства, путей сообщения, промыслов и ремесел в Сибири. Десятки речных судов, от крупнотоннажных дощаников до мелких лодок — завозен, тысячи аршин грубого холста на паруса, пеньковые канаты, десятки и сотни подвод, тысячи бочек и мешков были поставлены воинским частям Ф. А. Головина сибиряками. Местные верфи ежегодно спускали на воду десятки дощаников, в их строительстве принимали участие сотни людей. Только в одном Енисейском уезде судостроением занималось население девяти прибрежных деревень⁷³. В справке, представленной в Сибирский приказ товарищем тобольского воеводы Б. А. Солнцевым-Засекиным, указывалось, что западносибирские крестьяне — тобольские, тюменские, туринские, верхотурские и пелымские — в 1684/85 г. сдали в порядке натуральной повинности 20 704 аршина холста⁷⁴, более 319 пудов смолы и 675 пудов пеньки, из которых было «спущено» 12 251 сажень просмоленных веревок⁷⁵. В Енисейске флотилия Ф. А. Головина получила 22 паруса (свыше 10 000 аршин), более 3 тыс. сажень канатов и веревок, 350 холщовых мешков, почти 12 тыс. конопатных скоб и многое другое⁷⁶.

По-видимому, основную часть этих «судовых запасов» поставили ремесленники Енисейска и местные крестьяне, у которых также было развито домашнее производство холста и пеньки, а также смолокурение. В Енисейске имела казенная прядильня, на которой выделялись снасти для судов⁷⁷. В Иркутском уезде также снаряжались дощаники для переправы через Байкал и колесный транспорт для воинского обоза; иркутские мастера из железа, доставленного из Балаганского и Идинского острогов, гнули ободья для сотен колес, ковали крюки, гвозди, скобы; бондари выполняли заказы на бочки для перевозки соленой рыбы, муки и других продуктов⁷⁸.

Весь «полк» Ф. А. Головина обеспечивался местным хлебом, что свидетельствовало о возможностях русской пашни не только Западной, но и Восточной Сибири. Мука поступала от крестьян в порядке выполнения ими натуральных повинностей, а также закупалась казной и подрядчиками. По расчетам Сибирского приказа, на каждого рядового служилого человека полагалось в месяц в среднем два пуда муки⁷⁹. Для стрельцов и казаков Ф. А. Головина во время их следования из Тобольска в 1686 г. и для 1500 ратников, находившихся в Забайкалье в 1687—1689 гг., требовалось приблизительно около 150 тыс. пудов муки. Первоначально предполагалось создать крупные склады муки и крупы в Енисейске (40 тыс. пудов муки и 8 тыс. пудов круп). Однако местное хозяйство обеспечивало хлебом Мангазейский, отчасти Красноярский и Якутский уезды и оказалось не в состоянии поставить нужное количество провианта. Кроме того, к сентябрю 1686 г., когда московские стрельцы и западносибирские казаки дошли до Енисейска, хлебные «запасы» нового урожая были еще не все собраны; служилым людям выдали муку только на три месяца дальнейшего пути⁸⁰. Поэтому основные усилия по снабжению новых пополнений и забайкальских частей сибирская администрация сосредоточила в Прибайкалье. К моменту ухода Ф. А. Головина за Байкал, к осени 1687 г., в Иркутске удалось создать запас в 26—28 тыс. пудов муки⁸¹. В дальнейшем, на протяжении зимы 1687/88 г., весны и лета 1688 г. и вплоть до 1689 г., все воинские части в Забайкалье снабжались хлебом бесперебойно, в основном из Иркутска.

Насколько позволяет судить сохранившаяся переписка сибирских властей, около трети всех хлебных запасов было сделано самой казной или поставлено подрядчиками. Особенно активно велась казенная закупка хлеба в Прибайкалье, в бассейне Ангары. Осуществлялась она и в Енисейском уезде и Западном Забайкалье. Только во второй половине 1686 г. в Иркутске было приобретено 11 290 пудов, летом 1689 г. у Вознесенского монастыря 1000 и в Братском остроге — 1400 пудов⁸². Всего, по неполным данным, за 1686—1689 гг. казна закупила свыше 30 тыс. пудов муки. Не менее активно действовали и подрядчики. В 1686 г. крупнейшие сибирские торговцы Иван и Андрей Ушаковы обязались поставить до 1689 г. 14 тыс. пудов. В 1687—1688 гг. взяли подряды торговый человек М. Бурдуковский (на 2900 пудов), верхоленский казак М. Шипицын (на 1200 и 5700), казак В. Веснин (на 2000), торговый человек А. Таракановский (на 1000), казаки А. Яковлев (на 1000), В. Попов (на 700), Л. Кондратьев (на 500), Д. Падерин и Л. Задора (на 400 пудов) и др.⁸³ Частично путем подрядов обеспечивалась и доставка провианта. Не все подряды были выполнены полностью, но в целом они имели существенное значение для снабжения армии.

Перед Ф. А. Головиным стояли исключительно трудные задачи. Располагая ограниченными воинскими силами, он должен был обезопасить русские владения в Сибири и добиться официального

соглашения с Китаем и союзными с ним северомонгольскими феодалами о мире, пограничном размежевании и условиях торговых взаимоотношений. Без сомнения, Ф. А. Головин понимал сложность своей миссии. Перемирие, заключенное Н. Д. Венюковым и И. Фаворовым в Пекине, о котором Ф. А. Головин узнал еще 18 февраля 1687 г., облегчало ему организацию обороны русских рубежей.

Решив зимовать в Западном Забайкалье, Ф. А. Головин избрал Удинск в качестве основной базы русских сил. Оставаясь здесь, он прикрывал пути, связывавшие Даурию с Прибайкальем, и одновременно мог следить за обстановкой в Северной Монголии. Это давало Ф. А. Головину возможность обратиться к разрешению задачи, которую осенью 1687 г. он считал первоочередной, т. е. к урегулированию противоречий с северомонгольскими феодалами. События 1688 г. подтвердили правильность его расчетов.

Русские политики имели основания предполагать о далеко не дружественных замыслах богдыхана Сюань Е в отношении Северной Монголии. Несмотря на воинственность заявлений Очирой Саин-хана в адрес России и его попытки военным путем установить свое господство над населением Забайкалья, руководители Посольского и Сибирского приказов считали, что опасность захвата маньчжурами Северной Монголии может вынудить всех халхаских феодалов принять русскую внешнеполитическую ориентацию. Поэтому возникла мысль добиться соглашения со степняками и тем самым не только обезопасить русские рубежи в Забайкалье, но и противопоставить агрессивным планам Сюань Е союз с халхаскими феодалами, что, в свою очередь, способствовало бы упрочению независимости Северной Монголии.

Таким образом, дипломатические переговоры с северомонгольскими ханами должны были явиться весьма ответственным этапом в обеспечении государственных интересов России на Дальнем Востоке, и прежде всего безопасности сибирских границ, и в предотвращении дальнейшей маньчжурской агрессии. Для претворения этого плана Ф. А. Головин был правомочен попытаться заключить с Очирой Саин-ханом оборонительный союз⁸⁴. Поэтому он, следуя в Забайкалье, поручил властям в Селенгинске препроводить Ундур-гэгэну любезное письмо и подарки, «разведать накрепко» об ориентации северомонгольских ханов и заранее известить их о своем приезде в Даурию и намерении вести переговоры⁸⁵.

В марте 1687 г. возвратившиеся из Пекина Н. Д. Венюков и И. Фаворов передали Ф. А. Головину очень важные сведения об уже известной расстановке сил в Северной Монголии. Ундур-гэгэн по-прежнему твердо отстаивал необходимость мира с Россией и готов был способствовать его заключению между Россией и богдыханом. Более того, один его приближенный информировал Н. Д. Венюкова о маньчжуро-монгольских переговорах и намерениях пекинских политиков добиться наступления монгольских войск в Забайкалье, с тем чтобы разбить там русские силы. Осуществление этого плана

могло привести к тому, что ослабленные в боях русские гарнизоны в Приамурье и Нерчинске не выдержали бы нового наступления маньчжурской армии. Очирой Саин-хан был «зело склонен» пойти навстречу маньчжурским дипломатам, но натолкнулся на энергичное сопротивление со стороны Ундур-гэгэна. По полученным данным, очередной совет, на котором все северомонгольские феодалы собирались обсуждать предложения богдыхана, должен был состояться после отъезда русских гонцов из Монголии⁸⁶.

Сведения, полученные Н. Д. Венюковым и И. Фаворовым, подтверждались другими источниками. Потерпев неудачу под Албазином, маньчжуры прилагали очень большие усилия, чтобы склонить халхаских ханов к наступлению. В январе 1687 г. сын монгольского зайсана Дайчин приехал в Селенгинск и, по-видимому, дополнив данные Н. Д. Венюкова и И. Фаворова, рассказал о состоявшемся в октябре 1686 г. съезде на р. Кербилчи, в котором приняли участие все северомонгольские «державцы», представитель Сюань Е («большой думный боярин») и Галдан. На этом съезде Ундур-гэгэн по-прежнему отстаивал свою точку зрения и даже доказывал маньчжурскому представителю, что русские не чинят монголам никаких «обид и налог»⁸⁷.

Весной 1687 г. в Северную Монголию вновь прибыло маньчжурское посольство во главе с чиновником (карай жаргучей) для «совета» о начале наступления монгольских отрядов на Селенгинск и объединенных монголо-маньчжурских сил — на Нерчинск. По всей вероятности, в это время Очирой Саин-хан уже твердо был намерен выступить в поход. И. Е. Власову сообщали, что северомонгольские тайши «китайскому царю послушны учинились» и для наступления мобилизовали пятую часть боеспособного населения и согнали множество скота. Объединение монгольских и маньчжурских сил для наступления на Нерчинск должно было состояться в начале марта 1688 г.⁸⁸ Сведения об этом были переданы монголами в Нерчинск. И. Е. Власову не ранее начала апреля 1688 г. Между тем Ундур-гэгэн по-прежнему стоял за мир с Россией и еще летом 1687 г. послал Сюань Е «лист» с отказом в помощи. Это важное известие албазинские казаки «проведали» у маньчжуров, засевших около Албазина⁸⁹.

Таким образом, к моменту прибытия Ф. А. Головина в Забайкалье вопрос о наступлении был уже решен группировкой Очирой Саин-хана, несмотря на противодействие Ундур-гэгэна. Ф. А. Головин догадывался о маньчжуро-монгольском соглашении и после некоторых колебаний отказался от попытки склонить Очирой Саин-хана к союзу с Россией. Он решил, прежде чем двигаться в Приамурье, попытаться нейтрализовать враждебных России халхаских феодалов и тем самым обеспечить свой тыл в Забайкалье. В переговорах, начатых в июне 1687 г. в Иркутске и продолженных осенью в Удинске и Селенгинске, русский посол заверял степняков, что намерен добиваться «умирения и всякого покоя». Эти переговоры до-

вольно подробно описаны Н. П. Шастиной на основании «статейного списка» Ф. А. Головина⁹⁰. Они свидетельствовали об отсутствии единодушия среди халхаских феодалов в отношении замыслов Очирой Саин-хана, и это позволяло Ф. А. Головину надеяться на известный успех своей дипломатической деятельности.

С июля по октябрь 1687 г. происходили переговоры с Цэцэн-нойоном, во время которых Ф. А. Головин настаивал на прекращении пограничных «ссор и задоров», на возвращении ясачных бурят и обещал монголам разрешить свободную торговлю с ними в пограничных сибирских городах. Цэцэн-нойон в присланном «листе» подтверждал свое желание жить с русскими «в совете и любви» и впредь «торги сводить», но от выдачи ясачных людей уклонился, сославшись на необходимость обсудить этот вопрос с другими тайшами. На протяжении почти всего сентября в Удинске находилось посольство Очирой Саин-хана, Ундур-гэгэна и Шидишири Багатур-хунтайджи. Очирой Саин-хан продолжал настаивать на возвращении бурятского населения⁹¹. Несмотря на переговоры, монгольские отряды постоянно вторгались в русские пределы и угоняли скот.

В октябре 1687 г. Ф. А. Головин отправил к главе табунутов Цэбдэну селенгинского приказчика И. П. Поршенникова с требованием прекратить набеги и вернуть скот во избежание «большой ссоры», которая для табунутов может кончиться плохо⁹². В конце октября 1687 г. Ф. А. Головин, оставив основную часть войска в Удинске, перенес свою резиденцию в пограничный Селенгинск, откуда было удобнее ссылаться с монгольскими «державцами»⁹³. Повидимому, Ф. А. Головин, стремясь достигнуть соглашения, начал торопиться. Обстановка на монгольской границе становилась все более тревожной. Еще в сентябре, по всей вероятности, табунутские тайши спровоцировали выступление около Еравненского острога тунгусов луникагирского, котигирского и шукинского (шуленского) родов, попытавшихся уйти в Северную Монголию. Десятник Н. Логинов с отрядом казаков настиг их уже на р. Чикой и уговорил вернуться⁹⁴. 11 ноября к Ф. А. Головину прибыло посольство от табунутских тайшей, но переговоры о возвращении отогнанного скота окончились безрезультатно⁹⁵.

Тогда же, 19 ноября 1687 г., Ф. А. Головин, согласно данному ему наказу, впервые отправил в Китай своего представителя С. Корovina с «оповестительным листом» о прибытии русских дипломатов в Забайкалье, о готовности вступить с цинским двором в переговоры и определить место, время и условия посольского съезда⁹⁶.

В своей «отписке», полученной в Москве 23 января 1688 г., Головин объяснял, в частности, свою зимовку в Удинске ожиданием вестей от посланного в Пекин С. Корovina и возможностью назначения посольского съезда в Селенгинске⁹⁷. Вместе с С. Коровиным выехал и представитель Ф. А. Головина И. Качанов, посланный им к Ундур-гэгэну, дабы заручиться поддержкой халхаского первосвященника и вновь добиться соглашения по пограничным и торговым

вопросам. Н. П. Шастина считает, что Ундур-гэгэн, не желая ссориться ни с Россией, ни с Китаем, вел двойственную политику и в угоду Сюань Е надолго задержал у себя С. Коровина и И. Качанова⁹⁸. Эта оценка требует некоторого уточнения. Ундур-гэгэн по-прежнему занимал благоприятную позицию в отношении России и в дальнейшем оказал Ф. А. Головину важные услуги. По сообщению же С. Коровина, причиной его задержки могло явиться опасение, будто он ехал не с дипломатическими, а с разведывательными целями⁹⁹.

Обстановка в самой Северной Монголии все более и более усложнялась, и, задерживая у себя русских дипломатических представителей, Ундур-гэгэн преследовал прежде всего собственные интересы. Еще в 1686 г. на упоминавшемся выше съезде монгольских «владельцев» по инициативе Сюань Е и далай-ламы состоялось примирение халхаских феодалов, принимавших участие в борьбе за престол во владении Дзасакту-хана. Дайчин, сообщивший в Селенгинске об этом событии, подчеркивал, что участники съезда поклялись «о соединении»¹⁰⁰. Миротворческая же инициатива Сюань Е объяснялась его стремлением добиться прекращения междоусобной борьбы северомонгольских ханов и тем самым предотвратить возможность подчинения Халхи, района Кукунора и других монгольских земель Галдану.

Этот съезд не мог ликвидировать соперничество между Галданом и халхаскими феодалами в приграничных западных районах Северной Монголии. Более того, он выявил весьма глубокие политические противоречия между Ундур-гэгэном и Галданом. На съезде Ундур-гэгэн, как халхаский первосвященник, посадил представителя далай-ламы ниже себя, что вызвало резкий протест Галдана¹⁰¹. Позднее, в марте 1691 г., посланники Галдана объясняли иркутскому воеводе Л. К. Кислянскому, что джунгары в этом факте увидели «злое дело»¹⁰². Сам же Галдан, в апреле 1687 г. направивший письмо маньчжурскому сановнику Арани, снова обвинил Ундур-гэгэна в оскорблении достоинства далай-ламы. В июне 1687 г. Очирой Саин-хан, в свою очередь, извещал Пекин о происшедшем на съезде инциденте, а также о подготовке Галдана к войне. В сентябре 1687 г., когда Ф. А. Головин прибыл в Забайкалье, Сюань Е, который не был еще заинтересован в столкновении Галдана с халхаскими феодалами, призвал «владельцев» Северной Монголии и Джунгарии не начинать войны. К Галдану ездил представитель богдыхана и просил его «не воевать» Ундур-гэгэна и Очирой Саин-хана¹⁰³. Но это посредничество не имело успеха. Противоречия настолько затрагивали всю систему феодальных взаимоотношений в Монголии, что столкновение становилось неизбежным.

По словам посла Ундур-гэгэна, находившегося в столице Цинской империи в июне 1686 г., Галдан «взбунтовал» Дзасакту-хана и двух халхаских феодалов и склонил их на свою сторону; Очирой Саин-хан «вооруженной рукой» снова вернул этих феодалов. Тогда

брат Галдана Дорджиджаб напал на пограничных халхаских «владельцев». Очирой Саин-хан пришел к ним на помощь, и сын его, Галдан-тайджи, убил Дорджиджаба¹⁰⁴. Согласно же версии, изложенной послами Галдана в России в 1691 г., Очирой Саин-хан поднялся в поход на Дорджиджаба за его «осудные речи» в адрес Ундур-гэгэна и разгромил его, воспользовавшись разбросанностью джунгарских улусов¹⁰⁵.

Обострение отношений между Джунгарией и Северной Монголией прежде всего отражало противодействие идее Галдана о создании единого монгольского государства. В сложившейся обстановке халхаский первосвященник и крупнейший феодал Ундур-гэгэн отводил внутримонгольским взаимоотношениям первостепенное значение и поэтому всячески противился авантюристическим настроениям Очирой Саин-хана, готового бросить свои силы против России в угоду захватническим планам Пекина. Джунгарские посланники в России в 1691 г. даже утверждали, что Очирой Саин-хан будто бы обещал Сюань Е завоевать и русские «украинные» города и Джунгарию¹⁰⁶.

Ундур-гэгэн в декабре 1687 — начале 1688 г. не прерывал сношений с Ф. А. Головиным. Он переправил ему присланное из Пекина письмо с извещением о прекращении военных действий под Албазином и приглашением прибыть в Китай для переговоров. Вероятнее всего, этим письмом Сюань Е хотел ввести в заблуждение Ф. А. Головина относительно своих якобы миролюбивых намерений. Тогда же препроводил «лист» Ф. А. Головину и Очирой Саин-хан. Это письмо было составлено в вызывающем тоне и содержало требование об «отдаче» бурятского населения¹⁰⁷.

В самом конце 1687 г. раздираемые противоречиями халхаские феодалы оказались в состоянии военного конфликта, причем не только с Джунгарией, но и с Россией, которая была единственным соседом, ни в какой мере не угрожавшим самостоятельности Халхи.

В декабре 1687 г. бежавший из Северной Монголии бурят Цаган донес приказчику Тункинского острога О. Перфильеву о состоянии войны между монгольскими тайшами и Джунгарией и о начале их похода в Прибайкалье. О наступлении в Прибайкалье тогда же сообщил О. Перфильеву и ясачный сойот Торгу¹⁰⁸. Эти сведения к 20 января 1688 г. были дополнены новыми и еще более тревожными вестями. Ясачный бурят Цыпцакон информировал иркутские власти о движении одной части монгольских сил в Джунгарию, а другой — к Селенгинску, а его сородичи, «выбежавшие» из Халхи, дали знать в Тункинский острог, что монголы, «свестясь» с маньчжурами, «поднялись войной» на Нерчинск. О намерении табунутов идти под Удинск и Селенгинск в те же дни сообщил в Удинск казак А. Кренин, вырвавшийся из плена тайши Цэбдэна¹⁰⁹. Захваченный в марте 1688 г. монгольский разведчик подтвердил весть о походе в Джунгарию Цэцэн-нойона¹¹⁰.

Тем временем маньчжурский двор, рассчитывая на победу монгольских сил над Ф. А. Головиным, готовился в апреле 1688 г. нарушить перемирие и развернуть наступление на Нерчинск¹¹¹.

Из-за большого снега в декабре 1687 г. монгольские отряды не смогли пройти в Прибайкалье и в январе 1688 г. направили основной удар на Селенгинск и Удинск. После осады Албазина маньчжурами это наступление было самой серьезной военной операцией. По утверждению джунгарских послов в России, сам Очирой Саин-хан двинулся против Галдана, а во главе войск, посланных в Забайкалье, стоял его брат Шидишири Багатур-хунтайджи. По их плану одна часть войска должна была осадить Селенгинск, где находился Ф. А. Головин, а другая — выйти к Байкалу и перерезать дорогу, связывавшую забайкальские остроги с Иркутском. О численности неприятельских сил, принимавших участие в отдельных боях, источники приводят разные данные (от 4 до 12 тыс. человек). Русские силы в этот момент насчитывали во всем Забайкалье и в Приамурье около 2 тыс. человек: в Албазине — 100, в Нерчинске — более 400, в Селенгинске — около 250 и в районе Удинска — немногим более 1 тыс. человек, расквартированных по отдельным населенным пунктам. Учитывая неудачу прежних попыток захватить Селенгинск, Очирой Саин-хан на этот раз придал своим отрядам огнестрельное оружие — пушки и пищали, присланные из Китая. Первоначально халхаские тайши достигли успеха. В январе 1688 г. они осадили Селенгинск; другая часть их отрядов подошла к Удинску. Создавалась угроза и Иркутску. Русские силы в Забайкалье оказались разобщенными. В этот момент руководство обороной Забайкалья принял на себя полковник Ф. И. Скрипицын, командовавший московскими стрельцами. До 10 марта 1688 г., пока в Удинск не прибыли гонцы от И. Е. Власова, Ф. И. Скрипицын полагал, что Нерчинск также находится в осаде.

В конце января 1688 г. около Удинска произошло тяжелое сражение с монгольскими войсками. Сохранилась челобитная московских стрельцов о выдаче жалованья, в которой подробно описано это сражение. События развивались следующим образом. Не получая из Селенгинска сведений от Ф. А. Головина, Ф. И. Скрипицын вышел с 500 московскими стрельцами из Ильинской слободы и походным порядком двинулся по правому берегу Селенги в Удинск, где находились сибирские части П. Грабова и А. Смаленберга. Далее он предполагал следовать к Селенгинску на помощь к Ф. А. Головину. По дороге в Удинск Ф. И. Скрипицын выдержал три боя с монгольской конницей. В Удинске от пленного стало известно о движении неприятельских сил к Байкалу и о их намерении выйти к Иркутску. Русское командование понимало опасность этого плана. Обходя Удинск и угрожая захватить Иркутск, монгольские тайши могли нарушить всю систему снабжения русской армии. Сорвать это наступление можно было только в полевом сражении.

Следуя заранее разработанному плану, Ф. И. Скрипицын 26 ян-

варя вышел из Удинска и, прикрывая дорогу к Байкалу, русские войска подошли к неприятельскому лагерю, атаковали и захватили его. Но едва только русские прошли еще три версты, отборные монгольские отряды, насчитывавшие до 3 тыс. бойцов, атаковали их. Бой шел с полудня до ночи. На следующий день, 27 января, стрельцы заняли «пригорок», сделали там засеку и за ней отбивались еще двое суток. Монгольские тайши понесли, по всей вероятности, крупные потери и отступили, отказавшись от дальнейшего наступления к Байкалу. После их отступления Ф. И. Скрипицын со стрельцами вернулся в Ильинскую слободу и тотчас запросил подкрепления из Иркутска. В боях с монголами стрельцы потеряли половину своего состава (17 убитых и 241 раненый, в том числе сам Ф. И. Скрипицын)¹¹². Новую попытку снять осаду Селенгинска русские военачальники не решались предпринимать. Письмо Ф. И. Скрипицына было получено в Иркутске в первых числах февраля. Местный воевода А. С. Синявин, сразу же оценив опасность ситуации, объявил массовую мобилизацию населения. Положение признавалось воеводой настолько серьезным, что служба в соборной церкви Иркутска вечером 5 февраля и на протяжении 6 февраля об избавлении города от нападения была объявлена обязательной для всех жителей¹¹³. В середине февраля Ф. И. Скрипицын вновь торопил А. С. Синявина с отправкой подкрепления в Ильинскую слободу и сообщал, что дороги на Селенге контролируются неприятелем¹¹⁴. В этот критический для Забайкалья момент ясачное бурятское и тунгусское население активно поддержало русских. Буряты, «стремясь расплатиться с монгольскими тайшами за старые обиды, проявили столь сильный боевой задор, что их пришлось удерживать во избежание новых осложнений с монгольскими князьями, не примкнувшими к Очирою»¹¹⁵. Иркутский воевода А. С. Синявин строжайше наказывал приказчику Тункинского острога О. Перфильеву отговаривать бурят от самостоятельного похода, «чтоб с крайними мунгальскими людьми никакой ссоры и смятения не чинили»¹¹⁶.

На протяжении февраля и первой половины марта русская администрация сумела восполнить потери. Из Прибайкалья (Иркутска, Верхоленска, Балаганска) Ф. И. Скрипицыну было прислано около 200 служилых, промышленных и «гулящих» людей. Из Иркутска с 50 проводниками-бурятами пришел большой обоз в 80 подвод с боеприпасами. Из Баргузинского острога подошел отряд из 20 служилых людей и 100 тунгусов. В бурятских улусах на Верхней Лене, по рекам Белой и Китою собиралось ополчение. Указано было набирать людей и в Якутском уезде¹¹⁷. К 15 марта в распоряжении Ф. И. Скрипицына, П. Грабова и А. Смаленберга оказалось 1519 ратных людей, и они выступили к Селенгинску¹¹⁸.

Селенгинский гарнизон находился в осаде 11 недель (по другим данным — 13 недель). Попытка прорвать осаду с помощью вылазки 4 февраля не удалась; 29 февраля монгольские тайши предприняли

ожесточенный ночной штурм. Они засыпали острог «огненными» стрелами и поддерживали штурмующие отряды огнем из пищалей. Гарнизон отбил штурм. Эта неудача обострила разногласия между тайшами, возглавлявшими монгольские войска. Когда полки Ф. И. Скрипицына, П. Грабова и А. Смаленберга начали подходить к Селенгинску, тайши, уже испытавшие стойкость стрельцов в полевом бою, стремились уклониться от сражения. Но Шидишири Багатур-хунтайджи неволею заставил их вступить в бой. Он снял осаду Селенгинска и попытался всеми своими силами атаковать русских в степи, в 20 верстах от острога. Ф. А. Головин воспользовался удобным моментом и выслал из крепости конный отряд под командой бывшего украинского гетмана Д. И. Многогрешного. В бою, длившемся 20 марта с «обеда до вечера», монгольские войска потерпели полное поражение и ушли в пределы Северной Монголии. Попытка настигнуть их, предпринятая Д. И. Многогрешным, не увенчалась успехом, так как русская конница была измучена. Сохранилось предание, что заключительное ожесточенное сражение произошло в долине около Селенгинска, которая затем называлась «падью убиенных». К 21 марта 1688 г. осада Селенгинска была снята, и наступление Шидишири потерпело окончательную неудачу¹¹⁹.

Это поражение существенно повлияло на расстановку сил среди халхаских феодалов. Взятые в плен степняки утверждали, будто бы Очирой Саин-хан готовился продолжить борьбу весной и приказал всем улусам произвести новый набор воинов и обеспечить их скотом для пропитания¹²⁰. По всей вероятности, однако, возобладало мнение Ундур-гэгэна о необходимости мира с Россией. Воинственные замыслы Очирой Саин-хана разделяли далеко не все халхаские тайши, а Ундур-гэгэн даже во время боевых действий продолжал отстаивать свою внешнеполитическую линию и, задерживая у себя И. Качанова, хотел «за ним поставить мир». Так, в разгар осады Селенгинска, 14 февраля 1688 г., Ундур-гэгэн прислал к Ф. А. Головину вместе со своим посланником Манзей Балданом И. Качанова, с которыми передал «вестовое письмо» С. Коровина, в ноябре 1686 г. отправленного в Пекин. Ундур-гэгэн, как и Очирой Саин-хан, также домогался возвращения бурятского населения, но категорически настаивал на мирном разрешении споров. Он передал Ф. А. Головину, что от него «повеления» о войне никогда не будет. По данным русской разведки, посланники Ундур-гэгэна склоняли Шидишири Багатур-хунтайджи к снятию осады. Сам Ундур-гэгэн потребовал передачи ему русских пленных, которых затем он возвратил в Россию¹²¹. Переговоры с Манзей Балданом убедили Ф. А. Головина в искренности позиции Ундур-гэгэна, и он даже сказал посланнику, что «впредь мунгальским всем владельцам, кроме кутухты, верить некому»¹²².

Русское правительство, информированное Ф. А. Головиным о политической ситуации в Северной Монголии, также уверилось в

благожелательности позиции Ундур-гэгэна. Еще в ноябре 1687 г. оно поручило Ф. А. Головину отправить ему царскую грамоту «о всяких наших государственных делах» и «жалованье», а 20 сентября 1688 г. вновь послало указ о подарках, которые следовало ему передать¹²³.

Неудача наступления войск Очирой Саин-хана изменила также планы Сюань Е. Маньчжурский двор, не отказываясь от достижения своих целей, решил пока воздержаться от нарушения перемирия. Первоначально Сюань Е хотел воспрепятствовать началу переговоров в Албазине и добиться приезда Ф. А. Головина в Пекин. К лету 1688 г. маньчжурами был выработан новый план военных действий против России. Цинский двор внешне принял привезенное С. Коровиным предложение начать мирные переговоры и не возражал против равного количества воинов, которые должны были сопровождать полномочных представителей обеих сторон (по 500 человек). Но за этим «согласием» скрывались совсем иные намерения. В Пекине не случайно согласились на переговоры в Селенгинске, решив воспользоваться пребыванием Ф. А. Головина в Забайкалье и задержать его там¹²⁴. В случае отказа русского посла от уступок маньчжуры собирались отдать приказ своим войскам (а они не намерены были ограничиться обусловленными пятьюстами воинами), введенным в Северную Монголию, о наступлении в Забайкалье и одновременно возобновить военные действия под Албазином и Нерчинском. По их расчетам, этот план давал возможность добиться сразу двух целей — победы над Россией и установления полного контроля над Северной Монголией.

В начале июня 1688 г. Ундур-гэгэн известил Ф. А. Головина, находившегося в это время в Удинске, об отъезде из Пекина С. Коровина и маньчжурских послов с «большой ратной силой», о намерении Сюань Е добиваться условий мира «воинским образом», о возвращении Очирой Саин-хана в Ургу и о подкочевке Шидишири Багатур-хунтайджи к Селенгинску «с ратными людьми в сборе»¹²⁵. В одной справке Сибирского приказа, составленной в Москве на основе «отписки» Ф. А. Головина, указывалось, что маньчжуры, «буде договор не учинят, хотяб просить бою и опасно того, только договор о миру не учинят и чтоб с мунгальскими людьми не соединились и, видя малолудство великого государя ратных людей, и иные иноземцы к тому не пристали»¹²⁶. Таким образом, становится ясным, что Ф. А. Головин разгадал планы цинской дипломатии. Сведения, поступившие к Ф. А. Головину из Албазина и Нерчинска, еще более расширяли данные об общем военно-стратегическом замысле Сюань Е. Еще в апреле 1688 г. монгольский тайша Ахай Дайчин известил приказчика Аргунского острога В. Милованова о приезде к нему представителя цинского двора с подарками и извещением о намерении маньчжуров «неотложно» послать многих людей «войной» к Нерчинску осенью 1688 г.¹²⁷

В начале июля 1688 г. маньчжурские воеводы нарушили пере-

мирие и подвели многочисленный флот к Албазину. Командовавший флотом «боярин» Ченчун попросту решил обмануть А. И. Бейтона. Он заявил, что русскому воеводе не следует ничего опасаться и боя «до времени» не будет, так как он следует к Нерчинску на посольский съезд, и просил снабдить его русскими лоцманами¹²⁸.

После победы над войсками Очирой Саин-хана Ф. А. Головин в конце марта — начале апреля 1688 г. продолжил начатое еще зимой укрепление Удинского острога и окрестных слобод и сбор ратных сил. Особенно интенсивно укреплялся Удинск после получения сведений от Ундур-гэгэна о намерении Сюань Е начать наступление в Забайкалье. Из-за песчаной почвы построить там «земляной город» было нельзя, поэтому укрепления возводились деревянные. Новый Удинский острог строился с трехсаженными стенами, каждая до 50 м длиной, и пятью четырехсаженными башнями. Вокруг города и слобод в три ряда устанавливались надолбы. Усиливались также и укрепления Селенгинска¹²⁹.

Ф. А. Головин предполагал пополнить свои войска бурятской конницей и промышленными людьми, набранными в Прибайкалье, и 9 мая 1688 г. ради обеспечения безопасности российской территории намеревался начать контрнаступление. По его плану войска из Нерчинска и Телембинского острога должны были нанести удар по отрядам табунутских тайшей, а войска из Удинска — «чинить промысел» над враждебными «мунгалскими улусами»¹³⁰. Однако контрнаступление было отложено, по всей вероятности из-за полученных сведений о начале наступления джунгарских войск на Халху.

Обострение отношений между северомонгольскими феодалами и Галданом, отражавшее противоречия, назревавшие долгие годы в Центральной Азии, с одной стороны, и намерение Сюань Е ввести свои войска в Халху — с другой, привели к тому, что уже весной 1688 г. монгольские земли находились накануне крупнейшей катастрофы. Халхаские феодалы, ранее отклонившие предложение Сюань Е послать свои войска к нему «на помощь», не могли не понимать, что ввод маньчжурских войск грозил им полной потерей самостоятельности и неизбежно вызвал бы противодействие Джунгарии. Действительно, Галдан, вероятно также допускавший возможность ввода маньчжурских войск в Северную Монголию, весной 1688 г. ускорил свое вторжение. В то время, когда Ундур-гэгэн извещал Ф. А. Головина о выезде из Китая С. Коровина и маньчжурского посольства к Селенгинску, положение халхаских феодалов было уже очень трудным. Весной 1688 г. Галдан разбил войска, находившиеся под командой сына Очирой Саин-хана, а 12 июля гонец привез Ундур-гэгэну тревожную весть о подходе к Урге джунгарских войск¹³¹. Северомонгольское население оплатило дорогой ценой авантюризм своих феодалов. Близорукая политика Очирой Саин-хана, лелеявшего захватнические планы в отношении сибирских народов и потерпевшего поражение в Забайкалье, еще более ослабила Северную Монголию. Галдан за короткое время сломил сопротивление войск Очи-

рой Саин-хана, Ундур-гэгэна, Шидишири и других ханов. Свидетель опустошения Халхи казачий десятник Г. Кибирев рассказывал, что монгольские жилища стоят пустые, а голодающие степняки, «развоеванные» джунгарами, бродят по горам и степям и «друг друга едят»¹³².

Монголо-джунгарская война коренным образом меняла обстановку на Дальнем Востоке. «Поход Галдана,— пишет Е. М. Залкинд,— роковым образом сказался на исторических судьбах Монголии, хотя его предприятие и было попыткой покончить с феодальной раздробленностью страны... Главную угрозу для Монголии представляла маньчжурская династия, только что сломившая героическую освободительную борьбу китайского народа. Бросая ей вызов, Галдан обрушился на предательских монгольских ханов и, громя их уделы, причинил столь большой ущерб народу, что уничтожил те силы, которые еще способны были противостоять маньчжурской экспансии»¹³³.

Вторжение Галдана в Северную Монголию нарушало план военных действий маньчжурских войск, разработанный на 1688 г. Если дипломатия богдыхана Сюань Е могла торжествовать победу, добившись выступления Очирой Саин-хана против России, то столкновение Северной Монголии с Джунгарией именно в этот момент ее никак не устраивало. Цинская империя не могла допустить «образования объединенного монгольского государства под властью ойратского Галдана Бошокту-хана и высших иерархов ламаистской церкви... Вот почему борьба против Галдана с целью его полного сокрушения превратилась в одну из главных задач цинского правительства»¹³⁴.

В этой обстановке богдыхан Сюань Е вынужден был временно отказаться от намерения воспользоваться переговорами в Селенгинске для нового наступления в Приамурье и Забайкалье; он начал дипломатические маневры в ожидании более благоприятных условий. С. Коровин вернулся в Удинск 28 июня 1688 г. в сопровождении гонца Ундур-гэгэна, а через месяц, 1 августа, маньчжурское посольство известило Ф. А. Головина в Селенгинске, что из-за войны в Монголии идти ему «на съезд невозможно» и из-за скорой осени переговоры ни в каком ином месте оно вести не может¹³⁵.

Ф. А. Головин передал маньчжурским гонцам о своем намерении продолжать дипломатические сношения с Пекином для достижения договоренности о месте и времени посольского съезда и одновременно, в связи с подходом маньчжурских войск к Албазину, предписал И. Е. Власову требовать от маньчжурского командования отвода войск от русских границ во избежание «большой ссоры», а в случае их движения к Нерчинску поступать «воинским обыкновением». Сам Ф. А. Головин решил покинуть район Удинска и Селенгинска и следовать в Албазин, где и ждать нового посольского съезда¹³⁶. Еще летом 1687 г. он заблаговременно наказывал И. Е. Власову подготовить дощаники, лодки и плоты для доставки

двух тысяч ратных людей из Нерчинска в Албазин¹³⁷. В данной ситуации это решение было единственно правильным.

В последних числах августа 1688 г. Ф. А. Головин, оставив в Удинске 120, а в Селенгинске 164 служилых человека, вышел со своим полком (1160 человек) из Удинска в Нерчинск¹³⁸. Обоз из 384 подвод сопровождался местными ясачными людьми. В это же время маньчжуры вновь нарушили перемирие и уничтожили под Албазином засеянные весной пашни. Остатки гарнизона оказались перед угрозой голодной смерти. А. И. Бейтон на этот раз был в отчаянии. В сентябре 1688 г. он писал И. Е. Власову: «Свет государь Иван Остафьевич! Не покручинься на мое письмо, писать некому, а сам не смыслю и лежу тепере на одре шестая неделя, пить и есть нечего, с нужи и бедности пропадаю... Не дайте томною и голодною смертью умереть при конце живота своего...»¹³⁹ И. Е. Власову удалось помочь албазинцам хлебом и скотом, но положение там по-прежнему было трудное¹⁴⁰.

Одновременно с этими событиями решалась судьба Северной Монголии. В августе 1688 г. маньчжурский двор, понимая беспомощность халхаских феодалов, попытался остановить наступление Галдана и склонить его к миру. Однако Галдан отклонил посредничество посла далай-ламы Цицик-Далай-хамбо. Тогда Очирой Саин-хан решил дать Галдану решительное сражение. Он знал о неравенстве сил и попросил Сюань Е прислать ему на помощь войско. Однако маньчжурский двор бросил своих союзников на произвол судьбы и решил воспользоваться их тяжелым положением. Сюань Е в ответ на просьбу о помощи предложил халхаским феодалам отказаться от политической самостоятельности и перейти в подданство Цинской империи¹⁴¹.

Очирой Саин-хан, бросив Ургу, отступил к озеру Ологой. Шидишири сумел уклониться от встречи с войсками Галдана и, отойдя от русских рубежей, соединился с Очирой Саин-ханом. Там, в «крепких местах», они намеревались остановить наступление Галдана. Халхаские военачальники уклонились от столкновения в поле, где превосходящие силы неприятельской конницы могли безусловно добиться успеха. Они обосновались на островах озера Ологой, а свои войска расположили на валах, возведенных вдоль берегов и укрепленных рвом. Узкие озерные перешейки они перекопали и отвели воду в рвы. Таким образом, джунгарская конница была лишена своего преимущества.

Галдан окружил озеро конными «караулами», основную часть кавалерии оставил в резерве и, введя в действие пехоту, вооруженную огнестрельным оружием, начал штурм земляных укреплений. После трехдневного сражения халхаской армии «стало невмочь». На четвертую ночь Очирой Саин-хан и Шидишири, пользуясь темнотой, пробились сквозь ряды неприятеля и с небольшим числом людей бежали. Уцелевшие халхаские части рассеялись, «не сведав друг друга, и ныне мунгальские люди все в разбеге», как рассказывали

добравшиеся до русских пределов буряты — участники этой битвы. Джунгарские послы, прибывшие в Россию в 1690 г., утверждали, что Галдан преследовал своих врагов месяц, пока они не укрылись под защитой войск Сюань Е в пределах цинского Китая¹⁴².

Проблема взаимоотношений с Галданом становилась для Сюань Е первостепенной. Сначала, осенью 1688 г., пекинская дипломатия попыталась убедить Галдана уйти из Северной Монголии. Но ее миролюбивые обращения носили, разумеется, тактический характер. И. Я. Златкин обоснованно считает, что за этим миролюбием скрывалось стремление добиться ухода Галдана, чтобы затем «освоить» Халху и «исподволь подготовиться к борьбе за завоевание самой Джунгарии, борьбе неизбежно трудной и дорогостоящей»¹⁴³.

Добиваясь ухода Галдана из Северной Монголии, цинские политики в то же время вовсе не хотели отказываться от борьбы за Приамурье, а при благоприятных условиях и за Забайкалье. Они очень опасались союза между Россией и Джунгарией. Основания к этому имелись. Вступая в Северную Монголию, Галдан сам содействовал распространению слухов о своих совместных действиях с русскими войсками. Сведения об этом со слов пленных джунгар привез Ф. А. Головину из Урги С. Коровин в июле 1688 г.¹⁴⁴ О том же в самом конце 1688 или начале 1689 г. говорили Ф. А. Головину беглые монголы. Более того, по их же словам, наступление Галдана в Северной Монголии и действия русских войск против табунутских тайшей были расценены в столице Цинской империи как согласованная операция, а потому маньчжурский двор не решался направить новое посольство к Ф. А. Головину¹⁴⁵.

В Москве джунгарское наступление рассматривалось как благоприятный факт, и тобольскому воеводе А. П. Головину 13 сентября 1688 г. была послана грамота с предписанием сообщить Галдану о благожелательном отношении к нему русского правительства¹⁴⁶. Почти одновременно, в ноябре 1688 г., Галдан по собственной инициативе прислал посольство в Иркутск. Предлагая русским совместно с ним выступить против Очирой Саин-хана, он готов был предоставить им право беспошлинной торговли в своей ставке и отказать от своих притязаний на население Саян¹⁴⁷.

Ф. А. Головин не был склонен торопиться с ответом Галдану. Он прекрасно понимал, что джунгарское наступление создавало благоприятную для России дипломатическую и военную ситуацию. Но, по его мнению, после уничтожения маньчжурами всего урожая под Албазином обеспечить там его полк продовольствием было бы трудно. Кроме того, он опасался, что прибытие в Албазин крупных русских пополнений маньчжуры могли расценить как намерение продолжать боевые действия, а обострить обстановку Ф. А. Головин не хотел. Однако более всего его продолжала тревожить обстановка в Халхе. Он не был уверен в непреклонности решения Галдана бороться за Северную Монголию. Учитывая сообщения монгольских беженцев, русский посол опасался контрнаступления весной 1689 г.

Очирой Саин-хана и Ундур-гэгэна совместно с маньчжурскими войсками. Ф. А. Головин считал, что если Галдан уйдет из Северной Монголии и Очирой Саин-хан с войсками Сюань Е туда вернется, то оборонять от них Забайкалье будет крайне трудно; к тому же присутствие многочисленных монгольских беженцев могло осложнить оборону¹⁴⁸. Поэтому Ф. А. Головин считал более целесообразным послать Галдану царскую «милостивую» грамоту с предложением не «учинять» никакого соглашения на мир с Очирой Саин-ханом и Сюань Е, не «допускать» их войск в Северную Монголию и не вступать с ними ни в какие переговоры до тех пор, пока не начнутся мирные русско-маньчжурские переговоры. Свою точку зрения, определившуюся в сентябре 1688 г., Ф. А. Головин изложил в донесении в Москву. По-видимому, оно было написано ранней весной 1689 г. и получено в столице 27 июня 1689 г. Русское правительство согласилось с доводами и предложениями Ф. А. Головина и положило их в основу грамоты, уже 3 июля 1689 г. посланной Галдану¹⁴⁹.

После некоторых, по-видимому, колебаний Ф. А. Головин приостановил начатое продвижение от Удинска к Нерчинску и, оставшись в Забайкалье, осенью 1688 г. основное внимание уделил северомонгольским беженцам, которые с июня—июля 1688 г. стали массами уходить от джунгар в русские пределы. В начале июля к Нерчинску, на р. Борзя, подошли 37 тунгусских юрт, а в середине месяца туда же откочевало уже до двух тысяч бурят и монголов из улусов Далай-контайши на реках Онон и Керулен¹⁵⁰. Часть беженцев укрылась в горах около Байкала¹⁵¹. Тогда же, во второй половине июля 1688 г., к Тункинскому острогу вышло 60 юрт монголов, которые сообщили, что от «тягости» джунгар вскоре придут и «другие многие» степняки¹⁵². Какое-то количество бурят, вовлеченных Очирой Саин-ханом в свое войско, после поражения у оз. Ологой 10 октября 1688 г. также появилось в Забайкалье¹⁵³.

Стремительное джунгарское наступление на Северную Монголию довершило политический разброд местных феодалов. Одни из них бежали вместе с Очирой Саин-ханом и Ундур-гэгэном к китайским рубежам, другие перешли на сторону Галдана, третьи стали уходить в пределы России. Цэцэн-нойон, перешедший в «подданство» к Галдану, даже задерживал монгольских беженцев, выходивших к Тункинскому острогу¹⁵⁴. Своеобразную позицию заняли табунутские тайши. Как уже указывалось, они не признавали русского подданства, но претендовали на право кочевья в Забайкалье. К осени 1688 г. табунуты также откочевали к р. Хилок, что вызвало у Ф. А. Головина большие опасения. Поэтому в сентябре 1688 г. он переправил через р. Хилок 500 служилых людей и отряд из бурят и тунгусов в 300 человек и стремительным ударом нанес табунутах поражение.

Деморализованные бегством от войск Галдана, табунуты уже на следующий день прислали своих представителей для переговоров

о принятии русского подданства. В начале октября русскоподданными стали до трех тысяч человек, из них до 1200 мужчин¹⁵⁵. Только глава табунутов Цэцэн-Цокулай с небольшим отрядом ушел в Северную Монголию. После этого Ф. А. Головин сам обратился к подкочевавшим к русским рубежам халхаским тайшам с предложением войти в пределы Забайкалья и принять русское подданство. Это предложение приняли многие тайши, и в январе 1689 г. И. Качанов по поручению Ф. А. Головина согласовал с ними «договорные статьи». По этим статьям северомонгольские феодалы признавали «вечное подданство», отказывались от своих претензий на ранее объясаченное бурятское население и соглашались с каждого улуса ежегодно поставлять по 50 голов крупного рогатого скота и 50 баранов в качестве «поклонных». Русское правительство обещало не проводить насильно христианизацию монголов и оставляло за тайшами право на управление улусным населением. После утверждения этих статей обеими сторонами в течение января—марта 1689 г. в Забайкалье явились 472 юрты и до 40 представителей феодальной племенной верхушки. Этот переход встречал ожесточенное сопротивление их противников. Так, Эрдэни-Батур, подписавший в январе 1689 г. «договорные статьи», был увлечен снова в Северную Монголию¹⁵⁶.

Всего в русские пределы с июля 1688 по март 1689 г., по ориентировочным подсчетам, перешло до 10 тыс. человек. Этот вопрос уже исследовался¹⁵⁷, и нет необходимости вновь касаться его. Важно указать на другое. Рядовое монгольское население далеко не всегда следовало за своими метавшимися владыками и более спокойное существование в Забайкалье предпочитало тяготам феодальной войны. Когда другие тайши увлекали Эрдэни-Батура в Северную Монголию, до 150 юрт его улусных людей вышло к Селенгинску. То же самое произошло при уходе в апреле 1689 г. в Монголию Эрдэни-Контазия; до 200 зависимых от него юрт осталось у Селенгинска¹⁵⁸. К октябрю 1690 г. из уведенных Эрдэни-Контаziem улусных людей два зайсана, его зять и 50 юрт рядовых монголов возвратились в Селенгинск¹⁵⁹. Более того, табунутский зайсан Окин-Батур летом 1689 г., по согласованию с Ф. А. Головиным, выступил с отрядом в 860 человек и, перейдя р. Чикой, на Селенге разбил «немирных тайшей» (Эрдэни-Контазия и др.)¹⁶⁰.

Русское правительство одобрило действия Ф. А. Головина в Забайкалье. На обороте присланной в Москву «отписки» Ф. А. Головина — о посылке С. Коровина в Пекин, о договоренности относительно посольского съезда в Селенгинске, о срыве этого съезда и намерении самого посла следовать в Албазин — в декабре 1688 г. была сделана помета: послать грамоту с «милостным словом»¹⁶¹. После сообщения о переходе монгольских и табунутских тайшей в русское подданство Ф. А. Головину в мае 1689 г. было послано «похвальное слово» и последовали награды: командному составу — специальные медали, московским и сибирским воинам, участвовав-

шим в боях,—золотые копейки, прочие сибирские служилые люди получили по отрезу кумача, а албазинцы — по золотой копейке и отрезу сукна¹⁶².

Широко открывая доступ в Забайкалье беженцам из Северной Монголии, Ф. А. Головин в то же время опасался «шатости» «сош-лых» халхаских тайшей¹⁶³. Весной 1689 г., после ухода Эрдэни-Кон-тазия, он решил впредь не принимать выходцев из Северной Мон-голии и попытался переселить ранее пришедших халхасцев в глу-бинные районы Забайкалья, к Удинску и Итанцинскому зимовью, а выходцев бурят — связать порукой с их местными «родниками»¹⁶⁴.

Итак, к осени 1688 г. обстановка на Дальнем Востоке складыва-лась для России довольно благоприятно. Разработанный цинским правительством план наступления Очирой Саин-хана на Забайка-лье, а маньчжурских войск — на Албазин и Нерчинск был сорван русскими, а враждебная России группировка халхаских феодалов — разгромлена Галданом. Вмешательство Джунгарии в северомонголь-ские дела давало Ф. А. Головину благоприятные шансы в борьбе с цинским правительством. После поражения, которое понес Очирой Саин-хан сначала от русских, а затем от джунгарских войск, опас-ность активизации враждебной России группировки халхаских фео-далов отпадала. Тем не менее Ф. А. Головин отказался от мысли осенью 1688 г. следовать в Приамурье.

Основная причина, заставившая его задержаться в Западном Забайкалье, заключалась в боязни маньчжуро-монгольского выступ-ления весной 1689 г. против Галдана. В случае отхода Галдана в Джунгарию, и вступления войск Сюань Е и Очирой Саин-хана в Северную Монголию коммуникации в Забайкалье могли оказаться под угрозой, а русские силы в Приамурье — отрезанными от При-байкалья. Ф. А. Головин вновь зазимовал в Удинске и решил там до лета 1689 г. выжидать прояснения обстановки в Халхе.

Глава 5

ЗАКЛЮЧЕНИЕ НЕРЧИНСКОГО МИРА

Русское правительство предусматривало мирное урегулирование с Цинской династией на основе сохранения целостности сибирских земель, коренные жители которых приняли российское подданство. Это стремление нетрудно заметить во всех трех «наказах», которые были получены Ф. А. Головиным в декабре 1685 г., сентябре 1687 г. и июле 1688 г. В первом «наказе», составленном перед отъездом Ф. А. Головина из Москвы, русское правительство в первых же двух статьях сформулировало свою позицию в территориальном вопросе: «Учинить непременно рубеж по реке Амур, давая знать, что кроме оной реки, издревле разделяющей оба государства, никакая граница не будет крепка, также, чтобы подданные обоих государств с одной стороны в другую за реку Амур не переходили, с ясажных людей ясака не сбирали и никаких обид им не чинили; пограничные ссоры успокоить; разоренные острожки построить и людьми населить паче прежняго»¹. В крайнем случае допускалась возможность

размежевания границ в пределах территории, уже хозяйственно освоенной русским населением: «По последней мере учинить границу рекою Амуром по реку Быструю (Бурею. — В. А.) или Зею, в Амур впадающая. Буде же и в сем поупрямятся, то по самой последней мере быть границею Албазину, а промыслы иметь по реке Амуру, Быстрой и по Зее»².

Правительство России не собиралось допускать разорения хозяйства русских переселенцев, а напротив, предполагало создать условия, при которых оно развилось бы «паче прежнего». Во всех этих случаях русское правительство не имело в виду нижнее течение Амура, но хотело обусловить свое право расширять районы пушных промыслов вниз по Амуру. Обращает на себя внимание часть формулировки «наказа», где говорится, что никакая иная граница, кроме Амура, «не будет крепка». В XVII в. русские политики прекрасно понимали значение Амура как весьма удобного пограничного рубежа. Фактически в пределы России уже в середине XVII в. вошло как левобережье, так и правобережье Амура. При этом, как справедливо отмечал В. С. Мясников, «понимая, что возможности раздела между государствами той «ничейной» зоны взаимного проникновения их подданных, которая простиралась к югу от Амура, в связи с неравенством сил утрачены, в Москве решили, молчаливо делая эту уступку, отстаивать вариант границы по Амуру как самый справедливый»³.

Русское правительство оставляло за собой право требовать возмещения убытков за разорение русских селений, готово было провести обмен перебежчиков и пленных, кроме князей Гантимуровых с детьми, «яко принявших уже святое крещение», установить порядок посольских отношений, не ущемлявших достоинство России, и выражало заинтересованность в ввозе в Россию китайскими торговыми людьми товаров, прежде всего серебра и шелка.

Таким образом, проблема территориального разграничения представлялась русскому правительству основной во время предполагаемых переговоров. В случае же отказа маньчжурской стороны от разграничения на данных условиях оно намерено было продолжать борьбу за сохранение сибирских территорий в составе России.

Следует иметь также в виду, что установление границы по Амуру до устья Зеи или до Албазина понималось в Москве всего лишь как частичное размежевание. Поэтому ни в одном из «наказов» Ф. А. Головину нет положений о переходе Нижнего Амура «в сторону» богдыхана Сюань Е или в его «владение и в державу». Допуская возможность частичного размежевания, русское правительство полагало в дальнейшем, в условиях мирных отношений, обусловить порядок разграничения остальных районов Приамурья.

Самоотверженная защита Албазина поставила маньчжурскую армию под его стенами зимой 1686/87 г. в крайне тяжелое положение и вынудила цинский двор во время переговоров с Н. Д. Венюковым и И. Фаворовым дать согласие на перемирие и отвод своих

войск до устья Зеи! Тем самым Пекин принял, хотя и не полностью, предварительное условие созыва посольского съезда, выдвинутое Москвой: отвести войска с российской территории и в дальнейшем ее не занимать. Никаких иных пунктов соглашения о перемирии не известно. Русское правительство полагало, что богдыхан Сюань Е, обратившись в Москву с территориальными претензиями, по нормам международной дипломатической практики должен был дожидаться приезда русского посла или получения ответа и не начинать военных действий на чужой территории. Эту точку зрения отстаивали в Пекине Н. Д. Венюков и И. Фаворов, и ей же, согласно инструкции Ф. А. Головина, полученной в Нерчинске 30 ноября 1686 г., обязан был следовать и нерчинский воевода И. Е. Власов⁴.

Однако маньчжурские военачальники, регулярно пересылавшиеся с Пекином, затягивали отвод войск с Амура. Более всего они опасались прибытия в Албазин русских пополнений, и особенно Ф. А. Головина с его ратными людьми. Хотя, по условиям перемирия, численность албазинского гарнизона не ограничивалась, однако маньчжуры пропускали из Нерчинска в Албазин только «малых людей», следовавших туда с продовольствием. В конце марта или в начале апреля 1687 г. они задержали отряд из 40 казаков, перегонявших в Албазин гурт скота, и пропустили в крепость только 11 из них. В начале июня 1687 г., когда А. И. Бейтон вновь потребовал от маньчжурских воевод отойти подальше от Албазина, они «много задорных речей чинили» в связи с крайне незначительным усилением гарнизона и готовы были обвинить русских в намерении нарушить перемирие.

А. И. Бейтон, располагавший в то время всего лишь сотней служилых людей, во избежание провокаций просил И. Е. Власова не присылать больше подкреплений. Около Албазина постоянно находились неприятельские посты и разъезды, а маньчжурские воеводы не раз запрашивали А. И. Бейтона о времени прихода в Албазин Ф. А. Головина и даже считали до его приезда «дни и часы»⁵. Однако эта заинтересованность маньчжуров вовсе не объяснялась их желанием ускорить начало мирных переговоров. Только в самом конце августа 1687 г., когда маньчжурам стало ясно, что Ф. А. Головин не успеет до конца года достичь Приамурья, они отвели войско к устью Зеи, но отнюдь не оставили мысли о дальнейшей борьбе за Албазин. Перебежчик из маньчжурской армии рассказывал А. И. Бейтону о намерении цинских военачальников весной 1689 г. вновь осадить русскую крепость, если туда придут русские служилые люди «для войны»⁶. Всякое же усиление албазинского гарнизона маньчжуры рассматривали как вызов. Уничтожение русских пашен под Албазином осенью 1688 г. показало, что правительство Сюань Е соблюдало условия перемирия лишь до тех пор, пока оно отвечало его интересам, и нарушало его, как только оно становилось для него невыгодным.

Правительство царевны Софьи придавало перемирию очень

Ф. А. Головин
(портрет маслом
неизвестного художника
начала XVIII в.
Исторический музей.
По кн.: Русско-китайские
отношения в XVII веке,
т. 2, с. 11)

важное значение. После возвращения Н. Д. Венюкова и И. Фаворова в Москву условия его обсуждались, по-видимому, не в Посольском или Сибирском приказе, а непосредственно «во дворце», так как новый «наказ» Ф. А. Головину был послан 14 июня 1687 г. именно оттуда⁷. С подписанием перемирия правительство царевны Софьи связывало надежды, что богдыхан Сюань Е заинтересован в мирном разрешении конфликта. Поэтому во второй «наказ», который Ф. А. Головин получил 30 сентября 1687 г., было внесено новое существенное положение. Ф. А. Головин объявлялся, как и прежде, добиваться установления мира, но ни в коем случае не нарушать перемирия и «войны же и кровопролития, кроме самой явной от них недружбы и наглых поступков, не всчинать»⁸. Кроме того, русские политики готовы были «по самой конечной мере» снести русские селения и укрепления в районе Албазина, вывести оттуда русское население, но не проводить разграничения, с тем, однако, условием, чтобы русские и ясачные охотники могли по-прежнему там вести промыслы.

При отказе маньчжурской стороны и от этого предложения Ф. А. Головину надлежало, на основе уже заключенного перемирия, «сие дело отложить до инаго времени, пока с обеих сторон государи согласятся посредством взаимного посольства оное дело решить, не возбраняя подданным обеих сторон в тех местах до совершения договоров иметь свои промыслы»⁹.

Осенью 1687 г. под влиянием сообщения И. Е. Власова, что маньчжуры затягивают отвод войск от Албазина, русское правительство, учитывая возможность отказа богдыхана Сюань Е от переговоров, стало склоняться к более жесткой позиции. По указу от 8 октября 1687 г. Ф. А. Головину было предписано в таком случае укреплять Нерчинск. Через две недели, 24 октября 1687 г., последовал новый указ. В нем говорилось, что если маньчжурские войска от Албазина отступят и прибывшему в Даурию Ф. А. Головину «промышлять» будет не над кем, а от посольского съезда предста-

вители Сюань Е станут уклоняться, то надлежит надежно укрепить Албазин, оставить в нем всех сибирских служилых людей, пришедших с Ф. А. Головиным, а ему самому с московскими стрельцами следовать в Москву. Этот указ был подтвержден 28 января 1688 г.¹⁰ На протяжении ноября 1687 г. позиция Москвы была уточнена, и по указу от 23 ноября к Ф. А. Головину с новым, третьим «наказом» выехал подьячий Посольского приказа И. Логинов¹¹. К Ф. А. Головину в Удинск он прибыл 7 июля 1688 г., т. е. в момент наступления Галдана на Северную Монголию.

Новая инструкция соответствовала относительно благоприятно складывавшейся обстановке. Ф. А. Головину предписывалось идти из Забайкалья в Албазин «с великим поспешением, не останавливаясь нигде ни для чего ни на малое время», там дожидаться приезда маньчжурских послов и во время переговоров следовать первым двум пунктам указа от 14 июня 1687 г.¹², т. е. добиваться установления границы по Амуру или размежевания до Албазина с правом русских промышленных людей вести пушной промысел по рекам Зее и Бурее. В крайнем случае по последнему пункту того же указа допускалась возможность ухода русского населения из района Албазина, с тем, однако, условием, чтобы граница там оставалась неразмежеванной.

На этот раз русское правительство в случае срыва переговоров отказывалось от мысли отложить «до иного времени» подписание мирного соглашения и уполномочивало Ф. А. Головина объявить Амур границы, а если правительство Сюань Е учинит «какие ссоры и кровопролития, и то им, китайцам, будет самим от себя»¹³. Иначе говоря, вся ответственность за последующие события возлагалась на маньчжурскую сторону. Таким образом, перед Ф. А. Головиным выдвигалась определенная программа: переговоры вести в Албазине, где добиваться или установления границы по Амуру, или ее частичного определения в зависимости от возможностей и обстоятельств момента. Указом от 5 января 1689 г. послу разрешалось в крайнем случае разорить Албазин, а бывшую с ним тысячу сибирских служилых людей оставить в Удинске для «оберегания» «байкаловских и даурских острогов»¹⁴.

С. Коровиным в Пекине в принципе было достигнуто соглашение по процедурным вопросам посольского съезда. Основной пункт его заключался в установлении равного количества войск при послах во время переговоров (500 человек). Однако информация Ундур-гэгэна о намерении маньчжуров ввести свои войска в Северную Монголию и в случае упорства Ф. А. Головина на переговорах начать военные действия ставила под сомнение реальность этого соглашения.

После отказа представителей Сюань Е от проведения посольского съезда под Селенгинском цинские политики на протяжении 1688 г. внимательно следили за действиями Ф. А. Головина. В начале декабря 1688 г. они запрашивали в Албазине о времени и месте приезда в Китай представителя Ф. А. Головина, которого он обещал

И. Е. Власов (портрет маслом Гр. Адольского, 1695 г.
Горьковский государственный художественный музей. По кн.:
Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955, с. 89)

направить в Пекин еще во время переговоров с маньчжурскими гонцами 1 августа в Селенгинске¹⁵. В этом запросе маньчжурские представители подчеркивали готовность Сюань Е немедленно выслать своих послов. В связи с захватом Галданом Северной Монголии цинское правительство начало серьезно задумываться о необходимости завершения борьбы с Россией. В середине января 1689 г. Ф. А. Головин направил А. И. Бейтону письмо с извещением о своем намерении прибыть в Албазин и о посылке гонца в Пекин через Нерчинск и Аргунский острог для достижения договоренности о посольском съезде*. А. И. Бейтон тотчас послал четырех казаков на Наун и информировал маньчжуров о письме Ф. А. Головина. Известие о его намерении прибыть в Албазин вызвало раздражение; слышались угрозы вновь погубить под Албазином засеянные поля (несмотря на уничтожение урожая маньчжурами осенью 1688 г., в мае 1689 г. пашни на амурском берегу выше Албазина были засеяны вновь)¹⁶. Казаки сообщили также о военных приготовлениях маньчжуров, заготовке провианта, постройке и ремонте речных су-

*«...После обдумывания ситуации 11 января 1689 г. он (Ф. А. Головин. — В. А.) принял решение направить в Цинскую империю И. Логинова, «чтобы мунгалы согласясь с китайцы и пришед со многими ратями не учинили совершенного разорения байкаловским и даурским острогам»... При этом Ф. А. Головин решил все же добиться встречи послов на рубежах Русского государства» (Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., 1980, с. 227).

дов. Отчет о результатах поездки казаков И. Е. Власов получил от А. И. Бейтона 21 мая 1689 г.¹⁷

Ехать в Пекин для переговоров Ф. А. Головин не имел права. Русское правительство, учитывая опыт Н. Г. Спафария, не без основания полагало, что в этом случае посольство окажется в полной зависимости от цинского двора. По указу от 23 ноября 1687 г., привезенному И. Логиновым, Ф. А. Головин мог при отказе маньчжурской стороны от переговоров отправить его в Пекин для согласования условий мира. И. Логинову поручалось договориться о месте посольского съезда и последовательно представить цинскому правительству три варианта условий мира: 1) проведение границы по Амуру, 2) проведение границы в районе Албазина и установление взаимного права промыслов на Бурее и Зее и, наконец, 3) проведение границы на месте Албазина, разрушение его и распространение такого же права на среднее течение Амура. В случае же готовности Сюань Е выслать свое посольство навстречу Ф. А. Головину И. Логинов от конкретного обсуждения статей будущего договора должен был воздержаться¹⁸.

Ф. А. Головин воспользовался своими полномочиями и 11 января 1689 г. решил отправить И. Логинова в Пекин; 9 февраля 1689 г. И. Логинов прибыл в Нерчинск и ознакомил И. Е. Власова, назначенного вторым послом, с возможными вариантами соглашения. После двухнедельных размышлений И. Е. Власов, имевший за плечами тридцатилетний опыт придворной и административной службы, пришел к мысли о целесообразности жесткой позиции на переговорах и согласился на разграничение до Албазина как на крайнюю меру, однако высказался против его разорения¹⁹. 23 февраля И. Логинов выехал из Нерчинска через Аргунский острог в Китай²⁰. От его миссии во многом зависел успех дальнейших переговоров.

В пределы цинского Китая И. Логинов попал 28 марта 1689 г. и уже на Науне от ожидавшихся его там маньчжурских представителей узнал о намерении богдыханского правительства вступить в мирные переговоры. Поэтому его задача ограничивалась достижением предварительной договоренности о месте и условиях посольского съезда. В сопровождении маньчжурских представителей и их пышной свиты И. Логинов прибыл в Пекин только 13 мая. Свою первую «отписку» Ф. А. Головину с сообщением о склонности маньчжурского двора к миру он хотел отправить с Науна еще в первых числах апреля, но его гонца, казачьего пятидесятника С. Сенотрусова, маньчжуры в течение двух недель не выпускали оттуда «из-за отсутствия подвод». Смог выехать в Нерчинск гонец лишь тогда, когда его лошади отдохнули после дальнего перехода. До Ф. А. Головина эта «отписка» дошла лишь 8 июня 1689 г. Одновременно послу было доставлено сообщение разведчиков из Албазина о военных приготовлениях маньчжуров на Амуре: «Множество воят запасов в нижний городок на усть Зею реку, а в том городке жи-

вут бояре, которые приходили под Албазин с войском, а войско де у них все в собрание и никуды не распушено и бусы де готовятца, да слышал де он, Никишка, от китайских простых людей, а простые люди от воинских, чтоб не дать под Албазиным русским людям хлеб снять, для того что де Албазин город крепок и боем доступить его долго, а мочно мором выморить»²¹.

На пути в Пекин маньчжурский представитель в беседе с И. Логиновым сетовал на многочисленность войска, якобы собранного Ф. А. Головиным, и уверял его в отсутствии таких же сил у цинской стороны: «Никаких собранных войск нет, да збирать де не для чего, потому что де мы, холопы ваши, присланным их, которые у нас были на Селенге, объявили, что присланы мы от вас, великих государей, для посольских договоров, чтоб учинить между обоими государствами вечную дружбу, а не для войны...»²² Этот же представитель не скрыл от И. Логинова намерение цинского правительства послать свое посольство в Нерчинск, а также сообщил ему о снаряжении речных судов, на которых по Амуру мимо Албазина повезут «посольские запасы». К приезду И. Логинова Сюань Е выработал свой план действий и намеревался его осуществлять вне зависимости от результатов договоренности с посланником Ф. А. Головина. План этот заключался, прежде всего, в том, чтобы не допустить прихода Ф. А. Головина с подкреплением в Албазин и прислать своих представителей в Нерчинск раньше, чем туда явится русский посол.

Поэтому маньчжурские представители весьма охотно обсуждали с И. Логиновым мелкие процедурные вопросы, но сразу же, 15 мая 1689 г., категорически объявили ему, что «съезжему месту быть близ Нерчинска, для того что мы..., великие и полномочные послы, пребывание свое имеем в Нерчинском, и великие де хановы послы из царства пойдут от вышечисанного числа умедля 20 дней» в сопровождении тысячи ратных людей, посылаемых «для чести» послов. Ко времени появления И. Логинова в Пекине этот план был не только разработан, но и осуществлялся. Даже С. Сенотрусову на Науне удалось проведать о намерении маньчжуров направить послов именно в Нерчинск²³. Таким образом, место переговоров было определено цинским правительством в одностороннем порядке, без окончательного подтверждения со стороны Ф. А. Головина²⁴. И. Логинов сумел все же проведать от «многих людей», что «китайского хана великие послы будут на посольской съезд со многими ратными людьми, только де сказывают, что миру гораздо ради, а под Албазин войско великое в готовности и зимовали около Зии и иных рек, да и мир де учинить хотят, чтобы Албазин им был отдан, а буде отдан не будет и у них совершенно намерено, чтоб его разорить. А и чиновные де люди говорят во всяких разговорах с ним, Иваном, приятно и миру желают, только де об Олбазине запность великую имеют...»²⁵

В июне 1689 г. Ф. А. Головин убедился в том, что его предположение о вступлении войска Сюань Е в Северную Монголию не

оправдалось. Уже с осени 1688 г. богдыхан начал длительные дипломатические переговоры с Галданом, стремясь примирить хана с северомонгольскими владетелями и убедить его уйти в Джунгарию, а тем временем добиться выгодного для себя соглашения с Россией. Посредничавшие представители далай-ламы даже привозили Галдану обещание Сюань Е выдать ему «супостатов», т. е. Очирой Саин-хана и Ундур-гэгэна²⁶.

В январе 1689 г. Сюань Е в своем послании Галдану даже возлагал вину на возникновение джунгаро-халхаской войны на Очирой Саин-хана и Ундур-гэгэна: «А одержанная твоя победа над калками от того зделалась, что они несправедливым образом наперед тебя задрали. И потому всю вину на калков положить надлежит, а ты перед нами совсем прав... А за то, что они своим безумством подали причину к возбуждению войны, жесточайшими словами наказали»²⁷. Свою роль третейского примирителя Сюань Е продолжал играть и летом 1689 г.²⁸, когда он готовился к переговорам с Ф. А. Головиным. Ему нужно было соглашение с Россией на основе аннексии сибирских земель, после чего он намеревался начать борьбу с Галданом за Северную Монголию. Галдан, разумеется, отнюдь не собирался оставлять Северную Монголию и требовал выдачи Очирой Саин-хана и Ундур-гэгэна.

По мнению И. Я. Златкина, Галдан в 1689—1690 гг., «отдавая себе, по-видимому, отчет в подлинном значении и возможных последствиях политики цинского правительства, открыто выступившего в защиту его противников,... направил свои усилия к тому, чтобы договориться о военном союзе с Россией»²⁹. Однако этот анализ не совсем точен. Именно в 1689 г. Галдан не проявил тактической гибкости. Предлагая России военный союз, он одновременно поднял перед русскими властями вопрос, который мог только их насторожить. В конце июня 1689 г. через Тункинский острог в Иркутск прибыло совместное посольство от Галдана и перешедших на его сторону халхаских феодалов Цэцэн-нойона, Эрдэни-Контазия, Мэргэн-тайджи и др. В Иркутске посольство принял Л. И. Кислянский, который, оставаясь иркутским воеводой, к тому времени был назначен товарищем Ф. А. Головина, «всякие наши, великого государя, дела делать заодно»³⁰. Джунгарский посол Цокто-хошучи передал Л. К. Кислянскому «листы» от Галдана и вместе с другими посланцами говорил о желании степняков «жить в совете заодно», по-прежнему сохраняя торговые связи с русскими, и просил провести розыск о разграблении бухарского каравана, вышедшего из Иркутска в 1688 г.

Основная цель посольства заключалась, однако, в ином. Посланцы поставили вопрос о возвращении из России посольства Эрдэни-Контазия, отправленного еще в марте в Москву, после того как он принял российское подданство. К лету 1689 г. этот монгольский «перелет» оказался уже в подданстве у Галдана. Цокто-хошучи объяснял Л. К. Кислянскому, что Эрдэни-Контазий выступил про-

тив «приклонившегося» к джунгарам Эрдэни-Батура; за это брат Батура Цэцэн-нойон его «погромил» и под Галдана «подвел», который-де не знал о русском подданстве Контазия. В свою очередь посланцы начали хлопотать за тайшей, принявших русское подданство и ныне «желающих» перейти к Галдану. Словом, посольство прозрачно и вместе с тем довольно вызывающе поднимало спор о северомонгольском населении, ушедшем в Россию от джунгарского погрома. Ничего не добившись, оно, крайне раздосадованное, 8 июля отбыло обратно.

Реакция в Москве на это посольство была, разумеется, не в пользу Галдана³¹. Русские власти убедились также, что разрыв сношений между Джунгарией и цинским правительством еще не произошло и вступления войск Сюань Е и Очирой Саин-хана в Северную Монголию в 1689 г. опасаться не следует.

Ф. А. Головин это понял несколько раньше. Через две недели после получения первой «отписки» от И. Логинова и за несколько дней до прибытия в Тункинский острог джунгаро-монгольского посольства, 23 (или 24) июня 1689 г. он со всеми ратными людьми выступил из Удинска в Нерчинск.

Вторая «отписка» И. Логинова о его переговорах в Пекине и выезде маньчжурских послов была доставлена в Нерчинск И. Е. Власову казачьим пятидесятником Л. Дюковым 19 июня и послана навстречу Ф. А. Головину.

Дальнейшие события приобрели такой характер, что Ф. А. Головину и И. Е. Власову больше пришлось думать об обороне, нежели о дипломатических переговорах. Все яснее становилось, что Сюань Е нарушает перемирие, заключенное Н. Д. Венюковым и И. Фаворовым, соглашение, достигнутое С. Коровиным, о «равенственном» числе войска при послах. Об односторонних действиях Сюань Е свидетельствовало и то, что, не считаясь с требованием Ф. А. Головина, он направил посольство в Нерчинск до получения окончательного ответа русской стороны относительно места проведения переговоров.

Получив 1 июля 1689 г. вторую «отписку» И. Логинова, Ф. А. Головин тотчас подтвердил И. Е. Власову неизменность своей позиции и наказал передать прибывшему маньчжурскому представителю, что окончательное определение места проведения переговоров (в Нерчинске или Албазине) должно произойти в августе, после его приезда в Нерчинск. В маньчжурской «подготовке» к посольскому съезду Ф. А. Головин с полным основанием увидел «воинское поведение» и поручил И. Е. Власову передать противнику заявление о необходимости соблюдения перемирия и о неправомерности прохода цинских судов с войсками по Амуру мимо Албазина, «чего нигде в окрестных государствах при великих и полномочных послех и при постановлении посольских договоров не обыкло быти, и что он, дзаргучей, о том послом своим объявил подлинно, чтоб они, послы, конечно, водяным путем мимо Албазина на бусах никаким сво-

им людям ходить не велели, чтоб оттого с их стороны не дошло вновь до большие ссоры». О том же было сообщено А. И. Бейтону. Ему предписывалось без замедления убрать с полей созревший хлеб³². Весной 1689 г. неприятельские разъезды появились около Албазина, и А. И. Бейтон все время высылал «станицы» на разведку вверх и вниз по Амуру³³.

Под прикрытием посольских переговоров маньчжуры развернули новое наступление. Оно началось 3 июня 1689 г., т. е. сразу же после выезда из Пекина цинского посольства. В этот день неприятельские войска на 60 бусах подошли к Албазину. По-видимому, дожидаясь дальнейших приказов, маньчжурский воевода остановился у Албазина и даже обещал А. И. Бейтону не губить засеянных полей. Флот, по его словам, посылался к Нерчинску «для споможения запасами их китайских послов». 1 июля приказчик Аргунского острога В. Милованов известил И. Е. Власова о вступлении цинских отрядов в пределы Нерчинского уезда и переходе их через р. Аргунь. На запрос о причинах нарушения границы маньчжурские офицеры также ссылались на версию о конвойных функциях их частей. Уже тогда на Шилке ниже Нерчинска они собрали табун лошадей в 800 голов³⁴, предназначавшийся для подхитившей цинской армии. 12 июля И. Е. Власов узнал о движении передового отряда маньчжурских судов от Албазина и подходе его к окрестностям Нерчинска. Албазинский гонец казак Ф. Лапшинов донес И. Е. Власову, что вся неприятельская флотилия насчитывает 120 бус, на которых находится до 4 тыс. солдат при 45 пушках. Следуя по Амуру, маньчжурский воевода пытался разведать местопребывание нерчинских ясачных людей. Эти сведения Ф. А. Головину были доставлены 18 июля.

Таким образом, используя перемирие и подготовку к посольскому съезду, маньчжуры захватили значительную часть территории России.

Тем временем московские стрельцы под командой Ф. И. Скрипицына и сибирские казачьи части П. Грабова и А. Смаленберга с вспомогательными тунгусскими и бурятскими отрядами «за великими грязями» медленно подтягивались со своими обозами к Нерчинску. Ф. А. Головин отдал приказ о приведении в состояние боевой готовности нерчинского гарнизона и до окончания посольского съезда велел переселить ясачное население в глубь Забайкалья, к Телембинскому и Еравненскому острогам. Пытаясь приостановить продвижение маньчжурских войск к Нерчинску, он направил навстречу цинскому посольству своего личного представителя В. Лутовинова. Тот должен был добиваться отвода неприятельских войск от Нерчинска в «неблизкие места» и под угрозой отказа от переговоров — установления равного количества воинов для охраны послов. С ним был послан бурятский шуленга Бамбагай, которому поручалось «обнадеживать» местное ясачное население и противодействовать маньчжурским попыткам его «прельстить»³⁵.

Еще 16 июля, когда Лутовинов находился в пути, в Нерчинск

прибыли маньчжурские гонцы и объявили о следовании посольства через степи от оз. Далайнор и о его появлении под острогом через пять дней. Они же проговорились о нарушении маньчжурской стороны срока выезда посольства. По их словам, И. Логинов был отпущен из Пекина 25 мая, а посольство выехало на пятый день после его отъезда, т. е. почти на неделю раньше обусловленного срока. Нерчинский воевода И. Е. Власов послал гонца к Ф. А. Головину с просьбой ускорить доставку «легких людей» для усиления местного гарнизона, а сам отправил к командующему флотилией сына боярского Г. Лоншакова с требованием выше города не подниматься и не травить посевов. Маньчжуры прислали наглый ответ: идут-де они «для добрых дел», поставят флот, где захотят, а если мир не будет заключен, «и не какая диковина и хлеб потолочить». В тот же день маньчжурская флотилия в 70 бус с 34 пушками прошла по р. Шилке и стала на версту выше Нерчинска у противоположного берега.

На следующий день И. Е. Власов вновь потребовал освободить место выше города; 18 июля маньчжуры «уступили» и поставили флот напротив Нерчинска³⁶. Тогда же к И. Е. Власову прибыли очередные маньчжурские гонцы с извещением об остановке посольства на Макарове-речке, в одном дне пути от Нерчинска. Навстречу ему И. Е. Власов выслал прапорщика Л. А. Нейтера с небольшим отрядом. Каково же было удивление этого офицера, когда он увидел более чем пятитысячную армию, сопровождавшую посольство. Послы Сюань Е передали И. Е. Власову просьбу известить Ф. А. Головина о их прибытии. Получив новую «отписку» И. Е. Власова, Л. А. Нейтер немедленно выехал к Ф. А. Головину. В страхе перед маньчжурским войском «все иноземцы, не только новые выходцы, и старые ясачные люди все розкочевались в дальные, в лесные места», но И. Е. Власов продолжал опасаться их «шатости». «Ведая здешнее малолюдство, обороны себе не чают»³⁷, — писал он.

В. Лутовинов приехал в Нерчинск 22 июля, когда маньчжурское посольство уже стояло лагерем непосредственно под городом. На следующий день с эскортом в 30 человек он отправился к маньчжурским воеводам «с выговором» за их приход к Нерчинску с ратной силой, «не обослався» с Ф. А. Головиным, и ранее его прибытия. Маньчжуры клялись в добрых намерениях, ссылаясь на данный им «заказ за смертной угрозой» не чинить никакого разорения, и просили взять для Ф. А. Головина «лист» «о добром деле». Ничего не добившись, В. Лутовинов с этим «листом» 24 июля уехал к Ф. А. Головину³⁸. В тот же день, наконец, объявился в Аргунском остроге старательно опекавший маньчжурами И. Логинов³⁹.

Получив 22 июля «отписку» И. Е. Власова о подходе маньчжурского флота к Нерчинску, Ф. А. Головин вслед за В. Лутовиновым направил в цинский стан своего второго представителя, подьячего Посольского приказа П. Бабаева, с новым категорическим требованием отвести войско, а также перенести ставку посольства не менее чем на 15 верст от города, пригрозив в противном случае отказом от

мирных переговоров. Несколько дней спустя он приказал И. Е. Власову объявить всему ясачному населению, чтобы оно, «поставя кочевья свои в крепких местах», выслало к нему всех воинов⁴⁰.

После ультиматума Ф. А. Головина, переданного П. Бабаевым 27 июля, маньчжуры поставили свой флот на Шилке против устья Нерчи, обозы расположили за Шилкой и сняли заслоны с путей, связывавших Нерчинск с Забайкальем⁴¹. Большого добиться от них было невозможно. В последних числах июля маньчжуры «с докукой» стали просить разрешения о посылке навстречу Ф. А. Головину их представителей с официальным приветствием. Судя по всему, их беспокоило соотношение цинских и русских сил. И. Е. Власов решил выждать несколько дней, пока все войсковые части соберутся к Ф. А. Головину. «И как впредь станут об отпуске докучать и я их пропушу..., а наперед их наспех пошлю с вестью казаков», — писал он Ф. А. Головину. 2 августа маньчжуры вновь стали просить о «пересылке» с русским послом, и И. Е. Власов, отправив вперед В. Лутовинова, разрешил выехать их представителям с провожатым, сыном боярским Л. Матвеевым⁴². По всей вероятности, маньчжуры были поражены, увидев отряды тунгусов и бурят в составе русского войска. На восстание ясачного населения посольство Сюань Е возлагало особые надежды. К 6 августа Ф. А. Головин собрал все свои ратные силы у Читинского плотбища и через три дня по Ингоде и Шилке достиг Нерчинска⁴³.

Положение в Нерчинске в начале августа 1689 г. складывалось сложное. Ф. А. Головин стремился избежать обострения ситуации под Албазином и не усиливал его гарнизон, чтобы не дать повода маньчжурам для выступления. Однако это не привело к желаемым результатам. События показали, что цинские политики намеревались при всех обстоятельствах не соблюдать уже состоявшегося соглашения об условиях проведения мирных переговоров. Маньчжурский двор во что бы то ни стало хотел добиться согласия России на аннексию сибирских территорий и после этого начать борьбу с Галданом. Цинские политики надеялись достигнуть своей цели путем военного и дипломатического давления.

Нарушив предварительное соглашение, маньчжурские войска вновь вторглись в Приамурье. Остатки истомленного осадой гарнизона Албазина не могли угрожать им. Поэтому, оставив Албазин в тылу и не опасаясь за свои коммуникации, маньчжуры начали наступление силами флота по Амуру к Нерчинску. Галдан в это время еще не вступил в вооруженный конфликт с Цинской династией, и ее сухопутной армии, давно готовившейся к наступлению на Нерчинск от оз. Далайнор, также ничего не угрожало. В результате наступления маньчжурам удалось захватить амурские берега и сконцентрировать около Нерчинска до 15 тыс. солдат с 50 пушками и многочисленный флот. В момент наступления им могли противостоять 100 служилых людей в Албазине и до 600 человек в Нерчинске. При таком соотношении сил ни А. И. Бейтон, ни И. Е. Власов не могли и думать об активных военных действиях.

После прибытия в Нерчинск Ф. А. Головина русские силы насчитывали около двух тысяч стрельцов и казаков и некоторое количество бурятских и тунгусских воинов. Трудно предугадать исход столкновения обеих армий. Оборона Албазина показала, что маньчжурские войска даже при наличии артиллерии и семи-, восьмикратном численном превосходстве не могли одолеть русские части, вооруженные ручным огнестрельным оружием. Под Нерчинском в августе 1689 г. сложилось приблизительно такое же соотношение сил. Правда, укрепления Нерчинска уступали албазинским.

В свою очередь русская армия под Нерчинском из-за своей малочисленности не могла вести наступательных операций. Ф. А. Головин и И. Е. Власов, безусловно, понимали, что даже в случае успеха обороны под Нерчинском Албазин вряд ли удастся отстоять, а пытаться возвратить его и прилегающий к нему район, когда на Амуре противник имел многочисленный флот, было невозможно. Так складывалась под Нерчинском обстановка, необычная для мирных переговоров.

В отечественной литературе мирные переговоры в Нерчинске были описаны в дореволюционное время в трудах В. Паршина, Н. Н. Бантыш-Каменского, С. М. Соловьева, а в советское время П. Т. Яковлевой и наиболее полно — В. С. Мясниковым и Г. В. Мелиховым⁴⁴. Поэтому подробности их достаточно хорошо известны, и следует лишь подчеркнуть, что, начиная военный шантаж во время переговоров, маньчжурская сторона использовала факт состоявшегося летом 1689 г. захвата российских владений по берегам Амура и Аргуни.

Итак, 12 августа 1689 г. под жерлами пушек Нерчинского острога, с одной стороны, и маньчжурской флотилии — с другой, в полуверсте от города между реками Шилкой и Нерчей состоялась первая встреча посольств. Россию представляли окольничий Ф. А. Головин и стольник И. Е. Власов, цинский двор — Сонготу, дядя богдыхана Дун Гоган, Лантань, командовавший маньчжурскими войсками под Албазином, и другие высшие сановники; в качестве советников и переводчиков при послах Сюань Е состояли миссионеры-иезуиты Ф. Жербийон и Т. Перейра.

На первой же встрече, когда обе стороны изложили свои точки зрения на вооруженный конфликт, Ф. А. Головину удалось отклонить «исторические» обоснования своих противников на сибирские земли и перейти к конкретному обсуждению вопроса об определении границ. Если в грамотах, посланных в Москву в 1685 г., Сюань Е настаивал на передаче ему большей части Восточной Сибири и проведении границы до Якутска, то теперь маньчжурские послы «ограничили» свои требования Забайкальем.

На следующий день, во время второй встречи, маньчжурские представители отступились от притязаний на все Забайкалье и начали требовать уступки захваченных их войсками приамурских земель вплоть до Нерчинска. Русские представители, следуя пунктам «на-

каза», остановились на размежевании по р. Зее. Маньчжурская сторона ответила решительным отказом, а затем распространила свои притязания на территории вплоть до Охотского моря. 14 августа послы Сюань Е сняли свои шатры со «съезжего места» и, чтобы «устрашить» русских представителей и заставить их принять предъявленные условия, начали демонстративные приготовления к осаде Нерчинска. На следующий день, 15 августа, Ф. А. Головина посетили Ф. Жербийон и Т. Перейра, которые сообщили ему о требовании цинского посольства — как о неперемennom условии подписания мирного договора — разорить Албазин и уступить маньчжурской стороне прилегающие к нему земли. 16 августа маньчжурам удалось склонить к измене незадолго до того вернувшихся из Монголии 2000 онкотов и бурят. Это был самый напряженный момент. Маньчжуры переправили через р. Шилку часть своего войска и подвели флот к самому городу. В ответ Ф. А. Головин и И. Е. Власов начали усиливать внешние укрепления Нерчинска, а стрелецкие части и казачью конницу вывели из крепости и построили в боевой порядок. Тунгусское ополчение с князем Гантимуровым было готово поддержать русских.

В этой напряженной обстановке переговоры между делегациями были продолжены через «пересыльных людей». 21 августа маньчжурская сторона, убедившись в тщетности своих военных демонстраций, отказалась от притязаний на Забайкалье и предложила установить границу по р. Горбице, протекавшей на полпути между Нерчинском и Албазином, и по Аргуни. Русская делегация вынуждена была учитывать сложившуюся обстановку. После кратковременной потери Албазина в 1685 г. положение под Нерчинском в 1689 г. было наиболее критическим, но Ф. А. Головин и И. Е. Власов все же сумели отстоять часть территории, которая была захвачена маньчжурскими войсками накануне посольского съезда.

23 августа Ф. А. Головин известил посольство Сюань Е о своем согласии установить границу по Аргуни вплоть до ее верховьев и по Горбице, снести Албазин и вывести из него русское население, но с тем, чтобы на территории Албазинского уезда маньчжуры не основывали никаких населенных и оборонительных пунктов и разрешили русским охотникам вести пушной промысел. Последнее предложение маньчжуры отклонили, но согласились не заселять район Албазина, что, по существу, означало их отказ от хозяйственного освоения Приамурья. Земли восточнее р. Зеи и южнее р. Уды, Нижнее Приамурье и Приморье после острых споров были объявлены неразграниченными⁴⁵. Ф. А. Головин объявил об отсутствии у него полномочий решить этот вопрос; по-видимому, посольство Сюань Е также не имело инструкции относительно этих земель и сняло свои требования.

Таким образом, разграничению подвергся только район верхнего течения Амура и, как будет видно ниже, весьма приблизительно.

Подписание договора состоялось на третьем съезде посольств, 29 августа 1689 г., под стенами Нерчинска. Условия территориального

размежевания были внесены в первые три статьи договора⁴⁶. Компромиссный характер имела четвертая статья — о «беглецах». Русское посольство категорически отказалось выдавать тунгусское население во главе с князьями Гантимуровыми и монголов, перешедших в пределы России; со своей стороны, маньчжуры отклонили требование о выдаче русских пленных, захваченных в Албазине и в других приамурских острогах. Поэтому стороны согласились никого не размещать, но впредь обязались выдавать всех перебежчиков. По статье пятой Россия и Китай открывали свои границы для взаимной торговли: «Каким-либо ни есть людям с проезжими грамотами из обеих сторон... приезжати и отъезжати до обеих государств добровольно и покупать и продавать, что им надобно». Наконец, последняя, шестая статья определяла порядок пограничного режима со строжайшим соблюдением границ и «любезными посольскими пересылками» в случае каких-либо пограничных ссор.

В литературе давно и не раз отмечалась неясность формулировки первого пункта Нерчинского договора о территориальном разграничении восточнее устья Шилки⁴⁷. Это обстоятельство объяснялось несовершенством договора как правового документа. «Делимитация границы была отражена в нем крайне неудовлетворительно: тексты договора неидентичны, географические ориентиры неясны, обмен картами вообще не был произведен. Демаркация границы на местности не проводилась вовсе»⁴⁸. Причина неясности пограничных ориентиров прежде всего заключалась в том, что географическая изученность местностей, являвшихся предметом споров, была явно недостаточной, что в свою очередь порождало возможность произвольного толкования договорных статей. Кроме того, экземпляры договора, составленные на трех языках — русском, маньчжурском, латинском, текстологически были не идентичны. Так, в пункте о разграничении по р. Аргуни в русском экземпляре указано, что оно осуществляется, «идучи тою рекою до самых вершин»; последняя деталь в других экземплярах была опущена, что в дальнейшем привело к спорам при установлении русско-китайской границы в Северной Монголии. Используя разночтения в русском, маньчжурском и латинском экземплярах о проведении границы по р. Горбице⁴⁹, цинская сторона в первой половине XVIII в. в одностороннем порядке передвинула границу на 200 с лишним верст к западу.

Первое сообщение о подписании договора прибыло в Москву 31 мая 1690 г., а более подробное — 20 июня, т. е. после падения правительства царевны Софьи⁵⁰. В Посольском приказе придирчиво отнеслись к условиям территориального размежевания; Ф. А. Головину ставились в вину задержка в Забайкалье и нарушение «наказа» о безотлагательном прибытии в Албазин⁵¹. Однако спустя месяц после возвращения в Москву Ф. А. Головина и И. Е. Власова, 2 февраля 1691 г., им было объявлено государево «милостивое слово», т. е. их деятельность получила официальное одобрение⁵². Ф. А. Головину был пожалован чин боярина, И. Е. Власову — думного дворянина.

В дальнейшем Петр I высоко оценил знания и опыт Ф. А. Головина. Он принимал активное участие в походе на Азов и в его взятии. В 1697—1698 гг. был вторым послом «Великого посольства» в Западную Европу. После возвращения в Москву возглавлял Оружейный, Серебряный и Ямской приказ, а также вновь образованный Военно-морской приказ, а в 1699 г. был произведен в высший воинский чин генерал-адмирала. С 1699 г. и до своей смерти в 1706 г. Ф. А. Головин возглавлял Посольский приказ и руководил всей внешней политикой России.

* * *

В дореволюционной отечественной исторической литературе в основном оценивались результаты собственно посольской деятельности Ф. А. Головина, причем весьма противоречиво. Г.-Ф. Миллер еще в середине XVIII в. указывал на спорность прав Цинской династии на Приамурье и высказал мысль о целесообразности проведения границы вдоль самого Амура⁵³. А. Ф. Миддендорф видел в Нерчинском договоре лишь результат малодушия Ф. А. Головина⁵⁴. По мнению известного русского востоковеда В. П. Васильева, Ф. А. Головин, поступая Амуром, не имел понятия ни о выгодах России, ни о трудном положении Китая в связи с угрозой нашествия Галдана и «под влиянием панического страха или насилия» подписал договор, выгодный исключительно для цинского Китая⁵⁵. Та же мысль о неудаче Ф. А. Головина высказывалась и в некоторых других работах⁵⁶. Наоборот, Г. А. Сычевский и Г. Тимченко-Рубан полагали, что Ф. А. Головин проявил государственную мудрость. По мнению Сычевского, Ф. А. Головин проявил дальновидность, оставив без разграничения до «благоприятных обстоятельств» район р. Уды⁵⁷. Г. Тимченко-Рубан, по существу, повторил его мысль: из-за слабости военных сил «отстаивать силою оружия поселения на Амуре нам было бы прямо невозможно... Услугу же отечеству он (Ф. А. Головин.— В. А.) вольно или невольно, но оказал несомненно, и эта услуга выразилась в той неопределенности многих пунктов Нерчинского трактата, которые всегда были бы оспариваемы...»⁵⁸

В советской литературе опыт анализа посольской деятельности Ф. А. Головина был предпринят Н. Ф. Демидовой. Она полагала, что русский посол, уступая Албазин, действовал в соответствии с последним правительственным наказом, а правительство царевны Софьи, допуская возможность временной территориальной уступки, стремилось заключить мирный договор, чтобы укрепить внутри страны свой пошатнувшийся авторитет⁵⁹.

В 20-х годах XX в. Б. Г. Курц отрицал какое-либо значение Нерчинского договора, ибо, по его мнению, условия договора не были претворены в жизнь, границы фактически не размежеваны, а торговля стеснялась маньчжурами⁶⁰.

Ряд исследователей, писавших о значении Нерчинского договора, первостепенное внимание уделяли его статье об установлении торговых отношений между Россией и Китаем. Так, П. Т. Яковлева полагала: « Столкновение из-за Амура было кратковременным и имело локальный характер, а затем был заключен Нерчинский договор о мире и торговле, на основе которого в течение 200 лет русско-китайские отношения являлись отношениями мира и возраставших взаимовыгодных торговых связей. Этот договор имел важное военное и экономическое значение для обеих стран»⁶¹. По мнению П. Т. Яковлевой, основная задача при заключении мира с Китаем состояла в достижении торгового соглашения. «В инструкциях (Ф. А. Головину. — В. А.), — писала она, — главное значение придавалось вопросам установления широкой, свободной и взаимной торговли с Китаем. Россия дорожила своими владениями в Приамурье и поэтому обязывала свое посольство упорно добиваться признания границей реки Амура. Однако вопрос о разграничении земель был для русского посольства в тот момент второстепенным»⁶². В других местах эта мысль сформулирована еще более определенно: «Россия добивалась мира с Китаем прежде всего ради установления взаимной торговли»⁶³. «Мир с Китаем, достигнутый Головиным в 1689 г. даже ценой потери Амура и Албазина, отвечал русским интересам», так как Россия добилась, наконец, взаимовыгодной торговли с Китаем⁶⁴.

Взгляды П. Т. Яковлевой не новы. Более ста лет тому назад приблизительно такое же мнение высказывал Х. Трусевич⁶⁵. Аналогичной точки зрения придерживался и П. И. Кабанов. Он считал, что Ф. А. Головин, исходя из реальной обстановки, последовательно выполнял директивы правительства; пограничная черта была в мирном договоре обусловлена настолько неопределенно, что открывала «самые широкие возможности для новых переговоров об уточнении границ на Востоке». Но, по его мнению, установление торговых связей «было основной целью нерчинских переговоров»⁶⁶. Приблизительно так же подходил к оценке Нерчинского договора М. И. Сладковский, утверждавший, что в результате переговоров «были урегулированы приграничные споры» и определены «правовые основы для равноправной торговли, в чем оба государства были заинтересованы»⁶⁷.

Выводы о первостепенном значении торговых интересов при заключении Нерчинского договора следует признать сугубо односторонними и противоречащими обстановке, предшествовавшей подписанию мира. Еще в 1940 г. Л. И. Думан, характеризуя Нерчинский договор, акцентировал внимание на территориальной проблеме, полагая, что им устанавливалось «временное соглашение о границах»⁶⁸. Этот вывод был принят и Г. В. Ефимовым⁶⁹.

В 1960—1970 гг., по мере разработки новых источников и, в частности, привлечения для анализа русско-китайских отношений источников маньчжуро-китайского происхождения, советские исследователи существенно иначе стали подходить к оценке Нерчинского договора, уделяя первостепенное внимание сути агрессивной внешней

политики Цинской империи. Наиболее полно этот вопрос исследован В. С. Мясниковым. Еще в 1972 г. он писал, что договор «был подписан в ненормальной обстановке под угрозой физического уничтожения русской делегации и сопровождавшего ее отряда огромными превосходящими силами маньчжуров. Ввиду этого договор следует считать насильственным, то есть заключенным под угрозой применения силы», результатом чего явилось вынужденное согласие Ф. А. Головина на отторжение от России ранее ей принадлежавших значительных территорий по левому берегу Амура и правому берегу Аргуни⁷⁰.

В дальнейшем в своей обобщающей монографии В. С. Мясников подчеркивал, что для внешней политики Цинской империи Нерчинский мир, увенчавший завершение стратагемы Сюань Е, рассчитанной на захват русских владений, разрешал две важнейшие для него проблемы: «Амур попал под контроль цинских войск, на северном берегу его образовалась буферная зона пустынных земель», а Россия брала в тот момент обязательство поддерживать мир, что позволяло цинскому Китаю начать войну с джунгарским ханом Галданом за Северную Монголию⁷¹. Со своей стороны, Г. В. Мелихов утверждал: «Версия о насильственном характере подписания Нерчинского договора подтверждается не только русскими, но и маньчжуро-цинскими официальными источниками»⁷², которые свидетельствуют, что пекинская дипломатия, обеспечивавшая военный захват, вуалировала его утверждениями о якобы миролюбивых стремлениях Сюань Е⁷³.

Аналогичным образом подходил к Нерчинскому договору С. Л. Тихвинский, полагавший, что только по навязанному силой оружия договору русские поселения на Амуре были покинуты, а русская колонизация Приамурья и Приморья была приостановлена более чем на полтора столетия⁷⁴.

Нерчинский мирный договор — сложный документ дипломатической истории России. Характеризуя его, прежде всего следует иметь в виду цели боровшихся сторон и обстановку, в которой он заключался. Захватнический характер целей Цинской империи признавали после подписания договора и цинские сановники, и сам богдыхан Сюань Е. Ф. Жербийон и Т. Перейра в своих записках отмечали, что в ходе переговоров цинская делегация домогалась получить земли, о которых она не имела даже понятия, и не могла привести убедительных данных о их принадлежности Китаю⁷⁵. После подписания договора в январе 1690 г. в составленном членами Государственного совета докладе богдыхану говорилось: «Земли, лежащие на северо-востоке на пространстве нескольких тысяч ли и никогда раньше не принадлежавшие Китаю, вошли в состав ваших владений»⁷⁶.

Спустя 11 лет, в августе 1700 г., сам Сюань Е в своем указе признал, во-первых, что он получил то, на что не имел права претендовать, а во-вторых, что население Приамурья задолго до Нерчинского договора было присоединено к России⁷⁷.

Основное значение Нерчинского договора заключалось в том, что он знаменовал начальный этап государственного территориального

размежевания между Россией и Цинской империей, неизбежность которого определялась процессом вхождения восточносибирского населения в состав России и распространением русского, главным образом земледельческого, хозяйства во вновь присоединенных сибирских районах. С середины XVII в. и на протяжении последовавших затем 40 лет цинские политики пытались военным и дипломатическим путем воспрепятствовать росту международного значения России на Дальнем Востоке и в Центральной Азии, затруднявшему осуществление захватнических планов богдыханского правительства. Уже в 50-х годах XVII в. приамурское население (дауры и дючеры) испытало на себе последствия грабительских набегов цинских отрядов. Шестилетняя борьба (1683—1689) была наиболее крупным военным конфликтом, с которым России пришлось столкнуться в процессе присоединения Сибири. Поэтому расценивать отражение русскими маньчжурской агрессии как «кратковременное» и «локальное» столкновение нельзя.

Борьба с маньчжурской агрессией продемонстрировала возможности русского хозяйства в Сибири. Основная ее тяжесть была вынесена местным русским населением, опиравшимся на материальные ресурсы своего многоотраслевого хозяйства и поддержанным сибирскими аборигенами. Даже в наиболее трудные для России моменты маньчжурам не удалось спровоцировать сколько-нибудь серьезных выступлений ясачного населения Сибири против русских властей. На протяжении всего лишь двух десятилетий (1660—1680) упрочились торговые связи между русскими рынками и монгольскими землями, определилась внешнеполитическая ориентация отдельных феодальных кругов Халхи на развитие дружественных отношений с Россией. Наиболее дальновидные монгольские политики, как, например, Ундургэгэн, не могли не понимать, что именно эта политика упрочивала независимость Северной Монголии. Все эти обстоятельства безусловно сказались в 1683—1689 гг., когда цинские дипломаты тщетно пытались добиться объединенного выступления халхаских феодалов против России.

В результате упрочения политических позиций России на Дальнем Востоке ей удалось отстоять забайкальские рубежи, локализовать маньчжурскую экспансию и тем самым спасти восточносибирские народы, а частично и монгольские племена от худших видов порабощения. В то же время ни в какой степени не следует забывать того, что Нерчинский договор, при подписании которого русская делегация находилась в крайне тяжелой ситуации, фактически был ей навязан силой.

Русская дипломатия, впервые в XVII в. столкнувшаяся вплотную с международными проблемами Центральной Азии и Дальнего Востока, стратегически и тактически была вполне самостоятельна и не позволила цинским сановникам и богдыхану Сюань Е воплотить в жизнь один из своих основных принципов — не иметь общей границы с сильным государством. Именно в ходе переговоров в Нерчин-

ске в 1689 г. русская делегация заставила маньчжурских представителей начать процесс определения общей границы между Россией и Цинской империей. В своей борьбе за территориальную целостность сибирских владений России русские дипломаты использовали объективные материальные факторы, сложившиеся в процессе хозяйственно-экономического освоения русским населением Сибири. Стратегема же Сюань Е, направленная на захват Приамурья, опиралась только на субъективный фактор — силу, что, предопределяло ее безусловную слабость. Коль скоро Нерчинский договор был первой стадией в установлении пограничной линии между двумя государствами, то вынужденная территориальная уступка со стороны России могла иметь лишь временный характер. Испытания временем стратегема Сюань Е не выдержала, и в середине XIX в. Цинская империя в условиях действительно мирных переговоров сама признала Амур рубежом между двумя государствами, т. е. то, чего добивалась русская дипломатия в XVII в., объективно считавшая это условие необходимым для нормальных государственных отношений.

Захват Цинской династией части Приамурья и гибель там русского земледелия задержали без малого на 200 лет социально-экономическое, хозяйственное и культурное развитие этого края и отразились на дальнейшем экономическом развитии всей Восточной Сибири. «После крушения дауро-дючерского земледелия к русским переходила задача возрождения и развития земледелия в этом районе»⁷⁸, — писал один из крупнейших исследователей истории Сибири В. И. Шунков. Далее он подчеркивал, что Нерчинский договор «установил русско-китайскую границу, не соответствующую фактической границе русских поселений и границе трудовой деятельности русского населения... Нерчинский договор лишь задержал дальнейшее продвижение на восток амурского земледелия, искусственно ограничил его лишь верховьями Амура, но никак не привел к катастрофе и не уничтожил его. Наличие этого верхнеамурского земледельческого гнезда в течение всего XVIII и в начале XIX в. позволило позднее, в условиях изменившейся политической обстановки, приступить к развертыванию земледелия на всем течении Амура»⁷⁹.

Тяжелые территориальные условия договора явились следствием первоначально (до 1684 г.) недостаточного внимания русского правительства к обороне Приамурья и Забайкалья, затем тактического просчета Ф. А. Головина, задержавшегося в Забайкалье на заключительном этапе борьбы, и невозможности вести в 1689 г. военные действия, чтобы вернуть захваченные неприятелем территории. Усиление русской обороны началось только в 1684 г., после захвата маньчжурскими войсками бассейнов Буреи и Зеи. Немногочисленные русские силы сумели удержать Албазин — ключевую позицию на Амуре — и отразить монгольское наступление в Забайкалье. С дипломатической и военно-стратегической точки зрения русские политики верно оценили обстановку, сложившуюся к 1687—1688 гг., и уделили много внимания обороне Забайкалья и положению в самой Мон-

голии. Однако неопределенность намерений Галдана после захвата им Северной Монголии слишком настораживала Ф. А. Головина. Опасаясь контрнаступления Очирой Саин-хана совместно с маньчжурскими войсками против Галдана в Северной Монголии и нового наступления халхаских ханов на забайкальские земли, Ф. А. Головин до лета 1689 г. концентрировал основное внимание на обороне Забайкалья и переоценил степень соблюдения цинским двором заключенного перемирия. Даже при тех ограниченных силах, которыми он располагал, имелась возможность усилить гарнизоны Албазина и Нерчинска до маньчжурского наступления летом 1689 г. по Амуру и через Аргунь, после чего его успех был бы проблематичным.

После подписания Нерчинского договора сложная обстановка на дальневосточных рубежах сохранялась на протяжении почти 10 лет. Выполнение условий договора затянулось до 1690 г. В сентябре 1689 г. пятидесятник А. Кондратьев привел в Нерчинск 49 албазинцев и вывез часть ценностей. Из-за наступившей зимы эвакуировать крепостное имущество из Албазина и перенести Аргунский острог на левую сторону р. Аргуни было невозможно. Ф. А. Головин очень опасался, что маньчжуры воспользуются этой задержкой и нарушат обязательство не заселять амурские берега. Поэтому в декабре 1689 г. он отправил в Пекин сына боярского Г. Лоншакова с «листом», в котором обещал летом 1690 г. завершить выполнение условий договора и, кстати, потребовал выдачи онкотов и бурят, ушедших в маньчжурские пределы в августе 1689 г. В Пекине Г. Лоншаков попытался также вернуться к вопросу о возвращении русских пленных. Маньчжурские чиновники подтвердили обязательство не заселять Амур; они обещали отдать ясачных людей, но уклонились от выполнения этого обещания. Что же касается русских пленных, то маньчжуры отказали в их выдаче, ссылаясь на условия договора.

22 июня 1690 г. Г. Лоншаков выехал из Пекина и, по-видимому, на обратном пути завершил перенос Аргунского острога. Вернулся он в Нерчинск только 6 сентября⁸⁰. Тем временем, к августу 1690 г., пятидесятник В. Смир~~енников~~ «разрыл» Албазин, вывез артиллерию, боезапас, оружие, церковную утварь и с 66 казаками ушел из крепости⁸¹. Так завершилась славная история Албазина, выстоявшего в тяжелой борьбе и оставленного без боя.

После подписания Нерчинского договора проблема отношений с монгольскими феодалами по-прежнему привлекала внимание русской дипломатии. Галдан после длительного колебания, наконец, определил свою политику в Северной Монголии. Весной или в начале лета 1689 г. против Галдана выступил его племянник, сын Сэнгэ, Цэван-Рабдан, который захватил ставку своего дяди в Джунгарии⁸². По мнению И. Я. Златкина, в этих условиях Галдану ничего не оставалось, как продолжать борьбу за Северную Монголию. Из своей походной ставки, разбитой в верховьях Селенги в урочище Хобдо, он в феврале 1690 г. прислал в Иркутск к Ф. А. Головину посла зайсана Дархана с «листом».

Извещая представителя Москвы о своем намерении продолжить войну с халхаскими феодалами, Галдан просил поддержать его русскими силами. О возможной войне с цинским Китаем в это время джунгарский посол дипломатично умолчал, хотя продолжение борьбы с Очирой Саин-ханом безусловно ее подразумевало. Еще во время переговоров в Нерчинске с маньчжурами Ф. А. Головин уклонился от обсуждения каких-либо вопросов относительно Северной Монголии, ссылаясь на отсутствие у него полномочий и на неопределенность политического положения там. Официальное соглашение о прекращении военных действий между Россией и группировкой Очирой Саин-хана не состоялось. Поэтому Ф. А. Головин передал Галдану о готовности к совместной борьбе с «неприятельскими мунгальскими людьми» и просил информировать о ходе военных действий и предложениях, которые будут поступать к нему со стороны маньчжуров. С джунгарским послом Ф. А. Головин отправил «для полного разведывания» иркутского казака Г. Кибирева.

По поводу этих переговоров Н. П. Шастина высказала предположение: «Неизвестно, каков был бы ход событий второй половины 1689 г., если бы Галдан выступил со своим предложением на 8—9 месяцев раньше, когда Головин просил прислать из Москвы официальную грамоту к ойратскому князю, который, по его мнению, мог бы стать его союзником в предстоящих переговорах»⁸³. При всей заманчивости такого допущения не следует забывать, что Ф. А. Головин по-прежнему недоверчиво относился к Галдану и наказывал Г. Кибиреву выяснить, не заключил ли он какого-либо соглашения с богдыханом и не предусматривает ли возобновления спора о монголах, ушедших от его погрома в Забайкалье⁸⁴.

К марту того же 1690 г. в Селенгинске стало известно о сношениях с халхаскими тайшами, оставшимися на р. Толе, Ундур-гэгэна и Очирой Саин-хана, которые со своими сторонниками кочевали около Калгана «по край китайских людей», и о сборах Галдана в поход с 70-тысячным войском⁸⁵. К июню 1690 г. Галдан прошел всю Северную Монголию и оказался в шести днях пути от Нерчинска, куда 25 июня к воеводе Ф. И. Скрипицыну прибыл его посол Аюка Дархан уже с предложением заключить союз против Сюань Е и халхаских феодалов. Галдан наказывал послу передать: «Я крепко в правде стою и тебе б то все возвестить, чтоб их государственный указ такожде ко мне с послами обо всем был прислан»⁸⁶. О дальнейших дипломатических усилиях этого посла сохранились известия в донесениях иркутского и тобольского воевод Л. К. Кислянского и С. И. Салтыкова. В Иркутске Аюка Дархан предлагал России продолжить войну с Сюань Е и очистить Амур от неприятеля «до моря».

В этот момент Галдан вполне серьезно рассчитывал на объединение с русскими силами и предполагал укрепиться и построить «город» у озера Далайнор, т. е. около самой русско-китайской границы и в непосредственной близости от Нерчинска. Приехав в Тобольск в августе 1690 г., джунгарский посол просил пропустить его в Москву

для переговоров⁸⁷. Летом 1690 г. начались военные действия между войсками Сюань Е и Галдана. После блестящего первоначального успеха Галдан вторгся в пределы Внутренней Монголии и в августе в местности Улан-Бутун столкнулся с основными силами Сюань Е. Основываясь на реляции командующего цинской армией, И. Я. Златкин пишет, что 1 августа в решительном сражении Галдан потерпел поражение, после чего его армия стала отступать в район Кобдо⁸⁸. Е. И. Кычанов считает, что 26 июля Галдан в северо-восточном районе Халхи, на р. Ульдзе, разбил корпус Арани, а 4 сентября в Улан-Бутуне потерпел поражение и, поспешно отступив в Кобдо, к декабрю 1690 г. подошел к р. Онон⁸⁹.

Русские источники не подтверждают эту версию. Г. Кибирев, находившийся при войске Галдана, рассказывал только о сражении 1 сентября 1690 г., когда Галдан, углубившись в «китайское царство» на 10 дней пути, на р. Шандахае нагнал Очирой Саин-хана и Ундур-гэгэна и столкнулся с подошедшей маньчжурской армией в 100 тыс. человек. Сражение продолжалось с середины дня до темноты и завершилось отступлением маньчжуров и их халхаских союзников. Далее Галдан откочевал на р. Онон (приток Шилки) и смял стоявшие около русской границы маньчжурские части. Приблизительно та же версия была передана в Удинске двумя бурятскими шуленгами, вышедшими в ноябре 1690 г. из Северной Монголии. Они рассказывали о бое, состоявшемся в двух днях пути от Малого Калгана, о победе Галдана, пленении дяди Сюань Е Дун Гогана, осаде Калгана и о намерении Галдана зимовать около озера Далайнор⁹⁰.

Одновременно Галдан предпринял новую настойчивую попытку получить поддержку от России. В январе 1691 г. с Г. Кибиревым в Нерчинск прибыло новое джунгарское посольство во главе с Ачин-Кашка⁹¹. Г. Кибирев представил подробнейший отчет (статейный список) о своей посольской деятельности с интереснейшими данными о положении в Монголии и начале джунгаро-маньчжурской войны. Ачин-Кашка выражал крайнее сожаление Галдана по поводу заключения Нерчинского мира: «Не ведал де Бушухту хан их, что были в Нерчинске китайские послы; а только б де про то ведомо было, поспешили б де от него великие войска, ино так бы де с ними пословатца». По словам Ачин-Кашка, Галдан будто бы даже предполагал наступать в Маньчжурию, к Науну, и послал к Сюань Е «с выговором, чтоб он, богдыхан, великих государей Албазинской город построил лутче прежняго, и разоренье заплатил и реку Амур очистил до моря»⁹².

В начале марта 1691 г. в Ильинской слободе под Удинском состоялись переговоры между джунгарским посольством и иркутским воеводой Л. К. Кислянским. В присланном «листе» Галдан явно торопил русских дипломатов с принятием решения: «А как великое дело на чем учинится и договор, а после того для того письмо послано с посланцом, а послан он на срок, чтоб ему приехать скорым делом, и в том бы учинить радение, и после того какое учинитца дело и вам

бы радение учинить заедин собча, мне и себе чтоб учинить все доброе»⁹³. Джунгарские послы, обнаружив безусловные познания в географии, вновь утверждали, что богдыхан «вклепался напрасно» на Амур, так как ниже Албазина вниз по реке никаких маньчжурских городов и слобод нет и не бывало⁹⁴.

Мысль о стремлении Сюань Е захватить чужую землю проводилась и в джунгарской грамоте, присланной в Москву. В этой грамоте Галдан призывал к союзу против любых неприятелей, к развитию торговых связей и доброжелательному разрешению пограничных ссор⁹⁵. Вопреки указу о запрещении пропускать джунгарские посольства в Москву Л. К. Кислянский все же решил отправить Ачин-Кашка в Москву, опасаясь «ссоры» с Галданом⁹⁶. Однако тобольский воевода С. И. Салтыков задержал посла и стал дожидаться официального разрешения из Москвы.

В Сибирском приказе отрицательно отнеслись к инициативе Л. К. Кислянского. Первоначально 25 октября 1691 г. глава приказа князь И. Б. Репнин приказал отписать в Тобольск о возвращении Ачин-Кашка обратно. Только под влиянием вернувшегося в Москву Ф. А. Головина И. Б. Репнин 25 декабря согласился, исключительно в виде «вспоможения» Галдану в борьбе с Очирой Саин-ханом, пропустить посольство в столицу. В апреле 1692 г. Ачин-Кашка добрался до Москвы. Переговоры с ним затягивались, и только 21 ноября в Столовой палате состоялся царский прием. Русское правительство отклонило предложение Галдана и его просьбу о продаже оружия, пушек и боеприпасов⁹⁷. Холодность этого приема прежде всего объяснялась нежеланием воевать на Дальнем Востоке.

Русское правительство сочло бесперспективным строить какие-либо дипломатические планы в расчете на Галдана, а в связи с выступлением против него Цэван-Рабдана не хотело ввязываться в междоусобную борьбу среди джунгарских феодалов. В апреле 1691 г. стало известно, что младший брат Галдана Мунчук перешел на сторону Рабдана. Галдан, по-видимому, потерпел поражение весной 1691 г., после чего начал отступление в Джунгарию. В июне 1691 г. у томского воеводы С. И. Путятина Цэван-Рабдан через своего посланника Малай-Кашка проводил зондаж о возможности принятия русского подданства. Мятежный племянник явно опасался за исход борьбы. В июле 1691 г. посланник Галдана появился в Томске и известил о приходе хана на р. Кемчик (верховья Енисея). В октябре 1691 г. в Тобольске от посланника Дархан Гелюка стало известно о возвращении Галдана в Джунгарию, на урочище Кырмычак, находившееся в 20 днях пути от Ямыш-озера⁹⁸.

О переговорах между Россией и Джунгарией стало известно в цинской столице. Известия о них вызвали там явное волнение. 10 января 1691 г. в Нерчинск прибыл маньчжурский дипломатический представитель Кишты с письмом от «большого и думного боярина» Сонготу. Содержание этого письма свидетельствовало о боязни русско-джунгарского союза. В любезном тоне Сонготу прежде всего

вспомнил встречу с русскими дипломатами во время переговоров в Нерчинске: «Мы с лица на лицо сошлись и обжились промеж собою советством». Эту мысль далее он еще более развил: «Вместе сошлись, накрепко обжились, чтоб в вечном советстве жить». Сонготу предостерегал русских о захватнических планах и коварстве джунгар, которые «промеж нами обманом ходят», и дипломатично просил не помогать им войсками: «Ваши б люди с ними не мешались, чтоб их не побить». В конце письма Сонготу не смог скрыть явной озабоченности и просил прислать ответ «наскоро».

Нерчинский воевода Ф. И. Скрипицын снесся, по всей вероятности, с Тобольском и в июле 1691 г. с пятидесятником А. Плотниковым отправил в Пекин успокоительный ответ⁹⁹. Маньчжурские власти простерли в этот момент свое внимание до того, что в виде исключения приняли на свой счет содержание многочисленного русского торгового каравана, прибывшего летом 1691 г. в Китай с А. Плотниковым¹⁰⁰. Эти любезности, впрочем, не произвели впечатления в России. В июне 1691 г. из Москвы был послан в Тобольск тайный наказ «наскоро» проводить из Иркутска о положении на границе: не заметно ли там каких-либо «воинских замыслов» маньчжуров?¹⁰¹

Цинское правительство беспокоило не только опасность русско-джунгарского союза. С конца 1690 г. из порубежных монгольских районов в русские пределы начало уходить население. За короткое время оно успело испытать тяготы маньчжурского ига, усугублявшиеся невзгодами маньчжуро-джунгарской войны. В конце 1690 г. к Нерчинску прикочевало до 200 юрт бурят Ботороева рода, ушедших вместе с онкотами к оз. Далайнор в 1689 г. В Монголии эти буряты были вовлечены в войско Галдана и после его столкновения с частями Сюань Е, Очирой Саин-хана и Ундур-гэгэна ушли в Россию. Вслед за ними в ноябре 1691 г. в Нерчинск явилось еще 400 бурятских юрт, также ушедших за рубеж в 1689 г.¹⁰²

Как известно, в 1691 г. Очирой Саин-хан и Ундур-гэгэн признали маньчжурский сюзеренитет и Северная Монголия на 220 лет лишилась политической самостоятельности, поэтому цинское правительство решило вернуться к вопросу о дальнейшем пограничном разграничении с Россией, с тем чтобы распространить условие 6-й статьи Нерчинского договора о возвращении всех перебежчиков на северомонгольское население.

Г. Лоншаков во время своего пребывания в Пекине весной и летом 1691 г. слышал «в разговорах» даже о намерении маньчжурского правительства направить своих послов в Москву. В январе 1692 г. Сонготу прислал Ф. И. Скрипицыну официальное письмо с просьбой начать переговоры об определении границы между Халхой и русской территорией, от которых Ф. А. Головин¹⁰³ в 1689 г. уклонился на том основании, что Северная Монголия была независимой страной и за нее никто не имел права решать вопрос о ее границах. 25 ноября 1692 г. русское правительство, руководствуясь достигнутой в Нерчинске договоренностью о возобновлении переговоров для даль-

нейшего размежевания границ, первоначально решило согласиться на приезд в Москву маньчжурского посольства¹⁰⁴. Об этом в мае 1692 г. были посланы сооветствующие указания в Иркутск и Нерчинск.

Из-за отсутствия данных трудно судить о готовности русского правительства обсуждать вопрос именно о монгольской границе. Московские политики, настороженно следившие за исходом джунгаро-маньчжурской войны, прежде чем принимать какие-либо конкретные решения относительно русско-монгольской границы, решили предварительно выяснить перспективы дальнейших отношений с цинским Китаем. Для этой цели в январе 1692 г. было решено послать с торговым караваном полуофициальную миссию в Пекин во главе с Избрандом Идесом. Записки Избранда Идеса и одного из его спутников, Адама Бранда, а также «статейный список» посольства служат важным источником по этнографии народов Сибири и истории дипломатических сношений с Китаем¹⁰⁵. Официальная задача Идеса заключалась в выяснении отношения цинского двора к договору 1689 г., он должен был также добиваться возвращения «сошлых» бурят и онкотов и русских пленных и достижения договоренности о развитии торговых связей; русское правительство выражало заинтересованность в установлении двусторонней торговли, привлечении китайских купцов на русские рынки и получении из цинского Китая серебра и драгоценных камней¹⁰⁶.

Цинский двор отклонил просьбы и предложения Москвы. Тем не менее посольство Идеса нельзя считать безрезультатным. Задачи информационного порядка оно в основном выполнило. Идесу удалось выяснить, что богдыхан Сюань Е удовлетворен условиями договора и не намерен нарушать мира¹⁰⁷, как и то, что цинский двор решил добиваться официального признания со стороны России захвата войсками Сюань Е Северной Монголии и согласия русского правительства на размежевание монгольской границы. Для достижения этой цели Сюань Е намеревался использовать стеснение торговых связей, установление которых гарантировалось Нерчинским договором. Вернувшись в Москву, Идес извещал царя Петра I: «Буде отделение монгольской земли вскоре учинено не будет, то не чает, чтоб китайцы торговлю поволели, а как то учинится и тогда продолжение торговли чает, и будет купчина пойдет явным именем, то доброй торговли ожидать возможно»¹⁰⁸. В это же время китайские торговцы выяснили через русских купцов возможности русских рынков, и до Идеса дошел «в разголоске» слух о намерении маньчжурского правительства отправить в Россию посольство в сопровождении торгового каравана¹⁰⁹.

После возвращения посольства Идеса в Москву правительство Петра I решило сохранять сдержанность в отношениях с цинским двором. В ноябре 1696 г. нерчинским властям из Москвы был послан «наказ»: на маньчжурские запросы отвечать, что Галдан воюет с Сюань Е самостоятельно, помощи ему Россия не оказывает и потому нет оснований нарушать условия мирного договора и создавать по-

мехи торговым связям¹¹⁰. С. Лянгузову, главе русского торгового каравана, следовавшего в Пекин, в 1697 г. было наказано передать цинскому двору, что русское правительство готово прислать своих представителей для переговоров о монгольской границе, но не может этого сделать «за многою войною в степях калмыков с мунгалы». С. Лянгузову поручалось, кроме того, спросить о причинах появления маньчжурского отряда в 3 тыс. человек у монгольских тайшей, кочевавших недалеко от Селенгинска, и заявить очередной протест в связи с набегами этих тайшей на Забайкалье. В целом же ему рекомендовалось в словах быть «осторожноу»¹¹¹.

Одновременно с миссией в Пекин Избранда Идеса сибирская администрация со своей стороны пыталась нормализовать положение на границе. В 1692 г. из Иркутска через Нерчинск был отправлен в цинский Китай сын боярский С. Молодой для переговоров о выдаче вышедших из русского подданства табунутов и с протестом против их набегов на Забайкалье¹¹². Маньчжурские власти отнюдь не намеревались выдавать табунутов, но в то же время старались не обострять отношений с Россией. В сентябре 1694 г. на р. Толу в монгольские улусы прибыл маньчжурский чиновник «для всякой росправы» и приказал вернуть угнанный из Забайкалья скот. Пограничные «ссылки» с маньчжурскими представителями по поводу набегов продолжались и в дальнейшем¹¹³.

В начале 1695 г. из Иркутска в цинский Китай выехал сын боярский С. Шестаков с новым протестом в связи с действиями табунутов и притеснениями русских торговых людей со стороны маньчжурских властей. На этот раз цинский двор предупредительно известил русского гонца о своем плане борьбы с джунгарским ханом и о возможном отступлении его войск к рубежам России, тем самым заранее попытавшись отвести дальнейшие протесты русской стороны¹¹⁴. Из-за постоянных набегов в Забайкалье, особенно участившихся с 1695 г., в русских острогах жили с «большим береженьем», «тайным обычаем» проводывая о замыслах халхаских тайшей¹¹⁵. Табунутское население, спровоцированное к уходу из России в 1692 г., в Северной Монголии попало в очень тяжелое положение, так как его разоряли войска и Галдана, и Сюань Е. В декабре 1695 г. к Селенгинску вновь прикочевал со своими людьми табунут Окин-зайсан¹¹⁶. В 1696 г. к Нерчинску попытались выйти семь монгольских тайшей с многочисленными улусами. Маньчжурским войскам удалось их задержать; только тайша Шандукугун с 70 степняками пришел в Нерчинск; но 640 человек из его улуса остались в Северной Монголии¹¹⁷. В связи с этими событиями маньчжурские власти, в свою очередь, стали заявлять сибирским воеводам протесты¹¹⁸. Чтобы воспрепятствовать уходу населения Северной Монголии в Россию, они прибегли к своему излюбленному средству и «загнали» к 1699 г. табунутов к Великой китайской стене; лишь 500 юртам удалось вновь уйти в Халху. Спасаясь от погони, они хотели вернуться в Забайкалье, но, по-видимому, не сумели¹¹⁹.

К 1696 г. Галдан потерпел окончательное поражение и вскоре умер. После окончания маньчжуро-джунгарской войны в Северную Монголию стали возвращаться бежавшие в пределы цинского Китая халхаские феодалы. Маньчжурам уже ничто не мешало теперь укреплять свою власть в Северной Монголии, и богдыханское правительство «крепко наказывало» подвластным им монголам с русскими «ссор» не заводить¹²⁰. Е. М. Залкинд, изучавший историю бурятского населения Забайкалья, отмечал, что в начале XVIII в. на русско-монгольских рубежах проявлялась тенденция к нормализации отношений и «фактически устанавливается граница, еще слабо охраняемая, еще не признанная никаким договорным актом, но уже серьезно и не оспариваемая»¹²¹. Эта фактически установившаяся граница между Россией и цинским Китаем была санкционирована в 1727 г. Бурунским трактатом.

В результате событий 60—90-х годов XVII в. внешнеполитическая обстановка на Дальнем Востоке сильно изменилась. С конца XVII в. она целиком стала определяться только взаимоотношениями между Россией и цинским Китаем. Официальное урегулирование этих взаимоотношений имело длительную историю — с конца XVII и до второй половины XIX в. Нерчинский мирный договор был только первым ее этапом.

Глава 6

РУССКО-КИТАЙСКАЯ ТОРГОВЛЯ ЧЕРЕЗ НЕРЧИНСК В КОНЦЕ XVII в.

После подписания Нерчинского договора русское купечество сразу же воспользовалось открывшейся возможностью упрочить ранее завязавшиеся торговые связи с Китаем.

1689—1697 гг. составили определенный этап в истории русско-китайской торговли. Его отличительная особенность заключалась в том, что развитие внешней торговли с цинским Китаем было результатом активной деятельности почти исключительно русского купечества. Из-за джунгаро-маньчжурской войны русские купцы не могли использовать пути в цинский Китай через Северную Монголию. Поэтому они избрали в качестве отправного пункта Нерчинск, откуда караваны шли к Науну и далее в Пекин. Поскольку события в Центральной Азии в 80—90-х годах нанесли сильный удар по бухарской торговле, русское купечество, опиравшееся на свою торговую приграничную базу в Нерчинске, сразу же заняло господствующее положение в вывозе китайских товаров в Россию. В первое же десятилетие

товарооборот через Нерчинск достиг таких значительных размеров, что стал соперничать с оборотами русской внешней торговли со Средней Азией, имевшей за собой вековую историю, и превосходил обороты торговли с Западом через Псков, Тихвин, Смоленск.

Государственная торговля с Китаем, которую русское правительство стало организовывать только в последние годы XVII в. на основе уже вполне сложившихся экономических взаимоотношений, созданных усилиями русского купечества, довольно подробно исследована в старых работах А. К. Корсака, Х. Трусевича, Б. Г. Курца¹. На период же частнокупеческой инициативы только недавно было обращено внимание.

Анализ русско-китайской торговли в 1689—1697 гг. показывает, что Нерчинский договор создал более благоприятные условия для развития экономических взаимоотношений между Россией и Цинской империей, уже сложившихся к 80-м годам вопреки политике маньчжурского двора. Эти взаимоотношения определялись уровнем развития рынков обоих государств, в частности созданием сибирских областных рыночных связей и включением сибирских торговых центров в систему складывавшегося всероссийского рынка. Цинское правительство вынуждено было считаться с заключенным соглашением с Россией и с запросами китайских рынков, но оно не хотело способствовать развитию китайского купечества и не разрешало ему выезжать за пределы страны, в частности на сибирские рынки. Поэтому русско-китайская торговля приобрела преимущественно односторонний характер и торговые операции в основном совершались только на китайских рынках, когда в столицу Цинской империи прибывали русские купеческие караваны.

По условию, поставленному маньчжурскими властями, русские караваны могли приходить в Пекин один раз в три года, но фактически в течение 1689—1698 гг. они ходили почти ежегодно. Часто отправление караванов совпадало с отъездом из Нерчинска в Китай дипломатических русских представителей. В таких случаях формировались объединенные караваны под единым конвоем.

Уже в декабре 1689 г. в Китай проследовал первый торговый русский караван. Он был отпущен по разрешению самого Ф. А. Головина, прямо «из разрядного шатра» одновременно с сыном боярским Г. Лоншаковым, о миссии которого упоминалось выше². Посылкой этого каравана Ф. А. Головин преследовал, конечно, и дипломатические цели, стремясь подчеркнуть важность условий только что подписанного мирного договора. В то же время быстрота, с какой русские купцы сумели организовать такое сложное предприятие, свидетельствует об их заинтересованности в торговле с Китаем и знании ее. Состав торговцев весьма показателен: в основном они были представлены приказчиками, лавочными сидельцами и «людьми» крупных оптовиков — «гостей» Евстафия Филатьева, Семена Лузина, Ивана Ушакова и Гаврилы Никитина³.

В июне 1691 г. из Нерчинска отправился второй торговый кара-

ван, во главе которого был поставлен нерчинский пятидесятник А. С. Казаринов⁴.

В ноябре — декабре 1692 г. с иркутским сыном боярским С. Молодым вышел третий караван⁵.

В июле 1693 г. из Нерчинска в Китай выехал русский посол Избранд Идес. Под прикрытием его конвоя отправился новый многолюдный купеческий караван⁶.

Пятый караван двинулся в путь в мае 1695 г.⁷, шестой — в 1696 г.⁸, седьмой — в июле 1697 г.⁹ Состав участников караванов виден из следующих данных:

	1689 г.	1691 г.	1692 г.	1693 г.	1695 г.	1696 г.	1697 г.
Агенты гостей и купцов							
гостиной сотни	9	23	1	26	5	17	2
Другие торговые люди	4	12	—	2	13	13	8
Промышленные, «гулящие», работные люди	более 35	42	17	158	98	113	
Служилые люди (в том числе конвой)	40	19	37	23	41		
Итого	88	96	55	209	157		

Таким образом, представители крупного купеческого капитала («гостей» и купцов гостиной сотни) занимали преобладающее положение в русской караванной торговле в цинском Китае по сравнению с прочими торговыми людьми. Восточная караванная торговля ввиду сложности ее организации и необходимости больших капиталовложений была доступна только состоятельному купечеству.

Торговля «в Китаях» была трудным, хлопотливым и, главное, весьма продолжительным предприятием, требовавшим значительных капиталов и многочисленного штата агентов и работных людей. Колоссальное расстояние от Москвы до Пекина почти в 9 тыс. верст предопределяло длительность товарооборота. В среднем торговая поездка от Москвы до столицы Китая и обратно занимала не менее трех лет. Так, торговый человек Дмитрий Григорьев Греченин, получив проезжую грамоту в Москве в ноябре 1689 г., выехал из Нерчинска только в июне 1691 г., а вернулся туда к марту 1692 г. Назад в Москву он мог попасть в лучшем случае к осени того же года. Участники каравана 1696 г. получили грамоты в Москве в январе — марте 1695 г., когда у них были уже наняты работные люди, и вернулись из Китая в Нерчинск к ноябрю 1697 г.¹⁰ По свидетельству Избранда Идеса, путешествие из Даурии в Пекин и обратно занимало при благоприятных обстоятельствах восемь месяцев. В случае задержки каравана маньчжурскими властями оно могло значительно затянуться. Данные о пребывании в пути караванов 1691—1697 гг. подтверждают слова Избранда. Странствования караванщиков, отпущенных из Нерчинска в 1691, 1692, 1695 и 1696 гг., длились обычно 10—12 месяцев.

Снаряжение караванов начиналось задолго до прибытия купцов в Нерчинск. Преодолевая тяготы путешествия по Сибири, торговые люди, еще не достигнув Байкала, в Балаганском остроге приобретали по дешевой цене верблюдов и быков, необходимых для перевозки грузов. Эти закупки делались также в Удинске и в самом Нерчинске, но там они обходились дороже¹¹. От Нерчинска путь караванов шел к р. Аргуни и далее к маньчжурским селениям на р. Наун. Путь от Нерчинска до Аргуни покрывался в три недели, столько же времени уходило на путь до р. Наун и около полутора месяцев далее, до Пекина¹²; всего, таким образом, только на преодоление пути от Нерчинска до Пекина требовалось в один конец около трех месяцев. Наиболее тяжелым был путь от Аргунского острога до р. Наун. Из-за частых степных пожаров, нападений шаек разбойников, отсутствия населенных пунктов этот участок пути считался крайне опасным. Избрант дал очень яркое описание злоключений каравана, возвращавшегося к русской границе. Сбившись с пути в выжженной степи, люди голодали, множество верблюдов и лошадей пало от бескормицы. Товары были благополучно доставлены в Аргунский острог только потому, что купцы предусмотрительно закупили в Пекине верблюдов и лошадей значительно больше, чем их нужно было первоначально для подъема клади¹³.

От Науна хлопоты по обеспечению каравана подводами и провиантом брали на себя маньчжурские власти. Поэтому они ограничивали срок пребывания русских торговцев в столице империи. Еще в «Ведомости о Китайской земле и глубокой Индеи», составленной не позже 1669 г., указывалось, что маньчжуры «с торговых с приезжих людей пошлин не емлют и дают торговым приезжим людям корм; а болши дву месяц жить не дают; хто откуды приехал, и высылают вон». Этот же порядок сохранялся и в конце XVII в. Маньчжурское правительство хотело даже, правда безуспешно, ограничить место пребывания русских купцов районом р. Наун. Еще Н. Г. Спафарий писал, что «на Науне можно торговать китайским товаром, потому что наунские в царство (Пекин. — В. А.) ходят непрестанно и дешевле продают, чем мунгалы». В 1693 г. одно из сел было превращено в «крепкий» город с «великим» торгом, где насчитывалось несколько сотен лавок¹⁴. Этот город — Цицикар — стал крупным транзитным пунктом, на котором «расторговывались» некоторые купцы. Там же оставалась основная часть работных людей, обслуживавших караван на пути от Нерчинска.

Все караваны, выходявшие из Нерчинска, обязательно сопровождал отряд служилых людей. Командиру конвоя вручался «наказ», по которому он должен был не только следить за безопасностью и порядком в караване, но и выполнять определенные дипломатические поручения. Чаще всего они сводились к тому, чтобы маньчжурские чиновники не задерживали караван в Науне, выдавали подводы и провиант, отводили «стоялые дворы». В Пекине он должен был доложить о себе богдыхановым «ближним людям», передать им

«лист» от нерчинских властей и просить разрешения на свободную торговлю¹⁵. Перед начальниками караванов нередко возникали трудности. Караван 1697 г., например, прежде чем был «взят в царство», потерял в Науне более полутора месяцев. Поэтому на должность начальника конвоя обычно назначались уже опытные люди, какими были пятидесятники А. С. Казаринов, А. Плотников и другие, не раз ходившие с различными поручениями в Китай. В Пекине после соблюдения всех формальностей русским купцам разрешалось начать торговлю. Н. Г. Спафарий писал, что в столичном городе собирается «великое множество людей»: бухары, татары, калмыки, монголы, португальцы, индийцы, арабы, турки. В городе было семь мечетей «магометанского и бусурманского закона». В столице «всего Китайского государства богатство собирается, и всякие торги и товары в нем происходят, но все обретается в Китайском том государстве и с изливством в нем сыщется»¹⁶.

Как известно, крупному купечеству принадлежало господство во внешнеторговых оборотах, осуществлявшихся через западные границы России. Та же картина наблюдалась и в Сибири. Один из первых советских исследователей сибирской торговли К. В. Базилевич отмечал: «Только крупный купеческий капитал мог в полной мере воспользоваться всеми преимуществами, приобретающимися в сибирских операциях, вызывавших значительные затраты капитала и требовавших большого промежутка времени»¹⁷.

Преобладание крупного купеческого капитала в китайской торговле за 1689—1698 гг. проявилось весьма отчетливо и вместе с тем своеобразно. Круг русских торговцев «в Китаях» был довольно ограничен и специфичен по составу. Во главе их стояли всего лишь четыре фамилии крупнейших купцов. Систематически посылали крупные партии своего товара в Китай Е. И. Филатьев (а после его смерти наследники), С. Лузин, И. Ушаков и Г. Р. Никитин. Помимо них более или менее постоянно участвовали в этой торговле только те торговые люди, которые имели давние экономические связи с Сибирью.

На первый взгляд может показаться странным, что на протяжении десяти лет в торговых операциях, доходность которых не вызывает сомнений, не принял участия ни один «гость», кроме вышеуказанных, а отдельные члены гостинной сотни ограничивались эпизодическими посылками товаров, причем нередко на сравнительно небольшие суммы. Этот факт объясняется системой организации сибирской торговли, созданной представителями крупного купеческого капитала. Хотя вышеперечисленные купеческие фамилии в XVII в. при всем своем стремлении не смогли добиться установления монополии на пушные промыслы и торги в Сибири, только они имели возможность содержать там штат агентов, что и позволяло им подчинять промыслы и рынки своему влиянию и широко осуществлять скупку мехов в сибирских городах¹⁸. Участники крупной торговли с Китаем задолго

до 90-х годов были хорошо знакомы с рынками Восточной Сибири и с другими пушными рынками страны.

~~Помимо чисто торговых операций~~ И. Ушаков, Филатьевы, Г. Р. Никитин занимались предпринимательством, откупам и т. д.

С 1635 г. и на протяжении последующих 40 лет на крупнейшем пушном рынке Соли Вычегодской среди приезжих купцов Филатьевы выделялись постоянным и неослабевающим интересом к покупке пушны. Их обороты во второй половине XVII в. не только не спускались ниже 25% по отношению к общему обороту местной ярмарки, но и, как правило, колебались между 42 и 100%¹⁹. По данным 1687—1689 гг., филатьевские приказчики ходили с торгами из Тобольска в Якутск, Енисейск, Томск, Илимск, Сургут и другие города Сибири. Торговое дело, начатое гостем Богданом Филатьевым, перешло к его наследникам. Имя Евстафия Филатьева вместе с именами его сыновей Василия и Алексея не сходило с листов нерчинских таможенных книг последнего десятилетия XVII в. Помимо торговли Евстафий Филатьев занялся в широких масштабах предпринимательством, скупая земли в Соли Камской и основывая там соляные промыслы. Он же посылал своих «покрученников» на сибирские соболиные промыслы. Филатьеву принадлежали промысловые зимовья в Мангазейском уезде, «по Енисею реке за губой», т. е. на побережье Ледовитого океана; его «покрученники» добывали соболей в Прибайкалье; только в одном 1693 г. они «явили» в Нерчинске 10 сороков соболей²⁰.

Такие же прочные торговые связи с Солью Вычегодской и Сибирью имел другой крупнейший торговец конца XVII в., «гость» Гаврила Романович Никитин. С сибирской и китайской торговлей он ознакомился на собственном опыте, еще будучи приказчиком Е. И. Филатьева. В дальнейшем он самостоятельно развил широкую торговую и ростовщическую деятельность в Сибири²¹.

Сравнительно немного сведений сохранилось о сибирских торгах «гостя» Семена Лузина. Известно только, что с другими торговыми людьми он сбывал сибирские меха западноевропейским торговцам на Архангельской ярмарке и вел регулярный торг в Сибири совместно со своим братом Андреем Лузиным, который одно время служил оценщиком мягкой рухляди в Сибирском приказе²².

Не менее колоритной фигурой являлся «гость» Иван Ушаков. Если Филатьевы и Никитин представляли в Сибири крупное московское купечество, то Ивана Ушакова и его брата купца гостиной сотни Алексея Ушакова можно считать типичными сибирскими купцами. Устюжане по происхождению, они уже в 80-х годах стали крупнейшими сибирскими торговцами и предпринимателями. Прочно обосновавшись в Енисейске, Ушаковы путем подрядов монополизировали крупную хлебную торговлю в Сибири, владели там соляными варницами, пахотными землями. Особенное внимание они уделяли в 80—90-х годах XVII в. Восточной Сибири²³. Непосредственная связь с Сибирью позволила им выступить и в роли крупных пушных торговцев на китайском рынке.

По справке приказа Большой казны, к 1690 г. имущество и торговые обороты Филатьевых оценивались в 16 тыс.руб., Лузиных — в 8400 руб., Никитина и Ушаковых — по 1000 руб.²⁴ Следует полагать, что эти сведения были преуменьшены. Однако они позволяют в некоторой степени дифференцировать экономические возможности указанных купеческих «домов» и особенно выделить Филатьевых, которые, как увидим ниже, играли важнейшую роль в китайских торгах через Нерчинск.

Вплоть до конца XVII в. другие крупные оптовики появлялись в Нерчинске лишь эпизодически.

Из «меньших» купцов чаще всего в Нерчинске можно было видеть лаличей, яренчан, устюжан и сольвычегодцев, издавна связанных торгами с Сибирью и Москвой. По образному выражению И. С. Макарова, «Лальск был настоящим приказчиным гнездом не только для Поморья, но и для центральных городов» (Норицыны, Саватеевы и др.)²⁵. Многие из них — выходцы из крестьянской среды; начиная свою деятельность в качестве приказчиков, они впоследствии выбивались на путь самостоятельной деятельности и, разбогатев, занимали видное положение среди именитого купечества. В середине XVII в. такими влиятельными сибирскими торговцами были яренчане Осколковы и Шангины²⁶. Один из Осколковых, Афанасий Андреевич, был ранее знаком с китайской торговлей, ибо еще до 1675 г. Ю. Крижанич посылал с ним в Москву свое «Писемцо о китайском торге», к сожалению не сохранившееся до настоящего времени²⁷. Его наследники нередко потом посещали Нерчинск и ходили в Китай. Григорий Афанасьевич Осколков снаряжал в 1696 г. в Нерчинске своих «покрученников» на соболиные промыслы²⁸. Торговавший с Китаем в 1691 г. сольвычегодец купец гостиной сотни Ф. Курилов и в дальнейшем сохранял связи с Забайкалем; в январе 1699 г. он тягался с А. Ушаковым и М. Пивоваровым за квасной откуп в Иркутске²⁹. С Лальским погостом была, вероятно, связана по происхождению богатая семья крестьянина тобольского Софийского дома Игнатия Артемьева Заровняного³⁰. Его торговые агенты ездили в Казань, Верхотурье и в течение 90-х годов трижды ходили в Китай³¹. Постепенно торговые крестьяне Заровняные превращались в представителей нарождавшегося сибирского купечества.

Кроме них, в 90-х годах через Нерчинск с Китаем торговали Иван и Степан Шангины, сольвычегодец купец гостиной сотни М. Ростовщиков, лаличи Д. Муромский, М. Месяцев, Норицыны, Бобровские (Григорий и Никита Андреевичи, Иван Федорович), яренчане Е. Архипов, Ф. Ю. Попов, купец гостиной сотни И. Саватеев и др.

В силу экономической слабости сибирские посадские люди только начинали участвовать в междугородной, а тем более в международной торговле. Среди них выделялся иркутский посадский человек И. Штинников, поставлявший по подряду вино в Иркутск, арендовавший на земле И. Ушакова соляные варницы, пашни, а затем ходивший в 1695 г. с торгом в Китай³².

Определенный интерес представляют также и другие крупные купцы, эпизодически появлявшиеся в Нерчинске и торговавшие с цинским Китаем. Так, купец гостиной сотни С. Лянгусов был хорошо известен в Сибирском приказе, а купец гостиной сотни казанец И. Микляев в 1696 г. со своим сотоварищем И. Олиным отправил «в Китай» товаров на 4308 руб. И. Микляев вел крупную торговлю в Европейской России, был связан с иностранными купцами в Астрахани и Архангельске. В Поволжье он имел винокурни и предприятие по выделке кож. Позднее, в 20-х годах XVIII в., Микляев стал компаньоном полотняной мануфактуры в Москве, владельцем суконной мануфактуры в Казани, не прекратив в то же время торговых операций в Китае³³.

Среди торговцев, стремившихся в Нерчинск, обращает на себя также внимание тульский посадский человек Конон Бабкин. Он привез по ярославской выписи «земский» (вероятно, принадлежавший посадской общине) товар в Якутск (ткани и кожи), там его реализовал, купил меха и пытался проехать в 1695 г. в даурские остроги, но был ограблен по дороге³⁴. Все эти купцы в силу своих возможностей также тянулись к зарубежным торгам и составляли определенную конкуренцию Ушаковым, Филатьевым, Г. Никитину и С. Лузину.

Материалы нерчинской таможни позволяют конкретно представить рост общего товарооборота русско-китайской торговли (см. табл. 1) и удельный вес в ней операций отдельных купцов (см. табл. 2), а также спецификацию товаров.

Т а б л и ц а 1

**Общий товарооборот частной караванной русско-китайской торговли
(1689—1698 гг.)**

Время отправления каравана из Нерчинска	Время возвращения в Нерчинск	Стоимость товаров, руб.		Примечания
		вывезенных	ввезенных	
Декабрь 1689 г.	1690 г.		14473	По нерчинской оценке
Июнь 1691 г.	Март 1692 г.	7563*	23952	То же
Декабрь 1692 г.	Октябрь 1693 г.	5593	13015	»
Июль 1693 г.	Октябрь 1693 г. (из Науна)	14043**	25562	»
	Июнь 1694 г.		12381	»
Август 1695 г.	Октябрь 1696 г.	16909*	57000***	»
Лето 1696 г.	Лето 1697 г.	49300*	240000	По московской оценке
Июль 1697 г.	Август 1698 г.	25704*		...

* Стоимость товаров служилых людей не учитывается.

** Стоимость казенных товаров, отправленных с Избрандом Идесом, и товаров служилых людей не учитывается.

*** В нерчинской таможенной книге стоимость товаров не указана, а пошлина бралась не деньгами, а натурой. Поэтому общая стоимость товаров этого каравана определена ориентировочно, в частности без учета стоимости драгоценных камней, жемчуга и шелка.

Стоимость товаров, отпущенных крупнейшими гостями в Китай (руб.)

Год	Г. Никитин и И. Ушаков				Филатьевы		С. Лузин		Всего	
	руб.	%*	руб.	%*	руб.	%*	руб.	%*	руб.	%*
1691	450	5,9	1213	16	2410	31,9	89	1,2	4162	55,0
1692	—	—	—	—	4525	80,9	—	—	4525	80,9
1693	2172	15,5	1137	8,1	3629	25,8	2033	14,5	8971	63,9
1695	—	—	—	—	11091	65,5	1817	10,8	12908	76,3
1696	5142	10,4**	6067	12,3	10299	20,9	2445	4,9	23953	48,5
1697	7239	28,1	—	—	3521	13,7	—	—	10760	41,8
Итого	15003		8417		35475		6384		65279	

* К общей стоимости купеческих товаров всего каравана за данный год.

** С. В. Бахрушин ошибочно относил отправку товаров гостем Г. Никитиным к 1695 и 1696 гг. На самом деле эти партии ушли из Нерчинска в Китай в 1696 и 1697 гг. (Бахрушин С. В. Указ. соч., т. III, ч. 1, с. 240).

Из таблицы 2 видно, что, как правило, более половины всех товаров принадлежало наиболее крупным купцам, среди которых первое место, бесспорно, занимали Филатьевы. Только они сумели организовать ежегодный отпуск товаров в Китай.

Из других крупных торговцев трижды за рассматриваемое время отправляли свои товары в Китай Заровняные (в 1693 г.— на 806 руб., в 1696 г.— на 576, в 1697 г.— на 4723 руб.); по два раза ходили в Китай лалетин М. Месяцев (в 1693 г. товаров на 480, в 1697 г. — на 2689 руб.), Г. А. Осколков (в 1691 г. — на 260, в 1695 г.— на 903 руб.), лалетин И. Бобровский (в 1691 г.— на 136, в 1697 г.— на 2270 руб.). Остальные купцы в 1689—1698 гг. побывали в цинском Китае по одному разу. Наиболее крупные партии товаров были отправлены в 1693 г. купцом гостиной сотни Спиридоном Лянгусовым (на 3667 руб.), в 1696 г. купцами гостиной сотни Б. Карамышевым (на 1436 руб.), Я. Старцевым (на 1099 руб.), И. Микляевым и И. Олиным (на 4308 руб.), И. Саватеевым (на 2336 руб.), торговыми людьми И. Осколковым (на 1685 руб.), В. Малафеевым (на 2311 руб.), московскими посадскими людьми — Кадашевской слободы М. Я. Гусятниковым (на 2162 руб.), Огородной — Т. Васильевым (на 1915 руб.) и Кошельной слободы А. Федотовым (на 2676 руб.). В 1697 г. крупная партия товаров пошла в Китай с лаличами Григорием и Никитой Бобровскими (на 2094 руб.).

Таким образом, в караванах, ходивших в Китай, преобладали представители крупного купеческого капитала. Другие оптовики участвовали в них только эпизодически. Тем не менее в поисках высокой прибыли они не останавливались перед опасностью конкуренции со стороны «гостей». Их сдерживало другое — «скудота денег», «бескапитальность». Отсутствие дешевого и организованного кредита в

XVII в. в России остро и болезненно ощущалось купечеством³⁵. Это обстоятельство ярко отражено в челобитной купцов, собравшихся в 1699 г. в Нерчинске и просивших местного воеводу не задерживать отставку каравана в Китай. В ней указывалось, что товары и деньги «на китайскую руку» они брали у своей братии «великой ценой» и подписывали краткосрочные кабалы, несмотря на возможность разорения в случае задержек в пути³⁶. Крупным ростовщиком выступал Г. Р. Никитин, который, предоставляя свои средства в кредит, получал возможность держать в зависимости своих же торговых конкурентов.

Некоторую роль в караванной торговле играли служилые люди, ходившие на чужбину в составе конвоя, а также промышленные и «гулящие» люди, работавшие в Нерчинске у торговцев по найму. Известны случаи, когда служилые люди в массе своей вывозили из цинского Китая «рухляди» на несколько сот рублей. В 1692 г. 37 служилых людей доставили товаров на 927 руб., а в 1695 г. так же поступили 38 служилых, 42 промышленных и «гулящих» человека. Однако считать их самостоятельными участниками крупной международной торговли, как полагает О. Н. Вилков³⁷, конечно, нельзя, так как они находились «в работе» у крупных торговцев и «начальных людей» конвоя. Правда, китайская торговля способствовала обогащению служилой верхушки. Материалы воеводских сысков конца XVII в. дают интересные свидетельства на этот счет. Так, известно, что иркутский воевода Аф. Савелов взял «сильно» у селенгинского сына боярского И. Уварова китайских тканей на 860 руб., а у селенгинского пятидесятника Д. Таракановского — на 465 руб.; нерчинский воевода Антон Савелов завладел имуществом сына боярского Н. Варламова на 600 руб. Можно привести еще ряд аналогичных примеров³⁸.

Основной ассортимент товаров, проходивших через Нерчинск в цинский Китай и обратно «на Русь»³⁹, определился очень быстро и был более устойчивым, чем на каком-либо другом направлении русской внешней торговли. Основу его, с одной стороны, составляла сибирская пушнина (соболи, песцы, рыси, белки, лисы), с другой — китайские ткани. Взаимная заинтересованность России и цинского Китая в этих товарах привела на протяжении 1689—1698 гг. к быстрому росту оборота русско-китайской торговли. Главный поток пушнины шел в Нерчинск из Енисейска и Якутска через Иркутск, который стал играть важную роль перевалочного пункта.

С июня 1691 по июнь 1692 г. нерчинская таможня зафиксировала 37 явок пушнины на 7452 руб.⁴⁰ Из них в 15 случаях была явлена пушнина по якутским «проезжим грамотам» (на 3455 руб.) и в девяти — по иркутским (на 2551 руб.)⁴¹. Остальная часть мехов поступала от купцов, имевших енисейские, илимские, усть-киренские «проезжие грамоты». В 1693 г. в Нерчинск поступило пушнины по 40 явкам на 18 882 руб., в том числе из Якутска по восьми явкам на 1859 руб., из Илимска, Усть-Киренска и Верхоленска по 11 — на 1832 руб., из Иркутска по 12 — на 8603 руб., из Енисейска по пяти явкам — на 1307 руб. и из Тобольска прибыла крупная партия, оцененная в

3283 руб. В 1695 г. наибольшее количество пушнины доставили купцы, имевшие якутские и усть-киренские «проезжие памяти», — на 7285 руб. (общий привоз на 16 759 руб.) и т. д.

Возможность быстро составить большие партии пушного товара зависела не только от экономического положения крупных купцов, но и от количества у них торговых агентов, разбросанных по всей Сибири. Именно благодаря этим агентам Филатьевы смогли раньше своих конкурентов начать систематическую торговлю с Китаем сразу же в крупных размерах. Одни из них свозили товары в Нерчинск, другие отправлялись в Китай или увозили «на Русь» иноземные товары. Всего, по данным нерчинских таможенных книг, в течение 1689—1698 гг. в этой деятельности принимало участие 17 приказчиков, 6 «людей» и 18 лавочных сидельцев Филатьевых. Среди них выделялись наиболее доверенные лица, осуществлявшие операции в Китае, — приказчики А. Путимец, И. Байтереков, П. Худяков, И. Калуга, В. Лобанов, Ф. Кочетов и «человек» Н. Климов. «Персонал» Г. Р. Никитина состоял из 2 приказчиков, 6 «людей» и 6 лавочных сидельцев⁴². В дальнейшем при расширении китайской торговли даже штат Филатьевых оказался не в состоянии обеспечить скупку пушнины в Сибири в необходимом количестве.

Вероятно, с 1695 г. для «отпуска» в Китай началась крупная скупка пушнины в русских торговых центрах, где можно было совершать широкие оптовые сделки. В 1696 г. эта пушнина составила 70% от всей отправленной в Китай, в 1697 г. — более 50%. Таким образом, значительная часть сибирских мехов, доставленных «на Русь», начала совершать путешествия назад в Сибирь. Об этом свидетельствуют следующие, хотя и неполные, данные о стоимости мехов разной покупки, отправленных из Нерчинска в Китай в 1696 и 1697 гг. (руб.):

Год	Нерчинская покупка	„Русская“ покупка	Восточно- сибирская покупка	Тобольская покупка	Неизвестного происхождения	Всего
1696	1593	34772	8542	549	2044	47500
1697	1093	13056	11318	—	—	25467

По данным нерчинской таможни, в 1696 г. в Китай было вывезено почти 135 сороков соболей (5400 шт.), 589 сороков 29 «пупков» (брюшки) соболевых (23 589 шт.), 264 меха беличьего, 362 280 шкурок белки и 200 397 шкурок горностаев «русской» покупки; в 1697 г. — 67 сороков соболей (2680 шт.), 111 500 шкурок и 650 мехов беличьих, 82 600 шкурок горностаев. Сличая эти данные с общими данными о вывозе мехов в Китай (см. табл. 3), можно заметить, что большая часть соболевых, беличьих и горностаевых шкурок, т. е. основная часть всего вывоза, была закуплена русскими купцами на рынках европейской части страны. Сохранившиеся «проезжие памяти», по которым через Верхотурье на протяжении января — мая 1696 г. приказчики гостя Гаврилы Никитина, Игнатия Заровняного и других

торговцев доставляли далее на восток мехов, ясно свидетельствуют о рынках, где эти товары были закуплены. В Москве ими было приобретено 2000 собольих, 45 000 беличьих, 14 000 горностаевых шкур; в Устюге Великом — 14 000 беличьих и 12 000 горностаевых шкур; в Кайгородке — соответственно 8000 и 17 730, в Лальске — 20 000 и 11 000; на Вятке — 5000 и 5000; на Сысоле — 400 соболиных и 5000 беличьих шкур. Таким образом, основная часть мехов скупалась или в Москве, или на поморских рынках.

Согласно указанным источникам, с Макарьевской ярмарки, из-под Нижнего Новгорода, также шла партия в 20 000 шкур горностаевых, купленная приказчиком Г. Р. Никитина Б. Пикалевым, и с западносибирской Ирбитской ярмарки — небольшая партия горностаевых (1000 шт.) и беличьих шкур (1500 шт.)⁴³. Поэтому не случайно по указу 1698 г. периферийному купечеству разрешалось ездить в Китай без «проезжих грамот» Сибирского приказа; эта льгота мотивировалась именно тем, что поездка в Москву за получением грамот только отнимала «скорое зимнее время» у купцов⁴⁴. При этом следует иметь в виду, что стоимость мехов на русских рынках была значительно выше, чем в Сибири. И. С. Макаров, например, приводит отдельные данные, свидетельствующие о том, что стоимость соболей, вывозимых из Сибири, в Соли Вычегодской повышалась на 20—40%⁴⁵. Однако это не останавливало купечество, стремившееся максимально использовать возможности китайской торговли.

Некоторое количество пушнины обращалось на нерчинском рынке. Обычно ее привозили торговые люди, покупавшие китайские ткани непосредственно в Нерчинске. Значительная часть ее, преимущественно крупные партии, приобреталась в Нерчинске приказчиками гостей и другими торговыми людьми, отправлявшимися в Китай. Приказчики Филатьевых, например, в 1696 г. на средства, вырученные от продажи «русского товара», и на привезенные деньги получили в Нерчинске у лавочного сидельца гостиной сотни И. Гостева и трех других торговых людей (Н. Бушковского, А. Шемякинского, В. Брехнева) мехов на 1357 руб.

В отдельные годы пушнина, свозимая в Нерчинск для отправки в Китай, по стоимости мало уступала партиям мехов, поступавшим в Москву и вывозившимся на Запад (см. табл. 3).

По количеству шкур вывоз мехов (кроме собольих) через Нерчинск в Китай был не менее крупным, чем через Архангельск в Западную Европу. Родес в середине XVII в. определял стоимость мехов, экспортировавшихся через Архангельск, почти в 100 тыс. руб., причем в эту сумму входила и стоимость «мягкой рухляди», принадлежавшей казне, прежде всего наиболее ценных собольих шкур.

Правительство ограничивало частный вывоз за границу ценных собольих шкур, а с 1698 г. установило на них государственную монополию. Поэтому в Нерчинск доставлялись низкосортные шкурки. Даже довольно значительное количество соболей, вывезенных в Китай в 1696 и 1697 гг., оценивалось соответственно в 4594 и 1941 руб.

Несмотря на это, стоимость мехов, принадлежавших частному купечеству и поступивших в 1696 г. в Китай через Нерчинск, равнялась почти 50 тыс. руб. Другие меха, составлявшие существенные статьи

Т а б л и ц а 3

Количество пушнины, вывозившейся через Нерчинск в Китай*,
через Архангельск в Западную Европу** и ввозимой в Москву***
(штуки)

	1691 г.		1692 г.		1693 г.		1694 г.	
	в Китай	в Москву	в Китай	в Москву	в Китай	в Москву	в Китай	в Москву
Соболи	638	25680	23	17120	2149	18160	—	20555
Белки	49650	...	83447	91680	69650	8560	—	188212
Лисы (разные)	121	...	—	2682	173	1997	—	1407
Горностаи	20370	...	18880	5890	53771	...	—	...
Собольи хвосты	—	...	—	12397	—	5594	—	7645
Собольи пупки	1130	...	—	313	4340	240	—	2451
«Кошки разные» (главным образом рыси)	120	...	22	...	138	...	—	...
Песцы	2730	...	266	...	2150	4283	—	1768
Меха беличьи	62	...	—	...	48	...	—	...
Меха заячьи	80	...	300	...	260	...	—	...
Выдры	70	...	100	—	...

	1695 г.		1696 г.		1697 г.		1650-е г. Через Ар- хангельск в Западную Европу
	в Китай	в Москву	в Китай	в Москву	в Китай	в Москву	
Соболи	730	16502	7849	6329	3822	12537	23160
Белки	141430	34010	586660	15053	244990	2300	355950
Лисы (разные)	52	1170	5973	676	4108	337	15970
Горностаи	99680	...	265499	...	166410	...	11520
Собольи хвосты	—	4100	...	2700	—	5569	18748
Собольи пупки	2328	506	24309	150	3040	29	28795
«Кошки разные» (главным образом рыси)	10	...	133	...	26
Песцы	410	1758	8241	5798	1600	929	...
Меха беличьи	19	...	283	...	705
Меха заячьи	345	...	476	...	315
Выдры	340	...	113	...	10

* По данным нерчинских таможенных книг.

** По данным И. де Родеса (Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1915, кн. II, с. 163—165).

*** По данным приказа Большой казны — ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1100, л. 81—84; стб. 1186 (обрывок документа о привозе соболей в Москву в 1691 г.); Курц Б. Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915, с. 473.

во внешней торговле, а именно: собольи «пупки», беличьи и горностаевые шкурки, в отдельные годы вывозились через Нерчинск в значительно больших размерах, чем через Архангельск в Западную Европу в 50-х годах. Горностаи в 1696 и 1697 гг. составляли более половины стоимости экспорта пушнины в цинский Китай.

Из таблицы 3 видно, что горностаи, белки, «пупков» собольих «в Китай» вывозилось больше, чем привозилось в Москву. По свидетельству Избранда, наиболее ходовыми товарами там были обские и уфимские горностаи, обские и енисейские белки, томские, обские, якутские, черные даурские соболи, даурские рыси, песцы, заячьи и беличьи «черевьи» меха, обские черные лисы и «на камнях живущие лисицы или корсаки»⁴⁶.

Еще Кильбургер в 70-х годах XVII в. отмечал, что лучшие сибирские горностаи вследствие большого спроса на них восточных купцов перестали появляться в Москве, а наиболее дорогая сибирская белка по той же причине на московском рынке продавалась несравненно реже, чем прежде⁴⁷.

По сравнению с пушниной изделия русского ремесла привозились в Нерчинск на значительно меньшие суммы. Партии этого товара ежегодно оценивались там в 3—4 тыс. руб. Некоторое количество его шло в Китай, а основная масса расходилась среди населения Нерчинска и его округа⁴⁸. В 1692/93 г. в Нерчинск поступило «русского товара» более чем на 4 тыс. руб., в 1695 г. — на 2369, в 1696 г. — на 3838⁴⁹ и в 1697 г. — на 1486 руб.⁵⁰ Из этого количества в Китай было вывезено в 1692/93 г. на 2044 руб., в 1695 г. — на 918, в 1696 г. — на 987 и в 1697 г. — на 173 руб. Привоз ремесленных изделий в основном обеспечивался торговыми людьми, стремившимися их реализовать на китайском рынке или в Нерчинске, с тем чтобы на вырученные средства приобрести китайские ткани. Крупные торговцы обычно доставляли партии этого товара через Сибирь сразу в Нерчинск, другие частично реализовывали его по дороге. Ассортимент русского товара был весьма широк и рассчитан на самые разнообразные потребности⁵¹. В 1696 г. нерчинская таможня зафиксировала около сотни названий самых различных товаров. Подавляющее большинство их поступило в очень ограниченных количествах, но грубых, дешевых тканей, пользовавшихся спросом среди местного населения, было много — 29 250 аршин холста «хряща» (т. е. грубого) и среднего, 2050 — холста льняного, 3075 — крашенины и 795 аршин сукна сермяжного. Среди товаров были также устюжские и «немецкие» ножицы, усолские ножи, вятские ложки, ярославские зеркала, нижегородская пестрядь, ивановские полотна. Для местной служилой верхушки предназначались дорогие западноевропейские сукна, серебряные кружева, «золотые» кокошники, золотые и серебряные изделия, перец, рис.

В Китай русские товары шли в более узком ассортименте. В значительном количестве отправлялись только сафьян и выделанные красные и черные кожи (в 1691 г. — 90 юфтей, в 1693 г. — 150 юфтей

и 5 бунтов, в 1696 г.— 102 юфти и 66 бунтов). Остальные товары брались для нужд каравана в его годичном путешествии (чулки, сапоги, крашенина, холст, топоры, ножи, бумага писчая, порох), для выяснения спроса китайского рынка на изделия русского, западноевропейского и персидского ремесла, а также в качестве подарков различным административным лицам в Китае (сукна, часы, зеркала, подзорные трубы, «золотые» кружева, серебряная посуда). Избранд писал, что из «немецких» товаров наибольшим спросом пользовались в Китае карманные и «малые столовые» часы.

Пушнина и русский товар, обращавшиеся на нерчинском рынке, связывали его с крупнейшими торговыми центрами страны. По мере роста потребностей многолюдного торгового города увеличивалось поступление на местный рынок крупного рогатого скота, различной рыбы и других товаров. Торговля скотом связывала Нерчинск с районом Байкала. Она способствовала развитию товарно-денежных операций среди местного сибирского населения. Если в 1691/92 г. в Нерчинск поступила только одна, правда крупная, партия скота, оцененная в 160 руб., то уже в 1692/93 г. количество пригонного скота резко возросло. За это время в город было пригнано по 16 явкам 403 головы крупного рогатого скота на сумму 1752 руб., в основном по иркутским, верхоленским, илимским «выписям» и «проезжим грамотам». В последующие годы скот продолжал поступать также из Прибайкалья или Забайкалья (в 1695 г. — 132 головы на 580 руб.; в 1696 г. — 151 голова и 15 лошадей на 705 руб.; в 1697 г. — 171 голова на 1030 руб.). Торговлей скотом, как правило, занимались сибирские служилые и посадские люди, крестьяне. Одни из них скупали рогатый скот, а затем доставляли его в Нерчинск, другие пригоняли «докормленную» скотину. Среди них постоянно встречались одни и те же люди, доставлявшие в Нерчинск скот за тысячу с лишним верст. Например, енисейский посадский человек Д. Шукин пригонял скот из Кабаньей заимки (около Байкала) в 1691/92, 1693, 1696 и 1697 гг., енисейский казак Л. Кустов и балаганский казачий десятник П. Кузнецов — в 1693 и 1695 гг., иркутские пашенные крестьяне Гранины — в 1692, 1693 и в 1696 гг. В торговле скотом на нерчинском рынке принимали участие и приказчики гостей Филатьевых, С. Лузина, Г. Р. Никитина⁵². Из отдаленных районов Енисейска и Томска торговые люди привозили хмель.

Наконец, к 1697 г. заметно развился рыбный промысел, которым занимались промышленные, «гулящие» и нерчинские служилые люди. Около Нерчинска и других острогов реки и озера изобиловали рыбой. Когда не было большой воды, ее добывали неводами⁵³. С увеличением пришлого непостоянного населения этот промысел приобрел товарный характер. В 1697 г. на нерчинский рынок поступило 423 пуда всевозможной рыбы — «просольной щучины» и линеи, юколы щучей, сиговой и ленковой, тайменей, осетрины — на 246 руб.

В целом в Нерчинск в 1693 г. было завезено всевозможных то-

варов из Центральной России и Сибири на 24 081 руб., в 1695 г.— на 19 765, в 1696 г. — на 54 444 и в 1697 г. — на 29 244 руб.

В обратном направлении поток китайских товаров также шел через Нерчинск. О стоимости китайских товаров, поступивших в Нерчинск в 1690—1697 гг., свидетельствуют следующие данные (в руб.)⁵⁴:

	1690 г.	1692 г.	1693—1694 гг.	1695 г.	1696 г.	1697 г.
Поступило всего	14473	38121	57471	10760	57000 ⁵⁵	240000 ⁵⁶
Привезено из Китая русскими караванами	14473	23952	50958	1809	57000	240000

Основную массу товаров составляли ткани. Доля драгоценных камней, жемчуга, золота, серебряных изделий, чая в общей стоимости китайских товаров была незначительной. Эти товары или привозились в Нерчинск русскими купцами, совершавшими операции в китайских городах, или постунали в результате приграничного обмена.

По всем данным, за указанные годы в Нерчинск поступило 10 785 поставов камок «большой руки», 31 980 — «средней руки», 900 поставов лауданов, 4722 постава атласа, 980 поставов камок, 16 921 конец китайки «однопортишной», 12 157 тюмов и 2666 концов китайки «тюмовой», 733 конца китайки других сортов («даба», «самца»), а также более 50 пудов чая, 58 пудов бадьяна, 100 пудов табака, более 220 фунтов шелка-сырца, 37 050 жемчужин, 449 драгоценных камней и 5210 золотников золота (т. е. 21 кг 882 г).

В действительности русско-китайский товарооборот был несомненно более широким. Восточносибирские воеводы использовали благоприятно сложившуюся обстановку и, несмотря на строжайшие запрещения, принимали также активное участие в китайской торговле, сплошь и рядом принуждая торговых людей провозить их товары в Китай. Конечно, эти партии нерчинской таможней не регистрировались. Без особого преувеличения можно сказать, что почти все воеводы Иркутска, Якутска, Илимска, Нерчинска в 90-х годах XVII в. принимали участие в китайских торгах (Антон и Афанасий Савеловы, Г. Грибоедов, Иван Михайлович, Иван Петрович и Матвей Петрович Гагарины). Львиная доля конфискованного имущества у И. П. и М. П. Гагариных состояла из различных китайских тканей и зерен жемчуга, причем во время сыска они «наивно» ссылались на своих предшественников, также торговавших с Китаем⁵⁷. Не ограничиваясь продажей за рубежом мехов, приобретенных теми или иными путями у подвластного им населения, воеводы часто прибегали к «насильству» в отношении торговых людей. Антон Савелов, например, отобрал у приказчиков Филатьевых Ф. Кочетова и И. Калуги 1020 лан серебра и отправил его назад в Китай с

Г. Осколковым для обмена на ткани⁵⁸. Тяжесть таможенного обложения, установленного в 1693 г., вызывала попытки подкупа таможенников со стороны торговых людей. Упомянутые 1020 лан серебра в таможенных книгах не зафиксированы; семь драгоценных камней, отобранных у «человека» Г. Р. Никитина Николая Иванова Греченина, прибывшего из Нерчинска в Тобольск в июне 1694 г., также не нашли там отражения⁵⁹.

Данные об ассортименте китайских товаров позволяют сделать интересные выводы. Уже на практике первого каравана, отправленного после подписания Нерчинского мира, русское купечество проверило возможности китайского рынка и в дальнейшем лишь незначительно расширило ассортимент ввозимых китайских товаров. Наибольший спрос русский рынок предъявлял на китайские шелковые (разнообразные камки и атлас) и бумажные ткани (особенно китайку). Ткани других сортов ввозились в ограниченном количестве.

В наибольшем количестве русские купцы закупали дорогие шелковые ткани различной ширины — камки «большой», «средней» и «малой руки»; эти сорта тканей назывались также камками семиланными и пятиланными, соответственно их стоимости в Китае⁶⁰. Различались они, вероятно, шириной материи и были самой разнообразной расцветки — дымчатые, гвоздичные, коричневые, «таусинные», васильковые, песочные, красные, малиновые, рудо-желтые, соломенные, лимонные, брусничные, темно-лимонные, зеленые⁶¹. По мере увеличения ввоза стоимость их в России падала. Постав камки «большой руки», оценивавшийся в 1692 г. в 7 руб., подешевел к 1697 г. на 2 руб., а стоимость поставка камки «средней руки» с 1690 г. упала к 1697 г. вдвое (с 6 до 3 руб.).

Можно полагать, что в связи с падением цен на китайские шелковые ткани к 1697 г. русское купечество стало стремиться вывозить наиболее дорогие ткани. Более дешевые шелковые ткани — лауданы «большой» и «малой руки», камки «лензы», камки «гайки», атласы «большой руки» и «складные» — поступали в значительно меньших количествах. Постав атласа в рассматриваемые годы оценивался в 2—4 руб., лауданы — не дороже 3, «лензы» — 1,5, «гайки» — 1 руб. «Лензы» и «гайки» «мокрые» были самыми дешевыми сортами и стоили от 50 коп. до 1 руб. Перевозились камки в тюках «волошных» по 40—50 поставов в тюке. Бархаты ценились дороже камок «большой руки», но завозились в очень ограниченном количестве; обычно за год через нерчинскую таможню их проходило не более 15 портищ.

Хлопчатобумажные ткани — китайки — поступали нескольких сортов: тюмовые средние и малые однопортищные, «самца», «даба» пестрая, белая, складная. Наиболее употребительными были китайки тюмовые и однопортищные. Стоимость средней тюмовой китайки колебалась от 50 до 40 коп. за конец, однопортищной — от 1 руб. до 75 коп. Китайка перевозилась в ширях, по 10 тюмов в каждой.

Помимо этих тканей среди ввозимых китайских товаров часто встречались, но в ограниченном количестве, тканые изделия — пологи

и завесы камчатные, атласные, фанзовые, шитые мишурой, на подкладке или без нее; пояса шелковые, кушаки шелковые, пояса бумажные и др.

Другие же китайские изделия — ножи в оправе, веера, серебряные солонки и кувшины, посуда деревянная (вероятно, расписная, лаковая), яшмовая, «ценинная», кожаная (чашки, блюда, «торели», чарки, кувшины) — не пользовались широким спросом. Скорее всего, они предназначались для верхушки господствующего класса в качестве сувениров.

Чай и бадьян, а также пряности — кардамон и шафран, попадавший в Китай из Индии, — в конце XVII в. не играли существенной роли в торговле, стоили дорого и предназначались для узкого придворного круга.

Пуд чая и шафрана оценивался в Нерчинске до 20, бадьяна — до 15 руб. Эти данные заставляют подвергнуть сомнению утверждение И. Кильбургера, что чай вошел в обиход жителей столицы и стоил там 30 коп. за фунт⁶². Чаепитие в России, по-видимому, распространилось только в XVIII в.

Отдельную группу импортных товаров составляли драгоценные камни (иногда в серьгах), жемчуг («зерна половинчатые раковинные»), золото, серебро, к которым особый интерес проявляла казна. Камни и жемчуг всегда имели спрос среди московской знати, и отдельные китайские драгоценности — «лалы» (благородная шпинель) и «яхонты» (рубины и сапфиры) очень высоко котировались. Избранд Идес вывез из Китая уникальный «лазоревого яхонт большой», оцененный в Москве в 3 тыс. руб. Эта драгоценность была затем вручена главе «Великого посольства» Францу Лефорту в числе других подарков, предназначавшихся для западноевропейских государственных деятелей и титулованных особ⁶³. Кроме этого камня Избранд привез два красных яхонта — рубина по три золотника с лишним (т. е. более 60 каратов каждый) и один красный яхонт более двух золотников (свыше 40 каратов), оцененные в 1650 руб.⁶⁴

В Нерчинске «узорочье» запечатывалось и посылалось для оценки в Сибирский приказ, где наиболее ценные камни могли быть взяты в казну, что купцам было невыгодно. Поэтому они стремились не объявлять их в таможенные.

По указу от 5 декабря 1697 г. таможенная пошлина с китайских товаров стоимостью свыше 1000 руб. взималась только серебром и золотом по обязательному курсу (золотник серебра приравнивался к 8 коп., золотник золота к 1 руб.). Оставшееся после уплаты пошлины серебро и золото, как и камни, купцам надлежало предъявить в Сибирский приказ⁶⁵. В результате казна только в 1699 г. получила 4500—5000 золотников золота. Этот указ был явно невыгоден купечеству; во-первых, в Москве китайское золото оценивалось выше⁶⁶, а во-вторых, крупные русские оптовики, обязанные скупать золото и серебро для уплаты пошлин в русской таможене за импортные товары, попадали в зависимость от китайской торговли. Купец гостинной

сотни И. Саватеев, побывавший в Пекине в 1698 г. с караваном С. Лянгусова, рассказывал потом, что золото в Китае «дорого и крепко, потому что малое число приносят<...> А по торгу серебро и золото от них в торг бывает с трудностью, только оне больше в торгу уваливают на мену камками»⁶⁷. Поэтому русское купечество не увлекалось погоней за драгоценностями и вкладывало основную часть капитала в наиболее ходовые на русском рынке ткани.

Как в вывозе, так и во ввозе господствующее положение занимал крупный купеческий капитал, хотя доля остальных участников караванов в целом была довольно заметной (см. табл. 4).

Таблица 4

Стоимость китайских товаров, вывезенных в Нерчинск русскими караванами (руб.)

Товары	1690 г.	1692 г.	1693 г.	1693 г.*	1694 г.	1695 г.
Гостей	9954	12473	8060	15987	2239	—
В том числе:						
Филатьевых	4728	5803	8060	7634	2239	—
С. Лузина	2906	548	—	2473	—	—
И. Ушакова	1270	176**	—	2505	—	—
Г. Никитина	1050	5946	—	3375	—	—
Прочих (торговых, промышленных, «гуляющих», служилых людей)	4519	11479	4955	9575	10142	1809
Всего	14473	23952	13015	25562	12381	1809

* Привоз товаров из Науна.

** Сумма неполная.

Китайские товары, которые доставлялись в Нерчинск из Китая русскими караванами, в подавляющей части не поступали на местный рынок, так как представляли слишком большую ценность на других рынках Сибири и особенно Центральной России. Торговые, промышленные и служилые люди, съезжавшиеся в Нерчинск, но не участвовавшие в караванной торговле, стремились приобрести китайские ткани в местах пограничной торговли. В декабре 1689 — марте 1690 г. в европейскую часть России через таможенную Верхотурья было провезено китайки разных сортов 12 050 аршин, 42 тюма, 10 концов. Эти ткани могли быть приобретены только в результате приграничного торга, который, возможно, происходил сразу же после польских переговоров в Нерчинске⁶⁸.

Таможенная книга Нерчинска за 1692 г. зарегистрировала 51 явку русскими торговцами привозных китайских товаров, 40 явок купленных в Нерчинске и только один случай продажи. Маньчжурское правительство запрещало купечеству выезжать за пределы страны. Поэтому китайское купечество присылало свои товары в Нерчинск, пользуясь поездками туда правительственных агентов с дипломатическими поручениями. Такие поступления бывали не каждый год. По

данным нерчинских таможенных книг, китайские ткани подобного происхождения в большом количестве продавались в Нерчинске в 1692—1695 гг.⁶⁹ Всего за эти годы через Нерчинск прошло их не менее чем на 32 тыс. руб., что составляло 30% стоимости китайских товаров за данный период. Эти ткани раскупались даже участниками караванной торговли: в 1692 г. агенты Филатьевых купили их на 4995 руб., И. Ушакова — на 1325, Г. Р. Никитина — на 736, гостиниой сотни Ф. Курилова — на 682, М. Ростовщикова — на 636, Г. А. Осколкова — на 552 руб. Покупала эти ткани и казна. В 1693—1694 гг. нерчинский воевода скупил 61 постав камок «большой руки» на 465,5 руб., «а лучше тех камок и болши того числа в Нерчинске не сыскалось»⁷⁰.

Основная часть китайских тканей отправлялась из Сибири «на Русь». В иркутских таможенных книгах отмечалось: «у торговых людей в Ыркуцку с русских и китайских товаров пошлин не емлют<...>, ездят они мимо в проезд, а в Ыркуцку теми товара не торгуют»⁷¹. Только незначительная часть китайских товаров продавалась в Нерчинске или расходилась по другим сибирским городам. Даже на крупнейшей западносибирской ярмарке в Ирбитской слободе в последние годы XVII и первые годы XVIII в. китайские ткани встречались в виде исключения⁷².

Больше всего китайских товаров направлялось в центр складывавшегося всероссийского рынка — Москву. За 1692—1696 гг. одних камок было туда привезено 15 098 поставов и 20 268 косяков⁷³.

Остальная часть китайских товаров расходилась по Сибири. Их развозили служилые люди, ходившие в цинский Китай в составе конвоя, а товары нерчинской «покупки» — различные торговые и посадские люди, сибирские служилые и промышленники, крестьяне. В 1694 г., например, из Нерчинска было «отпущено» с китайскими товарами: «на Русь» — 51 человек, в Иркутск — 9, в Енисейск — 8, в Тобольск — 7, в Удинск — 2, в Илимск — 1.

Как уже отмечалось, в короткий срок товарооборот Нерчинска вырос почти вдвое. По нашим подсчетам, в 1693 г. он исчислялся в 60 тыс. руб., а в 1696 г. составил свыше 100 тыс. руб. Сохранившиеся материалы таможни Нерчинска за 90-е годы позволяют довольно обстоятельно проследить ежегодный товарооборот этого торгового центра, приезд и отъезд торгового люда, операции отдельных торговцев, деятельность промышленных и «гулящих» людей⁷⁴.

Нерчинск становился не только перевалочным пунктом на тысячеверстных путях торговли с Китаем, но и областным рынком, на котором обращалось большое количество привозной пушнины, китайских и русских промышленных товаров, расходившихся среди местного населения. Значительное количество китайских товаров, вероятно, не учитывалось местными таможенными властями. Во всяком случае китайских товаров, вывозимых на запад и проходивших через Верхотурье, в частности в 1690—1693 гг., было больше, чем зарегистрировано таможней Нерчинска.

Оживленная русско-китайская торговля сильно изменила жизнь самого Нерчинска. Оставаясь административным и опорным военным пунктом далекого Приамурья, он превращался в крупный экономический центр Восточной Сибири. Постоянное население города насчитывало свыше тысячи человек, временное с развитием торговли увеличивалось из года в год. В Нерчинск прибывали десятки торговых людей и их агентов, сотни промышленных, «гулящих» и рабочих людей. Так, с сентября 1691 г. по апрель 1692 г., по данным оброчных книг, в город прибыло 172 человека, за 1692—1693 гг. — 206, за 1693—1694 гг. — 269, за 1694—1695 гг. — 165, за 1695—1696 гг. — 328 человек; в марте—августе 1697 г. в городе было 208 приезжих, а в сентябре—декабре — 364⁷⁵. Собственно торговых людей в Нерчинске ежегодно бывало 30—50.

Основную массу пришлого люда составляли «гулящие» люди. Одни из них нанимались к крупным купцам в качестве рабочей силы, сопровождали в столицу Цинской империи и обратно караваны, другие обслуживали их на участке от Нерчинска до р. Наун. Наибольшее оживление Нерчинск переживал дважды в год, когда прибывал из Китая старый караван и уходил за рубеж новый. В конце XVII в. гостинный двор Нерчинска не мог вместить всех китайских товаров, и торговые люди их складывали на постоянных дворах, в избах и амбарах. С дальнейшим ростом торговли в 1699 г. было решено построить в Нерчинске каменный гостинный двор⁷⁶.

С 1698 г. характер русско-китайской торговли через Нерчинск начал меняться. Царское правительство, думавшее об организации государственной торговли с цинским Китаем и до Нерчинского мира, вскоре после 1689 г. заинтересовалось первыми итогами операций русских купцов. Иркутский воевода Л. К. Кислянский уже в 1689 г. предлагал всю «мягкую рухлядь», собранную в Иркутске с ясачных людей и таможней, посылать для обмена на китайскую границу и ожидал от этого «прибыль немалую»⁷⁷. В начале 1691 г. правительство разослало сибирским воеводам указ, подтверждавший запрещение ездить в цинский Китай частным лицам без «проезжих грамот» Сибирского приказа. В дальнейшем оно продолжало беспокоиться о том, как бы русские купцы китайский торг «не испортили»⁷⁸. В начале 1692 г. тобольскому и иркутскому воеводам были даны из Москвы указания о посылке в Пекин агента для обмена казенной пушины, «как бы было прибыльнее»⁷⁹.

Это предприятие не было осуществлено, так как тогда же было решено послать из Москвы в Китай Избранда Идеса. Он выехал весной 1692 г. и вернулся в феврале 1695 г. Для того чтобы конкретно выяснить перспективы государственной торговли с цинским Китаем, с Избрандом была отправлена крупная партия казенных товаров. Сразу же после возвращения Избранда Идеса в Москву, в 1695 г., русское правительство, убедившись в благоприятных итогах торговых оборотов через Нерчинск, приняло решение: «Для пополнения своей государевой казны впредь в 204 году (1695/96 г.)

в Китайское государство для торгового промыслу с товары, которые в то государство будут годны, посылать из Сибирского приказа купчин по вся годы самых добрых людей»⁸⁰.

Однако казна не сумела быстро организовать это сложное предприятие. Первый казенный караван в Китай вышел в июле 1698 г. из Нерчинска. Возглавил его купец гостиной сотни Спиридон Лянгузов, уж имевший случай ознакомиться с китайским рынком на собственном опыте. Караван С. Лянгусова вместе с частными купцами, работными и служилыми людьми насчитывал 478 человек. Вернулся С. Лянгузов ровно через год⁸¹. Этот караван фактически положил начало систематической русской государственной торговле с цинским Китаем⁸². До его возвращения нерчинские власти в 1699 г.пустили еще один караван во главе с А. и И. Бейтонами⁸³.

Стремясь оградить себя от конкуренции со стороны частного торгового капитала, правительство опиралось не только на законоположения, ограничивавшие сферу его деятельности, но и привлекало для выполнения своих торговых операций отдельных богатых и опытных купцов, знакомых с китайским торгом. Все государственные караваны первой четверти XVIII в. возглавляли купцы, изучившие китайскую торговлю в 90-х годах,— И. Саватеев, П. Худяков, Г. Осколков и М. Гусятников. За эту государственную службу купцы вознаграждались освобождением от уплаты пошлин за провоз через границу лично им принадлежащих товаров, которые они, однако, могли реализовать на китайском рынке только после распродажи казенного добра. С. Лянгузов, например, получил эту льготу на сумму в 4 тыс. руб., его помощники, целовальники вятчанин И. Глухих и воженин К. Нечаевский — по 700 руб.⁸⁴

Казенные товары в русско-китайской торговле с 1698 г. начали преобладать над частными. В караване С. Лянгусова было казенных товаров почти на 42 тыс., а частных — на 31 490 руб. В 1699 г. через Нерчинск было вывезено казенных товаров на 65 тыс., частных приблизительно на 52 тыс. руб.; в 1701 г. — соответственно на 76 тыс. и около 40 тыс. руб.⁸⁵

Так же как и частный капитал, казна, готовя очередной караван, собирала пушнину в Москве и различных сибирских городах.

Иоганн Фоккеродт, находившийся в России в последние годы царствования Петра I, считал торговые операции с цинским Китаем для России самыми главными из всех, осуществлявшихся по сухопутью⁸⁶.

В период расцвета Нерчинска как торгового центра русское купечество стремилось использовать и другие пути в Китай, известные ему со второй половины XVII в. Сразу же после окончания войны между Галданом и Сюань Е, в конце 90-х годов, оно восстановило старые связи с Северной Монголией и Джунгарией. Из Халхи в Иркутск, несмотря на войну 90-х годов, караваны с китайскими товарами прибывали в 1692, 1694, 1698 и 1699 гг.⁸⁷ В Джунгарии в ставке хунтайджи агенты Филатьевых жили годами. В 1700 г. они писали

в Томск: «А приезжайте к нам люднее с торгом; тепере у нас товаров не по старому много, и добрые товары есть. Ныне мы в Китаех торговали не по прежнему, по волности своей выбирали в рядах и в лавках, никакой задержки не было<...> А кто охотник, друг другу сказывайте к нам приехать торговать»⁸⁸.

Торговый расцвет Нерчинска продолжался относительно недолго. В 1703 г. И. Саватеев — руководитель каравана в Пекин — добился разрешения возвращаться на родину более коротким, хотя и трудным, путем через Северную Монголию к Селенгинску. Усилия нерчинских властей сохранить старое направление внешнеторгового пути в Китай успеха не принесли. Последующие караваны с 1705 г. комплектовались в Иркутске и двигались в Китай через Селенгинск. В результате к 1702—1707 гг. торговые обороты в Нерчинске резко сократились⁸⁹. Заключение Кяхтинского трактата (1727) и основание Кяхты (1728), через которую начал осуществляться основной товарооборот между Россией и Китаем, окончательно определили внешнеторговые связи через Забайкалье и Северную Монголию⁹⁰.

Материалы о торговых операциях русского купечества в Нерчинске и Китае дают некоторые сведения о весьма сложном вопросе, с которым исследователи сталкиваются при изучении истории средневековой торговли, а именно — о купеческой прибыли.

В таможенных книгах Нерчинска учитывалась стоимость пошлинного сбора, взысканного в других сибирских городах с партий привезенного товара, поэтому можно судить о разнице в стоимости товаров в Нерчинске и других городах. Русские ремесленные изделия по сравнению с оценкой енисейской таможни дорожали в Нерчинске на 25—30%, а по сравнению с Тобольском и «русскими» городами — на 150%. Хмель, привозимый из Томска и Енисейска, в Нерчинске дорожал минимум в два с половиной раза, скот, пригонявшийся из Балаганского острога, — в четыре раза. Меха, прибывшие в Нерчинск из Якутска, Илимска, Усть-Киренска, Красноярска, Иркутска, Енисейска, стоили в полтора—четыре раза дороже. На основании этих данных трудно определить норму купеческой прибыли, но они свидетельствуют о наличии значительной разницы в сибирских ценах, которая повышала процент купеческой прибыли в процессе неэквивалентного обмена. На основании отдельных примеров И. С. Макаров устанавливал годовую прибыль от сибирской торговли в 22—25%⁹¹.

Имеющиеся данные позволяют сделать подсчет прибыли купеческого капитала в русско-китайской торговле, хотя и очень приблизительный. Наиболее точные сведения дают расчеты Сибирского приказа об итогах торговых операций казны, совершенных в Китае Избрандом Идесом и Спиридоном Лянгусовым. Первая партия казенного товара, отправленного с Избрандом в Китай, была сравнительно невелика — на 4380 руб.⁹² Транспортные расходы на все посольство известны только частично. В Нерчинске на покупку верблюдов, лошадей и на другие дорожные расходы было истрачено 515, в Китае — 1306 руб. Можно предположить, что эта сумма была истрачена на

всю перевозку товаров из Китая в Москву. Таким образом, по неполным данным, транспортные расходы достигали 1821 руб. Приказные справки дают противоречивые данные о стоимости вывезенных товаров⁹³. В одной из них указывается, что Избранд привез товаров на 11 344 руб. по китайской цене, в другой — на 12 027, но в обоих случаях прибыль определялась более чем в 8 тыс. руб.

Более полные материалы имеются о караване в Китай, который возглавлялся купцом гостиной сотни С. Лянгусовым. С. Лянгусов выехал из Москвы в феврале 1697 г. и вернулся к 1700 г.⁹⁴, таким образом, его путешествие длилось три года. С ним было отправлено казной товаров, в подавляющей массе мехов, на 31 224 руб. Кроме того, ему были вручены подарки для маньчжурских чиновников (часы, меха — рыси и лисы, дорогие материи — «объярь золотная», камка немецкая, байберек шелковый) на 655 руб. На дощаники, рогожи, мешки, бечевки, седла, корм лошадям и верблюдам, наем работников С. Лянгусов истратил 5425 руб.; 215 лошадей и 37 верблюдов стоили 3311 руб. На обратном пути в Нерчинск на транспортные расходы ушло еще 193 поставы камок пятиланых, стоимость которых в Нерчинске можно определить в 579 руб. Следовательно, только транспортировка стоила 9315 руб.

Операции этого каравана в Пекине не оправдали ожиданий казны. Русские купцы указывали, что в связи с большим количеством русских товаров, прибывших с караваном, и конкуренцией большого бухарского каравана, пришедшего через Джунгарию и Северную Монголию также с русскими товарами, продажа происходила по самой низкой цене, которую навязывали китайские оптовики. Участник русского каравана И. Саватеев показывал, что «китайские купцы, всех 8 человек, знатно что меж себя сговорились и цены русским товаром мелочником знать не дали<...> А торги были против прежнего с умалением»⁹⁵. С. Лянгусов не смог продать всего казенного товара и значительную часть — на 3918 руб. — привез назад. Китайских товаров он вывез на 55 134 руб., по московской оценке. Оставшиеся животные, а также дощаники и прочее транспортное снаряжение были оценены в 2048 руб.

Наконец, имеются сведения о результате китайских торгов гостя Г. Р. Никитина. В 1696 и 1697 гг. он отправил в Китай товаров на 12 400 руб. Купленный в Китае товар был доставлен в Москву одновременно в конце 1698 г.; таким образом, капитал находился в обращении четыре года (1695—1698). Китайские «прибытки» были оценены в Москве в 32 140 руб. На дорогу от Нерчинска до Москвы приказчик Д. Божedomов истратил китайских товаров, исходя из нерчинских цен, по крайней мере на 1200 руб.⁹⁶ Кроме того, на оплату наемной рабочей силы на участке Наун — Нерчинск только при транспортировке одной партии товаров было израсходовано китайских тканей, по нерчинской оценке, на 864 руб.⁹⁷ Как уже указывалось, это был один из самых трудных участков пути, транспортные расходы на котором резко возрастали. Таким образом, на доставку

двух партий товаров от Науна до Нерчинска приказчики Г. Никитина истратили не менее 1700 руб. Если считать стоимость перевозки через Сибирь до Нерчинска двух партий мехов, менее объемных, чем ткани, в 1200 руб., то общие расходы на транспорт выразятся в сумме 4100 руб.

Все эти данные с учетом таможенных пошлин можно обобщить в следующую таблицу (табл. 5).

Таблица 5

Сведения о торговых операциях Избранда Идеса, С. Лянгусова и Г. Никитина

Стоимость отправленных в Китай товаров, руб.	Пошлины*, руб.	Расходы на транспорт, руб.	Стоимость китайских товаров в Москве, руб.	Срок обращения капитала, годы	Процент всей прибыли
Избранд					
Идес 4400**	1900	1800***	12000	3	48,1
Лянгусов 28000**	10300	9300	55100	3	15,7
Никитин 12400****	5100	4100	32100	4	48,6

* По таможенным статьям 1693 г., при ввозе в Сибирь с «Руси» частных товаров уплачивалась 10-процентная пошлина, при вывозе за рубеж — 5-, при ввозе иноземных товаров — 10-процентная. Последняя пошлина высчитывается, за исключением данных, из расчета стоимости китайского товара в Москве. Фактически Избранд Идес и С. Лянгусов за казенные товары пошлины не платили.

** Оценка московская. Нереализованные товары в расчет не приняты.

*** Сумма неполная.

**** Оценка нерчинская.

Даже очень приблизительный расчет показывает, что китайские торги давали высокий процент прибыли (при благоприятной ситуации на китайском рынке — 12—16% в год). Если учесть, что купцы могли скупать пушнину «на Руси» и в Сибири по более низкой цене, нежели ее оценивали таможенные и иные власти, то процент прибыли неизбежно повысится. Разумеется, для ее получения купечество должно было вкладывать крупные капиталы и нести значительные накладные расходы. Доля государственных пошлин достигала 43%, а расходов на транспорт — 40% от стоимости вывозимых товаров⁹⁸.

До реализации в России китайских товаров купец тратил на транспортировку и уплату государственных пошлин суммы, по минимальным расчетам достигавшие 75% стоимости экспортируемого товара.

Даже приказчики «гостей», следовавшие с 15—25 работниками и хозяйскими людьми «для сбережения»⁹⁹, не могли обойтись в пути без вспомогательной рабочей силы. Именно поэтому в Нерчинске в 90-х годах XVII в. собиралось немало «гулящего» люда, приходившего туда на заработки. В 1698 г. приказчики Филатьевых В. Лобанов и И. Калуга наняли 17 работников и 6 «гулящих» людей, подрядившихся, по-видимому, на определенный срок и названных в таможен-

ной книге «гулящими работными людьми», а также 9 «гулящих», 3 служилых и одного промышленного человека; участие последних имело, вероятно, эпизодический характер. В 1696—1697 гг. приказчики Филатьевых А. Путимец и И. Байтереков имели у себя «в работе» не менее 36 «гулящих» и промышленных людей — енисейцев, тобольян и даже нерчинского казачьего десятника¹⁰⁰.

Другие торговые люди также прибегали в Нерчинске к найму, но в несколько меньших размерах. Всего при возвращении русского каравана в Нерчинск в 1697 г. было зарегистрировано 112 человек, получивших от торговцев плату за свои услуги. Часть их, по крайней мере 16 человек, занимались специально извозом от Науна до Нерчинска, пользуясь тем, что их услуги оплачивались очень высоко. Некоторые торговые люди стали оставлять в Нерчинске часть своих людей, с тем чтобы они с подводами выезжали к Науну, навстречу выходявшему каравану¹⁰¹. Отдельные нерчинские служилые люди даже финансировали торговых людей, отправлявшихся в Китай, ссужая им скот, лошадей, хлеб.

Услуги наемного «гулящего» людя в Нерчинске дорого обходились купечеству, так как попавшие в трудное положение в дороге торговые люди вынуждены были платить, вероятно, столько, сколько с них запрашивали. Оплата обычно производилась китайскими тканями. После ее получения работные люди отправлялись или в другие сибирские города, или «на Русь», где в свою очередь не без выгоды реализовывали свой заработок. Приказчики Филатьевых расплатились в 1697 г. в Нерчинске с наемными людьми шелковыми тканями на сумму 2800 руб., приказчики Г. Р. Никитина — на сумму 854 руб. «Гулящие» люди обычно получали тканей на несколько десятков рублей, нередко в пределах от 80 до 150 руб.¹⁰²

Все эти расходы были рентабельны, потому что русские меха на китайских рынках ценились очень дорого. И. Саватеев рассказал, что в 1698 г., несмотря на неблагоприятные обстоятельства, тысяча шкурок белки, стоившая в Нерчинске 15 руб., обменивалась почти на 18 тюмов китайки, стоивших в Нерчинске 72 руб., или на восемь поставов камок семиланнных, оценивавшихся в Нерчинске в 40 руб.; рыси и «меха ушканьи» стоили в Пекине в четыре раза дороже, чем в Нерчинске, лисы — в три раза, песцы и корсаки (лисы) — в два—два с половиной раза, горностаи — вдвое¹⁰³. По данным 1706 г., соболи оценивались в Пекине в два-три раза дороже, чем в Сибири, белка — в пять—семь с половиной раз, горностаи — в семь с половиной, лисы красные — в три с половиной — шесть раз. В то же время стоимость ввозимых китайских тканей по мере их следования в глубину России повышалась. Поэтому торговые люди стремились, несмотря на транспортные трудности и разные расходы, реализовать их в Центральной России.

По данным нерчинской и московской ценовых росписей 1694/95 г., постав камки «большой руки» в Нерчинске оценивался в 7 руб., а в Москве — в 8,5, камки «средней руки» — в 3,5 и 6,5, конец китайки

однопортишной — в 75 коп. и в 1,2 руб., тюм китайки — в 4 и 5 руб. Следует еще иметь в виду, что московская оценка принадлежала Сибирскому приказу и была, вероятно, ниже рыночной¹⁰⁴.

Таким образом, даже ориентировочные подсчеты норм купеческой прибыли могут отражать реальную действительность того времени.

Несмотря на отсутствие материалов, трудно сомневаться в выгодности торговли между Россией и Китаем для китайских торговцев. Можно предполагать, что они получали еще большую прибыль, нежели русские купцы, так как им не приходилось преодолевать тысячеверстные расстояния Сибири и затрачивать на это огромные средства.

На основе установившихся экономических связей Сибири с Центральной Россией крупные русские купцы получили возможность усилить концентрацию своего капитала. «Гости» Филатьевы, Ушаковы, Г. Р. Никитин получали от китайских торгов прибыль, доходившую до 50% с оборота. Хотя из-за огромных транспортных трудностей, необходимости наличия крупных оборотных средств, длительности оборотов даже эпизодическое участие в русско-китайской торговле было доступно сравнительно немногим представителям купеческого капитала, круг участников китайских торгов из года в год расширялся. Русско-китайская торговля показала, что в конце XVII в. крупное русское купечество было в состоянии даже при малоблагоприятных обстоятельствах организовать систему внешнеторговых операций, которая способствовала упрочению внутренних рыночных связей Сибири и европейской части страны и в целом отражала возрастающую роль России в международной жизни на Дальнем Востоке.

Оценивая перспективность для России торговли с Китаем, не следует забывать, что ограничительные меры цинского правительства уменьшали возможности ее развития, ставили русское купечество в зависимость от китайских торговцев и, наконец, не способствовали развитию экономики самого Китая. Только с учреждением по статье четвертой Кяхтинского трактата от 21 октября 1727 г. пограничного торгового на границе с Северной Монголией обе торгующие стороны ставились в действительно равноправное положение, после чего русская караванная торговля в пределы Китая захирела. Стада быстро развиваться торговля с Китаем через Кяхту, причем и на этом направлении доминирующее значение в XVIII в. в конце концов приобрела частная инициатива русского купечества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на значительный перевес сил, более удобную систему военных коммуникаций, нарушение предварительного мирного соглашения и оккупацию российской территории во время перемирия, а также на прямой шантаж в момент посольского съезда в Нерчинске, Цинская империя не добилась своей основной цели — Россия сохранила определенные позиции на Дальнем Востоке. Как уже указывалось, освоение Восточной Сибири в XVII в. осуществлялось по двум основным направлениям — от Байкала на восток в Приамурье и из центральной части Якутии, с Лены на восток к Охотскому морю и на северо-восток. После заключения Нерчинского договора 1689 г. русская колонизация Приамурья была локализована районом Нерчинска. Поэтому дальнейшее освоение Восточной Сибири проходило почти исключительно в северо-восточном направлении, по путям от Якутска к Анадырскому и Охотскому острогам. Исключительная трудность этих путей тормозила освоение восточносибирских областей, но отнюдь не остановила стихийной русской колонизации.

Со своей стороны русское правительство на протяжении XVIII в. уделяло огромное внимание изучению производительных сил Восточной Сибири. Составляя инструкцию В. И. Берингу по снаряжению экспедиции для решения географической задачи — сошлась ли Азия с Америкой, Петр I намечал широкие планы поисков морских путей в Японию, Китай и Индию и по укреплению позиций России на Дальнем Востоке. Для разрешения этих задач в XVIII в. на протяжении 30—40-х годов осуществлялась целая программа заселения и изучения Охотского края, описания побережья Охотского моря и строительства Охотска. По предложению В. И. Беринга, вернувшегося в Петербург из Первой Камчатской экспедиции в 1730 г., в Охотске началось строительство морского порта, которое было закончено в 1741 г. В результате Охотск из небольшого острога стал единственным портом России на Дальнем Востоке, на верфях которого строились корабли русского Тихоокеанского флота. К началу XIX в. население Охотска достигло более 1300 чел.

Опираясь на свою базу в Охотске, уже на протяжении первой

половины XVIII в. Россия начала освоение Камчатки, Аляски, Алеутских островов и более южных районов тихоокеанского побережья Америки. Важнейшими предпосылками этого процесса были присоединение на рубеже XVIII в. к России Камчатки, достижения Первой и Второй Камчатских экспедиций (конец 20-х—40-е гг.), снаряженных русским правительством с географическими, историко-этнографическими и естественнонаучными целями и сыгравших огромную роль в исследовании Северо-Востока страны, а также деятельность русских промысловиков — приемников землепроходцев и мореходов XVII в.

Первые сведения о Камчатке были получены в 50-х годах XVII в. от М. В. Стадухина, исследовавшего побережье Охотского моря от устья р. Пенжины до устья р. Охоты. В это время русские землепроходцы открыли сухопутные пути к берегам Берингова пролива и северной части Охотского моря, а «те места — край и конец Сибирской земли». С начала 90-х годов казаки из Анадырского острога уже начали взимать ясак с населения Камчатки, а в 1697—1699 гг. в итоге похода В. В. Атласова весь Камчатский полуостров вошел в состав России. «Скаски» В. В. Атласова, записанные с его слов в Якутске (1700) и в Москве (1701), содержали богатейшую информацию о Камчатке и ее населении.

В первые годы XVIII в. на Камчатке существовало уже четыре острога, а в 1740 г. В. И. Берингом и А. И. Чириковым в Авачинской губе был основан Петропавловский порт, который в начале XIX в. стал центром всего полуострова, важнейшей гаванью и оплотом России на Тихом океане. Одновременно предпринимались и попытки переселения крестьян в Охотско-Камчатский край. Правда, крестьяне, с 30-х годов XVIII в. обосновывавшиеся в районе Охотска и Удского острова, а с 1741 г. — и на Камчатке, так и не смогли добиться существенного успеха в развитии земледелия. Тем не менее русское сельское население на Северо-Востоке Азии хотя и медленно, но росло. В конце XVIII в. в Охотском округе в разных селениях проживали 104 крестьянские семьи, а на Камчатке, по данным 20-х годов XIX в., — 407 крестьян.

Поселения на Камчатке и Охотский острог послужили отправными пунктами в планомерном исследовании Шантарских, Курильских и Алеутских островов. В результате ряда экспедиций, предпринятых в начале XVIII в. (1711—1713, 1719—1721), русские исследователи — И. П. Козыревский, Д. Анциферов, И. М. Евреинов, Ф. Ф. Лужин и другие — описали и картировали большую часть Курильских островов. Особую ценность представляли составленный И. П. Козыревским в 1726 г. «Чертеж (карта) Камчадальского Носу и морским островам» и первое обстоятельное описание населявших Курилы айнов. В процессе этих исследований Курильские острова вошли в состав России.

Новый подъем народного движения в просторы Тихого океана вызвали открытия участников Сибирско-Тихоокеанской экспедиции

(1733—1743). По имеющимся данным, с 1743 по 1764 г. русские промышленники совершили 44 плавания на Алеутские острова и к северо-западному побережью Северной Америки. В не менее широких масштабах шло и освоение Курильских островов, где уже в середине XVIII в. стало ощущаться влияние русской культуры, а на острове Шумшу возникла школа для обучения детей местных айнов русской грамоте. На протяжении второй половины XVIII в. происходил активный процесс образования постоянных русских поселений на Курильских (Шумшу, Парамушир, Симушир, Уруп, Итуруп), Алеутских островах и на побережье Аляски.

Таким образом, уже в первой половине XVIII в. Россия стала тихоокеанской державой; во второй половине века ее позиции на Тихом океане еще более упрочились. И в этом немалую роль сыграли успехи освоения русскими людьми земель Забайкалья и части Приамурья, оставшейся в составе России. Учитывая природные ресурсы этих районов, русское правительство на протяжении XVIII—первой половины XIX в. уделяло большое внимание развитию там земледелия и обеспечиванию Нерчинских заводов и торговых трактов рабочей силой. В 1714 г. в Нерчинском уезде занималось земледелием 193 крестьянских двора и более 200 дворов местных служилых людей. В дальнейшем сельское население продолжало там интенсивно пополняться. В 1726 г. на Нерчинские заводы было направлено для поселения 870 чел. из Томска и других городов Сибири. Позднее, в 50-е годы, в Забайкалье переселилось до четырех тысяч сибирских крестьян и посадских людей. К 1775 г. в долинах Селенги и ее притоков Хилок и Чикой было поселено свыше 8 тыс. старообрядцев (так называемая группа «семейских»), высланных из Могилевской и Черниговской губерний. По указу 1799 г. «О заселении земель полуденного края Сибири, лежащих между Байкалом, рекою Верхнею Ангарой, Нерчинском и Кяхтою» в Забайкалье из губерний европейской части России и Сибири предписывалось направить 10 тыс. семей поселенцев. В итоге всего лишь за полвека (с 1710 по 1762 г.) местное население там выросло в пять раз (с 4 до 20 тыс. чел. м. п.), а к середине XIX в. достигло 328 тыс. душ обоего пола.

Широкую программу мероприятий по развитию экономики Сибири и Дальнего Востока наметил в середине XVIII в. сибирский губернатор В. А. Мятлев, настаивавший на необходимости освоения плодородных земель Нерчинского уезда и месторождений полезных ископаемых всего Забайкалья. В 60-х годах XVIII в. под руководством начальника Даурских заводов В. И. Суворова были развернуты широкие геологические изыскания, расширены и построены новые заводы по выплавке серебра и меди. Тогда же в Иркутске и Охотске были открыты навигационные школы. Гидрографы и геодезисты вели исследования рек Аргуни, Шилки и их притоков, описывали сухопутные и водные пути от Иркутска до Нерчинска; в бассейнах рек Нерчи, Ингоды и их притоков изучались леса, пригодные для судостроения.

Эта деятельность В. А. Мятлева была продолжена (с 1757 г.) его преемником на посту сибирского губернатора Ф. И. Соймоновым, который придавал большое значение развитию земледелия в Нерчинске, Якутии и на Камчатке. Будучи опытным картографом, Ф. И. Соймонов уделял особое внимание сибирской картографии. Так, в 1759 г. он лично подписал «Карту южной части Сибири от реки Исети до начала реки Амура...», а также «Карту караулов, расположенных по течению рек Аргуни, Шилки, Онона, Ингоды и их притоков». Труды Ф. И. Соймонова в области картографии были органично связаны со всей его активной деятельностью по развитию земледелия, горного дела, строительству оборонительных рубежей (линий) и организацией различных экспедиций в Тихий океан.

Неукоснительно соблюдая условия Нерчинского договора 1689 г., русское правительство чем дальше, тем больше осознавало значение Амурского бассейна для развития производительных сил Восточной Сибири. Активное освоение Дальнего Востока и Русской Америки на протяжении XVIII в. поставило его перед необходимостью вновь заняться «амурским вопросом». Окончательно разрешить его и установить русско-китайскую границу на условиях, выдвигавшихся еще посольством Ф. А. Головина, русской дипломатии удалось в середине XIX в., когда земли на левом берегу Амура были возвращены России и сама река в своем верхнем и среднем течении стала частью границы.

ПРИМЕЧАНИЯ

От автора

¹ История Сибири, т. 2. Л., 1968, с. 503—508.

Глава первая

Присоединение Восточной Сибири и хозяйственное освоение русскими переселенцами Забайкалья и Приамурья

¹ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века. М., 1972, с. 46.

² Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы, т. 1. М., 1969, № 19, с. 65 (далее — РКО, т. 1).

³ Александров В. А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964, с. 13—15; Окладников А. П. Русские полярные мореходы XVII века у берегов Таймыра. М.—Л., 1948; Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Сб. ст. М.—Л., 1951; Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход, ч. I. Л., 1980, с. 30.

⁴ Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI—XVII вв., ч. II. М., 1981.

⁵ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960, с. 130, 133.

⁶ Александров В. А. Указ. соч., с. 62—64.

⁷ Там же, гл. 3.

⁸ Шунков В. И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.). М., 1956, ч. 1, очерк IV; Александров В. А. Указ. соч., гл. 4, § 3.

⁹ Александров В. А. Указ. соч., гл. 10, § 1; Копылов А. Н. Русские на Енисее в XVII в. Новосибирск, 1965, гл. 2.

¹⁰ Александров В. А. Указ. соч., с. 96, 117.

¹¹ Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII—XVIII вв.). Л., 1937, с. 23—97; Александров В. А. Указ. соч., с. 40; Залкинд Е. М. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ, 1958, с. 15 и след.

¹² Залкинд Е. М. Указ. соч., с. 35—38; Долгих Б. О. Указ. соч., с. 284, 285.

¹³ Шунков В. И. Указ. соч., с. 168.

¹⁴ Там же, с. 163; Якутия в XVII в. (Очерки). Якутск, 1953, с. 372 и след.; Шерстобоев В. Н. Илимская пашня, т. 1. Иркутск, 1949, с. 258.

¹⁵ Комогорцев И. И. Из истории черной металлургии Восточной Сибири. — Материалы по истории Сибири. Сибирь периода феодализма. Вып. 1. Новосибирск, 1962, с. 100—103.

¹⁶ Хрестоматия по истории СССР. XVI—XVII вв. М., 1962, № 150, с. 563—566.

¹⁷ Об их племенном составе см.: Долгих Б. О. Указ. соч., с. 353 и след.

¹⁸ Александров В. А. Русские промышленники в Якутии до образования Якутского воеводства (1641 г.). — Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963, с. 239.

- ¹⁹ Там же, с. 239.
- ²⁰ Там же, с. 240; Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века. Сб. док. М., 1951, гл. 3.
- ²¹ Гурвич И. С. Этническая история Северо-Востока Сибири. М., 1966, с. 54.
- ²² Материалы по истории Якутии XVII века (документы ясачного сбора), ч. III, М., 1970, с. 1067—1096.
- ²³ Гурвич И. С. Указ. соч., с. 58—62; Сафронов Ф. Г. Русские крестьяне в Якутии (XVII—нач. XX в.). Якутск, 1961, с. 13—30; его же. Русские на Северо-Востоке Азии в XVII — середине XIX в., М., 1978, с. 112—117, 138.
- ²⁴ История Сибири, т. 2, Л., 1968, с. 49; Окладников А. П., Гоголев З. В., Ащепков Е. А. Древний Зашиверск. М., 1977, с. 38, 74.
- ²⁵ Гурвич И. С. Указ. соч., с. 54, 55.
- ²⁶ Долгих Б. О. Указ. соч., с. 491—493.
- ²⁷ Окладников А. П., Гоголев З. В., Ащепков Е. А. Указ соч., с. 33.
- ²⁸ История Сибири, т. 2, с. 74.
- ²⁹ Долгих Б. О. Указ. соч., гл. XX.
- ³⁰ История Сибири, т. 2, с. 98, 105.
- ³¹ Шунков В. И. Указ. соч., с. 23.
- ³² Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири, СПб., 1886, с. 45; Якутия в XVII в. (Очерки), с. 64, 65; Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. XVII век, вып. 1. М.—Л., 1960, с. 21—23; Яковлева П. Т. Первый русско-китайский договор 1689 года. М., 1958, с. 17—19; Хрестоматия по истории СССР. XVI—XVII вв., № 146 (с. 553—558).
- ³³ Дополнения к актам историческим (далее — ДАИ), т. II, СПб., 1846, № 89 (п. 2), 91.
- ³⁴ Центральный Государственный архив древних актов (далее — ЦГАДА), Сибирский приказ, стб. 136, л. 716—718.
- ³⁵ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 288, л. 1—8; стб. 530, л. 23—27, 32—33.
- ³⁶ Там же, стб. 371, л. 157—162.
- ³⁷ Залкинд Е. М. Указ соч., с. 53, 54.
- ³⁸ Оглоблин Н. Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа, ч. 1, М., 1895, с. 323, 326.
- ³⁹ Долгих Б. О. Указ. соч., гл. XVII, XVIII, XX.
- ⁴⁰ Залкинд Е. М. Указ. соч., с. 57.
- ⁴¹ Долгих Б. О. Указ. соч., с. 319.
- ⁴² Там же, с. 320—322, 325.
- ⁴³ Копылов А. Н., Мясников В. С. Рецензия на книгу П. Т. Яковлевой «Первый русско-китайский договор 1689 г.». — История СССР, 1959, № 4, с. 179.
- ⁴⁴ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1355, ч. I, л. 59—62.
- ⁴⁵ Там же, л. 112—140; стб. 720, л. 22.
- ⁴⁶ Долгих Б. О. Указ. соч., с. 351.
- ⁴⁷ Там же, с. 339 и след.
- ⁴⁸ Там же, с. 350.
- ⁴⁹ РКО, т. 1, № 50, с. 117.
- ⁵⁰ Огородников В. Очерки истории Сибири до начала XIX столетия, ч. II, вып. 1. Владивосток, 1924, с. 81—82.
- ⁵¹ Бахрушин С. В. Научные труды, т. III, ч. 1. М., 1955, с. 131, 154.
- ⁵² Ермаченко И. С. Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. М., 1974, с. 45—70.
- ⁵³ Мелихов Г. В. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). М., 1974, с. 26—84; Васильев В. П. Примечания к первому выпуску китайской хрестоматии. Изд. 3-е, СПб., 1897, с. 120—122.
- ⁵⁴ ДАИ, т. III, СПб., 1848, № 12/I.
- ⁵⁵ Мелихов Г. В. Указ. соч., с. 84.
- ⁵⁶ Там же, с. 85—90.
- ⁵⁷ ДАИ, т. III, № 12/I.
- ⁵⁸ Бахрушин С. В. Указ. соч., с. 130—131.
- ⁵⁹ Долгих Б. О. Этнический состав и расселение народов Амура в XVII в.

- по русским источникам.—Сборник статей по истории Дальнего Востока. М., 1958, с. 127.
- ⁶⁰ Полевой Б. П. Первооткрыватели Сахалина. Южно-Сахалинск, 1959, с. 64.
- ⁶¹ Долгих Б. О. Этнический состав..., с. 138—142.
- ⁶² Полевой Б. П. О местонахождении Ачанского городка.—Советская археология, 1960, № 3, с. 328—333.
- ⁶³ РКО, т. I, № 78, с. 200.
- ⁶⁴ Там же, № 79, с. 203, 204.
- ⁶⁵ Там же, № 56—60.
- ⁶⁶ Акты исторические, (далее — АИ), т. IV, СПб., 1842, № 31/V, с. 76.
- ⁶⁷ РКО, т. I, № 61, с. 137.
- ⁶⁸ Там же, с. 543.
- ⁶⁹ Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII в. М., 1980, с. 77.
- ⁷⁰ Там же, с. 87, 88.
- ⁷¹ РКО, т. I, № 68, с. 201—203.
- ⁷² Мелихов Г. В. Указ. соч., с. 105.
- ⁷³ Там же, с. 106, 107 и след.
- ⁷⁴ Книга Большому чертежу. М.—Л., 1950, с. 188.
- ⁷⁵ Мелихов Г. В. Указ. соч., с. 112.
- ⁷⁶ Там же, с. 114.
- ⁷⁷ РКО, т. I, № 61, с. 135, 136; Мясников В. С. Указ соч., с. 78.
- ⁷⁸ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав..., с. 581.
- ⁷⁹ РКО, т. I, № 81, 82, с. 209—214.
- ⁸⁰ Там же, № 102—104, с. 238—242 и с. 554—555; ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 132, л. 193—194.
- ⁸¹ Огородников В. И. Туземное и русское земледелие на Амуре в XVII в. Владивосток, 1924, с. 57—58.
- ⁸² Долгих Б. О. Указ. соч., с. 596, 597.
- ⁸³ Шунков В. И. Указ. соч., с. 31.
- ⁸⁴ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 132, л. 177—181 (все данные по московской оценке).
- ⁸⁵ Там же, л. 193, 194.
- ⁸⁶ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 132, л. 154—161.
- ⁸⁷ Там же, л. 145—151.
- ⁸⁸ РКО, т. I, № 56, с. 126; № 58, с. 130.
- ⁸⁹ Словцов П. А. Указ. соч., с. 55.
- ⁹⁰ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 471, л. 392.
- ⁹¹ Там же, л. 367—370, 376—378; Александров В. А. Русское население Сибири, с. 99; его же. Народные восстания в Восточной Сибири во второй половине XVII в.—Исторические записки, т. 59. М., 1957, с. 274.
- ⁹² ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 132, л. 177—181; стб. 453, л. 144; стб. 471, л. 476, 467, 500—503; стб. 508, л. 89, 173, 336, 336 а.
- ⁹³ Бахрушин С. В. Указ. соч., с. 130—131.
- ⁹⁴ Андриевич В. К. Краткий очерк истории Забайкалья от древнейших времен до 1762 г. СПб., 1887, с. 37.
- ⁹⁵ ДАИ, т. IV. СПб., 1851, № 33.
- ⁹⁶ Александров В. А. Русское население Сибири, с. 100.
- ⁹⁷ Александров В. А. Народные восстания в Восточной Сибири во второй половине XVII в., с. 275, 276.
- ⁹⁸ Яковлева П. Т. Указ. соч., с. 61.
- ⁹⁹ Гурвич И. С. Указ. соч., с. 59; ДАИ, т. VI, СПб., 1857, с. 402.
- ¹⁰⁰ Титов А. Сибирь в XVII веке. М., 1890, с. 33.
- ¹⁰¹ Книга Большому чертежу, с. 188.
- ¹⁰² ДАИ, т. VI, № 103.
- ¹⁰³ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 355, ч. II, л. 557—558.
- ¹⁰⁴ Там же, стб. 1355, ч. II, л. 270, 271; Нерчинская приказная изба, д. 19, л. 46—47.
- ¹⁰⁵ См.: Книга Большому чертежу, с. 184—188; Атлас географических откры-

- тий в Сибири и в Северо-Западной Америке XVII—XVIII веков. М., 1964; Андреев А. И. Указ соч., с. 25 и сл.; Гольденберг Л. А. Семен Ульянович Ремезов. М., 1965, с. 89 и др.
- ¹⁰⁶ Боднарский М. С. Очерки по истории русского землеведения, т. 1. М., 1947, с. 46, 52; Словцов П. А. Указ соч., с. 53.
- ¹⁰⁷ Полевой Б. П. Указ. соч., с. 36.
- ¹⁰⁸ Титов А. Указ. соч., с. 110—111.
- ¹⁰⁹ Там же, с. 214—215.
- ¹¹⁰ Там же, с. 57—101. Дату написания этого произведения можно установить по упоминанию в тексте 7191 года, т. е. 1682/83 г., и по указанию на существование Албазинского острога, который был оставлен русскими в 1690 г. (с. 86, 90).
- ¹¹¹ ДАИ, т. II, № 72.
- ¹¹² Титов А. Указ. соч., с. 90—91.
- ¹¹³ Шунков В. И. Указ. соч., с. 194—195; Кашик О. И. Из истории заселения Иркутского уезда в XVII—начале XVIII в.—Ученые записки Иркутского государственного пединститута, вып. XVI. Благовещенск, 1958, с. 238.
- ¹¹⁴ Шунков В. И. Указ. соч., с. 195.
- ¹¹⁵ ДАИ, т. XI, СПб., 1869, № 34.
- ¹¹⁶ Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. СПб., 1882, с. 124—127 (далее — Путешествие через Сибирь... Спафария).
- ¹¹⁷ Там же, с. 162; ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 78, л. 35.
- ¹¹⁸ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1045, л. 1—5.
- ¹¹⁹ Там же, стб. 974, ч. II, л. 171—173; кн. 583, л. 210—241.
- ¹²⁰ ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 23, л. 54—55.
- ¹²¹ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1355, ч. I, л. 158—164; Путешествие через Сибирь... Спафария, с. 138.
- ¹²² ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 241, л. 1, 2.
- ¹²³ РКО, т. 1, № 75, с. 195.
- ¹²⁴ Андриевич В. К. Указ. соч., с. 28.
- ¹²⁵ Шунков В. И. Указ. соч., с. 195—199.
- ¹²⁶ ДАИ, т. XI, № 21/II.
- ¹²⁷ Там же.
- ¹²⁸ Шунков В. И. Указ. соч., с. 216—217.
- ¹²⁹ ДАИ, т. VIII, СПб., 1862, № 109.
- ¹³⁰ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 255, ч. II, л. 419—421.
- ¹³¹ Путешествие через Сибирь... Спафария, с. 140; Леонтьева Г. А. К вопросу об образовании постоянного служилого населения в Восточной Сибири во второй половине XVII—начале XVIII в. Нерчинский уезд.—Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока, вып. 2. Материалы первой научной конференции Института истории, филологии и философии и секции исторической географии Новосибирского отдела Географического общества СССР. Ротапонт СО АН СССР. Новосибирск, 1968, с. 43—47, 49, 51; ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 720, л. 24—31.
- ¹³² ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 1, л. 14—15.
- ¹³³ Там же, д. 13, л. 23.
- ¹³⁴ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1355, ч. 1, л. 112—140.
- ¹³⁵ ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 19, л. 59—61.
- ¹³⁶ Словцов П. А. Указ. соч., с. 47; Бахрушин С. В. Указ. соч., с. 155; Титов А. Указ. соч., с. 48.
- ¹³⁷ Словцов П. А. Указ. соч., с. 101; Андриевич В. К. Указ. соч., с. 40.
- ¹³⁸ Александров В. А. Народные восстания в Восточной Сибири во второй половине XVII в., с. 275.
- ¹³⁹ Историю Н. Р. Черниговского в искаженном виде передает также Ю. Крижанич. По его словам, жертвой Л. А. Обухова была не жена, а сестра Н. Р. Черниговского. См.: Титов А. Указ. соч., с. 213.
- ¹⁴⁰ Яковлева П. Т. Указ. соч., с. 57.
- ¹⁴¹ Паршин В. Поездка в Забайкальский край, ч. II. М., 1844, с. 138.
- ¹⁴² Александров В. А. Материалы о народных движениях в Сибири в кон-

- це XVII в. — Археографический ежегодник за 1961 год. М., 1962, с. 346.
- ¹⁴³ Андриевич В. К. Указ. соч., с. 234; Словцов П. А. Указ. соч., с. 101—102; Паршин В. Указ. соч., с. 64—65.
- ¹⁴⁴ ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 1, л. 5—9.
- ¹⁴⁵ Паршин В. Указ. соч., с. 137—140.
- ¹⁴⁶ Бантыш-Каменский Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год. Казань, 1882, с. 22—23.
- ¹⁴⁷ Шунков В. И. Указ. соч., с. 196—197.
- ¹⁴⁸ Яковлева П. Т. Указ. соч., с. 57, 58.
- ¹⁴⁹ Там же, с. 56, 57.
- ¹⁵⁰ Статейный список посольства Н. Спафария в Китай.— Вестник археологии и истории, издаваемый археологическим институтом, вып. XVII. СПб., 1906, отд. II, с. 178.
- ¹⁵¹ Яковлева П. Т. Указ. соч., с. 58.
- ¹⁵² ДАИ, т. VIII, № 110, с. 349.
- ¹⁵³ ДАИ, т. XII, СПб., 1872, № 2.
- ¹⁵⁴ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 720, л. 31.
- ¹⁵⁵ Огородников В. И. Туземное и русское земледелие на Амуре в XVII в., с. 63; Долгих Б. О. Указ. соч., с. 581; Яковлева П. Т. Указ. соч., с. 62.
- ¹⁵⁶ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1355, ч. 1, л. 54—58.
- ¹⁵⁷ Там же, стб. 720, л. 31 и сл.; стб. 973, л. 89 (столбец с разбитой пагинацией); Нерчинская приказная изба, д. 29, л. 15—16; Паршин В. Указ. соч., с. 62, 146.
- ¹⁵⁸ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 973, л. 14, 53, 83; Огородников В. И. Туземное и русское земледелие на Амуре в XVII в., с. 59; Грум-Гржимайло Г. Е. Описание Амурской области. СПб., 1894, с. 65.
- ¹⁵⁹ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1588, ч. 1, л. 72; Нерчинская приказная изба, д. 24, л. 48—51.
- ¹⁶⁰ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 720, л. 34—35.
- ¹⁶¹ Там же, стб. 1355, ч. I, л. 160; ч. II, л. 260—265.
- ¹⁶² Там же, стб. 973, л. 3—5, 15, 19, 58, 91, 92; Нерчинская приказная изба, д. 26, л. 84—85.
- ¹⁶³ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 720, л. 34—35; стб. 973, л. 69, 70, 89; стб. 974, ч. II, л. 129 г—е; стб. 1355, ч. 1, л. 159; ДАИ, т. X, СПб., 1867, № 57.
- ¹⁶⁴ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 720, л. 83—93.
- ¹⁶⁵ Огородников В. И. Туземное и русское земледелие на Амуре в XVII в., с. 59; Шунков В. И. Указ. соч., с. 202.
- ¹⁶⁶ ДАИ, т. XII, № 12/V.
- ¹⁶⁷ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 965, ч. II, л. 296—300.
- ¹⁶⁸ Там же, стб. 937, л. 85.
- ¹⁶⁹ ДАИ, т. VIII, № 101; т. IX, СПб., 1865, № 104.
- ¹⁷⁰ ДАИ, т. X, № 57.
- ¹⁷¹ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 973, л. 12.
- ¹⁷² Шунков В. И. Указ. соч., с. 355.
- ¹⁷³ ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 6, л. 59, 60, 67; д. 8, л. 1, 11—12; Сибирский приказ, стб. 974, ч. II, л. 129 ж—з.
- ¹⁷⁴ ДАИ, т. X, № 57.
- ¹⁷⁵ Бахрушин С. В. Указ. соч., с. 155.
- ¹⁷⁶ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 720, л. 36, 37, 69—72, 83—93; Словцов П. А. Указ. соч., с. 122.
- ¹⁷⁷ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 720, 83—93; Нерчинская приказная изба, д. 8, л. 33—34.
- ¹⁷⁸ ДАИ, т. XII, СПб., 1872, № 2.
- ¹⁷⁹ ДАИ, т. X, № 78/I, III, с. 342, 343, 346, 347; т. XII, № 8.
- ¹⁸⁰ ДАИ, т. VII, СПб., 1859, № 74/XXIII; т. IX, № 104; Вестник Русского Географического общества, СПб., 1853, ч. 7, II, с. 37—41.
- ¹⁸¹ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 720, л. 15—43.
- ¹⁸² Скалон В. Н. Русские землепроходцы — исследователи Сибири XVII в. М., 1951, с. 48—49.

- ¹⁸³ ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 23, л. 6—9.
- ¹⁸⁴ Там же, д. 67, л. 74—75.
- ¹⁸⁵ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1081, л. 1—15, 46, 65, 66, 86, 88; стб. 1355, ч. I, л. 98—99; ч. II, л. 224—225; Нерчинская приказная изба, д. 15, л. 17—18; ДАИ, т. X, № 77/IV, V.
- ¹⁸⁶ ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 96, л. 51—52.
- ¹⁸⁷ Там же, д. 135, л. 126; Сибирский приказ, стб. 1081, л. 179, 180.
- ¹⁸⁸ ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 30, л. 11—14.
- ¹⁸⁹ В Прибайкалье железоделательное производство возникло еще в 50—60-х годах XVII в. (Комогорцев И. И. Указ соч., с. 100—104; ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 33, л. 10; д. 100, л. 24).
- ¹⁹⁰ Комогорцев И. И. Указ. соч., с. 104; ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 720, л. 15—30; стб. 973, л. 54—59.
- ¹⁹¹ ДАИ, т. VII, № 74/XXIII (с. 369).
- ¹⁹² ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 33, л. 147; д. 38, л. 60, 65; д. 43, л. 155—158; д. 50, л. 23—28; д. 151, л. 171—172; ДАИ, т. X, № 77/I.
- ¹⁹³ ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 38, л. 32—34; д. 43, л. 155—158; д. 62 а, л. 10, 11, 67; ДАИ, т. X, № 77/I, III/2, VI, IX/2.
- ¹⁹⁴ ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 38, л. 37; д. 62 а, л. 57—58.
- ¹⁹⁵ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1044, л. 265—267.
- ¹⁹⁶ Там же, стб. 1355, ч. II, л. 217—223; ДАИ, т. X, № 77/IX/2.
- ¹⁹⁷ ДАИ, т. X, № 77/III; Хрестоматия по истории СССР. XVI—XVII вв., № 150; О разведке в Прибайкалье красок, соли, железной руды см.: ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1589, л. 145; Иркутская приказная изба, д. 68, л. 47—48; д. 69, л. 37. О поисках жемчуга см.: ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 62 а, л. 56, 70, 75—77; д. 63, л. 260.
- ¹⁹⁸ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 952, л. 181.
- ¹⁹⁹ ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 219, л. 38—40.
- ²⁰⁰ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 720, л. 15—20; стб. 974, ч. II, л. 179—181.
- ²⁰¹ Кашик О. И. Торговля в Восточной Сибири в XVII—начале XVIII в.— Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961; Машанова Л. В. К вопросу о сельскохозяйственном рынке Забайкалья в конце XVII—начале XVIII в.— Известия СО АН СССР, сер. общ. наук, вып. 1. Новосибирск, 1971, № 1.
- ²⁰² Кашик О. И. Указ. соч., с. 189.
- ²⁰³ Александров В. А. Русское население Сибири, с. 293.
- ²⁰⁴ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1355, ч. II, л. 213, 216.
- ²⁰⁵ Там же, стб. 973, л. 1—8, 128—131.
- ²⁰⁶ Там же, стб. 720, л. 41, 42.
- ²⁰⁷ Александров В. А. Русское население Сибири, с. 261.
- ²⁰⁸ ДАИ, т. IX, № 104.
- ²⁰⁹ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 973, л. 96, 97.
- ²¹⁰ ДАИ, т. XII, № 2.
- ²¹¹ ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 6, л. 39, 47.
- ²¹² Бахрушин С. В. Указ соч., с. 230, 239, 240, 250.
- ²¹³ ДАИ, т. XI, № 55; ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 15, л. 17—18.
- ²¹⁴ ДАИ, т. XI, № 55; т. XII, № 2.
- ²¹⁵ Бахрушин С. В. Указ. соч., с. 244.
- ²¹⁶ ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 16, л. 1—3, 7, 9.
- ²¹⁷ Там же, л. 10, 13.
- ²¹⁸ Там же, л. 15—16.
- ²¹⁹ Там же, л. 18, л. 24.
- ²²⁰ Там же, д. 16, л. 17—19.
- ²²¹ Кашик О. И. Торговля в Восточной Сибири, с. 189.
- ²²² ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 113, л. 2—7.
- ²²³ Там же, л. 8—10.
- ²²⁴ Там же, л. 30—32.
- ²²⁵ Там же, л. 13—15.
- ²²⁶ Там же, л. 16—17; д. 141, л. 1—3.

²²⁷ Там же, д. 113, л. 11—12; д. 141, л. 4—7.

²²⁸ Там же, д. 113, л. 20—22, 31—37.

²²⁹ Там же, д. 92, л. 44—45.

Глава вторая

Дипломатические и торговые отношения с Джунгарией, Северной Монголией и Китаем в 30—70-х годах XVII в.

¹ Шастина Н. П. Русско-монгольские посольские отношения XVII в. М., 1958, гл. 1; Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635—1758). М., 1964, гл. 2 (§ 2), 3; Чимитдоржиев Ш. Б. Взаимоотношения Монголии и России в XVII—XVIII вв. М., 1978, гл. 1.

² Златкин И. Я. Указ. соч., с. 99—115.

³ Златкин И. Я. Указ. соч., с. 118; Чимитдоржиев Ш. Б. Указ. соч., с. 27—31; Миллер Г.-Ф. История Сибири, т. II. М.—Л., 1941, гл. 9.

⁴ Златкин И. Я. Указ. соч., с. 139, 140; Чимитдоржиев Ш. Б. Указ. соч., с. 26, 27.

⁵ РКО, т. 1, № 33, с. 100.

⁶ Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1636—1654. М., 1974, с. 10.

⁷ Златкин И. Я. Указ. соч., с. 183.

⁸ Там же, с. 173.

⁹ Материалы по истории русско-монгольских отношений, № 9, с. 64—66.

¹⁰ Златкин И. Я. Указ. соч., с. 187—189.

¹¹ Материалы по истории русско-монгольских отношений, № 69, с. 249.

¹² ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1683, л. 459, 472, 473, 614, 615, 622; Верхотурская приказная изба, оп. 1, стб. 20, л. 31, 32; стб. 47, л. 16, 23; стб. 55, л. 32, 33, 39, 40, 41, 48, 54, 55, 56, 69; стб. 130, л. 1—6 а; стб. 134, л. 26, 27, 30, 31, 47, 48, 55, 56.

¹³ Чимитдоржиев Ш. Б. Указ. соч., с. 33.

¹⁴ Там же, с. 34—36; Материалы по истории русско-монгольских отношений, № 26, 28, с. 97—103.

¹⁵ Там же, № 41.

¹⁶ Александров В. А. Русское население Сибири XVII—начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964, с. 44—51.

¹⁷ Там же, с. 52.

¹⁸ Шастина Н. П. Указ. соч., гл. 3.

¹⁹ Златкин И. Я. Указ. соч., с. 215. См. также: Чимитдоржиев Ш. Б. Указ. соч., с. 54—57.

²⁰ Шастина Н. П. Указ. соч., с. 97—99; Златкин И. Я. Указ. соч., с. 216, 217.

²¹ История Монгольской Народной Республики. М., 1954, с. 146; Златкин И. Я. Указ. соч., с. 225—226.

²² Александров В. А. Указ. соч., с. 52—55; Златкин И. Я. Указ. соч., с. 218—220, 224.

²³ ЦГАДА, Верхотурская приказная изба, стб. 27, л. 70—72, 107—109; стб. 28, л. 14, 15; стб. 134, л. 62—64, 69, 71, 82, 83; ДАИ, т. VI, СПб., 1857, № 9.

²⁴ История Монгольской Народной Республики, с. 150.

²⁵ Шастина Н. П. Указ. соч., с. 104.

²⁶ Материалы по истории русско-монгольских отношений, № 110, 111, с. 345—352.

²⁷ Е. М. Залкинд датирует обе эти посылки 1665/66 и 1666/67 гг. (Залкинд Е. М. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ, 1958, с. 50—51), Н. П. Шастина — 1667 и 1668 гг. (Шастина Н. П. Указ. соч., с. 107).

²⁸ Залкинд Е. М. Указ. соч., с. 51—52; Шастина Н. П. Указ. соч., с. 107—108.

²⁹ История Монгольской Народной Республики, с. 65 (см. также: Ермаченко И. С. Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. М., 1974, гл. 3).

- ³⁰ Залкинд Е. М. Указ. соч., с. 56.
- ³¹ История Бурят-Монгольской АССР, т. 1, Улан-Удэ, 1954, с. 160.
- ³² Залкинд Е. М. Указ. соч., с. 57.
- ³³ Там же, с. 59.
- ³⁴ Кудрявцев Ф. А. История бурят-монгольского народа. М.—Л., 1940,
- с. 50.
- ³⁵ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1008, л. 114—116; стб. 1045, л. 1—5.
- ³⁶ Шастина Н. П. Указ. соч., с. 115—116; Кудрявцев Ф. А. Указ. соч.,
- с. 50.
- ³⁷ ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 1, л. 14—15; д. 4, л. 15—16.
- ³⁸ Златкин И. Я. Указ. соч., с. 229—230.
- ³⁹ Там же, с. 220.
- ⁴⁰ Там же, с. 240—248.
- ⁴¹ Там же, с. 248—249.
- ⁴² ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 709, ч. II, л. 411, 413, 433—446.
- ⁴³ Там же, л. 416, 417.
- ⁴⁴ Чимитдоржиев Ш. Б. Указ. соч., с. 110—113.
- ⁴⁵ Залкинд Е. М. Указ. соч., с. 71—72; Шастина Н. П., Указ. соч.,
- с. 108—111.
- ⁴⁶ Шастина Н. П. Указ. соч., с. 110.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же, с. 111.
- ⁴⁹ ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 1, л. 1—4; Бантыш-Камен-
ский Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государ-
ствами с 1619 по 1792 год. Казань, 1882, с. 22—23; Путешествие через Сибирь...
Спафария в 1675 году. СПб., 1882, с. 137; Залкинд Е. М. Указ. соч., с. 63;
Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., с. 314, 322.
- ⁵⁰ Кудрявцев Ф. А. Указ. соч., с. 51; Шастина Н. П. Указ. соч., с. 116.
- ⁵¹ ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 4, л. 31—34.
- ⁵² Залкинд Е. М. Указ. соч., с. 67—68.
- ⁵³ Там же, с. 66—67; ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 17, л. 22—27.
- ⁵⁴ Шастина Н. П. Указ. соч., с. 111.
- ⁵⁵ Там же, с. 112—115; РКО, т. 1, № 194, с. 470, 471.
- ⁵⁶ Путешествие через Сибирь... Спафария, с. 130.
- ⁵⁷ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 952, л. 161, 162. См. также: Зал-
кинд Е. М. Указ. соч., с. 72—73.
- ⁵⁸ ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 17, л. 22—28.
- ⁵⁹ ДАИ, т. VIII, СПб., 1862, № 31.
- ⁶⁰ ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 3, л. 179; Шастина Н. П. Указ.
соч., с. 116.
- ⁶¹ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 709, ч. II, л. 209, 215—221, 230—238, 300—
303, 313—321.
- ⁶² ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 709, ч. II, л. 313—321, 361—366, 371—396
(статейный список С. Тупальского); стб. 720, л. 131—132; Шастина Н. П. Указ.
соч., с. 100—103.
- ⁶³ Кычанов Е. И. Повествование об ойратском Галдане Бошокту-хане. Но-
восибирск, 1980, с. 54—58.
- ⁶⁴ Златкин И. Я. Указ. соч., с. 248—259. Интереснейшие сведения о турке-
станском походе Галдана и захвате им Ташкента, Чимкента и других среднеазиат-
ских городов содержатся в рассказе джунгарских послов, прибывших в Иркутск
в 1691 г. (ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 544, л. 209 и сл.).
- ⁶⁵ ДАИ, т. VIII, № 44/IV.
- ⁶⁶ Там же, № 15/III.
- ⁶⁷ Там же, № 15/VI.
- ⁶⁸ Там же, № 15/VII.
- ⁶⁹ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 709, ч. II, л. 245—249; стб. 720, л. 101;
ДАИ, т. VIII, № 15/XII, 44/VII.
- ⁷⁰ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 709, ч. II, л. 358—360; ДАИ, т. VIII,
№ 15/XIII—XIV, XVII; Александров В. А. Указ. соч., с. 55—56.

⁷¹ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 709, ч. II, л. 346—352; ДАИ, т. VIII, № 15/XVI.

⁷² ДАИ, т. VIII, № 15/VIII, XV, XVIII; т. IX, СПб., 1865, № 80.

⁷³ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 709, ч. II, л. 313—323, 329—330; ДАИ, т. VIII, № 15/XV.

⁷⁴ Яковлева П. Т. Первый русско-китайский договор 1689 года. М., 1958.

⁷⁵ РКО, т. I, № 10, с. 54.

⁷⁶ Там же, № 33, с. 99.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же, № 29, с. 95.

⁷⁹ Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., 1980, с. 64.

⁸⁰ РКО, т. I, № 24, с. 71.

⁸¹ См. издание: Демидова Н. Ф., Мясников В. С. Первые русские дипломаты в Китае. («Роспись» И. Петлина и статейный список Ф. И. Байкова). М., 1966.

⁸² Мясников В. С. Указ. соч., с. 66, 67.

⁸³ См. издание: Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л., 1937.

⁸⁴ РКО, т. I, № 2, с. 41.

⁸⁵ Шаскольский И. П. Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством. М.—Л., 1964, с. 36—40; Вайнштейн О. Л. Россия и Тридцатилетняя война. Л., 1947, с. 31, 32.

⁸⁶ РКО, т. I, № 4, с. 43.

⁸⁷ Там же, № 16, с. 60—63.

⁸⁸ Там же, № 21, с. 69.

⁸⁹ Там же, № 18, с. 64.

⁹⁰ Там же, № 17, с. 63.

⁹¹ Там же, № 22, с. 69, 70.

⁹² Там же, № 20, с. 66—68.

⁹³ Там же, № 19, с. 65, 66.

⁹⁴ Там же, № 23, с. 71.

⁹⁵ Там же, № 39, с. 104.

⁹⁶ Мясников В. С. Указ. соч., с. 80—106.

⁹⁷ Мартынов А. С. Представления о природе и мироустроительных функциях власти китайских императоров в официальной традиции.— Народы Азии и Африки. М., 1972, № 5, с. 72—82.

⁹⁸ Тихвинский С. Л. История Китая и современность. М., 1976, с. 75.

⁹⁹ Мартынов А. С. Указ. соч., с. 80.

¹⁰⁰ Мясников В. С. Указ. соч., с. 47.

¹⁰¹ Там же, с. 51.

¹⁰² Там же, с. 55.

¹⁰³ Тихвинский С. Л. Указ. соч., с. 97.

¹⁰⁴ Мясников В. С. Указ. соч., с. 93.

¹⁰⁵ Тихвинский С. Л. Указ. соч., с. 64; Фомина Н. И. Борьба против Цинов на Юго-Востоке Китая. Середина XVII в. М., 1974.

¹⁰⁶ Мясников В. С. Указ. соч., с. 81.

¹⁰⁷ Там же, с. 83—85.

¹⁰⁸ РКО, т. I, № 71, с. 158, 159.

¹⁰⁹ Там же, с. 160.

¹¹⁰ Там же, с. 155.

¹¹¹ Там же, № 72, с. 167.

¹¹² Мясников В. С. Указ. соч., с. 100.

¹¹³ Там же, с. 105.

¹¹⁴ РКО, т. I, № 85, с. 217.

¹¹⁵ Там же, № 98, с. 232—234.

¹¹⁶ Мясников В. С. Указ. соч., с. 111.

¹¹⁷ Бантыш-Каменский Н. Указ. соч., с. 14, 15.

- ¹¹⁸ Там же, с. 15; РКО, т. 1, № 135, с. 274, 275.
- ¹¹⁹ Титов А. Сибирь в XVII веке. М., 1890, с. 211; см. также «Акты исторические», т. IV, СПб., 1842, № 210 (далее — АИ).
- ¹²⁰ Бантыш-Каменский Н. Указ. соч., с. 15; Курц Б. Г. Русско-китайские отношения в XVI, XVII и XVIII столетиях. Харьков, 1929, с. 37; Яковлева П. Т. Указ. соч., с. 36.
- ¹²¹ Статейный список посольства Н. Спафария в Китай.— Вестник археологии и истории, издаваемый археологическим институтом, вып. XVII, СПб., 1906, отд. II, с. 269, 304, 305.
- ¹²² Там же, с. 284, 304.
- ¹²³ Там же, с. 235.
- ¹²⁴ Филиппов А. М. Новые данные о посольстве Сеиткула Аблина.— Советское востоковедение, 1957, № 2, с. 141; РКО, т. 1, № 143, с. 291; Мясников В. С. Указ. соч., с. 117.
- ¹²⁵ РКО, т. 1, № 130, с. 268, 269; Мясников В. С. Указ. соч., с. 117.
- ¹²⁶ РКО, т. 1, № 129, 131, с. 267—270.
- ¹²⁷ Там же, с. 556.
- ¹²⁸ Там же, № 139, с. 281; ДАИ, т. VI, № 22.
- ¹²⁹ Мелихов Г. В. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). М., 1974, с. 91.
- ¹³⁰ РКО, т. 1, № 133, с. 272.
- ¹³¹ Там же, № 136, с. 276; Мясников В. С. Указ. соч., с. 129; Бантыш-Каменский Н. Указ. соч., с. 18—21; Паршин В. Поездка в Забайкальский край, ч. II. М., 1844, с. 133—137; ДАИ, т. IV, СПб., 1842, № 211/II.
- ¹³² Бантыш-Каменский Н. Указ. соч., с. 23.
- ¹³³ Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886, с. 112.
- ¹³⁴ Андриевич В. К. Краткий очерк истории Забайкалья с древнейших времен до 1762 г. СПб., 1887, с. 43, 44.
- ¹³⁵ Курц Б. Г. Указ. соч., с. 40, 42.
- ¹³⁶ Яковлева П. Т. Указ. соч., с. 109.
- ¹³⁷ Там же, с. 106.
- ¹³⁸ Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. VI. М., 1961, с. 599—603.
- ¹³⁹ Мясников В. С. Указ. соч., с. 132.
- ¹⁴⁰ Статейный список посольства Н. Спафария в Китай, с. 228, 239.
- ¹⁴¹ Там же, с. 184.
- ¹⁴² Там же, с. 187.
- ¹⁴³ Там же, с. 229.
- ¹⁴⁴ Путешествие через Сибирь... Спафария, с. 151.
- ¹⁴⁵ Бантыш-Каменский Н. Указ. соч., с. 25—46.
- ¹⁴⁶ Титов А. Указ. соч., с. 212.
- ¹⁴⁷ Там же, с. 90—91, 105.
- ¹⁴⁸ Путешествие через Сибирь... Спафария, с. 145.
- ¹⁴⁹ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1355, ч. II, л. 284—289; АИ, т. IV, № 251.
- ¹⁵⁰ Статейный список посольства Н. Спафария в Китай, с. 202.
- ¹⁵¹ Путешествие через Сибирь... Спафария, с. 150; Статейный список посольства Н. Спафария в Китай, с. 171.
- ¹⁵² Путешествие через Сибирь... Спафария, с. 172.
- ¹⁵³ Статейный список посольства Н. Спафария в Китай, с. 178.
- ¹⁵⁴ ДАИ, т. VI, № 133; РКО, т. 1, № 198, 199, с. 478—480.
- ¹⁵⁵ Путешествие через Сибирь... Спафария, с. 148, 149.
- ¹⁵⁶ Там же, с. 170.
- ¹⁵⁷ Статейный список посольства Н. Спафария в Китай, с. 269—270.
- ¹⁵⁸ Фомина Н. И. Указ. соч., гл. 5.
- ¹⁵⁹ РКО, т. 1, № 197, с. 475, 476.
- ¹⁶⁰ Путешествие через Сибирь... Спафария, с. 167.
- ¹⁶¹ Журнал, веденный в Пекине, по случаю прибытия из России посланника Николая Гавриловича Спафария.— Сибирский вестник, СПб., 1823, т. 3, с. 36; Мясников В. С. Указ. соч., с. 136—141.
- ¹⁶² Статейный список посольства Н. Спафария в Китай, с. 177.

- ¹⁶³ Там же, с. 185, 186.
- ¹⁶⁴ Там же, с. 187.
- ¹⁶⁵ Там же, с. 189, 197.
- ¹⁶⁶ Там же, с. 189—191.
- ¹⁶⁷ Ивановский А. О. Посольство Спафария.— Записки Восточного отделения Русского археологического общества, СПб., 1888, т. II, с. 203—207; Журнал, веденный в Пекине, по случаю прибытия из России посланника Николая Гавриловича Спафария, с. 41—43.
- ¹⁶⁸ Ивановский А. О. Указ. соч., с. 207; Журнал, веденный в Пекине, по случаю прибытия из России посланника Николая Гавриловича Спафария, с. 44—45.
- ¹⁶⁹ Статейный список посольства Н. Спафария в Китай, с. 231.
- ¹⁷⁰ Там же, с. 237.
- ¹⁷¹ Там же, с. 237—238.
- ¹⁷² Там же, с. 241.
- ¹⁷³ Описание приемов см.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. VI, с. 601—602; Мясников В. С. Указ соч., с. 148—150.
- ¹⁷⁴ Статейный список посольства Н. Спафария в Китай, с. 270.
- ¹⁷⁵ Ивановский А. О. Указ. соч., с. 212—213; Журнал, веденный в Пекине, по случаю прибытия из России посланника Николая Гавриловича Спафария, с. 53 и сл.
- ¹⁷⁶ Статейный список посольства Н. Спафария в Китай, с. 324.
- ¹⁷⁷ Там же, с. 304.
- ¹⁷⁸ Там же, с. 326.
- ¹⁷⁹ Статейный список посольства Н. Спафария в Китай, с. 315; Ивановский А. О. Указ. соч., с. 215—220; Журнал, веденный в Пекине, по случаю прибытия из России посланника Николая Гавриловича Спафария, с. 98—99.
- ¹⁸⁰ Статейный список посольства Н. Спафария в Китай, с. 321, 322.
- ¹⁸¹ Зубарев Д. О посольстве в Китай Николая Спафария с дворянами, подьячими, гречанами и иноземцами.— Вестник Европы, 1827, декабрь, с. 164.
- ¹⁸² Трусевич Х. Посольские и торговые сношения России с Китаем. М., 1882, с. 27; Курц Б. Г. Указ. соч., с. 42.
- ¹⁸³ Яковлева П. Т. Указ. соч., с. 111.
- ¹⁸⁴ Мясников В. С. Указ. соч., с. 163.
- ¹⁸⁵ Зубарев Д. Указ. соч., с. 180; Паршин В. Поездка в Забайкальский край, ч. 2, с. 143—145.
- ¹⁸⁶ ДАИ, т. VII, СПб., 1859, № 74/XXIII, с. 368.
- ¹⁸⁷ Вилков О. Н. Китайские товары на тобольском рынке в XVII в.— История СССР, 1958, № 1, с. 110, 111.
- ¹⁸⁸ Златкин И. Я. Указ. соч., с. 222—223.
- ¹⁸⁹ Иминдоржиев Ш. Б. Указ. соч., с. 43, 44.
- ¹⁹⁰ Шастина Н. П. Указ. соч., с. 12.
- ¹⁹¹ Там же, с. 29, 53—54.
- ¹⁹² Златкин И. Я. Указ. соч., с. 192.
- ¹⁹³ Демидова Н. Ф., Мясников В. С. Указ. соч., с. 87, 88.
- ¹⁹⁴ Шастина Н. П. Указ. соч., с. 87.
- ¹⁹⁵ Пирлинг П. Исторические статьи и заметки. СПб., 1913, с. 125 и сл.; Курц Б. Г. Указ. соч., с. 12—15.
- ¹⁹⁶ ЦГАДА, Иркутская изба, д. 9, л. 12—24; Нерчинская приказная изба, д. 6, л. 85—86; Сибирский приказ, стб. 354, д. 32, л. 82, 83; стб. 935, л. 82, 83; стб. 935, л. 42, 50, 51.
- ¹⁹⁷ Курц Б. Г. Указ. соч., с. 33; его же. Из истории торговых отношений России с Китаем в XVII столетии.— Новый Восток, М., 1928, кн. 23—24, с. 333—336.
- ¹⁹⁸ РКО, т. 1, № 169, с. 318—320.
- ¹⁹⁹ ЦГАДА, Верхотурская приказная изба, оп. 2, д. 271, л. 10—21, 44—52, 55.
- ²⁰⁰ Курц Б. Г. Русско-китайские сношения в XVI, XVII, XVIII столетиях, с. 39.
- ²⁰¹ Насонов А. Н. Незвестные летописные памятники.— В кн.: Проблемы источниковедения, сб. IV. М., 1955, с. 280.
- ²⁰² Долгов С. О. Ведомость о Китайской земле и глубокой Индеи. — В кн.:

Памятники древней письменности и искусства, т. СХХХІІІ. СПб., 1899, с. 14—35.

²⁰³ Книга Большому чертежу. М.—Л., 1950, с. 187—188.

²⁰⁴ Этими путями в 1639—1642 гг. с торговым караваном торгоутского тайши Дайчина в Китай прошел тарский конный казак Емельян Вершинин, успешно торговавший в городе Синине. (См.: Демидова Н. Ф., Мясников В. С. О датировке грамот императоров Минской династии царю Михаилу Федоровичу.— Проблемы востоковедения, 1960, № 7).

²⁰⁵ Вилков О. Н. Указ. соч., с. 110, 111.

²⁰⁶ Описание этих путей см.: Вилков О. Н. Указ. соч., с. 111—112; его же. Торговые пути из Сибири в Среднюю Азию и Китай и динамика торгового движения по ним в XVII в.— Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока, вып. II. Новосибирск, 1968, с. 5 и сл.; Потанин Г. Н. О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII в.— ЧОИДР, 1868, № 2, разд. V, с. 38.

²⁰⁷ Потанин Г. Н. Указ. соч., с. 35.

²⁰⁸ Курц Б. Г. Русско-китайские сношения в XVI, XVII, XVIII столетиях, с. 10; Бахрушин С. В. Научные труды, т. III, ч. 1. М., 1955, с. 270.

²⁰⁹ Вилков О. Н. Китайские товары на тобольском рынке в XVII в., с. 107—109; его же. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. М., 1967, с. 194—199; его же. Торговые пути из Сибири..., с. 34.

²¹⁰ Курц Б. Г. Указ. соч., с. 11, 14; Вилков О. Н. Китайские товары на тобольском рынке в XVII в., с. 107; его же. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке, с. 172.

²¹¹ Там же, с. 173.

²¹² Демидова Н. Ф., Мясников В. С. Указ. соч., с. 88, 89.

²¹³ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 254, л. 43 об.— 45.

²¹⁴ Чимитдоржиев Ш. Б. Указ. соч., с. 45.

²¹⁵ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 709, л. 416; стб. 1052, л. 176, 177; Златкин И. Я. Указ. соч., с. 214.

²¹⁶ Златкин И. Я. Указ. соч., с. 192, 193; Слесарчук Г. И. Архивные документы по истории сношений с Джунгарией в середине XVII в.— Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961, с. 261.

²¹⁷ Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в., с. 171.

²¹⁸ ДАИ, т. XI, СПб., 1869, № 67.

²¹⁹ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 354, д. 25.

²²⁰ Вилков О. Н. Китайские товары на тобольском рынке в XVII в., с. 106—107; Александров В. А., Чистякова Е. В. К вопросу о таможенной политике в Сибири в период складывания всероссийского рынка (вторая половина XVII в.).— Вопросы истории, 1959, № 2, с. 137, 138.

Покровительственная политика в отношении бухарского купечества, возможно, объяснялась также стремлением русского правительства упрочить отношения с государствами Средней Азии, через которую оно пыталось во второй половине XVII в. установить дипломатические и торговые связи с государством Великих Моголов. Из Средней Азии в Сибирь в то время поступали также и индийские товары. См.: Рустамов У. А. К истории изучения экономических, политических и культурных связей между народами Индии и Средней Азии; Байкова Н. Б. К вопросу о русско-индийских торговых отношениях в XVI—XVII вв.— Труды Института востоковедения АН УзССР, вып. IV. Ташкент, 1956.

²²¹ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 720, л. 73—75.

²²² Вилков О. Н. Китайские товары на тобольском рынке в XVII в., с. 114—121; его же. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке, с. 214.

О наличии на русских рынках китайских товаров в довольно широком ассортименте свидетельствуют многие западноевропейские путешественники. Помимо различных китайских тканей, в быту московской знати к 1680 г. были распространены драгоценные камни (топазы, рубины и др.), дорогие китайские безделушки, украшения, посуда, чай. (См.: Бакланова Н. А. Привозные товары в Московском государстве во второй половине XVII в. — В кн.: Очерки по истории торговли в XVII и в начале XVIII столетия. М., 1928, с. 80, 97, 99; Курц Б. Г. Сочинение

Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915, с. 113, 152, 153; Алексеев М. П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей, т. 1, ч. 2. Иркутск, 1936).

²²³ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 354, л. 27; стб. 720, л. 153—159; стб. 1066, л. 44, 45.

²²⁴ Вилков О. Н. Китайские товары на тобольском рынке в XVII в., с. 114.

²²⁵ На протяжении 60—80-х годов в Тобольск только однажды — в 1686/87 г. — было привезено китайских товаров на 23 093 руб.; в другие годы стоимость их колебалась от 229 до 3745 руб. (см.: Вилков О. Н. Китайские товары на тобольском рынке в XVII в., с. 114, 121; его же. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке, с. 206).

²²⁶ См. главу шестую настоящей книги.

²²⁷ Вилков О. Н. Китайские товары на тобольском рынке в XVII в., с. 113; его же. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке, с. 204, 205.

²²⁸ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 562, л. 84—96.

²²⁹ Статейный список посольства Н. Спафария в Китай, с. 203.

²³⁰ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 355, ч. II, л. 309—411; стб. 747, л. 286.

²³¹ Вилков О. Н. Китайские товары на тобольском рынке в XVII в., с. 113; его же. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке, с. 205.

²³² ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 84, л. 15—16, 46—52.

²³³ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 935, л. 47.

²³⁴ См. указанные выше работы О. Н. Вилкова.

²³⁵ *Косяк*, или, как он чаще назывался, *постав* — единица измерения большинства тканей, преимущественно шелковых. Состоял косяк из двух портищ и равнялся приблизительно 16—18 аршинам. Хлопчатобумажные ткани — китайки — измерялись концами. Десять концов составляли тюму. Конеч, как и *постав*, был не вполне определенной единицей измерения. Чаще всего он равнялся 8,3 аршина (ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 325, л. 51—57). Н. И. Костомаров считал *постав* неопределенной оптовой единицей (кусок, шуга), заключавшей в себе 20—40 аршин (см.: Костомаров Н. Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. СПб., 1862, с. 289). А. И. Никитский определял *постав* в 37 аршин (Никитский А. И. История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893, с. 160), Х. Трусевич — *постав* камки шести- и пятиланной в 10 аршин, семиланной — в 17—18, прочие — в 15—18 аршин; *постав* атласа — в 16—20, *конеч* — в 7,5—7,8 аршина (Трусевич Х. Указ. соч., с. 169, 173, 280). По мнению О. Н. Вилкова, в конце было 10 аршин (Вилков О. Н. Китайские товары на тобольском рынке в XVII в., с. 18).

²³⁶ Об окончании этой истории см.: Александров В. А., Чистякова Е. В. Указ. соч., с. 137—138. О. Н. Вилков сообщает, что Д. Константинов в Москве, по-видимому, заручился поддержкой «гостя» Е. И. Филатьева и вскоре уже в качестве его агента возобновил свои торговые поездки в Джунгарию через Ямыш-озеро (см.: Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке, с. 201).

²³⁷ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 354, л. 32, л. 79—84; стб. 720, л. 153—159; стб. 935, л. 1—8, 17—20, 37, 38, 50, 51, 56, 57; стб. 965, л. 242—243.

²³⁸ Там же, стб. 544, ч. I, л. 62—80, 185—188.

²³⁹ Речь идет о Ямышевской ярмарке.

²⁴⁰ Крижанич Ю. Политика. М., 1965, с. 483.

²⁴¹ Там же, с. 387.

²⁴² Путешествие через Сибирь... Спафария, с. 128.

²⁴³ Статейный список посольства Н. Спафария в Китай, с. 338.

²⁴⁴ Спафарий Николай Милеску. Сибирь и Китай. Кишинев, 1960, с. 178.

²⁴⁵ Копылов А. Н. Русские на Енисее в XVII в. Новосибирск, 1965, с. 243.

²⁴⁶ РКО, т. 1, № 154, с. 304, 305.

²⁴⁷ Александров В. А. Указ. соч., с. 226.

²⁴⁸ Там же, с. 289.

²⁴⁹ Бахрушин С. В. Указ. соч., с. 228. (При караване находился переводчик — крещеный «никанец», т. е. китаец, принявший русское подданство еще в 50-х годах XVII в. См.: Статейный список посольства Н. Спафария в Китай, с. 194).

- ²⁵⁰ Путешествие через Сибирь... Спафария, с. 170 (Никанское царство — Южный Китай, борющийся против маньчжурской династии).
- ²⁵¹ Вилков О. Н. Китайские товары на тобольском рынке в XVII в., с. 116.
- ²⁵² Спафарий Николай Милеску. Сибирь и Китай, с. 176.
- ²⁵³ Путешествие через Сибирь... Спафария, с. 128—129.
- ²⁵⁴ Статейный список посольства Н. Спафария в Китай, с. 235.
- ²⁵⁵ Бахрушин С. В. Указ. соч., с. 228.
- ²⁵⁶ ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 6, л. 85, 86.
- ²⁵⁷ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1081, л. 1—15; Статейный список посольства Н. Спафария в Китай, с. 202.
- ²⁵⁸ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1355, ч. 2, л. 284—289.
- ²⁵⁹ Статейный список посольства Н. Спафария в Китай, с. 201.
- ²⁶⁰ Паршин В. Указ. соч., приложение № 2 (с. 134—135); Курц Б. Г. Указ. соч., с. 38; Путешествие через Сибирь... Спафария, с. 157.
- ²⁶¹ Там же, с. 142—143.
- ²⁶² Бахрушин С. В. Указ. соч., с. 233—234.
- ²⁶³ ДАИ, т. VII, № 74/XXIII; ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 720, л. 83—93.
- ²⁶⁴ Бахрушин С. В. Научные труды, т. IV. М., 1959, с. 121.
- ²⁶⁵ Там же, с. 121—123; Александров В. А. Указ. соч., с. 289; ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1017, ч. 1, л. 120, 142—143; стб. 1067, л. 194—207.
- ²⁶⁶ ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 69, л. 26, 27; д. 73, л. 9—11; ДАИ, т. XI, СПб., 1869, № 87.
- ²⁶⁷ Залкинд Е. М. Бухарский торговый караван в Иркутске. — Ученые записки Омского государственного педагогического института им. А. М. Горького, Омск, 1957, с. 95, 96; Александров В. А., Чистякова Е. В. Указ. соч., с. 138.
- ²⁶⁸ ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 84, л. 15—17.
- ²⁶⁹ Там же, д. 5, л. 10; д. 96, л. 45—46.
- ²⁷⁰ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 544, ч. I, л. 57—61, 74—75; стб. 1016, стб. 1016, л. 117—120.
- ²⁷¹ Выдержки из этой описи опубликованы Е. М. Залкиндом в указанной выше статье «Бухарский торговый караван в Иркутске», с. 97—100.
- ²⁷² ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 544, ч. I, л. 76—79.
- ²⁷³ Путешествие через Сибирь... Спафария, с. 172.
- ²⁷⁴ Залкинд Е. М. Присоединение Бурятии к России, с. 68—69.
- ²⁷⁵ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 720, л. 20—22.
- ²⁷⁶ Путешествие через Сибирь... Спафария, с. 142—143.
- ²⁷⁷ ДАИ, т. X, СПб., 1867, № 67/II.
- ²⁷⁸ ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 23, л. 56.
- ²⁷⁹ Путешествие через Сибирь... Спафария, с. 135.
- ²⁸⁰ ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 23, л. 74.
- ²⁸¹ Там же, д. 35, л. 60—61; Залкинд Е. М. Указ. соч., с. 60.
- ²⁸² ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 63, л. 37—40; д. 84, л. 37—38; Сибирский приказ, стб. 913, ч. 2, л. 398—408; ДАИ, т. XI, № 21/I.
- ²⁸³ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 913, ч. I, л. 130, 131.
- ²⁸⁴ Вилков О. Н. Китайские товары на тобольском рынке в XVII в., с. 116.
- ²⁸⁵ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1331, ч. I, л. 193, 194.
- ²⁸⁶ Там же, кн. 254, л. 43 об.—45, 88, 89.
- ²⁸⁷ Там же, стб. 1100, л. 15.

Глава третья

Подготовка и начало маньчжурской агрессии (1681—1684 гг.)

¹ Мелихов Г. В. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). М., 1974, с. 135—167; Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII в., М., 1980, с. 164—184.

² Из созданных в эти годы укрепленных пунктов в дальнейшем возникли города Айгунь (1683), Мэргэнь (1690), Цицикар (1691) и др.

³ ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 9, л. 1—8; ДАИ, т. VIII, СПб., 1862, № 104.

- ⁴ ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 9, л. 9—16.
- ⁵ ДАИ, т. VII, СПб., 1859, № 74/XXIII.
- ⁶ ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 9, л. 17—27.
- ⁷ ДАИ, т. VIII, № 104.
- ⁸ ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 18, л. 1.
- ⁹ Там же, д. 17, л. 22—28.
- ¹⁰ Залкинд Е. М. Присоединение Бурятии к России, Улан-Удэ, 1958, с. 66.
- ¹¹ ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 18, л. 1—13.
- ¹² ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 8, л. 28.
- ¹³ Там же, д. 9, л. 28—29.
- ¹⁴ ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 23, л. 106—110.
- ¹⁵ Златкин И. Я. Очерки новой и новейшей истории Монголии. М., 1957, с. 47.
- ¹⁶ ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 22, л. 3—4, 7, 16—20.
- ¹⁷ Там же, д. 22, л. 3—4, 7, 13, 23—24; д. 23, л. 90.
- ¹⁸ ДАИ, т. VIII, № 106.
- ¹⁹ ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 23, л. 54—55, 58—62, 100, 101.
- ²⁰ ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 23, л. 74, 78—83; Нерчинская приказная изба, д. 12, л. 136—138; д. 13, л. 23, 28—34.
- ²¹ ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 23, л. 86, 87, 91, 95—97.
- ²² Залкинд Е. М. считает их братьями Очирой Саин-хана (см.: Залкинд Е. М. Указ. соч., с. 73).
- ²³ ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 23, л. 49—52, 64—65.
- ²⁴ Там же, д. 63, л. 137—139; Шастина Н. П. Русско-монгольские посольские отношения XVII века. М., 1958, с. 117.
- ²⁵ Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. VII. М., 1962, с. 312, 313, 317.
- ²⁶ ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 13, л. 47—48.
- ²⁷ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1084, л. 166—175.
- ²⁸ Семья Хлоповых возвысилась благодаря близости к матери Михаила Федоровича Романова — «великой старице» Марфе. Сам К. О. Хлопов принадлежал к придворной знати и занимал ряд административных постов. В 1675 г. он воеводствовал в Царицыне, а в 1676—1677 гг. служил вторым воеводой в Астрахани. Он был близок к семье Хованских, с которыми, в свою очередь, поддерживал тесные отношения судья Сибирского приказа окольничий И. И. Чаадаев. Во время восстания в Москве в мае 1682 г. и в дальнейшей дворцовой борьбе К. О. Хлопов выступал на стороне И. А. Хованского. После гибели Хованского не могло быть и речи о дальнейшей карьере Хлопова (Барсуков А. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902, с. 587; Дворцовые разряды, т. III, СПб., 1855, с. 37, 132, 211, 283, 369, 384, 1400; т. IV, с. 42, 52, 53, 55, 64, 66, 112, 127, 192, 266, 283, 347, 348, 565, 566; Богоявленский С. Хованщина. — Исторические записки, 1941, т. 10, с. 191, 205; Иловайский Д. И. История России, т. IV, вып. 2. М., 1899, с. 29—30).
- ²⁹ Древняя российская вивлиофика, изд. 2-е, ч. XX. М., 1791, с. 396.
- ³⁰ ДАИ, т. IX, СПб., 1865, № 104.
- ³¹ ДАИ, т. X, СПб., 1867, № 67/I.
- ³² Там же, № 67/II.
- ³³ Бартенева Ю. Герои Албазина и Даурской земли. — Русский архив, 1899, кн. 2, М., 1899, с. 329; Мелихов Г. В. К истории проникновения маньчжуров в бассейн Верхнего Амура в 80-х годах XVII в. — В кн.: Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966, с. 120, 121.
- ³⁴ Бартенева Ю. Указ. соч., с. 330—331; Мелихов Г. В. Указ. соч., с. 136—138; Мясников В. С. Указ. соч., с. 168—169.
- ³⁵ ДАИ, т. X, № 67/II.
- ³⁶ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1355, ч. 1, л. 158—164.
- ³⁷ Там же, стб. 720, л. 31; Иркутская приказная изба, д. 23, л. 30; д. 43, л. 14—16, 173.
- ³⁸ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 819, л. 21—30, 60—90; ДАИ, т. VIII, № 31; т. X, № 67/I, III, с. 229, 235.

³⁹ Позднее выяснилось, что численность этого отряда была сильно преувеличена.

⁴⁰ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 92, л. 360; стб. 913, л. 352, 353; стб. 973, л. 35; стб. 1355, ч. I, л. 167—189; ч. II, л. 260—265, 276—283; Иркутская приказная изба, д. 43, л. 26—40; ДАИ, т. X, № 67/III—IV; т. XI, СПб., 1869, № 24/I.

⁴¹ ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 33, л. 27—29, 39—40.

⁴² Там же, Нерчинская приказная изба, д. 14, л. 14—19.

⁴³ ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 43, л. 41—48.

⁴⁴ ДАИ, т. X, № 67/IV.

⁴⁵ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1355, ч. II, л. 276—283; Иркутская приказная изба, д. 69, л. 1—6; ДАИ, т. XI, № 79/I—II.

⁴⁶ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1084, л. 166—175; ДАИ, СПб., 1872, т. XII, № 8.

⁴⁷ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 973, л. 23—27, 45—50.

⁴⁸ Там же, л. 37.

⁴⁹ ДАИ, т. X, № 67/V; т. XI, № 24/I; ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 43, л. 115—119; Бантыш-Каменский Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год. Казань, 1882, с. 37—39.

⁵⁰ АИ, т. V, СПб., 1842, № 114/I.

⁵¹ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 913, ч. II, л. 352—357; АИ, т. V, № 114/I—II; ДАИ, т. X, № 67/VI—VII.

⁵² ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 913, ч. II, л. 95, 96, 356—361; стб. 1355, ч. I, л. 149—155; ДАИ, т. X, № 67/VIII; Барсуков А. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия, СПб., 1902, с. 3, 83, 84, 147—148, 205, 283; Трошин А. К. Иван Евстафьевич Власов. Воевода-рудознатец XVII в. М., 1963.

Толбузин Алексей Ларионович — тобольский сын боярский, происходил из семьи сибирских служилых людей; его отец тобольский сын боярский Ларион Борисович Толбузин воеводствовал в Нерчинске в 1662—1668 гг.; в 1676 г. был вновь послан из Тобольска в Нерчинск воеводой, но умер дорогой; его брат Фаддей Ларионович до 1676 г. был воеводой в Иркутске. Алексей Ларионович в 1676—1680 гг. был воеводой в Иркутске, а затем, с образованием Албазинского уезда, был назначен воеводой в Албазин.

Кровков Матвей Осипович — командир одного из лучших солдатских полков «нового строя» в Москве; одним из первых в России получил звание генерал-майора. Во время русско-турецкой войны отличился в сражениях на Днепре у Бужина и под Чигирином в 1677—1678 гг.

Власов Иван Евстафьевич (1628—1706) начал службу служилым человеком по Арзамасскому уезду. В 1659 г. был в составе русского посольства в Венеции. В 1671 г. служил в Москве в Пушкарском приказе, а в 1674 г. получил назначение в Арзамасский уезд воеводой. В 1682—1684 гг. воеводствовал в Иркутске.

⁵³ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 913, ч. II, л. 381; стб. 1045, л. 6—20; Иркутская приказная изба, д. 78, л. 1; ДАИ, т. XI, № 55.

⁵⁴ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 913, л. 398—400; Иркутская приказная изба, д. 23, л. 30, 31; д. 43, л. 14—16; д. 67, л. 1.

⁵⁵ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 913, л. 352—357, 383—397, 409—413; стб. 974, ч. I, л. 166—170; стб. 1355, ч. II, л. 320—322, 338; Иркутская приказная изба, д. 38, л. 75—83; д. 62 а, л. 27; д. 63, л. 231, 242, 243; д. 67, л. 3—4; д. 69, л. 14; д. 73, л. 2.

⁵⁶ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 913, л. 352—357; стб. 973, л. 122—128; стб. 1355, ч. I, л. 112—140, 156, 167—189; ч. II, л. 190—206, 268, 269, 309—310, 324—352; стб. 1589, л. 231, 232; Иркутская приказная изба, д. 80, л. 3—4; АИ, т. V, № 114/III; ДАИ, т. X, № 67/VI—VII.

⁵⁷ ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 15, л. 21—23.

⁵⁸ ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 77, л. 4; д. 78, л. 21—23.

⁵⁹ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 913, ч. II, л. 393.

⁶⁰ Там же, л. 341—343, 383—397; стб. 1355, ч. I, л. 156.

⁶¹ Там же, стб. 1355, ч. I, л. 112—140.

⁶² Там же, стб. 913, ч. II, л. 465—466.

⁶³ Там же, стб. 1355, ч. II, л. 232—233, 266—267, 319, 327—328. Решение правительства вести войну силами сибирского населения некоторые историки ошибочно трактовали как отказ от защиты Приамурья. Так, П. Т. Яковлева писала: «Подсчитав свои силы и средства, русское правительство пришло к выводу о невозможности вести войну за Даурию» (Яковлева П. Т. Первый русско-китайский договор 1689 г. М., 1958, с. 121).

⁶⁴ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 913, л. 398—408; Иркутская приказная изба, д. 62а, л. 17; д. 63, л. 37—40; ДАИ, т. XI, № 21/1.

⁶⁵ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1355, ч. I, л. 158—164; Иркутская приказная изба, д. 63, л. 60, 69—72; д. 67, л. I; ДАИ, т. X, № 67/VIII.

⁶⁶ ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 38, л. 44; д. 60, л. 44—45, 47—55; ДАИ, т. X, № 67/X.

⁶⁷ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 913, ч. II, л. 414—439; Иркутская приказная изба, д. 63, л. 106—122; ДАИ, т. X, № 67/XI.

⁶⁸ ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 67, л. 105—107.

⁶⁹ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1355, ч. I, л. 158—164; ч. II, л. 260—265; Нерчинская приказная изба, д. 19, л. 44—45.

⁷⁰ ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 62а, л. 29, 75—77, 80, 81, 87, 88; д. 63, л. 261—263; д. 68, л. 139—147; д. 69, л. 45—47; д. 78, л. 8, 10; ДАИ, т. XI, № 86.

⁷¹ Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635—1758). М., 1964, с. 263, 264.

⁷² ДАИ, т. VIII, № 44/II.

⁷³ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1589, л. 139.

⁷⁴ Там же, стб. 913, ч. II, л. 485—487.

⁷⁵ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 354, д. 52; стб. 720, л. 11, 73—75; ДАИ, т. VIII, № 15/XIX.

⁷⁶ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 715, л. 166—168; стб. 913, ч. II, л. 341—343, 383—397; ДАИ, т. XI, № 53/1.

⁷⁷ ДАИ, т. XI, № 53/II.

⁷⁸ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 354, д. 52.

⁷⁹ ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 63, л. 137—139.

⁸⁰ Там же, д. 69, л. 29—30; ДАИ, т. XI, № 87.

⁸¹ ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 69, л. 42; д. 78, л. 2, 4.

⁸² ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1589, л. 137—138.

⁸³ Там же, стб. 1355, ч. I, л. 60—62, 66—70, 72—81, 83, 91, 94—97, 106—112.

Глава четвертая

Оборона Приамурья и Забайкалья (1684—1689 гг.)

¹ Берх В. Подвиги борского сына Ерофея Хабарова и водворение россиян при берегах реки Амура.—Сын отечества, 1821, № XI; Паршин В. Поездка в Забайкальский край, ч. II, М., 1844; Шукин Н. Подвиги русских на Амуре в XVII столетии.—Сын отечества, 1848, кн. 9; Романов Д. Присоединение Амура к России.—Русское слово, 1859, № 4, 6—8, Максимов С. На Амуре.—Морской сборник, СПб., 1861, № 5; Бартенев Ю. Герои Албазина и Даурской земли.—Русский архив, М., 1899, № 2; Чернотубов. Завоевание Амура русскими и албазинские сидения.—Военный сборник, СПб., 1907, № 10—12; Тимченко-Рубан Г. Присоединение к русским владениям Приамурья, Сахалина и Уссурийского края.—Военный сборник, 1909, № 8.

² ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1355, ч. I, л. 54—58, 112—140, 158—164; ч. II, л. 260—265; Иркутская приказная изба, д. 38, л. 67; Нерчинская приказная изба, д. 19, л. 55—58; ДАИ, т. XII, СПб., 1872, № 12/II.

³ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 973, л. 96, 97; стб. 1355, ч. II, л. 324—326; Нерчинская приказная изба, д. 15, л. 33—34.

⁴ ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 74, л. 2—4; д. 77, л. 4, 7.

⁵ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 973, л. 44, 47—57; Иркутская приказная из-

- ба, д. 77, л. 7. По мнению Чернозубова, отряд отбил угнанный скот у Гусиного озера, около впадения Чикоя в Селенгу (Чернозубов. Указ. соч.—Военный сборник, 1907, № 11, с. 17).
- ⁶ ДАИ, т. XII, № 12/1.
- ⁷ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 974, ч. II, л. 129 г—е; Бартенев Ю. Указ. соч., с. 320—321, 332.
- ⁸ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 973, л. 3—5; Нерчинская приказная изба, д. 20, л. 7—12.
- ⁹ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 973, л. 23—27, 32—50; Нерчинская приказная изба, д. 21, л. 33. Л. Куликов сохранил под одеждой знамя отряда, защищавшего Верхозейский острог, а на пути в Россию тайно от охраны он со своими товарищами измерил высоту и ширину Великой китайской стены, составившие, по их подсчетам, соответственно 15 и 21 аршин.
- ¹⁰ ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 21, л. 33; Бантыш-Каменский Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год. Казань, 1882, с. 39—40.
- ¹¹ ДАИ, т. X, № 67/XII; ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 973, л. 88—95.
- ¹² ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1045, л. 13, 14; Нерчинская приказная изба, д. 21, л. 31.
- ¹³ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 973, л. 70—72.
- ¹⁴ Там же, стб. 952, л. 194—195; Иркутская приказная изба, д. 111, л. 3—5; ДАИ, т. X, № 67/XVII. Н. П. Шастина и Е. М. Залкинд ошибочно датируют осаду Тункинского острога соответственно 1684 и 1686 гг. (Шастина Н. П. Русско-монгольские посольские отношения XVII века. М., 1958, с. 117 и др.).
- ¹⁵ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 973, л. 3—5; Нерчинская приказная изба, д. 20, л. 7—12; ДАИ, т. XII, № 12/1—III.
- ¹⁶ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 973, л. 1—8, 64, 79—81; Нерчинская приказная изба, д. 20, л. 18—25.
- ¹⁷ Бартенев Ю. Указ. соч., с. 332—333.
- ¹⁸ Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., 1980, с. 183.
- ¹⁹ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 973, л. 1—8, 18, 74—77, 81—89; Нерчинская приказная изба, д. 20, л. 1—6, 13—17; ДАИ, т. XII, № 12/IV.
- ²⁰ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1355, ч. II, л. 387—390.
- ²¹ Бартенев Ю. Указ. соч., с. 333—334.
- ²² ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 973, л. 90, 108, 109, 135—137; стб. 1589, л. 184; Нерчинская приказная изба, д. 21, л. 17—18, 33—36.
- ²³ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1589, л. 148.
- ²⁴ ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 84, л. 15—19.
- ²⁵ Там же, л. 37—38.
- ²⁶ ДАИ, т. X, № 67/XI.
- ²⁷ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 355, ч. I, л. 9—10.
- ²⁸ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 974, л. 94—97.
- ²⁹ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 355, ч. II, л. 474—486; стб. 1355, ч. II, л. 365—366.
- ³⁰ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 973, л. 122—128.
- ³¹ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 973, л. 52, 53, 64—69, 108, 109, 128—131, 135—137; ДАИ, т. X, № 67/XIV; т. XII, № 12/V.
- ³² Мясников В. С. Указ. соч., с. 194.
- ³³ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 354, л. 11; стб. 973, л. 11, 17, 18, 54—59, 67, 68, 80—89, 133—134; Нерчинская приказная изба, д. 20, л. 18—25; ДАИ, т. X, № 67/XIV; т. XII, № 12/V.
- ³⁴ Иакинф. Статистическое описание Китайской империи, ч. 2. Пекин, 1910, с. 241.
- ³⁵ Максимов С. Указ. соч., с. 14—15.
- ³⁶ Романов Д. Город Албазин.—Санкт-Петербургские ведомости, 1857, № 269, 11 декабря, с. 1408.
- ³⁷ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 965, ч. I, л. 216—217; стб. 973, л. 12, 14, 19, 58—65, 69—72, 76—77, 91—92; ДАИ, т. X, № 67/XV, XVI.

- ³⁸ Мелихов Г. В. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). М., 1974, с. 175.
- ³⁹ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 965, ч. I, л. 237—241.
- ⁴⁰ Там же, л. 59; ДАИ, т. X, № 67/XVIII—XIX; Бартенев Ю. Указ. соч., с. 334.
- ⁴¹ ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 24, л. 23—33.
- ⁴² Бартенев Ю. Указ. соч., с. 334.
- ⁴³ Там же, с. 335.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ ДАИ, т. X, № 67/XXIII.
- ⁴⁶ Сохранилась челобитная, в которой А. И. Бейтон описывал свою военную службу в России. Он приехал в Россию из Пруссии, по-видимому, в середине XVII в., после окончания Тридцатилетней войны, и, как и другие западноевропейские офицеры, поступил в «полки иноземного строя», в чине «капитана и поручика» участвовал в самых тяжелых боях с польско-литовскими войсками во время войны 1654—1667 гг. (под Смоленском, Шкловом, Могилевом, Быховом, Слуцком, Мстиславлем). Затем его отправили в Томск, где он охранял границу от набегов джунгар и отрядов Ереняка. Там он перешел в православие и женился, окончательно определив свою жизнь в России. К 1686 г. ему было, по всей вероятности, под 60 лет, из которых более тридцати он прослужил в русской армии (ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1059, л. 247—251).
- ⁴⁷ ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 24, л. 23—33.
- ⁴⁸ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 965, ч. II, л. 355—359; ДАИ, т. X, № 67/XXIII.
- ⁴⁹ Чернозубов. Указ. соч.—Военный сборник, 1907, № 12, с. 6—7; Максимов С. Указ. соч., с. 17.
- ⁵⁰ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 965, ч. I, л. 4, 5, 51—58; стб. 1588, с. 231—245; ДАИ, т. X, № 67/XXV.
- ⁵¹ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 965, ч. I, л. 4—18, 130—137; Бартенев Ю. Указ. соч., с. 336.
- ⁵² Демидова Н. Ф. Из истории заключения Нерчинского договора 1689 г.—В кн.: Россия в период реформ Петра I. М., 1973, с. 292—293.
- ⁵³ Бантыш-Каменский Н. Указ. соч., с. 40—42.
- ⁵⁴ Там же, с. 50.
- Головин Федор Алексеевич* (1650—1706) принадлежал к старомосковской боярской фамилии. После смерти царя Алексея Михайловича он примыкал к дворцовой группировке, поддерживавшей малолетнего Петра I. До назначения главой посольства нес службу при дворе и в 1676 г. дослужился до стольника. В связи с назначением послом Ф. А. Головину был пожалован чин окольничего. «Великий посол» был хорошо образован, знал латинский и английский языки, изучал астрономию.
- ⁵⁵ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 965, ч. I, л. 4—18; ч. II, л. 341—344.
- ⁵⁶ Там же, ч. II, л. 355—359.
- ⁵⁷ Мясников В. С. Указ. соч., с. 190, 191.
- ⁵⁸ Шастина Н. П. Указ. соч., с. 121.
- ⁵⁹ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 965, ч. I, л. 22—32; Бантыш-Каменский Н. Указ. соч., с. 44—49; Мясников В. С. Указ. соч., с. 192—202.
- ⁶⁰ ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 24, л. 23—33; Мелихов Г. В. Указ. соч., с. 176—183.
- ⁶¹ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 965, ч. I, л. 4—18, 22—32; стб. 1588, ч. I, л. 75; Нерчинская приказная изба, д. 24, л. 1—8, 23—33.
- ⁶² Мелихов Г. В. Указ. соч., с. 182, 183.
- ⁶³ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1588, ч. I, л. 72, 75, ч. II, л. 231—245; Нерчинская приказная изба, л. 24, л. 37—40; Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири, СПб., 1886, с. 125.
- ⁶⁴ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1044, л. 295—299; Иркутская приказная изба, л. 142, л. 11—12; Нерчинская приказная изба, д. 29, л. 10—14.
- ⁶⁵ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 965, ч. I, л. 138—144, 373—374; стб. 1008, л. 140; стб. 1355, ч. I, л. 1, 7, 8, 17, 21—27.
- ⁶⁶ Там же, стб. 965, ч. I, л. 255.

- ⁶⁷ Там же, стб. 1916, л. 222.
- ⁶⁸ Там же, стб. 965, ч. I, л. 74, 127—129, 233—234, 249, 251, 279, 341, 348—351, 412, 414; стб. 1066, л. 229; Иркутская приказная изба, д. 95, л. 1, 2; л. 96, л. 2—4.
- ⁶⁹ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 354, л. 11; стб. 355, л. 94; стб. 965, ч. I, л. 33—36, 152—159; ч. II, л. 296—305, 309—311, 375—381, 416—417, 444—451.
- ⁷⁰ Там же, стб. 965, ч. I, л. 33—46; ч. II, л. 373—381; Нерчинская приказная изба, д. 24, л. 12—15, 18, 21, 22, 45; Иркутская приказная изба, д. 88, л. 16, 17; д. 96, л. 2—6; д. 131, л. 5.
- ⁷¹ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1588, ч. II, л. 231—245.
- ⁷² Там же, ч. I, л. 51, 61; ч. II, л. 255, 256.
- ⁷³ Александров В. А. Русское население Сибири XVII—начала XVIII в., (Енисейский край). М., 1964, с. 250—252; Копылов А. Н. Русские на Енисее в XVII в., Новосибирск, 1965, с. 134—140.
- ⁷⁴ Этого холста было достаточно для изготовления 41 большого паруса для дощаников (на один парус шло до 500 аршин).
- ⁷⁵ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 965, ч. I, л. 169, 170.
- ⁷⁶ Там же, л. 159—162; стб. 1016, л. 83—98.
- ⁷⁷ Александров В. А. Указ., соч., с. 253; Копылов А. Н. Указ соч., с. 141, 142, 157, 158.
- ⁷⁸ ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 96, л. 53, 54; д. 100, л. 68—69; д. 116, л. 182, 185, 189, 192, 195; д. 544, л. 15, 33.
- ⁷⁹ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1588, ч. II, л. 259.
- ⁸⁰ Там же, стб. 965, ч. I, л. 37—46, 84; ч. II, л. 254; Иркутская приказная изба, д. 92, л. 97—105.
- ⁸¹ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 965, л. 47—50; стб. 1588, ч. II, л. 255, 256; Иркутская приказная изба, д. 92, л. 97—105.
- ⁸² ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 965, ч. I, л. 84; стб. 1588, ч. I, л. 114—116, 122—123; Иркутская приказная изба, д. 92, л. 97—105; д. 100, л. 54; д. 128, л. 6—9, 13, 41—42, 57, 83; д. 169, л. 25—26; д. 527, л. 52.
- ⁸³ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 965, ч. II, л. 375—381; стб. 1016, л. 22, 23, 28, 32; стб. 1588, ч. II, л. 249—252; Иркутская приказная изба, д. 123, л. 3—6, 32; д. 128, л. 55; д. 131, л. 6—8; д. 135, л. 102, 103; д. 142, л. 1—9; д. 524, л. 2—3; д. 527, л. 13, 29; Нерчинская приказная изба, д. 26, л. 44, 83.
- ⁸⁴ Шастина Н. П. Указ. соч., с. 124.
- ⁸⁵ Там же, с. 120.
- ⁸⁶ Там же, с. 121; ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 952, л. 160.
- ⁸⁷ ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 100, л. 27—30.
- ⁸⁸ ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 27, л. 1—2.
- ⁸⁹ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1588, ч. II, л. 231—245.
- ⁹⁰ Шастина Н. П. Указ. соч., с. 122 и сл.
- ⁹¹ Там же, с. 122—125; ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 135, л. 21, 25, 26.
- ⁹² ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1045, л. 43—60.
- ⁹³ Там же, стб. 1016, л. 37—43, 115—116.
- ⁹⁴ Там же, л. 49—53.
- ⁹⁵ Шастина Н. П. Указ. соч., с. 127, 128.
- ⁹⁶ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 544, ч. I, л. 439—441; стб. 1016, л. 115—116.
- ⁹⁷ Там же, стб. 1588, л. 231—245.
- ⁹⁸ Шастина Н. П. Указ соч., с. 130—131.
- ⁹⁹ Мясников В. С. Указ соч., с. 210.
- ¹⁰⁰ Златкин И. Я. История Джунгарского ханства, с. 260—263.
- ¹⁰¹ Златкин И. Я. Указ соч., с. 265, 266.
- ¹⁰² ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 544, ч. I, л. 188—217.
- ¹⁰³ Златкин И. Я. Указ. соч., с. 265—267.
- ¹⁰⁴ Там же, с. 268—270.
- ¹⁰⁵ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 544, ч. I, л. 188—217.
- ¹⁰⁶ Там же, л. 157—162.
- ¹⁰⁷ Шастина Н. П. Указ. соч., с. 132—134.

- ¹⁰⁸ ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 7, л. 1; д. 122, л. 4; д. 135, л. 27—28, 32.
- ¹⁰⁹ ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 128, л. 16, 17, 22, 23; д. 135, л. 34—35, 37, 38.
- ¹¹⁰ Там же, д. 123, л. 11.
- ¹¹¹ ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 23, л. 72, 73; д. 26, л. 67.
- ¹¹² ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1016, л. 259—262.
- ¹¹³ ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 128, л. 40.
- ¹¹⁴ Там же, л. 48—49.
- ¹¹⁵ Залкинд Е. М. Указ. соч., с. 78.
- ¹¹⁶ ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 128, л. 16—17; д. 135, л. 37, 38.
- ¹¹⁷ Там же, д. 128, л. 68—72, 78—79; д. 135, л. 39, 48, 50, 53—55, 59—64; д. 143, л. 12; д. 153, л. 6 об.; д. 524, л. 1.
- ¹¹⁸ ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 23, л. 72, 73.
- ¹¹⁹ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1016, л. 115—116, 259—262; Иркутская приказная изба, д. 128, л. 93—95; Шастина Н. П. Указ. соч., с. 141; Словоцов П. Указ. соч., с. 128; Паршин В. Поездка в Забайкальский край, ч. II, с. 95, 96.
- ¹²⁰ ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 27, л. 1—2; Паршин В. Указ. соч., с. 171, 172.
- ¹²¹ Шастина Н. П. Указ. соч., с. 137, 138; ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 952, л. 164, 165, 167; Иркутская приказная изба, д. 123, л. 11; д. 135, л. 74, 75.
- ¹²² Шастина Н. П. Указ. соч., с. 137.
- ¹²³ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 952, л. 172; стб. 1588, ч. I, л. 63, 148—149.
- ¹²⁴ Мясников В. С. Указ. соч., с. 213.
- ¹²⁵ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1016, л. 15—21, 24, 115—116, 166—169.
- ¹²⁶ Там же, л. 225.
- ¹²⁷ ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 27, л. 3—4; Паршин В. Указ. соч., с. 174, 175.
- ¹²⁸ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1016, л. 281—289; Нерчинская приказная изба, д. 26, л. 84—85; Паршин В. Указ. соч., с. 177—178.
- ¹²⁹ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1016, л. 293—294; стб. 1059, л. 222—224.
- ¹³⁰ ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 128, л. 98, 108, 109, 120—124; Паршин В. Указ. соч., с. 173—174.
- ¹³¹ Шастина Н. П. Указ. соч., с. 145.
- ¹³² ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 544, ч. I, л. 144—153.
- ¹³³ Залкинд Е. М. Указ. соч., с. 79.
- ¹³⁴ Златкин И. Я. Указ. соч., с. 271.
- ¹³⁵ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1016, л. 299—306.
- ¹³⁶ Там же, л. 281—287.
- ¹³⁷ ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 24, л. 34.
- ¹³⁸ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1016, л. 307, 308.
- ¹³⁹ АИ, СПб., 1842, т. V, № 169/I—III.
- ¹⁴⁰ ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 31, л. 3—5, 11—14; Паршин В. Указ. соч., с. 180—188.
- ¹⁴¹ Златкин И. Я. Указ. соч., с. 273; Ермаченко И. С. Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. М., 1974, с. 129—139.
- ¹⁴² ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 544, ч. I, л. 188—217, 242; Иркутская приказная изба, д. 543, л. 9—12.
- ¹⁴³ Златкин И. Я. Указ. соч., с. 275 и сл.
- ¹⁴⁴ Шастина Н. П. Указ. соч., с. 147.
- ¹⁴⁵ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1059, л. 77—79.
- ¹⁴⁶ Там же, л. 81; стб. 1066, л. 173, 174.
- ¹⁴⁷ Залкинд Е. М. Указ. соч., с. 79; Шастина Н. П. Указ. соч., с. 162.
- ¹⁴⁸ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1059, л. 77—80.
- ¹⁴⁹ Там же, л. 81.
- ¹⁵⁰ Там же, стб. 1066, л. 290—292; Нерчинская приказная изба, д. 26, л. 82.
- ¹⁵¹ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1059, л. 78, 79.

- ¹⁵² Там же, стб. 1016, л. 295—298; Иркутская приказная изба, д. 128, л. 168—170; д. 135, л. 124—125.
- ¹⁵³ Там же, д. 543, л. 9—12.
- ¹⁵⁴ ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 27, л. 5; Иркутская приказная изба, д. 164, л. 3.
- ¹⁵⁵ Шастина Н. П. Указ. соч., с. 152, 153, 158; ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1059, л. 337—338.
- ¹⁵⁶ Там же, стб. 1008, л. 42—58.
- ¹⁵⁷ Залкинд Е. М. Указ. соч., с. 80 и сл.; Шастина Н. П. Указ. соч., с. 153 и сл.
- ¹⁵⁸ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1008, л. 42—58, 67, 68, 110—113.
- ¹⁵⁹ Там же, стб. 1045, л. 15; стб. 1059, л. 11—13.
- ¹⁶⁰ Там же, стб. 1008, л. 4—6, 10—13.
- ¹⁶¹ Там же, стб. 1016, л. 281 об.
- ¹⁶² Там же, стб. 1065, л. 30—33, 35, 36, 45.
- ¹⁶³ Шастина Н. П. Указ. соч., с. 152, 157.
- ¹⁶⁴ ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 151, л. 19—20.

Глава пятая

Заключение Нерчинского мира

- ¹ Бантыш-Каменский Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год. Казань, 1882, с. 50.
- ² Там же, с. 50, 51.
- ³ Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., 1980, с. 219.
- ⁴ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 965, ч. II, л. 440—442; Бантыш-Каменский Н. Указ. соч., с. 40—41.
- ⁵ ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 24, л. 23—33, 37—40, 48—51.
- ⁶ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1588, ч. II, л. 231—245.
- ⁷ Бантыш-Каменский Н. Указ. соч., с. 53; Демидова Н. Ф. Из истории заключения Нерчинского договора 1689 г.—В кн.: Россия в период реформ Петра I. М., 1973, с. 301, 305, 306.
- ⁸ Бантыш-Каменский Н. Указ. соч., с. 54.
- ⁹ Там же, с. 53—54.
- ¹⁰ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1588, ч. I, л. 17, 72—75, 133—134; ч. II, л. 246—248.
- ¹¹ Там же, ч. I, л. 175—176.
- ¹² Бантыш-Каменский Н. Указ. соч., с. 56.
- ¹³ Там же, с. 56—57.
- ¹⁴ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1059, л. 161.
- ¹⁵ ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 31, л. 2; Паршин В. Поездка в Забайкальский край, ч. II. М., 1844, с. 163—164.
- ¹⁶ ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 29, л. 15, 16; д. 30, л. 4; д. 31, л. 11—14.
- ¹⁷ Там же, д. 29, л. 5—10.
- ¹⁸ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1016, л. 299—306; Бантыш-Каменский Н. Указ. соч., с. 59—60.
- ¹⁹ Демидова Н. Ф. Указ. соч., с. 309; Мясников В. С. Указ. соч., с. 227.
- ²⁰ ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 31, л. 7—8; Паршин В. Указ. соч., с. 194, 195.
- ²¹ Паршин В. Указ. соч., с. 179, 180.
- ²² ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1008, л. 18—41.
- ²³ Там же, л. 67, 125—130.
- ²⁴ Мясников В. С. Указ. соч., с. 228, 229.
- ²⁵ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1008, л. 18—41.
- ²⁶ Там же, стб. 544, ч. I, л. 157—162.
- ²⁷ Златкин И. Я. Указ. соч., с. 277.
- ²⁸ Там же, с. 278, 279.

²⁹ Там же, с. 280.

³⁰ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 952, л. 114, 121; Иркутская приказная изба, д. 151, л. 162.

³¹ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 544, ч. I, л. 1—5, 62—79; Иркутская приказная изба, д. 151, л. 121, 123; д. 164, л. 15—27.

³² ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1008, л. 25; Нерчинская приказная изба, д. 30, л. 15—20.

³³ Там же, л. 2.

³⁴ Там же, д. 32, л. 1—5.

³⁵ Там же, д. 30, л. 22—29; Сибирский приказ, стб. 1008, л. 18—41.

³⁶ ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 32, л. 6—9.

³⁷ Там же, л. 10—11.

³⁸ Там же, л. 12—14.

³⁹ Там же, л. 17.

⁴⁰ Там же; см. также д. 30, л. 30—36.

⁴¹ Там же, д. 32, л. 19.

⁴² Там же, л. 15—16, 18.

⁴³ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1008, л. 2—3.

⁴⁴ Паршин В. Указ. соч., ч. I, с. 104—126; Бантыш-Каменский Н. Указ. соч., с. 61—65; Соловьев С. М. История России, кн. VII. М., 1962, с. 415—420; Яковлева П. Т. Первый русско-китайский договор 1689 года. М., 1958, с. 162—205; Мясников В. С. Указ соч., гл. VI; Мелихов Г. В. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). М., 1974, с. 185—192.

⁴⁵ Мясников В. С. Указ. соч., с. 247—250.

⁴⁶ Русско-китайские отношения, 1689—1916. Официальные документы. М., 1958, с. 9, 10; РКО, т. 2. М., 1972, с. 645—659.

⁴⁷ Миллер Г.-Ф. Изъяснение сумнительств, находящихся при постановлении границ между Российским и Китайским государствами 7197 (1689) года.— Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие, СПб, 1757, апрель, с. 305—321; Тимченко-Рубан Г. Присоединение к русским владениям Приамурья, Сахалина и Уссурийского края.— Военный сборник, СПб., 1909, № 8, с. 192—196; Яковлева П. Т. Указ. соч., с. 195, 196.

⁴⁸ Мясников В. С. Указ. соч., с. 259.

⁴⁹ Беспрозрачные Е. Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений. М., 1983, с. 61, 80—81.

⁵⁰ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1059, л. 82, 83, 162, 163; стб. 1008, л. 304—306.

⁵¹ Яковлева П. Т. Указ. соч., с. 203.

⁵² Бантыш-Каменский Н. Указ соч., с. 65, 66; Собрание государственных грамот и договоров, ч. IV, № 208.

⁵³ Миллер Г.-Ф. Указ. соч., с. 321; его же. История о странах, при реке Амуре лежащих, когда оные состояли под российским владением.— Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие, 1757, июль, с. 3—39; август, с. 99—130; сентябрь, с. 194—227; октябрь, с. 291—328.

⁵⁴ Миддендорф А. Путешествие на Север и Восток Сибири, ч. I. СПб., 1860, с. 145.

⁵⁵ Васильев В. П. Открытие Китая. СПб., 1900, с. 63—69.

⁵⁶ См.: Куропаткин А. Н. Русско-китайский вопрос. СПб., 1913, с. 78.

⁵⁷ Историческая записка о китайской границе, составленная советником Троицко-Савского пограничного управления Сычевским в 1846 году.— В кн.: Чтения в обществе древностей российских при Московском университете, кн. 2. М., 1875, с. 4.

⁵⁸ Тимченко-Рубан Г. Указ. соч., с. 191.

⁵⁹ Демидова Н. Ф. Указ соч., с. 302, 305, 307—310.

⁶⁰ Курц Б. Г. Русско-китайские сношения в XVI, XVII, XVIII столетиях. Харьков, 1929, с. 50—55.

⁶¹ Яковлева П. Т. Указ. соч., с. 13.

⁶² Там же, с. 134.

⁶³ Там же, с. 159.

⁶⁴ Там же, с. 204.

- ⁶⁵ Трусевич Х. Посольские и торговые сношения России с Китаем (до XIX века). М., 1882, с. 29.
- ⁶⁶ Кабанов П. И. Амурский вопрос. Благовещенск, 1959, с. 21, 22.
- ⁶⁷ Сладковский М. И. Очерки экономических отношений СССР с Китаем. М., 1957, с. 26.
- ⁶⁸ Китай. История, экономика, культура... М.—Л., 1940, с. 149.
- ⁶⁹ Ефимов Г. В. Очерки по новой и новейшей истории Китая. М., 1951, с. 22.
- ⁷⁰ РКО, т. 2, с. 53.
- ⁷¹ Мясников В. С. Указ. соч., с. 252, 259.
- ⁷² Мелихов Г. В. Указ. соч., с. 191—192.
- ⁷³ Там же, с. 195.
- ⁷⁴ Тихвинский С. Л. История Китая и современность. М., 1976, с. 96.
- ⁷⁵ РКО, т. 2, с. 623, 651.
- ⁷⁶ Там же, с. 686 (см. также: Мясников В. С. Указ. соч., с. 258).
- ⁷⁷ Русско-китайские отношения в XVIII веке, т. 1. М., 1978, № 6, с. 51.
- ⁷⁸ Шунков В. И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.). М., 1956, с. 188.
- ⁷⁹ Там же, с. 204—206.
- ⁸⁰ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 544, ч. I, л. 80—82, 294, 304, 487—491, 493.
- ⁸¹ Там же, стб. 1044, л. 117—119, 295—299; Паршин В. Указ. соч., с. 196—202.
- ⁸² Златкин И. Я. Указ. соч., с. 279.
- ⁸³ Шастина Н. П. Указ. соч., с. 164.
- ⁸⁴ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 544, ч. I, л. 83—88; Шастина Н. П. Указ. соч., с. 165, 166.
- ⁸⁵ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1059, л. 14—17.
- ⁸⁶ Там же, л. 69, 70, 73—76; Шастина Н. П. Указ. соч., с. 168, 169.
- ⁸⁷ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1059, л. 88, 89, 104, 109.
- ⁸⁸ Златкин И. Я. Указ. соч., с. 284—295.
- ⁸⁹ Кычанов Е. И. Повествование об ойратском Галдане Бошокту-хане. Новосибирск, 1980, с. 127—137. По цинским источникам, основное сражение произошло 24 августа.
- ⁹⁰ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 544, ч. I, л. 144—153, 238—148; Иркутская приказная изба, д. 120, л. 5—8.
- ⁹¹ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 544, ч. I, л. 138—143; стб. 1098, л. 260; Иркутская приказная изба, д. 120, л. 31.
- ⁹² ДАИ, т. X, СПб., 1867, № 67/XXVIII.
- ⁹³ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 544, ч. I, л. 167.
- ⁹⁴ Там же, л. 200.
- ⁹⁵ Там же, л. 230—233.
- ⁹⁶ Там же, л. 154—156.
- ⁹⁷ Там же, л. 248—250; ч. II, л. 265, 361—367, 508, 517; Шастина Н. П. Указ. соч., с. 171—172.
- ⁹⁸ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 544, ч. I, л. 253, 255, 256—258; стб. 1038, л. 219—224, 234—235, 237, 238, 342—343.
- ⁹⁹ ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 36, л. 89—95, 98—110; Сибирский приказ, стб. 544, ч. II, л. 272—274, 303, 356—358; стб. 1555, л. 12—14.
- ¹⁰⁰ Там же, стб. 544, ч. II, л. 398—400.
- ¹⁰¹ Там же, стб. 1059, л. 190.
- ¹⁰² ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 120, л. 1—3, 5—8; Нерчинская приказная изба, д. 36, л. 5—12.
- ¹⁰³ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 544, ч. II, л. 504—506.
- ¹⁰⁴ Там же, л. 387, 388; ДАИ, т. X, № 67/XXX.
- ¹⁰⁵ Идес Избранд и Бранд Адам. Записки о русском посольстве в Китае (1692—1695). М., 1967.
- ¹⁰⁶ Там же, с. 337, 338; Бантыш-Каменский Н. Указ. соч., с. 67, 68.
- ¹⁰⁷ Бантыш-Каменский Н. Указ. соч., с. 74; Идес Избранд и Бранд Адам. Указ. соч., с. 343—346.

- ¹⁰⁸ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1283, ч. 1, л. 124—133.
¹⁰⁹ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1185—1186, л. 39.
¹¹⁰ Там же, кн. 795, л. 190.
¹¹¹ Там же, стб. 1555, л. 23—28.
¹¹² ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 281, л. 4—19.
¹¹³ Там же, д. 201, л. 83—91, 144—148.
¹¹⁴ Там же, д. 377, л. 67—72; Сибирский приказ, стб. 1555, л. 15, 16.
¹¹⁵ ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 344, л. 8, 9; д. 350, л. 7, 8, 15, 61, 81, 82; ДАИ, т. X, № 67/XXXXIV.
¹¹⁶ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1555, л. 29, 30; Иркутская приказная изба, д. 88, л. 65; д. 377, л. 5—9; д. 394, л. 3—9.
¹¹⁷ Там же, д. 377, л. 15, 16.
¹¹⁸ ДАИ, т. X, № 67/XXXXII.
¹¹⁹ ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 457, л. 47, 48.
¹²⁰ Там же, д. 385, л. 10, 13—17, 32—34; Сибирский приказ, стб. 1422, ч. III, л. 578—584; ДАИ, т. X, № 67/XXXVI.
¹²¹ Залкинд Е. М. Указ. соч., с. 110, 111.

Глава шестая

Русско-китайская торговля через Нерчинск в конце XVII в.

- ¹ Курц Б. Г. Государственная монополия в торговле России с Китаем в первой половине XVIII ст. Киев, 1929; Трусевич Х. Посольские и торговые сношения России с Китаем (до XIX в.). М., 1882; Корсак А. Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем. Казань, 1857.
² ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 544, ч. II, л. 294—302.
³ Там же, кн. 1063, л. 169 об.—178 об.; стб. 544, ч. II, л. 278.
⁴ Там же, кн. 1063, л. 179—204; стб. 544, ч. II, л. 398—400; Иркутская приказная изба, д. 36, л. 96—100, 119—121.
⁵ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1037, л. 90—120; кн. 1063, л. 206—213; Иркутская приказная изба, д. 281, л. 4—19. П. Т. Яковлева ошибочно датирует отправку каравана А. С. Казаринова летом 1690 г. и каравана, ушедшего с С. Молодым, декабрём 1691 г. (см.: Яковлева П. Т. Русско-китайская торговля через Нерчинск накануне и после заключения Нерчинского договора (1689 г.)—Международные связи России в XVII—XVIII вв. М., 1966, с. 135, 137).
⁶ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1063, л. 230—240; кн. 1037, л. 90—120 и сл.
⁷ Там же, л. 411—429, 463—480, 495—500; кн. 1124, л. 1—49, 122—205; Иркутская приказная изба, д. 344, л. 8, 9.
⁸ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1124, л. 50—98; кн. 1133, л. 242—289, 365—442, 490—537; стб. 1292, л. 193.
⁹ Там же, кн. 1133, л. 290—303, 317—336; кн. 1221, л. 359—364.
¹⁰ ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 342, л. 1—42.
¹¹ Идес Избранд и Бранд Адам. Указ. соч., с. 133, 140, 156, 158, 159.
¹² ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 65, л. 20; Туманский Ф. Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого, ч. I. СПб., 1787, с. 106—107. Данные о длительности пути от Науна до Китайской стены противоречивы: от трех до тринадцати дней.
¹³ Идес Избранд и Бранд Адам. Указ. соч., с. 240—242; ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1185—1186, л. 11.
¹⁴ Долгов С. О. Ведомость о Китайской земле и глубокой Индеи.—Памятники древней письменности и искусства, т. СXXXIII. СПб., 1899, с. 14—35; Спафарий Николай Милеску. Сибирь и Китай. Кишинев, 1960, с. 179; ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1211, л. 2; стб. 1185—1186, л. 17—19.
¹⁵ ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 36, л. 111—117; д. 51, л. 1—3.
¹⁶ Спафарий Николай Милеску. Указ. соч., с. 229—230.
¹⁷ Базилевич К. В. Крупное торговое предприятие в Московском государстве в первой половине XVII в. Л., 1933, с. 25.

- ¹⁸ Об этом см.: Александров В. А. Русское население Сибири XVII—начала XVIII в. М., 1964, гл. 9, 11.
- ¹⁹ Макаров И. С. Пушной рынок Соли Вычегодской в XVII в.—Исторические записки, 1945, кн. 14, с. 166—168.
- ²⁰ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1037, л. 73, 74; стб. 1066, л. 64—73; стб. 1110, л. 146, 147; Очерки по истории Коми АССР, т. I. Сыктывкар, 1955, с. 123, 124; Ауэрбах Н. К. Зимовье в бухте Промысловой Енисейского залива.—Северная Азия, 1928, № 5—6, с. 138; Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке. М., 1957, с. 74, 75, 86, 112—115 и др.
- ²¹ Бахрушин С. В. Научные труды, т. III, ч. I. М., 1955, с. 226—251.
- ²² ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 921, л. 224—226; стб. 1035, ч. I, л. 18—20; стб. 1110, л. 3—5 и др.
- ²³ Подробнее о них см.: Александров В. А. Указ. соч., гл. 10, § 2.
- ²⁴ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1035, ч. I, л. 18—20.
- ²⁵ Макаров И. С. Указ. соч., с. 158, 159.
- ²⁶ Бахрушин С. В. Научные труды, т. II. М., 1954, с. 126—127; Очерки по истории Коми АССР, т. I, с. 113—115.
- ²⁷ Курц Б. Г. Русско-китайские сношения в XVI, XVII и XVIII столетиях. Харьков, 1929, с. 44.
- ²⁸ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1037, л. 489—494.
- ²⁹ ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 486, л. 163, 164.
- ³⁰ В 80-х годах XVII в. в Тобольске и Верхотурье бывал лалетин Василий Иванов Заровняный (ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1066, л. 64—73).
- ³¹ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1066, л. 10—17, 64—73.
- ³² Там же, кн. 1031, л. 31, 32; Иркутская приказная изба, д. 486, л. 109.
- ³³ Заозерная Е. И. Торги и промыслы гостиницы сотни Среднего Поволжья на рубеже XVII—XVIII вв.—В сб.: Петр Великий. М.—Л., 1947, с. 224—225; Очерки истории СССР (Первая четверть XVIII в.). М., 1954, с. 135. Связи И. Микляева с иноземными рынками были, по-видимому, преемственными: в 1660 г. «гость» Петр Микляев выполнял поручения правительства в Голландии, ездил в Голштинию (Бакланова Н. А. Привозные товары в Московском государстве во второй половине XVII в.—Очерки по истории торговли в 17 и в начале 18 столетия. М., 1928, с. 21, 28). С. Я. Лянгусов торговал в Сибири еще в 60-х годах (ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 588, л. 156).
- ³⁴ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1321, л. 102, 107.
- ³⁵ Боровой С. Я. Вопросы кредитования торговли и промышленности в экономической политике России XVIII в. — Исторические записки, 1950, кн. 33, с. 96.
- ³⁶ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1422, ч. II, л. 268—272; Иркутская приказная изба, д. 412, л. 7.
- ³⁷ Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. М., 1967, с. 17.
- ³⁸ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1221, л. 356, 357; Иркутская приказная изба, д. 429, л. 47—66.
- ³⁹ Далее при упоминании слова «Русь» всюду имеется в виду Европейская Россия, а под «русскими товарами» — товары, вывозившиеся из Европейской России, в отличие от местных сибирских товаров.
- ⁴⁰ Пять явок на 1007 руб. со смешанным товаром (меха и промышленные русские товары) не учтены.
- ⁴¹ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1112, л. 16—47.
- ⁴² С. В. Бахрушин насчитывал 9 приказчиков и 10 «людей», осуществлявших операции Г. Р. Никитина в Сибири и Китае (Бахрушин С. В. Научные труды, т. III, ч. I, с. 230, 231).
- ⁴³ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1285, л. 11, 133, 135—138, 142, 175—177, 189, 193.
- ⁴⁴ ПСЗ, т. III, № 1654; ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1366, л. 33, 34.
- ⁴⁵ Макаров И. С. Указ. соч., с. 162.
- ⁴⁶ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1185—1186, л. 16—26.
- ⁴⁷ Курц Б. Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича, Киев, 1915, с. 96, 97.

⁴⁸ Розничная продажа изделий ремесла среди местного населения в нерчинских таможенных книгах не фиксировалась.

⁴⁹ Две смешанные партии (меха и русские товары) на 839 руб. не учитываются.

⁵⁰ Вместе со стоимостью 39,5 пуда хмеля.

⁵¹ Подробный перечень см.: Бахрушин С. В. Указ. соч., с. 243—245.

⁵² Машанова Л. В. К вопросу о сельскохозяйственном рынке Забайкалья в конце XVII—начале XVIII в.—Изв. СО АН СССР, серия общ. наук, вып. 1. Новосибирск, 1971, № 1, с. 88—90.

⁵³ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 720, л. 15—31.

⁵⁴ Там же, кн. 1012, л. 48—89; кн. 1037, л. 121—148, 165—205, 255—317, 332—503; кн.: 1063, л. 169 об.—178 об., 214—229, 240—250; кн. 1124, л. 1—49, 122—205; кн.: 1133, л. 242—289, 365—442, 490—537.

⁵⁵ Оценка приблизительная, без шелка и драгоценных камней.

⁵⁶ Оценка московская.

⁵⁷ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1283, ч. II, л. 368—379; стб. 1292, л. 55, 135—137, 219—241, 252—260.

⁵⁸ Там же, стб. 1174, л. 6—14.

⁵⁹ Там же, стб. 1216, л. 1, 4, 6.

⁶⁰ Лан — китайская единица веса. В Китае вместо серебряных монет обращались куски серебра. В XVII в. в лане, по московскому весу, считалось 9 золотников (Долгов С. О. Указ соч., с. 14—35; Иакинф. Статистическое описание Китайской империи, ч. 1. Пекин, 1910, с. 60—62).

⁶¹ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1216, л. 111, 112, 116.

⁶² Курц Б. Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича, с. 113.

⁶³ ЦГАДА, Сибирский приказ, оп. 18, д. 366, л. 4 об.

⁶⁴ Там же, стб. 1185—1186, л. 26—28.

⁶⁵ ПСЗ, т. III, № 1606, с. 410, 411; ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1422, ч. I, л. 29—30, 54; АИ, т. V, СПб., 1842, № 268, с. 491.

⁶⁶ Бахрушин С. В. Указ. соч., с. 242.

⁶⁷ ДАИ, т. X, СПб., 1867, № 67/XXXV.

⁶⁸ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1100, л. 64—79 (см. также стб. 1213, л. 147—162, 304—313, 315—322).

⁶⁹ Там же, кн. 1012, л. 48—89; кн. 1037, л. 375—503; стб. 1182, л. 198; Иркутская приказная изба, д. 350, л. 83.

⁷⁰ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1216, л. 111, 112, 116.

⁷¹ Кашик О. И. Торговля в Восточной Сибири в XVII—начале XVIII в.—Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961, с. 193.

⁷² Александров В. А. Начало Ирбитской ярмарки.—История СССР, М., 1974, № 6, с. 40.

⁷³ Курц Б. Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича, с. 473; ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1100, л. 81—84.

⁷⁴ Там же, кн. 1012, 1037, 1063, 1124, 1133, 1221.

⁷⁵ Там же, кн. 1037, л. 31—48, 75—82 а, 156—167, 318—328, 403—410, 481—489; кн. 1124, л. 99—110, 114—121; кн. 1133, л. 304—316, 442 а—458, 474—491; кн. 1012, л. 6—11 об., 99—117.

⁷⁶ АИ, т. V, № 287.

⁷⁷ ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 169, л. 1, 2.

⁷⁸ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1052, ч. I, л. 298, 304, 305; стб. 1422, ч. II, л. 347; Иркутская приказная изба, д. 322, л. 14, 15.

⁷⁹ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1185—1186, л. 16—26.

⁸⁰ Там же, стб. 1378, ч. I, л. 315; стб. 1185—1186, л. 1, 14.

⁸¹ Там же, стб. 1415, л. 31; Нерчинская приказная изба, д. 54; л. 8—18; Иркутская приказная изба, д. 88, л. 68—71; д. 201, л. 2—6; д. 418, л. 33, 34.

⁸² Несмотря на организацию государственной торговли, в последующие 1699—1704 г. состав частного купечества, отправлявшего свои товары в Китай, расширился. В китайской торговле кроме Филатьевых, Лянгусова, Ушакова и других приняли участие «гости» Л. Добрынин, И. Исаев, купцы гостиной сотни А. Борин,

М. Григорьев, М. Евреинов, крестьянин с. Покровского М. Остафьев (в 1699 и 1702 гг.), посадские люди Новомещанской слободы в Москве Иван и Дмитрий Григорьевы, кадашевы И. Ступин и Г. Обухов, житель Каширы Г. Корнилов и многие другие. Продолжали торговлю с Китаем Филатьевы, И. Микляев, Ф. Курилов, С. Лянгусов, М. Месяцев, А. Федотов и др. (ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1422, ч. II, л. 268—272; оп. 18, д. 386, л. 34—36). Есть известие, что в 1706 г. Филатьевы разорились в результате плутовства китайских торговцев.

⁸³ Кашик О. И. Указ. соч., с. 194.

⁸⁴ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1260, л. 52—79.

⁸⁵ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1260, л. 79 об.; Яковлева П. Т. Указ. соч., с. 139; Курц Б. Г. Из истории торговых сношений России с Китаем в XVII столетии, с. 335—338.

⁸⁶ Фоккеродт И.-Г. Россия при Петре Великом.—Чтения ОИДР, 1874, № 2, раздел IV, с. 61.

⁸⁷ ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 303, л. 26—30; д. 330, л. 17; д. 418, л. 16; д. 451, л. 30—32; д. 457, л. 60. 61; д. 505, л. 14.

⁸⁸ Памятники сибирской истории XVIII в., кн. 1. СПб., 1882, № 13.

⁸⁹ Кашик О. И. Указ. соч., с. 195, 196.

⁹⁰ Силин Е. П. Кяхта в XVIII в. Иркутск, 1947.

⁹¹ Макаров И. С. Указ. соч., с. 162.

⁹² Х. Трусевич приводит неправдоподобную цифру в 41900 руб. См.: Трусевич Х. Указ. соч., с. 95.

⁹³ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1185—1186, л. 26—28; оп. 18, д. 366, л. 9 об. 11.

⁹⁴ Там же, стб. 1211, л. 6—19.

⁹⁵ Там же, стб. 1422, ч. II, л. 268—272; ДАИ, т. X, № 67/XXXV.

⁹⁶ Бахрушин С. В. Указ. соч., с. 241, 247.

⁹⁷ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1133.

⁹⁸ Х. Трусевич считал, что расходы по перевозке равнялись 72% стоимости товара, а годовой доход от китайской торговли—2—8%. См.: Трусевич Х. Указ. соч., с. 140, 141.

⁹⁹ ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 342, л. 1—42; д. 391, л. 1—26.

¹⁰⁰ ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 51, л. 4, 5.

¹⁰¹ Там же, д. 70, л. 1—4, 7, 8.

¹⁰² Меньшие суммы торговые люди выплачивали своим работным людям, лавочным сидельцам, подрядившимся на определенный срок.

¹⁰³ ДАИ, т. X, № 67/XXXV.

¹⁰⁴ ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 405, л. 60; Сибирский приказ, кн. 1037, л. 251—254.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Публикации

1. Акты исторические, т. IV—V. СПб., 1842.
2. Архивные материалы на русском языке из бывшего пекинского императорского дворца. Письма, полученные из России в годы царствования Кан-Си и Цянь-Лун. Бейлин, 1936.
3. Венюков М. И. Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск, 1970.
4. Г. С. Исторические и статистические записки о местах, лежащих при реке Амуре. — «Сибирский вестник», 1824, № 1—3.
5. Две «скаски» Вл. Атласова об открытии Камчатки. — «Чтения Русского Географического общества», 1891, № 3.
6. Демидова Н. Ф., Мясников В. С. Первые русские дипломаты в Китае («Роспись» И. Петлина и статейный список Ф. И. Байкова). М., 1966.
7. Долгов С. О. Ведомость о Китайской земле и глубокой Индеи. — Памятники древней письменности и искусства, т. СXXXIII, СПб., 1899.
8. Дополнения к Актам историческим, т. II—VII, IX—XII. СПб., 1848—1872.
9. Журнал, веденный в Пекине, по случаю прибытия из России посланника Николая Гавриловича Спафария. — «Сибирский вестник», 1823.
10. Ивановский А. Посольство Спафария. — Зап. Восточного отдела Русского археол. об-ва (ЗВОРАО), т. II, СПб., 1888.
11. Идес Избранд, Бранд Адам. Записки о русском посольстве в Китае (1692—1695). Вступительная статья, перевод и комментарий М. И. Казанина. М., 1967.
12. Из истории русско-китайских отношений (1695—1720). — «Исторический архив», 1957, № 3.
13. Китайская реляция о посольстве Николая Спафария в Китай, Маньчжурский текст в переводе А. О. Ивановского. СПб., 1887; ЗВОРАО, т. I, 1887; т. II, 1888 (отдельный оттиск).
14. Книга Большому чертежу. М.—Л., 1950.
15. Крижанич Юрий. Политика. М., 1965.
16. Мартос А. Письма о Восточной Сибири. М., 1827.
17. Описание лежащих на р. Амуре областей. — «Новые ежемесячные сочинения», 1796, т. CXV—CXXI.
18. Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в. на Северо-Востоке Азии. Сборник документов. М., 1951.
19. Памятники Сибирской истории XVIII века, кн. 1—2. СПб., 1882—1885.
20. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. СПб., 1882.
21. Русская тихоокеанская эпопея. Хабаровск, 1979.
22. Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы, т. 1. 1608—1683. М., 1969.
23. Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы, т. 2. 1686—1691. М., 1972.
24. Русско-китайские отношения. 1689—1916. Официальные документы. М., 1958.
25. Русско-китайские отношения в XVIII в., т. 1. 1700—1725. М., 1978.

26. Русско-монгольские отношения. 1607—1636. Сборник документов. М., 1959.
27. Русско-монгольские отношения. 1636—1654. Сборник документов. М., 1974.
28. Спафарий Н. Г. Описание первые части вселенной, именуемой Азии, в ней же состоит Китайское государство с прочими его городами и провинциями. Казань, 1910.
29. Спафарий Н. Г. Сибирь и Китай. Кишинев, 1960.
30. Статейный список посольства Н. Спафария в Китай. — Вестник археологии и истории, издаваемый Археологическим институтом, вып. XVII. СПб., 1906.

II. Литература

31. [Авриль Ф.]. Сведения о Сибири и пути в Китай, собранные миссионером Ф. Аврилем в Москве в 1686 году. — «Русский вестник», 1842, № 4.
32. Албазин. 1651—1689. — «Всемирный путешественник», 1900, № 6.
33. Александров В. А. Из истории русско-китайских экономических связей перед Нерчинским миром 1689 г. — «История СССР», 1957, № 5.
34. Александров В. А. Народные восстания в Восточной Сибири во второй половине XVII в. — «Исторические записки», 1957, № 59.
35. Александров В. А. Русско-китайская торговля и нерчинский торг в конце XVII в. — К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII—XVIII вв.). М., 1958.
36. Александров В. А. Материалы о народных движениях в Сибири в конце XVII в. — Археографический ежегодник за 1961 г. М., 1962.
37. Александров В. А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964.
38. Александров В. А. Начало хозяйственного освоения русским населением Забайкалья и Приамурья (вторая половина XVII в.). «История СССР», 1968, № 2.
39. Александров В. А. Заселение Сибири русскими в конце XVI—XVIII вв. — Русские старожилы Сибири. М., 1973.
40. Александров В. А. Особенности феодального порядка в Сибири (XVII в.). — «Вопросы истории», 1973, № 8.
41. Александров В. А. [Рец. на:] «Русско-китайские отношения в XVII в., т. 2. — «Народы Азии и Африки», 1974, № 3.
42. Александров В. А. Проблематика системы государственного феодализма в Сибири XVII века. — «История СССР», 1977, № 1.
43. Александров В. А. [Рец. на:] «Русско-китайские отношения в XVIII в., т. 1. — «Народы Азии и Африки», 1980, № 5.
44. Александров В. А. [Рец. на:] В. С. Мясников. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. — «Вопросы истории», 1982, № 5.
45. Алексеев А. И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки до конца XIX века. М., 1982.
46. Амур — река подвигов. Хабаровск, 1971.
47. Амур и Уссурийский край. М., 1885.
- 48—49. Андреев М. Из истории сношений России с Китаем. XVII—XX вв. — «Северная Азия», 1925, № 5—6.
50. Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири, т. 1—2. М.—Л., 1960—1965.
51. Андриевич В. К. Краткий очерк истории Забайкалья. СПб., 1887.
52. Андриевич В. К. История Сибири. СПб., 1889.
53. Арсеньев Ю. В. О происхождении «Сказания о великой реке Амуре». — ИРГО, 1882, т. XVIII, вып. 4.
54. Арсеньев Ю. В. Николай Спафарий и его время. — «Русский архив», 1895, т. 11, вып. VII.
55. Арсеньев Ю. В. Новые данные о службе Николая Спафария в России (1671—1708). М., 1900.
56. Арсеньев Ю. В. Статейный список посольства Н. Спафария в Китае. 1675—1678. — Вестник археологии и истории, 1906, т. 17, отд. II.
57. Базилевич К. В. В гостях у богдыхана. Л., 1927.
58. Базилевич К. В. Элементы меркантилизма в экономической политике правительства Алексея Михайловича. — Ученые записки МГУ, вып. 4. М., 1941.

59. Банников А. Г. Первые русские путешествия в Монголию и Северный Китай. М., 1949.
60. Баятыш-Каменский Н. Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 г. Казань, 1882.
61. Бартенев Ю. П. Герои Албазина и Даурской земли. — «Русский архив», 1899, № 2.
62. Бартоломей. Описание Амурского края (с картой). — «Военный сборник», 1860, № 8, 9.
63. Басин В. Я., Зувев Ю. А. [Рец. на:] «Русско-китайские отношения в XVII в.», т. 1. — «Народы Азии и Африки», 1971, № 6.
64. Бахрушин С. В. Казаки на Амуре. Л., 1925.
65. Бахрушин С. В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. — С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 1. М., 1955.
66. Бахрушин С. В. Торги гостя Никитина в Сибири и Китае. — Там же.
67. Бахрушин С. В. Енисейские киргизы в XVII в. — С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 2. М., 1955.
68. Бахрушин С. В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. — С. В. Бахрушин. Научные труды, т. IV. М., 1959.
69. Берх. Возобновление Албазина и покорение оного китайцами. Подвиги боярского сына Ерофея Хабарова и водворение россиян при берегах Амура. — «Сын отечества», 1821, № LXVIII.
70. Бескровный Л. Г. [Рец. на:] «Русско-китайские отношения в XVII в.», т. 2. — «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 1.
71. Бескровный Л. Г., академик Нарочницкий А. Л. К истории внешней политики России на Дальнем Востоке в XIX веке. — «Вопросы истории», 1974, № 6.
72. Бескровный Л., Тихвинский С., Хвостов В. К истории формирования русско-китайской границы. — «Международная жизнь», 1972, № 6.
73. Беспрозванных Е. Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений. XVII — середина XIX в. М., 1983.
74. [Бичурин] Иакинф. Статистическое описание Китайской империи, ч. I—II. СПб., 1842.
75. Боднарский М. С. Очерки по истории русского землеведения, ч. 1. М., 1947.
76. Бокшанин А. А. Особенности внешних отношений империи Мин и вопросы преемственности. — Китай: традиции и современность. М., 1976.
77. Бутины, бр. Исторический очерк сношений русских с Китаем и описание пути с границы Нерчинского округа в Тяньцзинь. Иркутск, 1871.
78. Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьков, 1869.
79. Васильев В. П. «Записки о Нингуге» цинского чиновника У Нань-Жуня. — «Записки ИРГО», кн. XII. СПб., 1857.
80. Васильев В. П. Сведения о маньчжурах во времена династий Юань и Мин. СПб., 1863.
81. Вилков О. Н. Китайские товары на тобольском рынке в XVII в. — «История СССР», 1958, № 1.
82. Вилков О. Н. К истории Якутска и Охотска в XVIII веке. — Города Сибири. Новосибирск, 1974.
83. Внешняя политика государства Цин в XVII веке. М., 1977.
84. Вуд Дж. и Серре Ж. Дипломатический церемониал и протокол. Принципы, процедура и практика. М., 1976.
85. Выписки из Нерчинского архива. — «Русский вестник», 1841, № 11—12.
86. Вяткин Р. В. Критическое направление в средневековой историографии Китая. — Китай: традиции и современность. М., 1976.
87. Гальперин А. Л. Русско-китайская торговля в XVIII — первой половине XIX в. (Опыт сравнения кяхтинского торгового дела с торговлей через Гуанчжоу). — «Проблемы востоковедения», 1959, № 5.
88. Гольденберг Л. А. Семен Ульянович Ремезов. М., 1965.
89. Гольденберг Л. А. Федор Иванович Соколов (1692—1780). М., 1966.
90. Гонсович Е. В. История Амурского края. Благовещенск, 1914.

91. Грум-Гржимайло Г. Е. Описание Амурской области. СПб., 1894.
92. Гурвич И. С. Этническая история Северо-Востока Сибири. М., 1966.
93. Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в. М., 1979.
94. Демидова Н. Ф. О вариантах статейного списка посольства Ф. И. Байкова в Китай. — Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961.
95. Демидова Н. Ф. Из истории заключения Нерчинского договора 1689 г. — Россия в период реформ Петра I. М., 1973.
96. Демидова Н. Ф., Мясников В. С. О датировке грамот минских императоров царю Михаилу Федоровичу. — «Проблемы востоковедения», 1960, № 1.
97. Дербов Л. А. Начало дипломатических и торговых отношений России с Китаем. — Уч. зап. Саратовского университета им. Н. Г. Чернышевского, выпуск исторический, 1960, т. 68.
98. Долгих Б. О. Этнический состав и расселение народов Амура в XVII в. по русским источникам. — Сборник статей по истории Дальнего Востока. М., 1958.
99. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960.
100. Ермаченко И. С. К вопросу о роли дани в отношениях между Цинской империей и Халхой в 30—50-х годах XVII в. — Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. История, экономика. М., 1970.
- 100а. Ермаченко И. С. Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. М., 1974.
101. Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий. М., 1971.
102. Житков Б. О путешествии через Сибирь Николая Спафария. — Бюл. Моск. об-ва испытателей природы. Отд. биологии, т. 48, вып. 1, М., 1939.
103. Журнал, веденный в Пекине по случаю прибытия из России посланника Николая Гавриловича Спафария, отправленного по высочайшему его царского величества указу в 1676 г. царствования китайского Хуандия Канся в 15 лето (пер. с маньчжурского подлинника). — «Сибирский вестник», 1823, ч. 3.
104. Заозерский А. И. К характеристике московской дипломатии XVII в. — Сборник статей, посвященный С. Ф. Платонову. СПб., 1911.
105. Залкинд Е. М. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ, 1958.
106. Земзинов. Исторические воспоминания о реке Амуре. Шесть исторических документов, подтверждающих, что в конце XVII столетия течение Нижнего Амура принадлежало русским. — «Москвитянин», 1843, т. VII.
107. Златкин И. Я. Очерки новой и новейшей истории Монголии. М., 1957.
108. Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. М., 1964.
109. Зубарев Д. О посольстве в Китай Николая Спафария с дворянами, подьячими, греками и иноземцами. — «Вестник Европы», 1827, № 23—24.
110. История Монгольской Народной Республики. М., 1967.
111. История Сибири с древнейших времен до наших дней, т. 2. Л., 1968.
112. Кабанов П. И. Амурский вопрос. Благовещенск, 1959.
113. Капица М. С. Документы, подтверждающие истину. Из истории русско-китайских отношений. [Рец. на «Русско-китайские отношения в XVII в.», т. 1—2]. — «Известия», 13.X.1972.
114. Катанаев Г. Е. Киргизские степи, Средняя Азия и Северный Китай в XVII и XVIII столетиях по показаниям, разведкам, доезжим запискам, отчетам и исследованиям западносибирских казаков и прочих служилых сибирских людей. — «Зап. Сиб. отд. Русского Геогр. об-ва», 1893, т. XIV, №1.
115. Кашик О. И. Из истории заселения Иркутского уезда в XVII — начале XVIII в. — Ученые записки Иркут. гос. пед. ин-та, вып. XVII, Благовещенск, 1958.
116. Кашик О. И. Торговля в Восточной Сибири в XVII — начале XVIII в. — Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961.
117. [Кафаров] Палладий. Заметки архимандрита Палладия о путешествии в Китай казака Петлина. — ЗВОРАО, 1891, № 6.
118. Китай: государство и общество. М., 1977.
119. Китай и соседи в древности и средневековье. М., 1970.
120. Кожевников Ф. И. Из истории правовой организации внешних сношений

- Москвы (до начала XVIII века). — Вестник Московского университета, 1947, № 8.
121. Кожевников Ф. И. Русское государство и международное право (до XX века). [М.], 1947.
 122. Кожевников Ф. И. К. Маркс и Ф. Энгельс о законности и праве в международных отношениях. — Уч. зап. МГУ. Труды юр. фак., вып. 114, кн. 3, 1949.
 123. Конрад Н. И. Культура Китая второй половины XVII и XVIII вв. — Н. И. Конрад. Избранные труды. История. М., 1974.
 124. Котвич Вл. Русские архивные документы по сношению с ойратами в XVII и XVIII вв. — Известия Российской академии наук, 1919, т. XIII, ч. 2, № 12—18.
 125. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982.
 126. Кузнецов В. С. Из истории взаимоотношений Китая с чжурчжэнями в XVI—начале XVII в. — Материалы по истории Дальнего Востока (история, археология, этнография, философия). Владивосток, 1973.
 127. Курц Б. Г. Государственная монополия в торговле в первой половине XVIII века. Киев, 1924.
 128. Курц Б. Г. Русско-китайские отношения в XVI, XVII и XVIII столетиях. [Харьков], 1929.
 129. Кычанов Е. И. Повествование об ойратском Галдане Бошокту-хане. Новосибирск, 1980.
 130. Кюнер Н. В. Новейшая история стран Дальнего Востока, ч. 2. Обзор сношений Китая с европейскими державами с XVI столетия до 1842 г., вып. 3. Сношения с Россией. Владивосток, 1910.
 131. Кюнер Н. В. Сношения России с Дальним Востоком на протяжении царствования дома Романовых. Владивосток, 1914.
 132. Лебедева Е. П. Расселение маньчжурских родов в конце XVI в. и начале XVII в. — Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, т. 132, 1957.
 133. Леонтьева Г. А. Роль служилых людей в торгово-промышленной жизни Нерчинска во второй половине XVII—начале XVIII в. — Города Сибири (Эпоха феодализма и капитализма). Новосибирск, 1968.
 134. Любимов А. Е. Новые маньчжурские материалы для истории Амурского края с 1680 по 1812 г. — ЗВОРАО, т. XIX, 1909.
 135. Любимов А. Е. К истории официальной переписки между русскими и китайцами в XVII в. — ЗВОРАО, т. XIX, 1909.
 136. Любимов А. Некоторые маньчжурские документы из истории русско-китайских отношений в XVII в. — ЗВОРАО, т. XXI, 1912.
 137. Малышев В. С. Генерал-фельдмаршал и генерал-адмирал граф Федор Алексеевич Головин. СПб., 1910.
 138. Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966.
 139. Мартынов А. С. Представление о природе и мироустроительных функциях власти в официальной китайской традиции. — «Народы Азии и Африки». 1972, № 5.
 140. Мартынов А. С. Значение приезда послов в императорском Китае. — «Народы Азии и Африки», 1979, № 1.
 141. Машанова Л. В. К вопросу о сельскохозяйственном рынке Забайкалья в конце XVII — начале XVIII в. — Изв. СО АН СССР, сер. общ. наук, вып. 1, Новосибирск, 1971.
 142. Мелихов Г. В. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). М., 1974.
 143. Мелихов Г. В. Экспансия цинского Китая в Приамурье и Центральной Азии в XVII—XVIII вв. — «Вопросы истории», 1974, № 7.
 144. Мелихов Г. В. О северной границе вотчинных владений маньчжурских (цинских) феодалов в период завоевания ими Китая (40—80-е годы XVII в.). — Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М., 1982.
 145. Мелихов Г. В. Как готовилась агрессия феодальных правителей цинского Китая против русских поселений на Амуре в 80-х годах XVII в. — Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М., 1982.

146. [Миллер Г.-Ф.] История о странах, при реке Амуре лежащих, когда оные состояли под российским владением. — «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», 1757, № 7—10.
147. Миллер Г.-Ф. Изъяснение сумнительств, находящихся при постановлении границ между Российским и Китайским государствами 7197 (1689) года. — «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», 1757, № 4.
148. Миллер Г.-Ф. О первых российских путешествиях и посольствах в Китай. — «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», 1755, № 6.
149. Мирзоев В. Г. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII века. М., 1960.
150. Мясников В. С. Новые документы о поездке в Китай Ивана Петлина в 1618 г. — «Советское китаеведение», 1958, № 1.
151. Мясников В. С. Новое издание трудов Н. Г. Спафария. — «Народы Азии и Африки», 1962, № 2.
152. Мясников В. С. Русские архивные источники о завоевании Китая маньчжурами (1618—1690). — Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966.
153. Мясников В. С. Становление связей Русского государства с Китаем. — Русско-китайские отношения в XVII в., т. 1. М., 1969.
154. Мясников В. С. Вторжение маньчжуров в Приамурье и Нерчинский договор 1689 г. — Русско-китайские отношения в XVII в., т. 2. М., 1972.
155. Мясников В. С. Подъем и падение Цинской империи. — «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 3.
156. Мясников В. С. Землепроходец и дипломат. — Дальневосточные путешествия и приключения, вып. 4. Хабаровск, 1973.
157. Мясников В. С. Проблемы и задачи изучения истории русско-китайских отношений. — Проблемы советского китаеведения, М., 1973.
158. Мясников В. С. Новые данные о подготовке посольства Ф. И. Байкова в Китай (1654—1657 гг.). — Международные отношения и внешняя политика СССР. История и современность. М., 1977.
159. Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., 1980.
160. Мясников В. С., Шепелева Н. В. Империя Цин и Россия в XVII—начале XX в. — Китай и соседи в новое и новейшее время. М., 1982.
161. Нарочницкий А. Л. Западные державы и государства Восточной Азии в XVI—XVIII вв. — Международные отношения на Дальнем Востоке, кн. 1. С конца XVI в. до 1917 г. М., 1973.
162. Нарочницкий А. Л. О теории и методологии международных отношений. — «Вопросы истории», 1976, № 2.
163. Некрасов Г. А. В. И. Ленин о соотношении войны и политики и проблемы внешнеполитической истории России XVII—XVIII веков. — Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970.
164. Никифоров В. Н. Советские историки о проблемах Китая. М., 1970.
165. Никифоров Л. А. Россия в системе европейских держав в первой четверти XVIII века. — Россия в период реформ Петра I. М., 1973.
166. Новая история Китая. Отв. ред. С. Л. Тихвинский. М., 1972.
167. Огородников В. И. Туземное и русское земледелие на Амуре в XVII в. — Труды Гос. Дальневосточного ун-та. Сер. III, № 4, Владивосток, 1927.
168. Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век. М., 1955.
169. Павлов П. Н. Пушной промысел в Сибири XVII в. Красноярск, 1972.
170. Павлов П. Н. Промысловая колонизация Сибири в XVII в. Красноярск, 1974.
171. Паршин В. Поездка в Забайкальский край, ч. 2. М., 1844.
172. Письмо Николая Спафария к А. С. Матвееву с предисловием Ю. В. Арсеньева. — «Русский архив», 1881, вып. 1.
173. Покровский Ф. И. Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 г. — Известия ОРЯС, т. XVIII, кн. 4, 1914.
174. Полевой Б. П. Первооткрыватели Сахалина. Южно-Сахалинск, 1959.
175. Полевой Б. П. Географические чертежи посольства Н. Г. Спафария. — Известия АН СССР. Серия географическая, 1969, № 1.
176. Петров А. И. Амурский щит. Хабаровск, 1974.

177. Потанин Г. Н. О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVII в.— Чтения в об-ве истории и древностей российских, 1868, № 2.
178. Преображенский А. [Рец. на:] «Русско-китайские отношения в XVII в.», т. 1. — «Новый мир», 1970, № 8.
179. Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI— начале XVIII в. М., 1972.
180. Путешествие боярского сына Федора Исаковича Байкова в Китай в 1654 г. — Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым, т. II, кн. 8. СПб., 1849.
181. Путешествие в Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1620 г. — «Сибирский вестник», 1818, ч. 2.
182. Путешествие и журнал по указу великих государей, царей и вел. князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, отправленного из Москвы в Китай господина Эбергарда Избраннедеса посланником в 1692 году, март 14 дня. — «Древняя российская вивлиофика», 1788, т. 4, ч. 8, 9.
183. Путешествие казацких атаманов Ивана Петрова и Бурнаша Елычёва в Китай.— Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым, т. II, кн. 8. СПб., 1849.
184. Путешествие российского посланника Федора Исаковича Байкова в Китай 7162 (1654) года, июня 25 дня. — «Древняя российская вивлиофика», 1788, т. 4.
185. Путешествие Федора Исаковича Байкова в Китай с 1654 по 1658 г. — «Сибирский вестник», 1840, т. XI.
186. Резун Д. Я. Очерки истории изучения сибирского города конца XVI — первой половины XVIII века. Новосибирск, 1982.
187. Романов Д. Город Албазин. СПб., 1857 (отд. оттиск из «СПБ ведомостей», 1857, № 269, 270).
188. Романов Д. Присоединение Амура к России. — «Русское слово», 1859, апрель, июнь — август.
189. Рябов Н. И., Штейн М. Г. Очерки истории русского Дальнего Востока XVII — начала XX века. Хабаровск, 1958.
190. Сафронов Ф. Г. Русские на Северо-Востоке Азии в XVII — середине XIX в. М., 1978.
191. Сахаров И. П. Сношения русского двора с Европой и Азией в царствование царя Алексея Михайловича. — «Отечественные записки», 1839, т. I, № 1.
192. Сгибнев А. С. Охотский порт с 1649 по 1853 г. — «Морской сборник», 1869, № 11.
193. Сельский И. Последняя осада Албазина маньчжуро-китайцами в 1687 г. — Зап. Западно-Сибирского отд. Русского геогр. об-ва, 1857, т. V, № 1.
194. Семивский Н. Новейшие любопытные и достоверные повествования о Восточной Сибири. СПб., 1817.
195. Сергеев О. И. Казачество на русском Дальнем Востоке в XVII—XIX вв. М., 1983.
196. Сергеев Ф. П. Русская дипломатическая терминология XI—XVII вв. Кишинев, 1971.
197. Сергеев Ф. П. Русская терминология международного права XI—XVIII вв. Кишинев, 1972.
198. Силин Е. П. Кяхта в XVIII веке. Иркутск, 1947.
199. Сказание о великой реке Амуре, которая разграничила русское селение с китайцы. — Сборник старинных русских статей о Сибири и принадлежащих к ней землях. М., 1890.
200. Скалон В. Н. Русские землепроходцы — исследователи Сибири XVII в. М., 1951.
201. Симоновская Л. В. Антифеодальная борьба китайских крестьян в XVII веке. М., 1966.
202. Скачков П. Е. Библиография Китая. М., 1960.
203. Скачков П. Е. Ведомость о Китайской земле. — Страны и народы Востока, вып. 2. М., 1961.
204. Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977.
205. Сладковский М. И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917). М., 1974.
206. Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири, кн. I. СПб., 1886.

207. С[пасский] Г. Исторические и статистические записи о местах, лежащих при реке Амуре. — «Сибирский вестник», 1824, ч. 1—3.
208. Спасский Г. Сведения русских о реке Амур в XVII столетии. — Вестник ИРГО, 1853, ч. 7, кн. 2, разд. II.
209. Сычевский Г. А. Историческая записка о китайской границе. М., 1875.
210. Тимченко-Рубан Г. Присоединение к русским владениям Приамурья, Сахалина и Уссурийского края. — «Военный сборник», 1909, № 8—12.
211. Тихвинский С. Л. Великоханьский гегемонизм и публикации на исторические темы в КНР. — «Вопросы истории», 1975, № 11.
212. Тихвинский С. Л. История Китая и современность. М., 1976.
213. Тихвинский С. Л. Некоторые вопросы формирования северо-восточной границы Цинской империи. — Международные отношения и внешняя политика СССР. История и современность. М., 1977.
214. Тронин Вл. История первых времен Амура (1644—1689). Благовещенск, 1908.
215. Трусевич Х. Посольские и торговые сношения России с Китаем (до XIX века). М., 1882.
216. Ульяницкий Л. Албазин и албазинцы. — Зап. Приамурск. отдела имп. об-ва востоковедения, 1912, вып. 1.
217. Филиппов А. М. Новые данные о посольстве Сеиткула Аблина. — «Советское китаеведение», 1958, № 2.
218. Фомина Н. И. Борьба против Цинов на Юго-Востоке Китая. Середина XVII в. М., 1974.
219. Христосенко Г. А. К истории заселения Нерчинского острога. — История городов Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1977.
220. Чернозубов. Завоевание Амура русскими и албазинские сидения. — «Военный сборник», 1907, № 10—12.
221. Чимитдоржиев Ш. Б. Взаимоотношения Монголии и России в XVII—XVIII вв. М., 1978.
222. Шастина Н. П. Русско-монгольские посольские отношения XVII века. М., 1958.
223. Шунков В. И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М., 1956.
224. Шунков В. И. Вопросы аграрной истории России. М., 1974.
225. Щукин Н. Подвиги русских на реке Амуре в XVII столетии. — «Сын отечества», 1848, кн. 9.
226. Яковлева П. Т. Первый русско-китайский договор 1689 г. М., 1958.
227. Яковлева П. Т. Русско-китайская торговля через Нерчинск накануне и после заключения Нерчинского договора 1689 г. — Международные связи России в XVII—XVIII вв. (Экономика, политика и культура). М., 1966.
228. Якутия в XVII веке (очерки). Якутск, 1953.

III. Публикации и литература на западноевропейских языках

229. Collins P. M. D. Siberian Journey. Down the Amur to the Pacific (1856—1857). Madison, 1962.
230. James H. E. M. The Long White Mountain, of Journey in Manchuria. — L., 1888.
231. Sebes J. The Jesuits and the Sino-Russian Treaty of Nerchinsk (1689). The Diary of Thomas Pereira. Roma, 1961.
232. Baddeley J. F. Russia, Mongolia, China, Vol. 1—2. L., 1881—1882.
233. Cahen G. Some Early Russo-Chinese Relations. Translated and Edited by W. Sheldon Ridge. Shanghai, 1914.
234. Hummel A. W. Eminent Chinese of the Ch'ing Period (1644—1912), Vol. 1—2. Wash., 1944.
235. Mancall M. Russia and China. Their Diplomatic Relations to 1728. Cambridge (Mass.), 1971.
236. Weale P. B. L. Manchu and Moscovite. L.—N. Y., 1904.
237. Yakhontoff V. A. The Russian Empire and Soviet Union on the Far East. N. Y., 1935.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>От автора</i>	5
Глава 1. Присоединение Восточной Сибири и хозяйственное освоение русскими переселенцами Забайкалья и Приамурья	8
§ 1. Присоединение к России Восточной Сибири	8
§ 2. Забайкалье и Приамурье в составе Русского государства в середине XVII в.	17
§ 3. Начало хозяйственного освоения русским населением Забайкалья и Приамурья. Создание русских земледельческих районов в 50—80-х годах XVII в.	34
§ 4. Промысловая деятельность русского населения в Забайкалье и Приамурье. Начало горнорудных разработок. Торговые связи	49
Глава 2. Дипломатические и торговые отношения с Джунгарией, Северной Монголией и Китаем в 30—70-х годах XVII в.	59
§ 1. Дипломатические отношения с Джунгарией и северомонгольскими ханствами	60
§ 2. Дипломатические отношения с Китаем	75
§ 3. Развитие внешнеторговых связей с Джунгарией, Северной Монголией и Китаем	100
Глава 3. Подготовка и начало маньчжурской агрессии (1681—1684 гг.)	117
Глава 4. Оборона Приамурья и Забайкалья (1684—1689 гг.)	138
§ 1. Оборона Албазина. Первое наступление войск Очирой Саян-хана в Забайкалье	138
§ 2. Укрепление обороны Восточной Сибири. Второе наступление войск Очирой Саян-хана в Забайкалье	155
Глава 5. Заключение Нерчинского мира	175
Глава 6. Русско-китайская торговля через Нерчинск в конце XVII в.	204
Заключение	231
Примечания	235
Библиография	263

Александров В. А.

А 46 Россия на дальневосточных рубежах: (вторая половина XVII в.). Хабаровск: Кн. изд-во, 1984. — 272 с., ил. («Дальневосточная историческая библиотека»)

Второе, дополненное издание монографии, впервые вышедшей в свет в 1969 г. и вызвавшей большой интерес советских и зарубежных читателей. Автор, доктор исторических наук Вадим Александрович Александров, осветил сложный период в истории внешней политики России 50—90-х годов XVII в., когда после присоединения Забайкалья и Приамурья русской дипломатии впервые, к тому же в условиях напряженной внешнеполитической ситуации, пришлось решать труднейшие вопросы, связанные с судьбами народов Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока, а русскому и сибирским народам — совместно защищаться от иноземных вторжений. Истории хозяйственного освоения и обороны русским населением Забайкалья и Приамурья, началу торговых связей России с монгольскими землями и Китаем уделяется в книге особое внимание.

А 0505020000—21
М160(03)—84

ББК 63.3(2)46
9(С)15

Вадим Александрович Александров

РОССИЯ НА ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ РУБЕЖАХ

Редактор В. С. Шевченко
Художественный редактор А. Н. Посохов
Технический редактор Н. Б. Хохлова
Корректор Т. В. Киевская

ИБ № 996

Сдано в набор 01.12.83. Подписано к печати 30.04.84. ВЛ 04636. Формат 70х90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. 19,89 усл. печ. л. 20,18 усл. кр.-отт. 21,56 уч.-изд. л. Тираж 30 000 экз. Заказ 3357. Цена 1 р. 60 к. Хабаровское книжное издательство Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 680620, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31. Типография № 1 краевого управления издательств, полиграфии и книжной торговли. 680620, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

